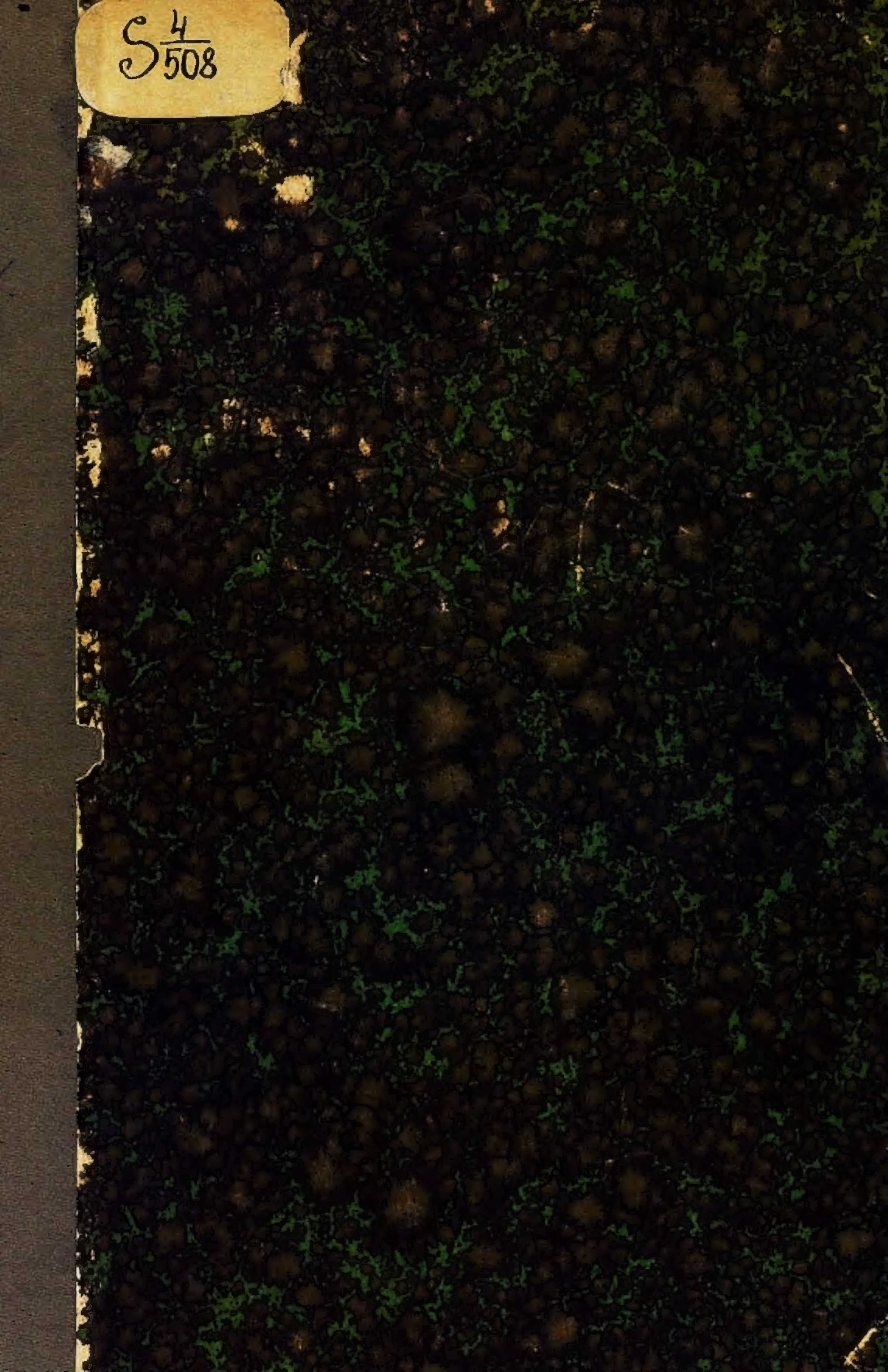

S 4/508

4/508

М. Догель.

Юридическое положеніе личности во время сухопутной войны.

Комбатанты.

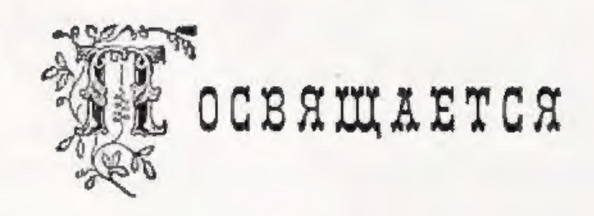
„La guerre est une relation d'Etat à Etat, et non d'individu à individu. Entre deux ou plusieurs nations belligérantes, les particuliers dont ces nations se composent ne sont ennemis que par accident; ils ne le sont point comme hommes, ils ne le sont même pas comme citoyens; ils le sont uniquement comme soldats".

Portalis.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1894.

Дозволено цензурою. Казань, 3 Іюля 1894 года.

Дорогому моему отцу

и

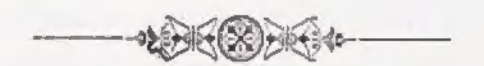
незабвенной памяти

моей милой матери.

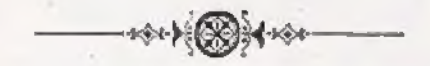
ПРЕДИСЛОВІЕ.

Приступая къ настоящему очерку, мы прежде всего считаемъ необходимымъ пояснить въ краткихъ словахъ какъ планъ задуманнаго нами сочиненія, такъ и тѣ мотивы, которые руководили нами при избраніи настоящей темы.—Вопросъ объ юридическомъ положеніи человѣческой личности во время войны является однимъ изъ самыхъ интересныхъ вопросовъ всего международнаго права и рѣшеніе его весьма важно для возможной гуманизаціи самой войны: только опредѣливъ точно и ясно права и обязанности воюющихъ государствъ по отношенію къ человѣческой личности, можно надѣяться на извѣстное смягченіе ужасовъ войны, на подчиненіе ея проявленій извѣстнымъ юридическимъ нормамъ. Между тѣмъ, не смотря на обиліе литературы, посвященной изученію вопросовъ права войны, можно указать только на одно сочиненіе Геля: „La guerre continentale et les personnes“, которое было-бы спеціально посвящено всестороннему изученію этого вопроса.—Мы задались цѣлью восполнить этотъ пробѣлъ и дать по возможности полное историческое и догматическое изложеніе юридическаго положенія человѣческой личности во время войны, раздѣливъ это изложеніе на двѣ самостоятельныя монографіи, изъ которыхъ первая, посвященная изученію правъ и обязанностей активныхъ комбатантовъ, составляетъ содержаніе настоящей книги.—Второй выпускъ будетъ содержать въ себѣ обзоръ юридическаго положенія пассивныхъ комбатантовъ и мирнаго населенія и представитъ изъ себя

отдѣльную монографію, которой мы намѣрены заняться въ непродолжительномъ времени.—Мы надѣемся, что нашъ трудъ, составленный по выше-намѣченному плану принесетъ хотя-бы и самое ничтожное содѣйствіе дѣлу выясненія обычаевъ и законовъ войны и послужитъ въ русской литературѣ дополненіемъ къ прекрасной монографіи проф. Мартенса „О частной собственности во время войны". Итакъ, настоящая книга будетъ нами исключительно посвящена вопросу объ юридическомъ положеніи активныхъ комбатантовъ.

Оглавленіе.

Глава I.

ОЧЕРКЪ ЛИТЕРАТУРЫ.

Приступая къ литературному очерку юридическаго положенія личности во время сухопутной войны, мы прежде всего должны замѣтить, что, такъ-какъ вообще право войны было однимъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые привлекли на себя вниманіе писателей по международному праву еще за долго до Гроція, и такъ-какъ нѣтъ такого полнаго или сокращеннаго руководства по международному праву, въ которомъ не было-бы отведено мѣсто занимающимъ насъ вопросамъ права войны, то представить полный критическій разборъ мнѣній всѣхъ писателей является настолько широкой задачей, что мы не могли включить её въ рамки нашего настоящаго труда. Кромѣ того, писатели одной и той-же эпохи и одного и того-же направленія обыкновенно представляютъ въ своемъ изложеніи болѣе или менѣе полное тождество взглядовъ, а потому мы ограничимся здѣсь тѣмъ, что постараемся дать возможно ясную, но краткую картину развитія въ наукѣ международнаго права вдгляда на права и обязанности личности во время войны; равнымъ образомъ, намъ казалось не лишнимъ представить критическій разборъ нѣкоторыхъ новѣйшихъ монографій, относящихся къ нашему вопросу, и при этомъ указать на главнѣйшія сочиненія, въ которыхъ читатель можетъ найти догматическія или историческія свѣдѣнія, касающіяся разбираемаго нами вопроса.

Право войны явилось однимъ изъ первыхъ вопросовъ международнаго права, привлекшихъ на себя вниманіе писателей, какъ юристовъ, такъ и богослововъ и философовъ; отдѣльными вопросами права войны занимались еще канонисты XIII и XIV в., Ѳома Аквинскій, де Суза, Горкумъ и др., а также, въ XIV и XV в., цивилисты, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательными являются Бартолъ, писавшій о репрессаліяхъ, Іоаннъ де Линьяно, Оноре Боне, Христина Пизанская; въ XVI в. появилось много монографій нѣмецкихъ, испанскихъ и итальянскихъ писателей, касающихся права войны, таковы сочиненія Лориха, Мартини, Швабе, Неймайера фонъ Рамсла, Маттеи, Гвереро, Франциска Суареца и *Франциска а Викторія.*— Викторія [1]) (1480—1546), бывшій профессоромъ университета въ Саламанкѣ, первый болѣе подробно трактуетъ о правѣ войны и разсматриваетъ права побѣдителя и обязанности побѣжденнаго, равно какъ и вопросъ о томъ, какими средствами позволительно пользоваться для нанесенія вреда непріятелю при веденіи войны [2]). Основной принципъ, выставляемый имъ, тотъ, что на войнѣ дозволено все то, что ведетъ къ достиженію цѣли войны, принципъ до сихъ поръ имѣющій свое примѣненіе въ правѣ войны и сохранившій свое значеніе, хотя нѣсколько въ другой формулировкѣ. Мартенсъ же въ своемъ сочиненіи „о Правѣ частной собственности во время войны“ [3]) отождествляетъ его съ принципомъ іезуитовъ, что цѣль оправдываетъ средства. Хотя оба принципа весьма схожи съ перваго взгляда, но ихъ слѣдствія совершенно различны: между тѣмъ, какъ принципъ іезуитовъ ведетъ къ отрицанію всякаго права, принципъ права войны—что на войнѣ должно быть допущено только то насиліе, которое оправдывается военной не-

---

[1]) Сочиненіе его озаглавлено: «Relectiones theologicae» и издано было въ 1557 г. «Relectiones theologicae XII in duos tomos divisae». Lugduni, 1557. Свѣдѣнія и разборъ нѣкоторыхъ сочиненій писателей до Гроція можно найти у Ниса.—*Nys* «Le droit de la guerre et les précurseurs de Grotius», 1882, а разборъ его книги у гр. Камаровскаго «Обзоръ современной литературы».

[2]) Relectio sexta: de jure belli.

[3]) См. стр. 72 названнаго сочиненія.

обходимостью—оправдывается достиженіемъ непосредственной цѣли войны, ведетъ къ ограниченію примѣненія насилія и служитъ основаніемъ многихъ обычаевъ и законовъ войны. Викторія, однако, считаетъ, строго юридически говоря, право побѣдителя надъ побѣжденнымъ неограниченнымъ, но, на основаніи естественнаго права, онъ требуетъ извѣстныхъ смягченій этого неограниченнаго права побѣдителя (temperamenta); такъ, онъ требуетъ пощады мирнымъ жителямъ, освобожденія военноплѣнныхъ за выкупъ и отвергаетъ обращеніе ихъ въ рабство[4]). Въ обезпеченіе прочности заключеннаго мира, онъ дозволяетъ побѣдителю требовать отъ побѣжденнаго выдачи оружія и заложниковъ; по поводу репрессалій онъ высказалъ глубоко вѣрную и гуманную мысль, къ сожалѣнію до сихъ поръ еще не вполнѣ вошедшую въ теорію и практику права войны, что никто не долженъ страдать за вину другихъ. Сочиненіе Викторія проникнуто гуманнымъ духомъ и если онъ иногда и высказываетъ противорѣчащія мнѣнія, то это происходитъ главнымъ образомъ потому, что онъ стремится, подобно всѣмъ писателямъ того времени и даже значительно позднѣйшаго періода, основать право войны (jus stricti belli) на римскомъ правѣ.—Гуманность взглядовъ сильно чувствуется также и у другаго писателя того-же періода Суареца, но, подобно Викторія, онъ часто ей противорѣчитъ, желая основать право войны на римскомъ правѣ.

Въ концѣ XVI в. появился другой писатель, итальянецъ, воспитанникъ университета въ Перуджіи Альбертъ Гентилисъ (1552—1608). Если Гроція можно назвать отцемъ международнаго права, то Гентилиса слѣдуетъ признать учителемъ Гроція. Гентилисъ, вслѣдствіе своихъ религіозныхъ убѣжденій (онъ былъ протестантомъ), эмигрировалъ въ Англію и здѣсь въ 1598 издалъ книгу спеціально посвященную праву войны; сочиненіе его носитъ заглавіе: „De jure belli, libri tres“ и уже самимъ

---

[4]) § 42 «Jure gentium inter christianos videtur receptum ut christiani jure bello non fiant servi».

своимъ заглавіемъ напоминаетъ знаменитую книгу Гроція. Хотя Гентилисъ и сознается, что право войны и вообще международное право не были извѣстны римскимъ юристамъ, однако самъ постоянно опирается на цитаты римскихъ юристовъ и на примѣры изъ римской исторіи и потому постоянно уклоняется отъ просвѣчивающаго въ его книгѣ духа гуманности и впадаетъ, подобно Викторія, по его мнѣнію, въ частыя противорѣчія. Права воюющихъ у него въ сущности являются неограниченными, а единственное истинное право, есть право сильнаго. Замѣчательно его опредѣленіе войны, какъ борьбы, или, какъ онъ говоритъ, правильнаго процесса между вооруженными силами государствъ [5])—опредѣленіе, дающее понятіе о войнѣ, какъ о борьбѣ между государствами, какъ самостоятельными юридическими личностями. Непріятелемъ у Гентилиса является все государство, а потому онъ не допускаетъ различія между комбатантами и мирными жителями; всѣ граждане воюющихъ государствъ должны одинаково терпѣть вмѣстѣ съ государствомъ, часть котораго они составляютъ [6]). Однако, нѣсколько далѣе, онъ требуетъ пощады для беззащитныхъ и просящихъ помилованія, женщинъ и дѣтей [7]), и признаетъ, что врагъ долженъ стараться щадить земледѣльцевъ, купцовъ и иностранцевъ [8]), но все это не на основаніи права, а на основаніи общности религіи и человѣческой природы. Гентилисъ ревностно защищаетъ право убѣжища, считаетъ, что военноплѣнные, добровольно отдавшіеся непріятелю и не выказывающіе намѣренія сопротивляться, не должны быть убиваемы; однако, онъ дозволяетъ обращеніе ихъ въ рабство [9]), и въ этомъ отношеніи стоитъ ниже не только Викторія, но и современной ему прак-

---

[5]) «De jure belli, libri tres». Hanoviae, 1598. Lib. I. cap. II. p. 17. «Bellum est publicorum armorum contentio».

[6]) — Lib. II. Cap. XVIII. p. 379.

[7]) — Lib. II. Cap. XX, cap. XXI: de pueris et feminis.

[8]) — Lib. II. Cap. XXII.

[9]) — Lib. II. Cap. XVI. p. 350; Cap. XVII. p. 351.

тики войны, допускавшей повсемѣстно въ XVI ст. выкупъ плѣнныхъ и совершенно отказавшейся отъ обращенія ихъ въ рабовъ. — Вообще гуманная сторона у Гентилиса менѣе развита чѣмъ юридическая, а такъ-какъ свое право войны онъ обосновывалъ на римскомъ правѣ, то нечего удивляться суровости высказываемыхъ имъ положеній.

Изъ предшественниковъ Гроція мы должны упомянуть здѣсь объ одномъ писателѣ, насколько намъ извѣстно, совершенно незнакомомъ большинству ученыхъ, посвятившихъ себя изученію международнаго права, а между тѣмъ весьма замѣчательномъ, какъ съ той точки зрѣнія, что этотъ писатель славянинъ,—полякъ, такъ и по нѣкоторымъ высказываемымъ имъ взглядамъ; писатель этотъ—Андрѣй *Моджевскій* (Modrzewski) (род. 1503 † 1572). Его сочиненіе „De emendanda Republica", Basileae apud Oporinum 1599, посвящено различнымъ вопросамъ внутренняго управленія, уголовнаго права, народнаго образованія и пр. а также между прочимъ, содержитъ въ себѣ главу „*о войнѣ*", въ которой онъ начинаетъ съ того, что проводитъ различіе между справедливой и несправедливой войной и совѣтуетъ вообще избѣгать войнъ. Но разъ война оказалась необходимой, то раньше чѣмъ прибѣгнуть къ этому крайнему средству, Моджевскій совѣтуетъ попытаться уладить возникшее между государствами недоразумѣніе при помощи третейскаго международнаго суда, при чемъ, судьями могутъ быть или государи иныхъ державъ, или даже подданные спорящихъ сторонъ, освобожденные на этотъ случай отъ подданнической присяги. Такимъ образомъ, Моджевскій былъ однимъ изъ первыхъ писателей высказавшихся за установленіе международнаго третейскаго трибунала, и уже одна эта мысль достаточна для признанія въ немъ глубокаго мыслителя и гуманиста. Далѣе, онъ требуетъ неприкосновенности частной собственности во время войны, введенія въ войскахъ строгой дисциплины и строгаго надзора высшихъ военныхъ властей надъ солдатами въ занятой непріятельской территоріи, дабы личность и имущество мирныхъ гражданъ не зависѣли отъ произвола каждаго отдѣльнаго солдата. Желающіе подробнѣе ознакомиться со взглядами Мод-

жевскаго могутъ найти подробный разборъ его сочиненія въ книгѣ Тарновскаго: Tarnowski St. „Pisarze polityczni XVI wieku“. Kraków. 1886. T. I. str. 140—230.

Въ 1583 г. 10 апрѣля родился въ Голландіи отецъ науки международнаго права *Гуго Корнетсъ де Гроотъ*, обыкновенно называемый Гуго Гроціемъ; первоначально онъ занималъ различныя видныя политическія должности, между прочимъ Генералъ-Фискала (адвоката) для штатовъ Голландіи, Зеландіи и Западной Фрисландіи, затѣмъ Пенсіонера города Роттердама и члена Генеральныхъ Штатовъ. Вслѣдствіе политическихъ событій онъ былъ осужденъ въ 1618 г. на вѣчное заключеніе въ крѣпости Лёвенштейнъ, откуда ему однако удалось бѣжать во Францію, гдѣ онъ прожилъ десять лѣтъ и гдѣ написалъ и въ первые издалъ свою знаменитую книгу „De jure belli ac pacis“, послужившую на долгое время прототипомъ всѣхъ сочиненій, посвященныхъ международному праву. Въ 1630 г. онъ получилъ возможность вернуться въ Голландію, но не могъ однако привести въ исполненіе свое желаніе поселиться тамъ на-всегда, и снова уѣхалъ изъ своего отечества, на этотъ разъ, въ Гамбургъ; здѣсь онъ получилъ приглашеніе поступить на шведскую службу, на которую и поступилъ въ 1634 г.; но и тутъ Гроцію не пришлось долго оставаться; выйдя со шведской службы, онъ уѣхалъ обратно въ Голландію и на дорогѣ, потерпѣвъ крушеніе у г. Ростока, заболѣлъ и умеръ 28 августа 1645 г. Книга Гроція, „Libri tres de Jure Belli ac Pacis“, настолько извѣстна, что мы не будемъ подробно разбирать ея содержаніе, а укажемъ только на тѣ мѣста въ ней, которыя относятся непосредственно до выбранной нами темы; всѣ эти мѣста мы находимъ въ III книгѣ названнаго сочиненія, а именно: Гл. 1. Quantum in bello liceat, regulae generales ex jure naturae, ubi et de dolis et mendacio.

Гл. 2. — ubi de repressaliis.

Гл. 4. — de jure interficiendi hostes in bello solenni et alia vi in corpus.

Гл. 7. — de jure in captivos.

Гл. 8. — de imperio in victos.

Гл. 11. Temperamentum circa jus interficiendi in bello justo.

Гл. 14. Temperamentum circa captos.

Гл. 19. De fide inter hostes.

Вообще, Гроцій съ самаго начала высказываетъ ошибочный взглядъ на войну, какъ на видъ судебнаго разбирательства, при которомъ побѣжденный является виновной стороной и, слѣдовательно, лишеннымъ всякихъ правъ. Хотя Гроцій и возстаетъ противъ мнѣнія древнихъ писателей, что съ началомъ войны теряютъ силу всѣ законы и признаетъ, что если это справедливо для законовъ государственныхъ, то совершенно невѣрно относительно вѣчныхъ законовъ естественнаго права, основанныхъ на природѣ и на согласіи народовъ; тѣмъ не менѣе, исходя изъ вышеприведеннаго опредѣленія войны, а также благодаря тому, что все-же его сочиненіе въ сильной степени опирается на ученія римскихъ юристовъ и на примѣры изъ древней исторіи, онъ доходитъ до полнаго отрицанія, со строго юридической точки зрѣнія, всякихъ правъ за побѣжденными. Онъ признаетъ за побѣдителемъ право жизни и смерти надъ побѣжденнымъ, и смотритъ на рабство не только какъ на вещь вполнѣ допустимую, но еще и на какъ особую милость для побѣжденныхъ, которые могутъ быть просто убиваемы побѣдителемъ. Однако, говоритъ онъ, гуманность и справедливость должны вносить въ суровое, строго-юридическое право войны (jus strictum) извѣстныя ограниченія, смягченія—temperamenta; эти ограниченія, допускаемыя Гроціемъ, являются еще теперь весьма замѣчательными. Что касается вопроса, кого слѣдуетъ признавать на войнѣ законнымъ врагомъ, то Гроцій повторяетъ мнѣніе Гентилиса, что съ объявленіемъ войны однимъ государствомъ другому, всѣ подданные обѣихъ воюющихъ сторонъ превращаются въ взаимныхъ непріятелей и потому, въ принципѣ, всякое насиліе противъ всякаго подданнаго враждебнаго государства, безъ различія пола и возраста, должно быть допущено на войнѣ; но и здѣсь опять гуманность и естественное право вносятъ свои temperamenta относительно женщинъ, дѣтей и

обезоруженныхъ, или плѣнныхъ враговъ. Для того, чтобы принимать активное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ лицё не нуждается въ какомъ-либо правительственномъ разрѣшеніи, но всякое лицё, принадлежащее къ подданнымъ воюющихъ державъ, имѣетъ eo ipso право наносить вредъ всякому подданному враждебнаго государства [10]).—Книга Гроція выдержала огромное количество изданій и послужила основаніемъ для многочисленныхъ комментаріевъ и дополненій. Изъ комментаторовъ Гроція мы укажемъ здѣсь І. Ф. Фельдена, Бёклера, Гроновіуса, Бекмана и въ особенности на двухъ Кокцеи, Генриха и Самуила; перу послѣдняго принадлежитъ также отдѣльная монографія „De armis illicitis", въ которой онъ возстаетъ противъ употребленія на войнѣ вѣроломнаго убійства, отравленнаго оружія, картечи, зубчатыхъ пуль и т. п.

Послѣ Гроція въ наукѣ международнаго права появились два противуположныя направленія, изъ которыхъ одно держалось системы самого Гроція и основывало все международное право на правѣ естественномъ; другое-же, напротивъ, стремилось ввести въ науку положительный элементъ, заимствованный изъ существовавшихъ въ то время обычаевъ войны—позитивисты. Первымъ замѣчательнымъ представителемъ естественно-философской школы послѣ Гроція является *Самуилъ Пуффендорфъ*; въ своей книгѣ „De jure naturae et gentium libri octo" Londini Scanorum 1672, онъ считаетъ войну состояніемъ противнымъ человѣческой природѣ и допустимымъ только по необходимости. Принимать участіе въ войнѣ лицё имѣетъ право только съ разрѣшенія государства, къ которому оно принадлежитъ [11]), но отношенія между воюющими сторонами, будучи основаны на естественномъ правѣ, регулируются не правомъ (jus strictum), а силой и всякое ограниченіе насилія побѣдителя надъ побѣжденнымъ является требованіемъ не права, а гуманности; вообще онъ почти всюду повторяетъ ученіе Гроція. Въ свою очередь,

---

[10]) *Grotius*—lib. III. Cap. 18. de his quae in bello publico privatim fiunt.

[11]) Puffendorf op. cit. Lib. VIII. cap. 6. § 21.

мысли Пуффендорфа были отчасти развиты его ученикомъ Томазіемъ и въ послѣдствіи Вольфомъ, который, впрочемъ, начинаетъ уже уклоняться отъ чисто абстрактно-философскаго пониманія международнаго права и начинаетъ вводить въ науку начало положительнаго права. Сочиненіе Вольфа „Jus gentium methodo scientifica pertractum etc." 1749, подверглось основательной обработкѣ другаго ученаго, обработкѣ настолько удачной, что превзошла свой оригиналъ и долгое время считалась лучшимъ сочиненіемъ по международному праву; мы хотимъ указать здѣсь на извѣстное сочиненіе Ваттеля „Le droit des gens, ou principes de la loi naturelle appliqués à la conduite et aux affaires des nations et des souverains" 1758. Сочиненіе это представляетъ изъ себя соединеніе абстрактно-философскаго и положительнаго методовъ. Для Ваттеля война есть состояніе, при которомъ государство стремится силой достигнуть своего права [12]). Право объявлять и вести войну принадлежитъ только государствамъ [13]) и потому подданные имѣютъ право принимать въ ней активное участіе только съ разрѣшенія своего правительства; но эта необходимость правительственнаго разрѣшенія для активнаго участія лица въ военныхъ дѣйствіяхъ вытекаетъ не изъ какой либо обязанности комбатанта по отношенію къ врагу, а изъ основныхъ государственныхъ законовъ всякаго народа. По отношенію-же къ непріятелю, de jure всякій гражданинъ воюющаго государства является естественнымъ врагомъ каждаго гражданина противнаго государства; слѣдовательно, правило, требующее отъ лица наличности извѣстнаго правительственнаго приказанія, разрѣшающаго ему активно принимать участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ относится, собственно говоря, не къ международному праву, а къ праву государственному. Если-же смотрѣть на вопросъ участія лица въ военныхъ дѣйствіяхъ исключительно съ точки зрѣнія международнаго права, то по Ваттелю слѣдуетъ, что разъ два го-

---

[12]) Vattel op. cit. Liv. III. ch. 1. § 1.

[13]) Vattel op. cit. Liv. III. ch. 15. § 223.

сударства объявили другъ другу войну, всѣ подданные одного дѣлаются врагами всѣхъ подданныхъ другаго государства и могутъ наносить другъ другу какой угодно вредъ. Но, добавляетъ Ваттель, строгое проведеніе на практикѣ этого начала повело-бы къ ужаснымъ кровопролитіямъ и война сдѣлалась-бы крайне жестокой, а потому надо признать вполнѣ разумнымъ и справедливымъ обычай европейскихъ народовъ вести войну исключительно при помощи регулярныхъ войскъ. Войну ведутъ войска, остальное же народонаселеніе остается въ сторонѣ. Необходимость извѣстнаго порядка даже на войнѣ указала воюющимъ на потребность установить обычай, по которому мирные жители, нападающіе на врага, подвергаются съ его стороны жестокимъ наказаніямъ. Однако могутъ быть случаи, когда мирные подданные имѣютъ право предполагать, что ихъ участіе на войнѣ можетъ быть полезно ихъ государю и тогда они могутъ sua sponte взяться за оружіе, напр. для того чтобы отбить у непріятеля взятую имъ крѣпость [14]). Въ этомъ отношеніи, какъ видно изъ изложеннаго, Ваттель повторяетъ мнѣнія Гроція и его послѣдователей и стоитъ на принятой ими исходной точки зрѣнія, что война между государствами есть вмѣстѣ съ тѣмъ и война между всѣми ихъ подданными. Относительно дозволеннаго и недозволеннаго оружія, Ваттель высказывается противъ употребленія на войнѣ каленыхъ и цѣпныхъ ядеръ, осколковъ желѣза и стекла, фигурныхъ пуль и т. п. [15]).—Нарушеніе даннаго слова онъ считаетъ преступнымъ, но примѣненіе къ войнѣ обмана, подкупа и вообще всякихъ, даже безнравственныхъ средствъ, могущихъ побудить отдѣльныхъ лицъ къ измѣнѣ, но несопряженныхъ съ нарушеніемъ даннаго слова, дозволенными и законными. Вообще воюющіе имѣютъ право лишать жизни всякаго врага, по обычай и гуманность требуютъ оказывать пощаду сдающемуся или обезоруженному непріятелю, если только это не противорѣчитъ

[14]) Vattel op. c. III. ch. 15. § 228.

[15]) Vattel op. c. III. § 155—157; 166; 167.

собственной пользѣ побѣдителя [16]). Ваттель главнымъ образомъ замѣчателенъ какъ популяризаторъ ученія о международномъ правѣ Гроція, а также и тѣмъ, что часто опирается въ своемъ изложеніи на положительные современные ему факты, но новаго взгляда на теорію права войны онъ въ науку не внесъ.

Положительная школа основала свое ученіе, въ противуположность Гроцію и его послѣдователямъ, не на абстрактно-философскомъ мышленіи, а на положительныхъ источникахъ международнаго права, обычаяхъ, трактатахъ и практикѣ международныхъ отношеній. Писатели положительной школы отвергали какъ естественное право, такъ и вообще всякія теоретическія обобщенія; основателемъ этой школы можно считать англичанина Зёча, написавшаго въ 1650 г. свое „Jus inter gentes"; сюда относятся также нѣмецкіе ученые Рахель и Текстор, пользовавшіеся впрочемъ ограниченнымъ успѣхомъ. Но самымъ типичнымъ и крайнимъ представителемъ позитивизма является безспорно Іоаннъ Яковъ *Мозеръ* (1701—1785), большую часть своей жизни проведшій на различныхъ государственныхъ должностяхъ и оставившій послѣ себя цѣлую библіотеку своихъ сочиненій. Для Мозера международное право войны является главнымъ образомъ собраніемъ дѣйствующихъ обычаевъ, конвенцій и договоровъ и потому его сочиненія до сихъ поръ еще представляютъ хорошій источникъ историческихъ документовъ; вся его задача, указать на существующіе обычаи права войны и подкрѣпить ихъ возможно наибольшимъ количествомъ примѣровъ; обобщеній у него нѣтъ, да онъ и самъ находитъ, что „сужденія частныхъ лицъ о государственныхъ дѣлахъ и международныхъ надо признать безполезными и даже неприличными". Чтобы дать понятіе о томъ, насколько сочиненія Мозера и вообще позитивистовъ мало-научны съ современной точки зрѣнія, мы приведемъ здѣсь его взглядъ на то, кто долженъ быть признаваемъ на войнѣ законнымъ комбатантомъ. Въ своемъ капитальномъ трудѣ („Versuch des neuesten europaeischen Voel-

---

[16]) Vattel op. c. Liv. III. ch. VIII. § 151.

kerrechts in Friedens-und Kriegszeiten". 1778—1780), онъ совершенно не даетъ опредѣленія войны; онъ просто говоритъ, что всякій государь, если онъ имѣетъ основаніе бояться непріятельскаго вторженія, имѣетъ право предписать своимъ подданнымъ готовиться къ войнѣ и можетъ съ этою цѣлью кромѣ регулярнаго войска еще созвать и милицію [17]). Вопросъ о томъ, въ правѣ-ли непріятель отказывать такой милиціи въ правахъ законныхъ комбатантовъ, Мозеромъ не рѣшенъ и онъ удовольствовался только тѣмъ, что привелъ примѣръ изъ современной ему войны Австріи съ Баваріей, во время которой Австрія считала созывъ милиціи Баварскимъ правительствомъ противузаконнымъ средствомъ веденія войны [18]). Что-же касается подданныхъ государства, возстающихъ съ оружіемъ въ рукахъ противъ вторгающагося врага, или противъ врага, уже занявшаго территорію даннаго государства, то тутъ, говоритъ Мозеръ, надо различать нѣсколько случаевъ, къ разсмотрѣнію которыхъ онъ и переходитъ, но въ заключеніи онъ ничего не говоритъ, въ чемъ эти различія отражаются на юридическомъ положеніи лицъ, или какое должно быть съ ними поведеніе непріятеля [19]). Въ другомъ своемъ сочиненіи: „Grundsaetze des europaeischen Voelkerrechts in Kriegszeiten" 1752, Мозеръ высказывается нѣсколько яснѣе и опредѣленнѣе: война, говоритъ онъ, начинается тогда, когда государь употребляетъ свои вооруженныя силы (bewaffnete Mannschaft) съ цѣлью причинить вредъ другому государю или его подданнымъ [20]); если подданные, мирные жители, берутся за оружіе по приказу своего государя, то съ ними обыкновенно не поступаютъ строже, чѣмъ съ солдатами регулярныхъ войскъ;—тутъ онъ приводитъ нѣсколько историческихъ примѣровъ, преимущественно изъ войнъ между нѣмецкими государями. Впрочемъ, говоритъ далѣе Мозеръ, это-

---

[17]) Versuch. XVIII. 6. § 4.

[18]) Versuch. XVIII. 6. § 23.

[19]) Versuch. XVIII. 6. § 26.

[20]) Grundsaetze II. 1. § 2.

го не должно случаться даже и тогда, когда мирное населеніе берется за оружіе безъ приказа своего правительства: но тамъ, гдѣ непріятель остался побѣдителемъ, мирное населеніе обязано не оказывать ему сопротивленія [21]).—Вообще, сочиненія Мозера представляются какими-то отрывочными свѣдѣніями, лишенными общаго научнаго основанія.

Еще при жизни Мозера явился замѣчательный публицистъ Корнелій фанъ *Бинкерсгукъ* (1673—1743), пытавшійся соединить философское направленіе съ положительнымъ и такимъ образомъ избѣжать противуположныхъ крайностей, въ которыя вдались представители обѣихъ школъ. Вопросы права войны онъ разсмотрѣлъ въ своемъ сочиненіи „Questionum juris publici, libri duo“. Lugduni Batavorum, 1737. За основную идею своего метода изученія онъ принялъ то положеніе, что всѣ разсужденія должны быть основаны на разумѣ и что нельзя признавать такихъ авторитетовъ, умозаключенія которыхъ не выдерживаютъ логической критики [22]). Международное право основано на двухъ источникахъ—на разумѣ и на международныхъ обычаяхъ, трактатахъ и актахъ внутренняго законодательства (pacta, edicta). Если представляется спорный вопросъ международнаго права, то онъ долженъ быть рѣшенъ сперва разумомъ, а если это невозможно, то слѣдуетъ обратиться къ опыту исторіи. Историческіе примѣры у Бинкерсгука всегда заимствованы изъ современной ему жизни, такъ-какъ, говоритъ онъ, „ut mores gentium mutantur, sic et mutatur jus gentium“ [23])—мысль замѣчательно вѣрная и на которой должно быть построено все дальнѣйшее развитіе международнаго права. Война, по Бинкерсгуку, есть борьба между полновластными государствами, имѣющая цѣлью возстановленіе права посредствомъ силы и хитрости [24]).—Для него не существуетъ различія между

---

[21]) Grundsaetze. II. 6. § 8—§ 11.

[22]) Quaestiones—ad Lectorem: «Nulla ullorum hominum auctoritas ibi valet, si ratio repugnet».

[23]) Quaestiones—ad Lectorem.

[24]) Quaestiones Lib. I. Cap. 1.

комбатантомъ и мирнымъ жителемъ, такъ-какъ война ведется противъ государя, а ему принадлежатъ всѣ его подданные; подобно тому, какъ мы задерживаемъ нашего должника и все ему принадлежащее, такъ точно, объявляя войну государю, мы объявляемъ её, eo ipso, всѣмъ его подданнымъ безъ исключенія [25]). Общее правило войны есть неограниченная воля воюющихъ сторонъ, поэтому дозволено убивать предательски врага, отравлять его и, вообще, вредить непріятелю всѣми средствами [26]). Неограниченныя права воюющихъ государствъ не подлежатъ никакимъ ограниченіямъ или смягченіямъ, и Бинкерсгукъ видитъ главную ошибку Гроція и другихъ послѣдующихъ писателей именно въ томъ, что, допуская такія temperamenta примѣненія силы на войнѣ, они постоянно смѣшивали два совершенно различныя понятія—справедливость и великодушіе, тогда-какъ все, основанное на войнѣ, всякое насиліе во время ея веденія является справедливымъ. Побѣдителю всегда принадлежитъ безусловное право жизни и смерти надъ всѣми безъ исключенія подданными побѣжденнаго государства; ограниченія этого права могутъ быть сдѣланы только самимъ побѣдителемъ изъ милосердія и великодушія, но отнюдь не какими либо юридическими нормами. Бинкерсгукъ, собственно говоря, является отрицателемъ права войны, но тѣмъ не менѣе онъ оказалъ важную услугу наукѣ, показавъ недостатки какъ положительной, такъ и философской школы естественнаго права, выяснивъ различіе между правомъ и нравственностью и подготовивъ такимъ образомъ путь для дальнѣйшаго, истинно-научнаго развитія права войны въ частности и вообще всего международнаго права.

Легко видѣть, что никто изъ приведенныхъ нами писателей, къ какой-бы школѣ онъ не принадлежалъ, не далъ юридическаго основанія права войны; одни совершенно отвергаютъ это право, понимая его только какъ право безграничнаго при-

---

[25]) Quaestiones Lib. I. Cap. 1. p. 191.

[26]) Quaestiones Lib. I. Cap. 1. p. 192.

мѣненія силы; другіе, подобно Мозеру, указываютъ на существующіе въ военной практикѣ современной имъ жизни международные обычаи и договоры, которыми это примѣненіе насилія ограничивается, но не выводятъ изъ этихъ обычаевъ какихъ либо общихъ теоретическихъ выводовъ; наконецъ третьи, Гроцій и представители естественнаго права, допуская абсолютное право воюющихъ государствъ причинять другъ другу всевозможный вредъ, требуютъ во имя гуманности (caritas), чтобы побѣдитель самъ ограничивалъ и смягчалъ это жестокое jus strictum войны. Если у всѣхъ этихъ писателей мы и находимъ требованія о пощадѣ мирныхъ жителей, военно-плѣнныхъ и обезоруженныхъ враговъ, о неупотребленіи на войнѣ извѣстнаго рода оружія, о соблюденіи даннаго непріятелю слова и т. п., то всѣ эти обязанности, возлагаемыя на комбатантовъ, суть обязанности нравственныя, а не правовыя. Можно сказать, что права войны, въ строгомъ смыслѣ этого слова мы не находимъ ни у одного изъ названныхъ писателей.

Честь созданія истинной современной науки права войны принадлежитъ извѣстному нѣмецкому ученому Георгу Фридриху *Мартенсу*, ученіе котораго о войнѣ и о правахъ и обязанностяхъ человѣческой личности легло въ основаніе всѣхъ послѣдующихъ сочиненій, трактующихъ объ этомъ вопросѣ. Онъ впервые высказалъ ясно мысль, что война ведется только государствами и ихъ вооруженными силами, мирное-же населеніе не можетъ быть убиваемо, ни даже en masse выселяемо за предѣлы своего отечества.—Вообще ученіе Мартенса на столько замѣчательно и представляетъ такой огромный шагъ впередъ въ наукѣ, что мы должны подробнѣе съ нимъ познакомиться.

Георгъ Фридрихъ Мартенсъ (1756—1821) учился въ Гёттингенскомъ университетѣ, гдѣ впослѣдствіи занялъ профессорскую каѳедру. Въ 1785 г. онъ издалъ свое сочиненіе: „Primae lineae juris gentium Europaearum practici“, передѣлка котораго, подъ заглавіемъ: „Précis du droit des gens moderne de l'Europe“. 1789 г. дала ему всемірную извѣстность и долгое время считалось лучшимъ изъ новѣйшихъ сочиненій по междуна-

родному праву и до сихъ поръ еще не утратила своего значенія. Сочиненіе это выдержало очень много изданій и было комментировано, хотя и не особенно удачно, испанскимъ писателемъ Пинхейро-Феррейрой, потомъ Шарлемъ Верже [27]). Мартенсъ посвящаетъ праву войны III—VII книги 2 части своего сочиненія. Въ началѣ онъ даетъ весьма неудачное опредѣленіе войны, какъ состоянія, допускающаго неопредѣленное примѣненіе насилія между людьми [28]); право веденія войны онъ признаетъ только за государствами и отсюда выводитъ то положеніе, что только тѣ лица имѣютъ право активно участвовать въ войнѣ, которыя призваны къ тому своимъ правительствомъ; сюда относятся регулярныя войска и партизанскіе отряды (compagnies franches), имѣющіе правительственное разрѣшеніе [29]). Замѣтимъ здѣсь, что взглядъ Мартенса на законнаго комбатанта, какъ на лице, имѣющее разрѣшеніе отъ своего правительства на веденіе военныхъ дѣйствій, до сихъ поръ является преобладающимъ въ наукѣ и нашелъ себѣ на практикѣ горячихъ защитниковъ въ лицѣ прусскихъ военныхъ властей въ компанію 1870—71 г., а въ наукѣ этотъ взглядъ недавно также горячо защищалъ Гренандеръ [30]). Въ своемъ мѣстѣ мы постараемся доказать всю несостоятельность такого воззрѣнія и невозможность проведенія его на практикѣ.— Относительно поголовныхъ возстаній, Мартенсъ говоритъ, что, увеличивая число комбатантовъ, они увеличиваютъ и вредъ, наносимый войной, и потому не должны быть допускаемы; участники такихъ поголовныхъ возстаній не могутъ быть признаваемы законными комбатантами [31]). Мартенсъ выдѣляетъ изъ числа комбатантовъ т. н. пассивныхъ комбатантовъ (термина этого

---

[27]) «Précis du Droit des Gens moderne de l'Europe» par G.— F. de Martens augmenté de notes de Pinheiro-Ferreira et de Ch. Vergé —Paris. 1864.

[28]) Martens.—II. § 263. La guerre est un état permanant de violences indéterminées entre les hommes».

[29]) Martens—II. § 264; § 271.

[30]) *Greenander.*—«Sur les conditions nécessaires, selon le droit des gens, pour avoir, en guerre le droit d'être considéré et traité comme soldat. Paris, 1882.

[31]) Martens.—II. § 271. p. 229 (ed. Vergé—1864).

онъ не употребляетъ, но перечисляетъ главнѣйшіе виды такихъ пассивныхъ комбатантовъ, въ томъ числѣ докторовъ, хирурговъ и священниковъ), которые, согласно естественному праву, не могутъ быть намѣренно ни лишаемы жизни, ни ранены [32]), а согласно установившемуся обычаю, не подвергаются даже взятію въ плѣнъ; въ случаѣ-же нахожденія ихъ въ рядахъ сдавшагося въ плѣнъ отряда, отсылаются обратно въ армію [33]). Исходя изъ выставленнаго имъ въ началѣ IV главы 2 части принципа, что законная цѣль войны никогда не можетъ состоять въ уничтоженіи непріятеля, но только въ принужденіи его заключить миръ и дать то удовлетвореніе побѣдителю, котораго онъ стремился данной войной достигнуть, Мартенсъ находитъ, что само естественное право отвергаетъ употребленіе на войнѣ такихъ средствъ вредить врагу, которыя способны уничтожить всякую возможность сближенія между воюющими сторонами [34]). Къ такимъ средствамъ веденія войны онъ относитъ употребленіе яда, отравленіе колодцевъ и вѣроломное убійство; кромѣ того, иныя средства веденія войны, не противорѣча въ принципѣ основамъ естественнаго права, безъ нужды увеличиваютъ ужасы войны и употребленіе ихъ совершенно разумно не принято цивилизованными европейскими народами; къ такимъ средствамъ относятся: назначеніе извѣстной цѣны за голову извѣстнаго, или вообще всякаго, непріятельскаго комбатанта,—средство, допускаемое только иногда въ качествѣ репрессаліи—употребленіе на войнѣ извѣстнаго рода оружія, безъ нужды увеличивающаго страданія раненыхъ, напр. пушечные заряды, состоящіе изъ гвоздей и осколковъ желѣза, или стекла, зарядъ ружей двойной пулей, фигурной пулей, каленыя ядра, цѣпныя и т. п. [35]). Убійство на войнѣ Мартенсъ допускаетъ только какъ слѣдствіе необходимости побороть сопротивленіе врага, или отразить его нападеніе, откуда

---

[32]) Martens. II. § 272.

[33]) Martens. II. § 276.

[34]) Martens. II. § 270; § 273.

[35]) Martens. II. § 273.

слѣдуетъ, что не могутъ быть намѣренно лишаемы жизни: a) дѣти, женщины, старики и, вообще, всѣ мирные жители, b) пассивные комбатанты, c) комбатанты, когда, вслѣдствіе раны или болѣзни, или вслѣдствіе ихъ добровольнаго подчиненія, или взятія въ плѣнъ, они не могутъ оказывать дальнѣйшаго сопротивленія. Убійство обезоруженнаго врага допускается только какъ исключеніе: a) въ тѣхъ случаяхъ, когда этого требуетъ военная необходимость (raison de guerre), b) какъ видъ репрессалій, c) когда обезоруженный и взятый въ плѣнъ непріятель окажется виновнымъ въ уголовномъ преступленіи, напр. въ дезертирствѣ, или если онъ самъ нарушилъ обычаи и законы войны [36]). Взятый въ плѣнъ непріятель не можетъ быть обращенъ въ рабство, но только временно лишенъ свободы, до окончанія войны; когда война окончена, они должны быть освобождены или при помощи выкупа, или размѣна плѣнныхъ; допускается также освобожденіе военноплѣнныхъ, особенно офицеровъ, подъ честнымъ словомъ не принимать болѣе участія въ военныхъ дѣйствіяхъ въ теченіе всей данной компаніи; нарушеніе даннаго при этихъ условіяхъ честнаго слова влечетъ за собой для нарушившаго безчестіе, а въ случаѣ вторичнаго его захвата непріятелемъ—наказаніе смертью [37]). Плѣну подлежатъ только комбатанты. Пассивные комбатанты обыкновенно отсылаются плѣнившимъ ихъ въ армію плѣненныхъ; мирное населеніе также военному плѣну не подлежитъ и не можетъ быть переселяемо; но воюющія стороны имѣютъ право брать изъ числа мирныхъ жителей заложниковъ въ обезпеченіе какого-либо обязательства, заключеннаго между воюющими сторонами [38]). Однако, въ случаѣ неисполненія одной изъ воюющихъ сторонъ принятаго ею на себя обязательства, противная сторона ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ права уби-

---

[36]) Martens. II. § 272.

[37]) Martens. II. § 275.

[38]) Martens. II. § 277.

вать находящихся въ ея власти заложниковъ [39]). Кромѣ того, военному плѣну не подлежатъ, но наказываются смертью, лица, принявшія участіе въ войнѣ безъ разрѣшенія, или приказа на то своего правительства, солдаты, совершившіе насиліе безъ приказа своего начальства, дезертиры и перебѣжчики [40]). Монархъ и члены его семьи, принимающіе участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, подчиняются общимъ правиламъ; но современный, установившійся въ практикѣ обычай воспрещаетъ намѣренное убійство монарха, а равно предписываетъ, въ случаѣ плѣненія его, обращеніе, согласное съ достоинствомъ плѣненнаго, и воспрещаетъ подвергать монарха заключенію (détention) [41]). Убійство, или ограбленіе оставшихся на полѣ сраженія раненыхъ воспрещается. Обыкновенно, побѣдитель, удержавшій за собой поле сраженія, беретъ на себя заботу о раненыхъ, какъ своихъ, такъ и непріятельскихъ и хоронитъ убитыхъ; если-же сраженіе осталось нерѣшеннымъ и враги остались каждый на своей позиціи, то обыкновенно воюющія стороны заключаютъ кратковременное перемиріе для уборки убитыхъ и раненыхъ [42]). При осадѣ крѣпостей, дозволяется производить бомбардировку, но стараясь по возможности направлять огонь не на городъ, а на укрѣпленія. Воспрещается убійство гарнизона, отказавшагося отъ сдачи города на капитуляцію (passer au fil de l'épée) [43]). Относительно мирнаго населенія занятой непріятелемъ территоріи и его правъ и обязанностей по отношенію къ оккупанту, Мартенсъ говоритъ, что согласно военнымъ обычаямъ, установившимся до первой французской революціи, оккупація не измѣняетъ государственнаго строя занятой страны; но, что въ теченіе войнъ, послѣдовавшихъ послѣ этой революціи, французы стремились измѣнить во всѣхъ занятыхъ ими странахъ суще-

[39]) Martens. II. § 296.

[40]) Martens. II. § 276.

[41]) Martens. II. § 278.

[42]) Martens. II. § 285.

[43]) Martens. II. § 286.

ствовавшій политическій строй. Въ принципѣ, оккупантъ въ правѣ, по мнѣнію Мартенса, измѣнять законы занятой имъ страны, налагать подати и налоги, набирать рекрутовъ, а въ случаѣ неповиновенія населенія наказывать виновныхъ [44]). Вотъ, въ общихъ чертахъ, ученіе Мартенса о правахъ и обязанностяхъ личности во время войны. Хотя вопросъ этотъ разобранъ у него далеко не полно и хотя ученіе его во многихъ своихъ подробностяхъ, напр. относительно выкупа плѣнныхъ, запрещенія всякаго рода поголовныхъ возстаній и т. п., является нынѣ устарѣвшимъ, но тѣмъ не менѣе, сравнивая его книгу, съ одной стороны, съ сочиненіями предшествовавшихъ ему писателей, а съ другой, съ новѣйшими сочиненіями права войны, читателя невольно поражаетъ тотъ громадный шагъ впередъ, который былъ имъ сдѣланъ къ правильному пониманію права войны, какъ совокупности юридическихъ, а не нравственныхъ нормъ, и можно смѣло сказать, что всѣ законы и обычаи современнаго права войны были уже имъ намѣчены и изложены въ своихъ основныхъ частяхъ и притомъ изложены именно, какъ юридическіе законы войны, а не какъ temperamenta, основанные на гуманности и противорѣчащія строго-юридическому праву войны (jus strictum) Гроція и его послѣдователей. Недостатки Мартенса, недостатокъ самостоятельной критики и большое пристрастіе къ фактамъ сказались въ сильной степени въ сочиненіяхъ большинства писателей первой половины нашего столѣтія, особенно въ сочиненіяхъ англійскихъ и американскихъ юристовъ: Уитона [45]), Филлимора [46]), Траверсъ-Твиса [47]) и Галлека [48]). Изъ сочиненій, посвященныхъ международному праву и содержащихъ въ себѣ

---

[44]) Martens. II. § 280.

[45]) *Wheaton* «Elements of International Law». 2 vls. 1836. — Сочиненіе это издано съ подробными комментаріями въ передѣлкѣ *Lawrence'a* 1880 г.

[46]) *Phillimore.* «Commentaries upon International Law». London. 1854—1861, 4 vols.

[47]) *Travers-Twiss.* «The Law of nations considered as independent political communities». 2 vols. 1861.

[48]) *Halleck.* «International Law». 1878.

изложеніе законовъ и обычаевъ права войны, послѣ сочиненія Мартенса, мы укажемъ здѣсь на книги Заальфельда [49]), Шмельцинга [50]), Шмальца [51]) и въ особенности Клюбера [52]); послѣдняя написана строго-юридическимъ, яснымъ и точнымъ языкомъ. Но всѣ эти сочиненія, собственно для развитія права войны, имѣютъ второстепенное значеніе, и мы на ихъ разборѣ останавливаться не будемъ, а укажемъ здѣсь на монографію, появившуюся въ 1820 г. и содержащую въ себѣ одну замѣчательную мысль, которой суждено было развиться въ 60-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія и положить основаніе настоящему международному законодательству, касательно больныхъ и раненыхъ воиновъ. Это статья нѣмецкаго доктора медицины Фауста, вышедшая первоначально въ „Kaiserlich. Privileg. Reichsanzeiger'ѣ за 1805 г. и содержащая въ себѣ предложенія о неприкосновенности во время войны военныхъ лазаретовъ; нѣсколько позже, именно въ 1820 г., вышла въ свѣтъ книга доктора *Вассерфура*: dr. Wasserfuhr „Beitrag für die Reform der Königl. Preuss. Militair-Medizinal Verfassung etc.“ 1820, въ которой авторъ требовалъ полной нейтрализаціи раненыхъ, больныхъ, медицинскаго персонала и госпиталей и высказывалъ въ сущности всѣ тѣ положенія, которыя позже были выставлены Женевской конвенціей 1864 г. [53]).

Въ 1844 г. издалъ въ первый разъ свою книгу „Europäisches Völkerrecht der Gegenwart auf den bisherigen Grundlagen“ извѣстный нѣмецкій ученый *Гефftеръ*. Сочиненіе Гефftера имѣло громадный успѣхъ, выдержало 7 нѣмецкихъ, 4 французскихъ, нѣсколько изданій на другихъ языкахъ, испанскомъ, венгерскомъ, польскомъ и греческомъ и наконецъ въ 1880 г.

---

[49]) *Saalfeld*. «Handbuch des Positiven Völkerrechts». 1833.

[50]) *Schmeezing*. «Grundriss des praktischen Europäischen Völkerrechts» 1818—1820.

[51]) *Schmalz*. «Das Europäische Völkerrecht». 1817.

[52]) *Klüber*. «Droit des gens moderne de l'Europe». 1819.

[53]) См. о Вассерфурѣ и Фаустѣ, *Lueder*, «la Convention de Genève». Erlangen. 1876, p. 32.

было переведено бар. Таубе на русскій языкъ и явилось первымъ русскимъ изданіемъ, обнимающимъ собою все международное право. Объ этой книгѣ говоритъ Моль [54]), что она является лучшимъ, съ юридической точки зрѣнія, сочиненіемъ по международному праву изо всѣхъ тѣхъ, которыя были изданы до ея появленія въ свѣтъ. Въ особенности хорошо обработаны у него, замѣчаетъ Ривье [55]), право войны и ученіе о нейтралитетѣ. Война есть крайнее средство необходимой самообороны и, съ юридической точки зрѣнія, она есть право постольку, поскольку война представляетъ урегулированное приложеніе насильственныхъ и разрушительныхъ средствъ, направленное къ правомѣрной цѣли и продолжающееся до тѣхъ поръ, пока эта цѣль не будетъ достигнута. Это опредѣленіе войны— какъ средства достиженія или возстановленія нарушеннаго права воюющаго государства —было послѣ Гефтера принято многими весьма выдающимися писателями, въ томъ числѣ Филлиморомъ [56]), Блюнчли [57]), Нейманомъ [58]), а среди русскихъ ученыхъ, профессоръ кіевскаго университета Эйхельманъ положилъ его въ основаніе своей замѣчательной монографіи о военноплѣнныхъ: *Eichelmann*, „Ueber die Kriegsgefangenschaft". Dorpat. 1878 [59]). Но мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе профессора Мартенса [60]), отвергающаго такое опредѣленіе войны, какъ процесса, тяжбы между воюющими государствами о принадлежащемъ имъ правѣ; война гораздо чаще представляется на

---

[54]) *Mohl.* «Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften». 1856. Bnd. I. s. 394.

[55]) *Rivier* въ Hlzd. Hndbch. I. s. 487.

[56]) *Phillimore.* «Commentaries» t III. p. 278 (2 ed. Lond. 1873) «War, is a terrible litigation between States».

[57]) *Bluntschli.* «Modernes Völkerrecht» § 510: «Krieg ist bewaffnete Selbsthülfe etc» § 511: In der Regel ist der Krieg ein Rechtsstreit zwischen Staten über öffentliches Recht».

[58]) *Neumann.* Grundriss des heutigen Völkerrechts". Wien. 1877 s. 94.

[59]) См. названное сочиненіе, стр. 1—2 въ Введеніи.

[60]) Мартенсъ «Современное международное право» Т. II § 106 и «Восточная война и Брюссельская конференція» стр. 25.

дѣлѣ результатомъ противуположныхъ и непримиримыхъ интересовъ государствъ, чѣмъ споромъ о нарушенномъ правѣ; давая такое опредѣленіе войны и Гефтеръ и всѣ писатели, придерживающіеся болѣе или менѣе одинаковаго съ нимъ мнѣнія, становились въ противорѣчіе съ дѣйствительными фактами и часто высказывали взгляды и требованія, совершенно непримѣнимыя на практикѣ.—Давъ опредѣленіе войны, Гефтеръ переходитъ къ самому изложенію права войны. Отмѣтимъ тутъ нѣкоторыя высказываемыя имъ мысли, въ которыхъ онъ является болѣе современнымъ писателемъ, нежели Мартенсъ и, вообще, всѣ его предшественники. Въ § 121 онъ указываетъ на то, что изгнаніе иностранцевъ, подданныхъ одной изъ воюющихъ державъ съ территоріи другой, хотя и допустимое въ крайнихъ случаяхъ, вообще говоря, должно быть отвергнуто, какъ не согласное съ духомъ нашего времени; въ § 124[a] онъ подробно говоритъ о партизанахъ и о поголовныхъ возстаніяхъ и признаетъ за ними права законныхъ комбатантовъ, но при наличности извѣстнаго правительственнаго разрѣшенія; въ §§ 126; 127 и 128, Гефтеръ довольно подробно говоритъ объ юридическомъ положеніи комбатантовъ, пассивныхъ и активныхъ, мирнаго населенія и военноплѣнныхъ; но относительно больныхъ и раненыхъ онъ почти ничего не прибавляетъ къ сказанному до него еще Мартенсомъ. Книга Гефтера была прекрасно комментирована Geffken'омъ, а русское изданіе дополнено примѣчаніями с. петербургскаго профессора Ф. Ф. Мартенса[a])—Послѣ перваго изданія Гефтера прошло слишкомъ двадцать лѣтъ, въ теченіе которыхъ, по крайней мѣрѣ въ Германіи, не появилось ни одного замѣчательнаго общаго сочиненія по международному праву, и только въ 1867 г. вышла въ свѣтъ книга Блюнчли „Das moderne Völkerrecht der civilisirten Staaten". Книга Неймана, „Grundriss des heutigen Europäischen Völkerrechts". 1856, представляетъ изъ себя сжатый, но хорошо написанный курсъ международнаго права; а сочиненіе Домина-Петрушевича „Précis d'un code

a) Всѣ цитаты изъ Гефтера сдѣланы нами по этому русскому изданію.

du droit international". Vienne. 1861 г. интересно, какъ одинъ изъ первыхъ опытовъ кодификаціи международнаго права [62]). Въ Англіи, въ теченіе этого періода времени, появилось нѣсколько весьма хорошихъ сочиненій: *Окъ-Маннинга* „Commentaries on the Law of Nations" 1-ое изд. 1839, новое переработанное Шельдонъ Амосомъ въ 1875 г.; *Филлимора* „Commentaries upon International Law", 1-ое изд. 1854—1861 въ 4-хъ томахъ, изъ которыхъ первые три посвящены общему международному праву, а 4-ый—частному; *Траверса Твиса* „The Rights and Duties of Nations in time of war" 1863; 1-ая часть, посвященная международному праву во время мира, вышла раньше, въ 1861 г.; книга эта содержитъ въ себѣ весьма полное изученіе права войны и къ ней прибавлены нѣкоторые документы, касающіеся права войны. Всѣ эти сочиненія, имѣя свои достоинства, собственно для разработываемой нами темы не представляютъ ничего особенно интереснаго и повторяютъ уже сказанное раньше Мартенсомъ и Гефтеромъ. Гораздо интереснѣе для насъ два небольшихъ сочиненія, принадлежащихъ перу американскаго писателя Либера, вызванныя къ жизни войной 1861 г. между Сѣверными и Южными Американскими Штатами. Первое и самое важное изъ этихъ сочиненій написано было Либеромъ по порученію президента Сѣверо-Американскихъ С. Штатовъ, Линкольна, желавшаго дать американскимъ войскамъ извѣстнаго рода инструкціи, опредѣляющія законы и обычаи войны, признаваемые обязательными во время международныхъ войнъ, и которыми они могли-бы руководствоваться при настоящей войнѣ. Либеръ составилъ проектъ такой инструкціи, который затѣмъ обсуждался въ особо составленной коммиссіи, состоявшей изъ военныхъ лицъ, и былъ обнародованъ подъ названіемъ „Полевыхъ инструкцій для армій Соединенныхъ Штатовъ" (Instructions for the governement of armies of the United States in the field). Инструкціи написаны подъ видомъ кодекса и раздѣлены на 10

---

[62]) Ранѣе Домина-Петрушевича намъ извѣстны двѣ попытки кодификаціи международнаго права: Бэнтама и итальянскаго ученаго Пародо; послѣдняя, впрочемъ, относится болѣе къ частному международному праву.

отдѣловъ, подраздѣленныхъ каждый на пункты, или параграфы; изъ нихъ особенно интересными являются для нашего очерка отдѣлы: II съ § 37 до § 46, III—о дезертирахъ, военноплѣнныхъ, заложникахъ и раненыхъ (§ 79); IV—о томъ, кого считать законнымъ комбатантомъ, о партизанахъ, иллегальныхъ комбатантахъ, о возмущеніяхъ и т. п. V—о свободныхъ пропускахъ, шпіонахъ, измѣнникахъ, о злоупотребленіи парламентерскимъ флагомъ; VI—о размѣнѣ плѣнныхъ, о парламентерскомъ флагѣ, о флагѣ, гарантирующемъ неприкосновенность, (§ 115). Этотъ пунктъ Инструкцій Либера замѣчателенъ тѣмъ, что, будучи написанъ до составленія Женевской конвенціи 1864 г., онъ уже содержитъ въ себѣ указаніе на признаніе неприкосновенности во время сраженій военныхъ госпиталей и на существованіе принятаго знака отличія, желтаго флага, указывающаго на неприкосновенность даннаго зданія, или мѣста. VII-ой отдѣлъ весь посвященъ вопросу объ употребленіи на войнѣ отпуска военноплѣнныхъ подъ честнымъ словомъ (the Parole). Отд. IX § 148 говоритъ о запрещеніи на войнѣ вѣроломнаго убійства. При изложеніи избранной нами темы мы постоянно будемъ имѣть случай ссылаться на Американскія Инструкціи и потому подробно ихъ здѣсь разбирать не будемъ; замѣтимъ, однако, что до составленія „Проэкта Брюссельской Деклараціи“ и передѣланнаго изъ него „Руководства Института Международнаго Права“, „Инструкціи“ Либера были самымъ практичнымъ и разумнымъ общедоступнымъ изложеніемъ обычаевъ и законовъ войны. Другое сочиненіе Либера, „Guerilla parties considered with reference to the laws and usages of war“ 1862, спеціально посвящено вопросу о партизанскихъ отрядахъ и содержитъ по этому вопросу тѣ-же мысли и положенія, что и соотвѣтствующіе пункты „Инструкцій“. Въ 1864 году состоялась знаменитая международная конференція въ Женевѣ, подготовленная Паласціано, Арро, Дюваномъ и въ особенности предсѣдателемъ женевскаго „Общества общественной пользы“ (Société d'utilité publique), *Муанье* и имѣвшая своею цѣлью облегченіе участи больныхъ и раненыхъ воиновъ. Постановленія конференціи

были приняты всѣми европейскими государствами, заключившими между собой извѣстную Женевскую Конвенцію 1864, получившую такимъ образомъ силу международнаго закона. Постановленія этой конвенціи, подробно опредѣляя юридическое положеніе какъ больныхъ и раненыхъ комбатантовъ, такъ и лицъ, посвящающихъ себя уходу за ними во время войны, внесли въ науку права войны новую главу, такъ-какъ во всѣхъ сочиненіяхъ, предшествовавшихъ Женевской конвенціи, участи раненыхъ комбатантовъ обыкновенно посвящалось только нѣсколько словъ. Война 1866 г. между Пруссіей и Австріей указала на нѣкоторые практическіе недостатки Женевской Конвенціи и вызвала изданіе нѣсколькихъ сочиненій, посвященныхъ разбору юридическаго положенія больныхъ, раненыхъ и медицинскаго персонала во время войны; таковы: *Moynier* „La Neutralité des Militaires blessés“, 1867; *Moynier et Appia* „La guerre et la charité“, 1867; *Pezet de Corval* „Die genfer Convention und die Hülfsvereine“, 1867., *Löffler* „Das Preuissische Militärsanitätswesen und seine Reform“, 1868. Въ 1868 г. собралась вторая международная конференція въ Женевѣ, исправившая и дополнившая первоначальный текстъ Женевской конвенціи 1864; но эти дополнительныя статьи къ несчастью не были приняты европейскими державами и потому силу закона не имѣютъ. Въ 1868 году вышла первымъ изданіемъ книга *Блюнчли* „Das moderne Völkerrecht der civilisirten Staaten“, написанная подъ видомъ кодекса международнаго права; каждый отдѣльный вопросъ изложенъ въ ней подъ видомъ сжато и опредѣленно выраженнаго постановленія и къ нему иногда добавлены примѣчанія, содержащія, кромѣ разъясненій сказаннаго въ данномъ параграфѣ, нѣкоторые историческіе примѣры; но послѣдними, вообще говоря, книга Блюнчли бѣдна и въ этомъ отношеніи она стоитъ ниже книгъ Клюбера и въ особенности испанскаго писателя Кальво, о которой мы будемъ говорить ниже. Праву войны Блюнчли посвящаетъ VIII-ую книгу своего сочиненія съ § 510—741, и излагаетъ его превосходно. Войну онъ опредѣляетъ, какъ вооруженную самопомощь одного государства въ

борьбѣ съ другимъ [63]), при чемъ война является въ его глазахъ всегда споромъ между государствами о принадлежащемъ имъ правѣ [64]); исключительно политическіе или вообще государственные интересы никогда не могутъ быть достаточнымъ и законнымъ поводомъ къ войнѣ.—Мы уже указывали, при разборѣ сочиненія Гефтера, на несостоятельность такого пониманія войны. Блючли ясно и точно выражаетъ основной принципъ современнаго права войны, что война ведется между государствами, а не между частными лицами [65]) и что врагами являются только тѣ частныя лица, которыя ведутъ войну по порученію своего правительства [66]). Относительно партизанскихъ отрядовъ, Блюнчли говоритъ, что хотя условіе правительственнаго разрѣшенія всегда необходимо для признанія ихъ законными комбатантами, но что этого условія не достаточно, а необходимъ еще извѣстный внѣшній отличительный знакъ, носимый партизанами, мундиръ, и соблюденіе ими законовъ и обычаевъ войны [67]). Въ 3-емъ нѣмецкомъ изданіи своей книги, вышедшей послѣ Брюссельской конференціи, Блюнчли переработалъ этотъ параграфъ въ духѣ проекта Брюссельской декларацін. Поголовныя возстанія въ незанятой непріятелемъ странѣ признаются имъ правомѣрными и сообщаютъ участвующимъ въ нихъ лицамъ права законныхъ комбатантовъ [68]). Говоря о недозволенныхъ на войнѣ средствахъ вредить врагу, Блюнчли въ первые вводитъ въ руководство международнаго права постановленія С.-Петербургской декларацін 1868 г. о запрещеніи употребленія на войнѣ разрывныхъ снарядовъ вѣсомъ менѣе 400 гр. [69]). Юридическое положеніе больныхъ и раненыхъ, а также медицинскаго персо-

---

[63]) Blüntschli. § 510.

[64]) Blüntschli. § 511.

[65]) Blüntschli. § 530.

[66]) Blüntschli. §§ 531; 532.

[67]) Blüntschli. § 570; 570 a.

[68]) Blüntschli. § 597.

[69]) Blüntschli. § 558*a*.

нала изложено имъ по постановленіямъ Женевской Конвенціи 1864 г. и по дополнительнымъ статьямъ 1868 г. Говоря о военноплѣнныхъ, Блюнчли высказываетъ тотъ глубоко вѣрный взглядъ, что военнопленные не суть преступники и что плѣнъ имѣетъ характеръ не наказанія, а только предупредительной мѣры въ видахъ самосохраненія плѣнившаго (Kriegsgefangene sind nicht Strafgefangene, sondern Sicherkeitsgefangene) [70]. Относительно мирнаго населенія онъ говоритъ, что оно имѣетъ право на личную неприкосновенность (исключая взятія извѣстныхъ лицъ въ видѣ заложниковъ) [71], не можетъ быть принуждаемо служить противъ своего законнаго правительства, честь отдѣльныхъ частныхъ лицъ, ихъ языкъ и религія должны быть уважаемы, оскорбленіе или вредъ, нанесенный личности мирнаго жителя, должны быть наказуемы со стороны начальства виновника оскорбленія [72].—Вообще, книга Блюнчли, въ особенности въ ея 3-емъ нѣмецкомъ изданіи (1878), куда вошли всѣ постановленія Брюссельской конференціи, представляетъ изъ себя прекрасное новѣйшее руководство по международному праву и въ особенности можетъ быть съ пользой рекомендовано для основательнаго первоначальнаго знакомства съ современнымъ международнымъ правомъ, такъ-какъ въ сжатой и ясной формѣ она даетъ весьма подробный обзоръ положительнаго международнаго права. Сочиненіе Блюнчли было переведено въ 1877 г. подъ руководствомъ гр. Камаровскаго на русскій языкъ Уляницкимъ и Лодыженскимъ. Недостатокъ Блюнчли состоитъ въ томъ, что онъ постоянно намѣренно смѣшиваетъ дѣйствительно существующія нормы международнаго права съ желательными, и потому Ривье [73]) справедливо называетъ его книгу „международнымъ правомъ будущаго“. Изъ новѣйшихъ общихъ сочиненій по международному праву, содержащихъ въ себѣ также

---

[70]) Blüntschli. § 601.

[71]) Blüntschli. § 573; 574.

[72]) Blüntschli. § 579; 576.

[73]) *Rivier.* «Hlzdrf. Hndbch» I s. 489.

и право войны, мы укажемъ здѣсь на: *Кальво*, „Derecho internacional teorico y práctico de Europa y America“; второе французское изданіе „Le droit international théorique et pratique“. 1870—1872 и 3-е, тоже французское (1880—1881), представляетъ изъ себя весьма цѣнное сочиненіе по количеству собраннаго авторомъ положительнаго матерьяла; *Галлекъ*, „Elements of international Law and Laws of War“. 1878; *Dudley Field*, „Projet d'un Code international“ trad. de l'anglais, замѣчательный опытъ кодификаціи международнаго права; *Fiore*, „Nouveau droit international public“ trad. Antoine 3 vls. 1885—1886. (1-ое изд. въ 1-мъ томѣ въ 1865 г. на итальянскомъ языкѣ); праву войны посвященъ почти весь 3-й томъ. Сочиненіе Фіоре богато содержаніемъ; а что касается относящихся до нашего очерка его частей, то оно содержитъ многія оригинальныя и интересныя мысли, напр. отрицаніе авторомъ необходимости для признанія законности комбатанта правительственнаго разрѣшенія на участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ и выставленіе, какъ общаго и главнаго условія для каждаго законнаго комбатанта, его участія въ войнѣ отъ имени и въ интересахъ того государства, въ чьихъ рядахъ онъ сражается [74]); затѣмъ, въ вопросѣ о поголовныхъ возстаніяхъ, допущеніе имъ признанія правъ законныхъ комбатантовъ за населеніемъ подвергшейся непріятельской оккупаціи территоріи [75]) и т. п.— Вообще отъ остальныхъ итальянскихъ писателей онъ рѣзко отличается тѣмъ, что признаетъ субъектами международнаго права не національности, а государства; *Hall* „International Law. 1880. „Ясное, сжатое изложеніе“, говоритъ гр. Камаровскій, въ своемъ „Обзорѣ современной литературы по международному праву“ (стр. 30), „обиліе фактовъ изъ новѣйшей исторіи возвышаютъ современный интересъ этой книги“, но научную систему книги Камаровскій признаетъ неудовлетворительной — и въ этомъ сочиненіе Гооля похоже на вообще всѣ сочиненія англійскихъ

[74]) *Fiore*. v. III. § 1312.

[75]) *Fiore*. v. III. § 1351.

писателей—Филлимора, Траверса Твисса и др. Право войны изложено у него весьма обстоятельно, но выводы часто противорѣчатъ современнымъ воззрѣніямъ и являются нѣсколько отсталыми; *Lorimer*, „The Institutes of the Law of Nations", Vol. I—II. 1883—1884; праву войны посвящена часть второго тома; *Мартенсъ*, „Современное международное право цивилизованныхъ народовъ". 2 тома. СПБ. 1882—1883. Праву войны авторъ посвящаетъ 7-ую главу II-й книги съ § 106—§ 128, изъ которыхъ, собственно войнѣ на сушѣ, посвящены § 106—§ 121. Очеркъ права войны, даваемый профессоромъ Мартенсомъ въ названной нами книгѣ, при всей своей сжатости содержитъ всѣ главнѣйшія постановленія этого права въ томъ видѣ, въ какомъ оно представляется въ наше время. Новыхъ, оригинальныхъ мыслей тутъ найти нельзя, но за то все то, что составляетъ современное положительное право, мастерски сгруппировано и изложено ясно и толково. Впрочемъ, ново и, по нашему мнѣнію, весьма удачно опредѣленіе войны, даваемое авторомъ и стремящееся согласовать разнорѣчивыя опредѣленія этого понятія, высказанныя юристами съ одной стороны и военными писателями съ другой: „война", говоритъ Мартенсъ, „есть вооруженная борьба между независимыми государствами для охраненія принадлежащихъ имъ правъ и интересовъ"; давая такое опредѣленіе войнѣ, авторъ избѣжалъ односторонности тѣхъ авторовъ, которые, подобно Блюнчли и Геффтеру, смотрятъ на войну какъ на средство возстановленія нарушенныхъ правъ государства, какъ на борьбу изъ за права, между тѣмъ какъ война гораздо чаще ведется не изъ за вопросовъ права, а изъ-за политическихъ, экономическихъ и др. интересовъ государства. Тотъ же взглядъ на войну, что и Мартенсъ, высказываетъ другой замѣчательный современный писатель, Людеръ [76]), опредѣляющій войну какъ борьбу, ведущуюся между государствами при помощи силы оружія; онъ даже идетъ дальше Мартенса и находитъ, что, вообще, излишне вставлять

---

[76]) *Lueder* въ Holzendorff's Handbuch. IV. § 48.

въ опредѣленіе войны вопросъ о причинахъ ея возникновенія. Мартенсъ справедливо замѣчаетъ, что изъ того, что война не есть споръ между государствами о принадлежащемъ имъ правѣ, нельзя еще дѣлать того вывода, что война не подлежитъ никакимъ ограниченіямъ и законамъ; напротивъ того—и на войнѣ, какъ и при внутренней жизни государства, всякое дѣйствіе должно быть основано на извѣстномъ правѣ и регулировано извѣстными юридическими нормами. Поэтому, намъ кажется, совершенно лишеннымъ основанія дѣлаемый гр. Камаровскимъ [77]) Мартенсу упрекъ, что будто-бы изъ его опредѣленія войны не видно, что она должна подчиняться нормамъ права; гораздо вѣрнѣе другое возраженіе противъ опредѣленія войны Мартенса, дѣлаемое также Камаровскимъ, что война не есть борьба только между независимыми государствами: война можетъ быть ведена и полунезависимымъ государствомъ и даже политической партіей: война Вандеи противъ Франціи во время Первой французской Революціи; это признается и Блюнчли [78]) и Людеромъ; послѣдній говоритъ: Der Krieg ist ein Kampf zwischen Staaten, *oder staatenähnlichen Bevölkerungstheilen*". Что намъ кажется совершенно невѣрнымъ у Мартенса, это отнесеніе имъ войны къ „средствамъ международнаго управленія"; война явленіе случайное, скорѣе болѣзнь народовъ, чѣмъ ихъ нормальное состояніе и потому врядъ-ли она можетъ быть названа средствомъ международнаго управленія.

Изложеніе права войны у Мартенса построено все на постановленіяхъ Брюссельской деклараціи; нѣкоторые параграфы представляютъ даже простой пересказъ этихъ постановленій. Книга Мартенса интересна для насъ какъ первое полное руководство (и до сихъ поръ единственное), написанное на русскомъ языкѣ и принадлежащее перу русскаго автора.

---

[77]) *Гр. Камаровскій.* «Обзоръ современной литературы по международному праву», стр. 60.

[78]) *Bluntschli.* «Modernes Völkerrecht». § 512.

Полный разборъ книги Мартенса на русскомъ языкѣ можно найти въ „Обзорѣ литературы“ гр. Камаровскаго.—Въ 1884 г. вышла въ свѣтъ книга Бульмеринга—„Das Völkerrecht“, составляющая вторую половину I-аго тома обширнаго компендіума Марквардсена „Handbuch des öffentlichen Rechts“, богатая по содержанію и весьма замѣчательная въ отношеніи систематизаціи международнаго права, но краткая (всего 207 страницъ) и потому весьма сжатая. Къ ученію о воюющихъ сторонахъ у него отнесенъ и нейтралитетъ.

Наконецъ, послѣднимъ и самымъ обширнымъ трудомъ по международному праву является изданный въ 1885—1889 г.г. „Handbuch des Völkerrechts“, составленный различными извѣстными учеными и изданный Гольцендорфомъ въ четырехъ объемистыхъ томахъ, содержащихъ въ себѣ богатѣйшій источникъ указаній на литературу всѣхъ вопросовъ международнаго права. Право войны изложено извѣстнымъ профессоромъ Людеромъ, авторомъ замѣчательной книги о Женевской конвенціи имъ написаны два отдѣла (27-tes und 28-tes Stük) IV-го тома. Въ первомъ (27-мъ) отдѣлѣ онъ говоритъ о войнѣ и о правѣ войны вообще; здѣсь онъ даетъ прежде всего опредѣленіе войны, на которое мы уже указывали при разборѣ книги Мартенса, затѣмъ говоритъ о возможности и о границахъ гуманизаціи войны; въ главѣ V-ой, говоря о гуманизаціи и кодификаціи права войны, Людеръ даетъ весьма полный историческій и критическій разборъ Женевской и Брюссельской конвенцій; въ VI-ой главѣ, говоря о послѣдствіяхъ, непосредственно слѣдующихъ за начатіемъ войны, онъ даетъ хорошій очеркъ положенія иностранцевъ, подданныхъ воюющихъ державъ и нейтральныхъ. Второй отдѣлъ (28-ой) посвященъ изученію сухопутной войны въ частности; здѣсь Людеръ говоритъ о комбатантахъ и некомбатантахъ, объ условіяхъ, необходимыхъ для признанія комбатанта законнымъ, при чемъ, хотя и признаетъ необходимость наличности условія правительственнаго разрѣшенія, но на ряду съ этимъ условіемъ выставляетъ, какъ не менѣе важные и существенные признаки законности комбатанта—но-

шеніе имъ отличительнаго, постояннаго и видимаго на достаточно далекое разстояніе извѣстнаго внѣшняго знака—мундира, наличность извѣстной военной организаціи отрядовъ комбатантовъ и подчиненіе ихъ отвѣтственнымъ начальникамъ [78]). Условіе правительственнаго разрѣшенія, хотя и признается Людеромъ юридическимъ основаніемъ законности комбатанта, но, говоритъ онъ, условіе это не безусловно необходимое и во всякомъ случаѣ недостаточное; при проведеніи-же на практикѣ, условіе правительственнаго разрѣшенія представляетъ почти непреодолимыя трудности, такъ-какъ требованіе отъ каждаго отдѣльнаго комбатанта предъявленія такого, лично къ нему обращеннаго, разрѣшенія правительства на участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, хотя и практиковавшееся съ нѣмецкой стороны въ теченіе войны 1870—1871 гг., является невыполнимымъ; общее-же разрѣшеніе, данное правительствомъ одного изъ воюющихъ государствъ вообще всему населенію, не можетъ служить достаточнымъ условіемъ для признанія всякаго комбатанта законнымъ, такъ-какъ въ подобномъ случаѣ непріятель былъ-бы вынужденъ разсматривать каждаго подданнаго враждебнаго государства, какъ своего законнаго врага и война превратилась-бы въ bellum omnium contra omnes.— Поголовныя возстанія дѣлятся Людеромъ на двѣ категоріи: на поголовныя возстанія населенія незанятой еще непріятелемъ территоріи, когда населеніе ея берется за оружіе для отраженія нападенія враговъ, и на возстаніе населенія территоріи, подвергшейся непріятельской оккупаціи. Перваго рода возстанія авторъ признаетъ вполнѣ законными, а лицъ, принимающихъ въ нихъ участіе—законными комбатантами, требуя отъ нихъ, однако, выполненія условій ношенія мундира и военной организаціи [80]); за участниками-же второго рода возстаній онъ правъ законныхъ комбатантовъ не признаетъ [79]). Во 2-ой главѣ

---

77) *Leuder* Hlzdrffs Hnbch. IV. § 91; § 92; § 93 особенно стр. 378.

78) *Leuder* l. c. § 94.

79) *Leuder* l. c. § 94. s. 386. l. c. § 112. s. 470 ff.

Людеръ разсматриваетъ вопросъ о способахъ веденія войны, о средствахъ вредить непріятелю и о законахъ и обычаяхъ войны, ограничивающихъ примѣненіе этихъ средствъ. Здѣсь, прежде всего, онъ выставляетъ общее правило, что на войнѣ дозволено всякое насиліе, ведущее къ непосредственному достиженію цѣли войны и что, наоборотъ, всякое насиліе, всякій вредъ, наносимый непріятелю и неоправдываемый этой цѣлью,— незаконенъ [82]). Хитрость на войнѣ допустима, если она не противна военной чести и не связана съ вѣроломствомъ. Переходя къ насильственнымъ мѣрамъ, коими воюющія стороны могутъ дѣйствовать другъ противъ друга для достиженія цѣли войны, Людеръ признаетъ недозволеннымъ на войнѣ убійство и истязаніе сдающагося и обезоруженнаго врага, равнодушное отношеніе къ страданіямъ раненыхъ, употребленіе оружія, безъ нужды увеличивающаго страданія раненыхъ, особенно употребленіе на войнѣ разрывныхъ снарядовъ, вѣсомъ менѣе 400 граммъ, убійство изъ-за угла, назначеніе цѣны за голову врага, употребленіе на войнѣ дикихъ и полудикихъ племенъ [83]). Далѣе, авторъ говоритъ о постановленіяхъ Женевской конвенціи относительно раненыхъ и больныхъ воиновъ, при чемъ выставляетъ на видъ необходимость устроеннаго полицейскаго надзора, который охранялъ-бы раненыхъ на полѣ сраженія отъ нападеній со стороны т. н. „гіеннъ поля сраженія“, т. е. воровъ и разбойниковъ, добивающихъ и грабящихъ раненыхъ, и высказываетъ желаніе, чтобы постановленія о такого рода полицейской охранѣ были включены или въ статьи Женевской конвенціи, или въ какой либо другой международный, обязательный для всѣхъ цивилизованныхъ государствъ, договоръ [84]). Санитарный персоналъ, по мнѣнію Людера, долженъ не только имѣть право, но и быть обязаннымъ

---

82) *Lueder*. l. c. § 95.

83) *Lueder*. l. c. § 97.

84) *Lueder*. l. c. § 98. s. 400.

продолжать свою дѣятельность, независимо отъ исхода сраженія, ибо только такая обязательность выполненія имъ своихъ функцій можетъ быть признана основаніемъ для его нейтрализаціи [85]). Въ этомъ отношеніи онъ находитъ неудовлетворительными постановленія Женевской конвенціи 1864 г., неопредѣляющей этой обязанности военно-медицинскаго персонала, и придерживается формулировки „Руководства Института международнаго права“, которое въ § 14 гласитъ: „Le personel (médical)—*doit continuer*—dans la mesure des besoins, des soins, etc.“ Неприкосновенность санитарнаго персонала неабсолютна и обусловлена поведеніемъ этого персонала—и въ случаѣ его открытаго враждебнаго отношенія къ тому войску, въ которомъ онъ находится, а также въ случаѣ нарушенія имъ своей обязательной нейтральности, персоналъ этотъ, или отдѣльныя его лица, могутъ быть стѣснены въ своихъ правахъ и даже лишены ихъ [86]). Точное опредѣленіе лицъ, принадлежащихъ къ санитарному персоналу, Людеръ считаетъ скорѣе вреднымъ и стѣснительнымъ, чѣмъ полезнымъ. Особенную трудность въ своемъ практическомъ рѣшеніи представляетъ вопросъ о добровольныхъ обществахъ и лицахъ, посвящающихъ себя уходу за ранеными, такъ-какъ часто подъ видомъ добраго дѣла, они занимаются шпіонствомъ и, такимъ образомъ, наносятъ вредъ непріятельской арміи, въ которой находятся. Людеръ считаетъ, что вопросъ этотъ можетъ быть рѣшенъ требованіемъ, чтобы такіе добровольные отряды санитаровъ были стройно организованы и поставлены подъ контроль военныхъ властей [87]); желательно было-бы, чтобы Женевская конвенція включила въ свои статьи постановленіе въ этомъ духѣ касательно этихъ лицъ и, такимъ образомъ, прекратила-бы постоянные споры и недоразумѣнія между воюющими сторонами относительно положенія этихъ добровольныхъ санитаровъ. Вообще, изложеніе Людеромъ поста-

---

[85]) *Lueder*. l. c. § 99. s. 404.

[86]) *Lueder*. l. c. § 99. s. 404 въ концѣ.

[87]) *Lueder*. l. c. § 99. s. 405.

новленій Женевской конвенціи и критика статей этой конвенціи весьма замѣчательны, такъ-какъ, будучи авторомъ полнѣйшаго и лучшаго сочиненія о Красномъ Крестѣ: „la Convention de Genève au point de vue historique et dogmatique", сочиненія, съ которымъ мы ниже познакомимся подробнѣе, Людеръ является на ряду съ Муанье самымъ компетентнымъ и авторитетнымъ писателемъ по этому вопросу.—Военному плѣну онъ посвящаетъ четыре параграфа и излагаетъ этотъ вопросъ весьма подробно и согласно новѣйшимъ взглядамъ теоріи и практики права войны. Сказавъ нѣсколько словъ объ осадахъ и бомбардировкахъ крѣпостей и городовъ, при чемъ авторъ не признаетъ обязательности ни заблаговременнаго предупрежденія населенія и гарнизона о началѣ бомбардировки, ни обязанности осаждающаго стрѣлять только по укрѣпленіямъ, такъ-какъ разрушеніе города и избіеніе мирнаго населенія выстрѣлами можетъ содѣйствовать скорѣйшей сдачѣ города или крѣпости, ни обязанности для осаждающаго разрѣшить свободный пропускъ за линіи укрѣпленій мирнаго населенія города [88]), Людеръ переходитъ къ ученію о дозволенныхъ на войнѣ хитростяхъ, шпіонахъ, курьерахъ и воздухоплавателяхъ и на этомъ заканчиваетъ ученіе о правахъ и обязанностяхъ воюющихъ сторонъ по отношенію другъ къ другу. — Слѣдующая глава посвящена правамъ и обязанностямъ воюющихъ сторонъ по отношенію къ территоріи и мирному населенію непріятельскаго государства; наконецъ, въ 4-ой главѣ, говоря о военныхъ договорахъ (Kriegsverräge), Людеръ разбираетъ вопросы о перемиріяхъ, о договорахъ о размѣнѣ плѣнныхъ, капитуляціяхъ и т. п. и этимъ заканчиваетъ свой очеркъ права сухопутной войны. Вообще, изложеніе Людера весьма подробно, толково и ясно и даетъ полную и вполнѣ современную картину дѣйствующаго права войны; а многочисленныя ссылки и критическіе разборы высказанныхъ различными авторами взглядовъ на право войны и на частные его вопросы, равно какъ и богатый би-

---

[88]) *Leuder* l. c. § 109.

бліографическій матерьялъ, дѣлаютъ изданіе Гольцендорфа вообще, а статьи Людера о правѣ войны въ частности, необходимымъ и основнымъ руководствомъ для всякаго, желающаго подробно и основательно познакомиться съ международнымъ правомъ.

На этомъ мы окончимъ нашъ обзоръ общихъ сочиненій по международному праву, содержащихъ въ себѣ интересующіе насъ вопросы, и обратимся къ сочиненіямъ, спеціально посвященнымъ праву войны, или отдѣльнымъ вопросамъ этого права, относящимся до выбранной нами темы.

Прежде всего, мы должны указать здѣсь на одинъ источникъ, который по своей авторитетности и важности занимаетъ первое мѣсто и служитъ основаніемъ для всѣхъ дальнѣйшихъ изслѣдованій въ области права войны; мы говоримъ здѣсь о Проектѣ Брюссельской Деклараціи 1874 г. и изданномъ Институтомъ Международнаго Права. на основаніи этого проекта, руководствѣ: „Manuel des lois de la guerre“ 1880 г. Какъ проектъ Брюссельской деклараціи, такъ и „Manuel de l'Institut представляютъ изъ себя самое современное, научное и дѣйствующее на практикѣ изложеніе законовъ и обычаевъ войны и суть результатъ соглашенія по различнымъ вопросамъ права войны лучшихъ и авторитетнѣйшихъ писателей новаго времени и государственныхъ и военныхъ людей всѣхъ цивилизованныхъ европейскихъ державъ. Исторія возникновенія и хода работъ Брюссельской конференціи, выработавшей Проектъ Деклараціи, будетъ въ общихъ чертахъ изложена нами въ историческомъ очеркѣ развитія права войны; разборъ отдѣльныхъ статей проекта, относящихся къ нашему очерку, читатель найдетъ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ этой книги, а самый текстъ окончательнаго проекта въ приложеніи; здѣсь-же, мы только укажемъ на то важное значеніе, которое имѣетъ этотъ проектъ для каждаго лица, занимающагося правомъ войны: Если нѣкоторыя отдѣльныя детали проекта и могутъ быть подвергнуты критикѣ и измѣненіямъ, то въ общемъ весь проектъ является основнымъ кодексомъ права войны и всѣ авторы, писавшіе,

или пишущіе послѣ его изданія, обосновываютъ все свое изложеніе законовъ и обычаевъ войны на этомъ кодексѣ, и трудъ ихъ есть только трудъ комментаторовъ. Подобнымъ-же значеніемъ пользуется и составленный по порученію Института Международнаго Права членомъ этого института, Муанье, и обработанный особой комиссіей института „Manuel des lois de la guerre sur terre"; 1880 г. [89]), представляющій изъ себя, за немногими исключеніями, повтореніе Брюссельской деклараціи 1874 г., дополненное постановленіями декларацій—Женевскихъ 1864 и 1866 г. и С.-Петербургской 1868 г.; отчасти при составленіи этого руководства Муанье и комиссія института пользовались ранѣе вышедшими руководствами къ познанію законовъ и обычаевъ войны, изданными Франціей, Россіей, Голландіей и проф. Либеромъ по порученію Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Manuel Института начинается краткимъ вступленіемъ (avant-propos), затѣмъ слѣдуютъ 6 параграфовъ, содержащихъ въ себѣ общія положенія права войны, между прочимъ и рѣшеніе вопроса, кого слѣдуетъ считать на войнѣ законнымъ комбатантомъ (principes généraux); слѣдующіе 77 §§, составляющіе вторую часть Manuel, излагаютъ примѣненіе вышеозначенныхъ общихъ началъ права войны къ извѣстнымъ случаямъ и расположены въ слѣдующемъ порядкѣ:

I. О враждебныхъ дѣйствіяхъ (des hostilités).

A. Правила поведенія по отношенію къ лицамъ (Règles de conduite à l'égard des personnes):

a) о мирномъ населеніи,
b) о средствахъ вредить непріятелю,
c) о раненыхъ, больныхъ и санитарномъ персоналѣ,
d) о мертвыхъ,
e) кто можетъ быть взятъ въ плѣнъ,
f) о шпіонахъ,
g) о парламентерахъ.

---

[89]) Принятъ Институтомъ въ Оксфордской сессіи 1880 г.

B. Правила поведенія по отношенію къ имуществу.

II. О территоріяхъ, подвергшихся непріятельской оккупаціи.

A. Опредѣленіе (т. е. опредѣленіе понятія—что есть оккупація).

B. Правила поведенія относительно лицъ.

C. Правила поведенія относительно имуществъ.

III. Положеніе военноплѣнныхъ.

A. Условія военнаго плѣна (Régime de la captivité), т. е. обращеніе съ военноплѣнными.

B. Прекращеніе плѣна.

IV. О войскахъ, интернированныхъ въ нейтральномъ государствѣ.

Третья часть, состоящая изъ трехъ §§, содержитъ въ себѣ постановленія о наказаніи виновниковъ нарушенія законовъ войны (sanction pènale contre les violateurs des lois de la guerre).

Уже изъ этого краткаго перечня видно, насколько всесторонне разработано право войны въ Руководствѣ Института международнаго права и насколько важно знакомство съ этимъ источникомъ для всякаго лица, изучающаго право войны. При изложеніи нашей темы, мы неоднократно будемъ имѣть случай ссылаться на это руководство и тамъ, гдѣ это будетъ необходимо, подробно будемъ цитировать соотвѣтствующія мѣста этого сочиненія.

Еще ранѣе составленія Брюссельской деклараціи и Руководства Института международнаго права, было издано нѣсколько, болѣе или менѣе удачныхъ, кодексовъ, или собраній законовъ и обычаевъ войны. Не говоря уже о кодексахъ международнаго права Бэнтама, Домина-Петрушевича, Дудлей-Фильда [a]) и книгѣ Блюнчли, содержащихъ въсебѣ, между прочимъ, и законы и обычаи войны, мы имѣемъ спеціально праву войны посвященныя Американскія Инструкціи Либера, о которыхъ мы уже говорили и которыя обязаны своимъ возникновеніемъ войнѣ

---

a) Критическій разборъ книги Дудлея-Фильда, Dudley Field. «Draft outlines of an international Code». 1872. New-Iork, въ R. de Dr. Intern 1873. p. 502.

Сѣверныхъ Штатовъ съ Южными; война 1870—1872 г. и война 1877 — 1878 вызвали необходимость правительственныхъ изданій для ознакомленія войскъ съ законами и обычаями войны. Во Франціи, уже 6 лѣтъ спустя послѣ окончанія войны съ Германіей, вышло руководство для офицеровъ арміи, знакомящее ихъ съ законами и обычаями войны: „Manuel de droit international à l'usage des officiers de l'armée de terre". Paris. 1877. Въ томъ-же году въ Сербіи были изданы „Ratna Prawila. Belgrad. 1877; на нѣмецкомъ языкѣ вышла въ 1870 г. маленькая книжка д-ра Феликса Дана, F. Dahn, „Das Kriegsrecht, kurze, volksthümliche Darstellung für Jedermann, zumal für den deutschen soldaten", предназначенная для ознакомленія германскихъ войскъ съ законами войны. Наконецъ, у насъ въ Россіи, съ объявленіемъ войны Турціи въ 1877 г., былъ изданъ Сенатскій указъ 12 мая 1877 г., опредѣлявшій въ 12 статьяхъ тѣ обычаи и законы международнаго права, коими должны были руководствоваться русскія войска и русскія гражданскія и военныя власти какъ по отношенію къ вооруженнымъ силамъ непріятеля, такъ и по отношенію мирныхъ непріятельскихъ подданныхъ и нейтральныхъ. Ст. 12 этого указа предписываетъ, между прочимъ, русскому военному начальству сообразоваться, насколько это будетъ возможно, съ духомъ началъ, выставленныхъ Брюссельской конференціей 1874 г. [88]). Въ іюнѣ мѣсяцѣ, какъ дополненіе этого указа, вышло въ „Военномъ Сборникѣ" краткое руководство, написанное Піуновскимъ и излагающее въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ всѣ законы и обычаи войны [89]). Въ послѣднее время въ Италіи также было издано оффиціальное руководство для солдатъ къ познанію права войны. Хотя всѣ эти руководства не вносятъ ничего новаго въ литературу права войны, но они ука-

---

[88]) Подробный разборъ этого Сенатскаго указа можно найти въ книгѣ Ф. Ф. Мартенса: «Восточная война и Брюссельская конференція», стр. 241—275.

[89]) Статья Піуновскаго есть передѣлка постановленій Брюссельской и Женевской конвенцій, представленныхъ подъ видомъ вопросовъ и отвѣтовъ.

зываютъ, съ одной стороны, на то, насколько въ сознаніе современныхъ цивилизованныхъ народовъ глубоко проникла идея о необходимости извѣстныхъ юридическихъ нормъ, ограничивающихъ на войнѣ произволъ воюющихъ; съ другой-же стороны, эти руководства, повторяя постановленія Брюссельской деклараціи 1874 г., служатъ лучшими доказательствами ея авторитетности и практичности.

Переходя собственно къ сочиненіямъ спеціально посвященнымъ праву войны, мы можемъ раздѣлить ихъ на два отдѣла: на сочиненія, обнимающія собой все право войны полностью, и на отдѣльныя монографіи, посвященныя отдѣльнымъ вопросамъ этого права. Остановимся сперва на сочиненіяхъ перваго рода.— Если не считать книжку Дана „Das Kriegsrecht“, сочиненіе голландскаго писателя Денъ-Беръ-Португэля [90]) и весьма ненаучно написанную книгу Морена, Morin „Les lois relatives à la guerre“ t. I—II. Paris. 1872 [91]), то можно сказать, что всѣ новѣйшія сочиненія, посвященныя общему обзору права войны, были написаны послѣ составленія Брюссельской деклараціи и подъ сильнымъ вліяніемъ этой послѣдней. Лучшимъ, по нашему мнѣнію, изо-всѣхъ этихъ сочиненій должно признать книгу французскаго доктора правъ и капитана арміи Геля, Guelle, „Précis des lois de la guerre“ 2 vol. Paris. 1884. Уже самое служебное положеніе автора можетъ служить указаніемъ, что въ сочиненіи своемъ онъ главнымъ образомъ желалъ дать подробное и толковое изложеніе существующаго права войны, предпочитая дѣйствительные факты желательному; въ введеніи онъ самъ высказываетъ это намѣреніе, говоря, что онъ старался слѣдовать положенію, высказанному Вулсеемъ,

---

[90]) *Den Beer Portugael* «Het Orloogsrecht». 1872; разборъ этого сочиненія, отличающагося яснымъ изложеніемъ и гуманностью взглядовъ, читатель можетъ найти въ «Revue de Droit International» V. V. 1873. p. 302.

[91]) Книга Морена, написанная тотчасъ-же по окончаніи франко-прусской войны, страдаетъ недостаткомъ научнаго метода изложенія и сильнымъ пристрастіемъ при изложеніи фактовъ, взятыхъ изъ войны 1870—1871 г.

что самое главное въ дѣлѣ изученія международнаго права,— указать, каковъ современный взглядъ цивилизованныхъ народовъ на тотъ или другой вопросъ международнаго права и какова существующая практика. Мы лично съ этимъ взглядомъ согласиться не можемъ, такъ-какъ думаемъ, что наука не должна только итти за жизнью, но, конечно, сообразуясь съ существующимъ порядкомъ вещей, руководить жизнью, указывать на возможныя улучшенія и проводить сперва въ сознаніе отдѣльныхъ лицъ, потомъ въ сознаніе народовъ и, наконецъ, въ практику идеи гуманности и прогресса. Блестящимъ доказательствомъ того, что можетъ быть достигнуто въ жизни благодаря исключительно одной наукѣ, служитъ Женевская конвенція, введшая въ практику войны такія гуманныя начала, о которыхъ, десять лѣтъ до ея составленія, едва могли мечтать нѣсколько отдѣльныхъ филантроповъ. Впрочемъ, самая цѣль книги Геля объясняетъ его желаніе придерживаться исключительно существующей практикѣ; цѣль эта,—дать въ наиболѣе сжатой формѣ наиболѣе полное изложеніе существующихъ законовъ и обычаевъ войны между цивилизованными народами, такъ-какъ, говоритъ авторъ во введеніи, до сихъ поръ не было ни одного сочиненія на французскомъ языкѣ, которое могло-бы ознакомить военныхъ людей съ существующимъ правомъ войны; изданные Институтомъ Международнаго Права и французскимъ правительствомъ Manuel хотя и представляютъ изъ себя полные и замѣчательные кодексы права войны, но сжатая ихъ форма изложенія дѣлаетъ ихъ трудно доступными для начинающихъ, которымъ приходится заучивать извѣстныя правила безъ должнаго ихъ разумнаго понимапія [92]). Кромѣ того, эти руководства не снабжены историческими примѣрами, способствующими легчайшему запоминанію и разумѣнію выставляемыхъ имъ началъ. Примѣры, приводимые Гелемъ, взяты имъ въ большинствѣ случаевъ изъ франко-прусской войны и почти всегда подкрѣплены оффиціальными и, главнымъ образомъ, нѣ-

---

[92]) Guelle. «Précis». I. p. 2.

мецкими документами, такъ-что, не смотря на тотъ невыгодный свѣтъ, въ которомъ выставляются имъ дѣйствія нѣмецкихъ военныхъ властей, его нельзя упрекнуть въ пристрастіи и приходится признать, что германскія войска постоянно нарушали законы и обычаи права войны и требованія гуманности.—Книга Геля распадается на четыре части:

1) опредѣленіе войны, ея объявленіе и вытекающія изъ него послѣдствія;

2) враждебныя дѣйствія и отношенія между воюющими (ученіе о лицахъ);

3) ученіе о военномъ занятіи а) по отношенію къ лицамъ, б) по отношенію къ имуществамъ;

4) прекращеніе войны и мирные трактаты.

Наконецъ, въ видѣ прибавленія—ученіе о нейтральныхъ. Въ концѣ книги помѣщены многочисленныя приложенія, главнымъ образомъ состоящія изъ нѣмецкихъ оффиціальныхъ документовъ, касающихся войны 1870—1871 г., и библіографическій указатель. Часть этой книги, подъ заглавіемъ: „La guerre continentale et les personnes". Paris. 1881, была издана Гелемъ еще раньше и содержитъ въ себѣ всѣ вопросы, относящіеся до разбираемой нами темы, поэтому мы и не станемъ разбирать здѣсь его „Précis", а ниже, при разборѣ отдѣльныхъ монографій по праву войны, займемся его сочиненіемъ „Guerre continentale". Здѣсь надо, однако, замѣтить, что въ „Précis" Гель при изученіи вопроса о поголовныхъ возстаніяхъ отступаетъ отъ высказаннаго имъ въ „Guerre continentale" мнѣнія, что поголовно возставшіе въ незанятой непріятелемъ территоріи eo ipso должны быть признаваемы законными комбатантами [93]) и высказываетъ болѣе вѣрную мысль, что всякое поголовное возстаніе должно быть организованнымъ [94]). Въ 1872 и 1873 г. въ „Re-

---

[93]) Guelle. «Guerre continentale». p. 52.

[94]) Guelle. «Précis». I p. 87. — Подробный разборъ обѣихъ книгъ Геля читатель можетъ найти у гр. Камаровскаго. «Обзоръ современной литературы по международному праву». Москва. 1887. стр. 195—198 и 218—227.

vue de Droit International" появилось сочиненіе профессора Женевскаго университета, Броше-де-ла-Флешеръ, Brocher de la Fléchère, „Les principes naturels du droit de la guerre" [95]), составляющее часть (именно третью книгу) его болѣе обширнаго сочиненія „Les Révolutions du droit". Paris, Genève et Bale. 1878—1882. Войну авторъ признаетъ необходимымъ слѣдствіемъ несовершенства человѣческой природы; она остается и останется навсегда въ основѣ человѣческихъ отношеній, ибо главною ея причиной является прирожденная недобросовѣстность людей. Право войны изложено Броше въ видѣ философскаго очерка, безъ всякихъ указаній или ссылокъ на литературу и на историческіе примѣры практики войны; посвятивъ всю первую главу введенію, въ которомъ онъ старается отыскать тѣ философскія и нравственныя начала, на которыхъ основано право войны, и давъ во второй главѣ опредѣленіе праву войны, которое онъ признаетъ за предѣлъ, поставленный во имя интересовъ всѣхъ народовъ факту войны правомъ [96]), Броше находитъ, что все содержаніе права войны можетъ быть сведено къ двумъ основнымъ вопросамъ, о лицахъ, ради которыхъ должны быть признаны извѣстныя смягченія и о дѣйствіяхъ этихъ лицъ, также подлежащихъ ограниченіямъ права [97]). Авторъ проводитъ различіе между комбатантами и некомбатантами и считаетъ, что законными комбатантами должны быть признаны только тѣ лица, которыя принимаютъ участіе въ войнѣ съ согласія и по приказу своего правительства; мундиръ, военная организація отрядовъ и подчиненіе ихъ отвѣтственнымъ предводителямъ,—это только внѣшнія формы проявленія правительственнаго разрѣшенія и должны быть признаны условіями второстепенными. Поэтому нѣтъ никакого различія между регулярными и иррегулярными войсками; разъ они дѣйствуютъ

95) См. «Revue de Droit International» V. IV. 1872. pp. 1—23; 381—406; V. V. 1878. pp. 321—351.

96) R. de Dr. Int. 1872. p. 393.

97) R. de Dr. Int. 1872. p. 393.

отъ имени и по приказу своего правительства, — они должны быть признаваемы законными комбатантами [98]); если-же они дѣйствуютъ безъ правительственнаго разрѣшенія, или приказа, то они не болѣе, какъ преступники. Что касается поголовныхъ возстаній, то Броше рѣшительно отрицаетъ ихъ законность, находя, что лицё имѣетъ право защищать свою родину только ставъ въ ряды его войскъ; однако, говоритъ онъ, войны будущаго, нося преимущественно характеръ борьбы національностей, должны вызвать участіе въ войнѣ всѣхъ народныхъ силъ и заставить принять активное участіе въ войнѣ большую часть мирнаго населенія [99]). Такимъ образомъ, признавая, что поголовныя возстанія могутъ въ будущемъ сдѣлаться болѣе частымъ и необходимымъ явленіемъ войнъ, Броше, тѣмъ не менѣе, не признаетъ ихъ законности и приравниваетъ участниковъ такихъ возстаній къ разбойникамъ и бандитамъ. Вообще, книга Броше есть чисто философское изслѣдованіе права войны и притомъ еще изслѣдованіе, основанное на софизмѣ, на доказательствѣ необходимости и благотворности войны, какъ слѣдствія несовершенства человѣческой природы; войну авторъ смѣшиваетъ съ борьбой, съ соревнованіемъ вообще, и отсюда выводитъ ея благотворность для человѣческихъ отношеній, какъ стимула прогресса. Прекрасно разобрана книга Броше у гр. Камаровскаго въ его „Обзорѣ современной литературы", стр. 187—195. Изъ другихъ сочиненій на французскомъ языкѣ, посвященныхъ спеціально общему обзору права войны, мы укажемъ здѣсь на сочиненія слѣдующихъ авторовъ: *Lefebvre*, „le droit des gens moderne dans la guerre continentale". Paris. 1886; *Mabille*, „La guerre, ses lois, son influence civilisatrice, sa perpétuité", 1885; *Acollas E.*, „Le droit de la guerre". Paris. 1888; *Mariotti*, „Du droit des gens en temps de guerre". 1883 и, наконецъ, новѣйшее сочиненіе *A. Pillet*—„Le Droit de la Guerre", Paris. 1892, première partie „les Hostilités".—Книга эта пред-

---

[98]) R. de Dr. Int. 1873, p. 333.

[99]) R. de Dr. Int. 1873, p. 335—337 и 342.

ставляетъ изъ себя собраніе лекцій, читанныхъ авторомъ офицерамъ гарнизона въ Греноблѣ въ 1891—92 гг., и потому авторъ скромно замѣчаетъ въ предисловіи, что читатель не долженъ надѣяться найти въ ней какіе либо новые взгляды и научныя изслѣдованія, но только простое изложеніе нынѣ дѣйствующихъ законовъ и обычаевъ права войны. Однако книга Пилле даетъ болѣе, чѣмъ обѣщаетъ, и мы укажемъ здѣсь на нѣкоторыя оригинальныя и замѣчательныя мысли, высказанныя ея авторомъ. Пилле является противникомъ войны, т. е., признавая, что она пока есть необходимое явленіе въ жизни народовъ; онъ, тѣмъ не менѣе, считаетъ это явленіе необходимымъ зломъ и хотя и не рѣшительно, но даетъ понять, что въ далекомъ будущемъ война будетъ замѣнена болѣе справедливыми и гуманными способами разрѣшенія международныхъ столкновеній [100]). При разсмотрѣніи вопроса, кто долженъ быть признаваемъ на войнѣ законнымъ комбатантомъ, Пилле, повторяя постановленія на этотъ счетъ Брюссельской деклараціи, совершенно опускаетъ условіе правительственнаго разрѣшенія, хотя и говоритъ, что совокупность условій законности комбатанта, выставленная Брюссельской деклараціей, подразумѣваетъ наличность правительственнаго разрѣшенія, но нѣсколько далѣе находитъ возможнымъ признаніе законными комбатантами даже такихъ лицъ, которыя составили изъ себя военный отрядъ безъ согласія на то своего правительства [101]). Относительно условій, выставленныхъ Брюссельской деклараціей для признанія извѣстнаго отряда собраніемъ законныхъ комбатантовъ, Пилле критикуетъ послѣдній пунктъ этихъ условій, гласящій, что отряды партизановъ признаются имѣющими право на одинаковое съ регулярными войсками юридическое положеніе, при условіи соблюденія ими законовъ и обычаевъ войны [102]). „Конечно“,

---

100) *Pillet.* Op. c., p. 30—31.

101) *Pillet.* Op. c., p. 125.

102) Art 9 (Décl. Bruxelles).... de se conformer aux lois et coutumes de la guerre.

говоритъ онъ, непріятель вправѣ требовать отъ каждаго комбатанта соблюденіе имъ обычаевъ и законовъ войны, но обязанность эта есть обязанность личная, а не коллективная. Справедливо и необходимо строго наказывать нарушенія права войны, совершенныя отдѣльными лицами, но несправедливо, не необходимо ставить внѣ закона цѣлые отряды изъ-за преступленій, совершенныхъ отдѣльными лицами, въ нихъ служащими“ [103]). Касательно поголовныхъ возстаній, Пилле не только допускаетъ законность поголовныхъ возстаній въ незанятой непріятелемъ территоріи, даже тогда, когда эти возстанія происходятъ безъ вѣдома и разрѣшенія правительства возставшихъ, но высказывается даже за признаніе правъ законныхъ комбатантовъ за возставшимъ населеніемъ территоріи, подвергшейся непріятельской оккупаціи [104]). Незаконные комбатанты могутъ быть наказаны непріятелемъ, но не иначе, какъ послѣ суда надъ ними; никакой законъ и никакое нарушеніе права войны не даетъ воюющимъ право лишать жизни взятыхъ въ плѣнъ непріятелей безъ формальнаго суда и приговора [105]). Относительно бомбардировокъ, Пилле требуетъ предварительнаго извѣщенія о началѣ обстрѣливанья города, ибо бомбардировка безъ увѣдомленія о ея началѣ мирнаго населенія есть измѣна, направленная противъ лицъ, которыя вправѣ считать себя гарантированными отъ непріятельскаго нападенія (мирное населеніе) [106]). Убійство непріятелемъ безоружныхъ и несопротивляющихся безусловно отвергается авторомъ даже въ случаѣ крайней необходимости; побѣдитель, не могущій обременить себя многочисленными плѣнными, не подвергая тѣмъ самого себя опасности, долженъ, обезоруживъ ихъ, отпустить на волю, и такой поступокъ не долженъ казаться страннымъ, такъ-какъ онъ подобенъ тому, часто на войнѣ представляющемуся, случаю, когда одна изъ вою-

---

[103]) Pillet. Op. c., p. 126.

[104]) Pillet. Op. c., p. 129—130.

[105]) Pillet. Op. c., p. 131.

[106]) Pillet. Op. c., p. 179.

ющихъ сторонъ, захвативъ городъ непріятеля, принуждена бываетъ его покинуть и дѣлаетъ это, не разрушая оставляемаго города [107]). При отпускѣ военноплѣнныхъ подъ честнымъ словомъ, непріятель долженъ для того получить личное и сознательное согласіе каждаго изъ отпускаемыхъ плѣнныхъ [108]); отпущенный подъ честнымъ словомъ плѣнникъ, по мнѣнію Пилле, долженъ вполнѣ воздерживаться отъ всякаго, даже косвеннаго, активнаго участія въ войнѣ, даже подъ видомъ военной службы внутри страны, внѣ сферы дѣйствія войны [109]). Вообще книга Пилле прекрасно написана, читается легко и даетъ полную и обстоятельную картину не только дѣйствующаго права войны, но и возможныхъ его усовершенствованій. Въ чемъ можно упрекнуть автора—это въ излишнемъ иногда пристрастіи при обсужденіи фактовъ войны 1870—1871 г. и въ частыхъ указаніяхъ на недостаточно провѣренныя обвиненія, возводимыя со стороны французовъ на германскія войска [110]).—На нѣмецкомъ языкѣ за послѣднее 25- лѣтіе изученію права войны посвящено нѣсколько отдѣльныхъ сочиненій. Старѣйшимъ по времени является уже упомянутая нами книжка Дана, F. Dahn, „Das Kriegsrecht“. Würzburg. 1870 г., предшествовавшая Брюссельской деклараціи 1874 г. и потому въ настоящее время значительно устарѣвшая, представляющая изъ себя популярное изложеніе основъ права войны, составленное на основаніи Американскихъ Инструкцій Либера и постановленій Женевской Конвенціи 1864 г., текстъ которой данъ въ прибавленіи къ этой книжкѣ. Послѣ выхода въ свѣтъ проекта Брюссельской деклараціи издана была книга Лентнера, Lentner, „Das Recht

---

[107]) Pillet. Op. c., p. 200.

[108]) Pillet. Op. c., p. 208.

[109]) Pillet. Op. c., p. 211.

[110]) Слѣдуетъ упомянуть еще о статьяхъ члена Института международнаго права, Lucas, представившаго нѣсколько своихъ работъ, касающихся права войны, въ академію политическихъ наукъ—(Academie des Sciences morales et politiques). Нѣкоторыя изъ этихъ работъ уже напечатаны.—См. Guelle. «Precis» II. p. 380.

im Kriege". Wien. 1880; это изложеніе права войны согласно постановленіямъ Брюссельской конференціи 1874 г., добавленное нѣкоторыми комментаріями автора. Книга дѣлится: на введеніе, содержащее въ себѣ исторію права войны, 1-й отдѣлъ, представляющій изъ себя нѣмецкій переводъ Брюссельской деклараціи 1874 г, и 2-й отдѣлъ, собственно посвященный объясненію критическому разбору постановленій этой деклараціи; эта часть есть самое интересное мѣсто книги Лентнера, и мы должны сказать нѣсколько словъ по поводу нѣкоторыхъ, высказываемыхъ имъ, взглядовъ. Говоря о вопросѣ, кто долженъ быть признанъ на войнѣ законнымъ комбатантомъ, Лентнеръ находитъ, что Брюссельская декларація поступила-бы болѣе раціонально, если-бы, вмѣсто того, чтобы перечислять, кто имѣетъ право считаться на войнѣ законнымъ комбатантомъ, перечислила бы тѣхъ лицъ, которыя не имѣютъ права на положеніе законнаго комбатанта, именно: [111])

a) лицъ, или частей регулярныхъ войскъ, несоблюдающихъ обычаевъ и законовъ войны,

b) мародеровъ,

c) разбойниковъ и пиратовъ,

d) шпіоновъ и измѣнниковъ (Kriegsverräther),

e) дезертировъ.

На эту мысль его наводитъ ст. 10 Брюссельской деклараціи, говорящая о признаніи правъ законныхъ комбатантовъ за населеніемъ, поголовно возставшимъ противъ врага въ незанятой территоріи, и тѣ пренія на конференціи, изъ которыхъ выяснился взглядъ многихъ представителей этой конференціи, что за населеніемъ, поголовно возставшимъ въ занятой непріятелемъ области, не могутъ быть признаны подобныя права. Лентнеръ справедливо замѣчаетъ, что нелогично отказывать въ правахъ законнаго комбатанта поголовно возставшему населенію области, подвергшейся оккупаціи, когда эти права признаются за отрядами добровольцевъ, или партизановъ, такъ-какъ кон-

---

[111]) *Lentner*. «Das Recht im Kriege», s. 75.

тингентъ послѣднихъ обыкновенно представляетъ изъ себя собраніе худшихъ подонковъ общества, поголовныя-же возстанія производятся всѣмъ населеніемъ данной территоріи.—Относительно военноплѣнныхъ Лентнеръ справедливо осуждаетъ высказанное Блюнчли и Нейманомъ мнѣніе, что военноплѣнный, отпущенный подъ честнымъ словомъ на родину, обязуется только не служить въ рядахъ дѣйствующей арміи, но что онъ можетъ косвенно принимать активное участіе въ войнѣ, наприм., обучая рекрутовъ; гораздо болѣе вѣренъ взглядъ на это обязательство самого Лентнера, по которому плѣнникъ, отпущенный на свободу подъ честнымъ словомъ, обязанъ безусловно воздерживаться во все время продолженія войны отъ исполненія всякой военной службы [112]). Говоря о ст. 35 Брюссельской деклараціи, Лентнеръ приводитъ постановленія Женевской Конвенціи 1864 г. и добавочные пункты, выработанные Женевской конвенціей 1868 г., равно какъ и различныя предложенія для поправокъ къ Женевской конвенціи, высказанныя Людеромъ, Пезе-де-Корвалемъ и Блюнчли [113]). Книга Лентнера представляетъ изъ себя, вообще, прекрасное руководство для основательнаго изученія Брюссельской деклараціи и написана весьма толково, хотя и сжато. Другое сочиненіе на нѣмецкомъ языкѣ — „Das Moderne Kriegsrecht der Civilisierten Staatenwelt". Leipzig. 1890, 3-е изд., принадлежитъ перу профессора Реша (Resch). Первое изданіе этой книги вышло въ 1884 г. Это полное, но сжатое изложеніе современнаго права войны, написанное подъ видомъ кодекса, состоящаго изъ краткихъ параграфовъ, въ которыхъ по каждому вопросу права войны изложенъ господствующій въ теоріи и практикѣ взглядъ. Въ этомъ отношеніи книга Реша есть копія съ извѣстнаго сочиненія Блюнчли „Das moderne Völkerrecht", отъ котораго она, однако, отличается какъ объемомъ, такъ и способомъ изложенія, на что указываетъ и самъ авторъ во введеніи къ 1-му изданію: „моя книга", гово-

---

112) *Lentner.* l. c., s. 100.

113) *Lentner.* l. c., s. 108—114.

ритъ онъ, „излагаетъ исключительно дѣйствующее право войны, между тѣмъ какъ въ сочиненіи Блюнчли, „Das moderne Völkerrecht“ и въ его „Das moderne Kriegsrecht der civilisirten Staaten (Nördlingen, 1866) [114]), дѣйствующія и дѣйствительно существующія нормы права постоянно смѣшиваются авторомъ съ желательными“. Слѣдуетъ еще указать на сравнительно недавно появившееся сочиненіе Притвица: Pritwiz und Gaffron, „Kriegesrecht und Kriegespolitik“. 1884.—Совершенно въ другомъ духѣ, чѣмъ всѣ выше приведенныя сочиненія, написана книга швейцарскаго полковника Рюстова: Rüstow, „Kriegspolitik und Kriegsgebrauch“. Zürich. 1876. Авторъ рѣшительно возстаетъ противъ подчиненія войны извѣстнымъ юридическимъ нормамъ и категорически отрицаетъ самое существованіе права войны. По его мнѣнію, война есть не что иное, какъ политическое орудіе, которымъ государство стремится достигнуть своихъ цѣлей; война есть продолженіе политическихъ отношеній и потому должна заимствовать свой характеръ у политики [115]). Справедливо замѣчаетъ Мартенсъ [116]), что единственный логическій выводъ изъ этого положенія Рюстова тотъ, что какъ и политика государства должна быть закономѣрна, такъ и война въ своихъ проявленіяхъ должна подчиняться извѣстнымъ нормамъ права. Между тѣмъ самъ Рюстовъ приходитъ къ совершенно противоположному результату и заявляетъ [117]), что въ принципѣ воюющія стороны въ правѣ располагать при веденіи войны всѣми средствами, какія у нихъ будутъ подъ рукой; однако тотчасъ-же Рюстовъ долженъ признать, что и на войнѣ человѣкъ не перестаетъ быть человѣкомъ и что общій всѣхъ воюющихъ интересъ вводитъ въ практику извѣстныя ограниченія въ способахъ

---

[114]) Если мы ничего не сказали объ этой книгѣ, то это потому, что содержаніе ея, передѣланное согласно новѣйшимъ даннымъ науки и особенно на основаніи Брюссельской декларацiи, помѣщено въ послѣднемъ изданіи книги Блюнчли «Das moderne Völkerrecht».

[115]) *Rüstow.* «Kriegspolitik und Kriegsgebrauch» s. 3.

[116]) *Мартенсъ.* «Восточная война и Брюссельская конвенція», стр. 29.

[117]) *Rüstow.* Op. c., s. 172.

веденія войны; эти ограниченія онъ называетъ военными обычаями (Kriegsgebrauch, Kriegsraison) и признаетъ ихъ необходимость, но въ тоже время всѣми силами старается доказать, что они не могутъ имѣть значенія юридическихъ нормъ, не могутъ перейти въ законы войны [118]); „это было-бы возможно, говоритъ онъ, только въ томъ случаѣ, если-бы правительства цивилизованныхъ державъ пришли бы къ общему соглашенію и приняли бы существующіе обычаи войны за обязательныя нормы;" попытки такого рода были сдѣланы, но онѣ, по словамъ Рюстова, не привели ни къ какимъ результатамъ. Такое заявленіе, намъ кажется, болѣе чѣмъ страннымъ, тѣмъ болѣе, что Рюстову были хорошо извѣстны постановленія Женевской конвенціи 1864 и С.-Петербургской 1869 г. Замѣтимъ также, что, отрицая существованіе права войны и считая гуманизацію войны за неисполнимый и даже ненужный бредъ фантазеровъ, Рюстовъ постоянно въ своемъ изложеніи пользуется постановленіями Брюссельской деклараціи и, такимъ образомъ, implicite, признаетъ цѣлесообразность этого лучшаго современнаго кодекса законовъ и обычаевъ войны. Книга Рюстова интересна, главнымъ образомъ, какъ лучшее доказательство несостоятельности мнѣнія авторовъ, отрицающихъ существованіе права войны, возможность его дальнѣйшаго развитія и постепеннаго ограниченія проявленій войны нормами права. Критическій разборъ этого сочиненія помѣщенъ Блюнчли въ „Revue de Dr. Intern." за 1876 г. [119]). На англійскомъ языкѣ заслуживаютъ вниманія: *Scherston Baker.* „A manual of britisch military Law. (Law. Magazine and Review, 1884, CCLII) и сочиненіе Сёра Сёмнеръ Мэна, появившееся во французскомъ переводѣ въ 1890 году подъ заглавіемъ: Sir Henry Sumner Maine, „Le droit international—La guerre". Paris. 1890. Авторъ начинаетъ съ того,

---

[118]) *Rüstow.* Op. c., s. 173.

[119]) Revue de Dr. International. 1876 p. 663. — Blüntschli, «Droit de la guerre et coutume de guerre, à propos des attaques du colonel von Rüstow contre le droit des gens».

что указываетъ на все болѣе и болѣе увеличивающуюся разорительность войны; она требуетъ страшнаго напряженія всѣхъ силъ воюющихъ государствъ и влечетъ за собой огромные денежные расходы; вмѣстѣ съ тѣмъ, самыя причины возникновенія войнъ радикально измѣняются; эти причины въ настоящее время коренятся не въ случайныхъ столкновеніяхъ государствъ, но въ различныхъ историческихъ факторахъ, устранить которые невозможно [120]). Но все это не должно, однако, приводить насъ къ тому грустному выводу, что современныя войны хуже и тяжелѣе прежнихъ; напротивъ того,—исторія показываетъ намъ, что въ древности война была нормальнымъ состояніемъ народовъ и что болѣе или менѣе долгій и прочный миръ есть созданіе новаго времени; съ другой стороны, проявленія самой войны теперь гораздо менѣе рѣзки и грубы, чѣмъ прежде: можно прослѣдить въ исторіи человѣчества постоянное развитіе начала гуманизаціи войны, направленнаго къ конечной, хотя и неопредѣленно-отдаленной цѣли—совершенной ея отмѣны [121]). Прогрессъ этотъ совершается подъ вліяніемъ идей гуманности и права и проводниками его были—Церковь, а затѣмъ рядъ замѣчательныхъ ученыхъ и мыслителей, какъ Гроцій, Пуффендорфъ, Зёчъ, Вольфъ, Бинкерсгукъ и Ваттель, создавшіе и развившіе то международное право, которое является ограниченіемъ проявленій войны. Самое международное право Мэнъ считаетъ за позднѣйшую форму развитія римскаго jus gentium, которое имъ отожествляется съ естественнымъ правомъ; „большая часть современнаго дѣйствующаго международнаго права“, говоритъ онъ, „обязана своимъ происхожденіемъ римскому праву“ [122]). Вторая глава сочиненія Мэна посвящена разбору силы дѣйствія и санкціи международнаго права, затѣмъ онъ говоритъ о суверенитетѣ государства, о территоріальныхъ правахъ этого суверенитета и, наконецъ, двѣ главы (V и VI) посвящаетъ

---

[120]) *Sir Sumner Maine.* «Le droit international», «la guerre»—p. 6.

[121]) *Maine.* Op. cit., p. 11, 15, 19.

[122]) Maine. Op. cit., p. 26 и выше, стр. 21.

праву войны на морѣ; только начиная съ VII главы у него появляется изученіе обычаевъ и законовъ сухопутной войны и здѣсь онъ начинаетъ съ историческаго обзора развитія гуманизаціи права войны (l'adoucissement des lois de la guerre) и даетъ въ этомъ мѣстѣ своего сочиненія полный разборъ оффиціальнаго англійскаго руководства, составленнаго для англійскихъ офицеровъ для познанія современныхъ обычаевъ и законовъ войны и принадлежащее, главнымъ образомъ, перу лорда Сринга (Thring) [123]). Слѣдующая (VIII) глава посвящена изложенію дѣйствующаго права войны, затѣмъ идетъ: вопросъ о военноплѣнныхъ, объ отношеніяхъ воюющихъ сторонъ во время войны на сушѣ, о правѣ захвата во время сухопутной войны и, наконецъ, послѣдняя, XII, глава трактуетъ о шансахъ отмѣны войны, гдѣ занимается вопросомъ о третейскихъ международныхъ судахъ. Книга Сëра Мэна заключаетъ въ себѣ много оригинальныхъ и интересныхъ взглядовъ и, между прочимъ, совершенно оригинальное и новое изложеніе причинъ, вліявшихъ на запрещеніе на войнѣ пользоваться тѣмъ или другимъ родомъ оружія, и многочисленные историческіе примѣры, доказывающіе какъ враждебно встрѣчалось народами всякое нововведеніе въ техникѣ оружія. Изъ сочиненій на другихъ языкахъ, обнимающихъ собою все право войны, мы укажемъ здѣсь на слѣдующія: *Berti*, „Le leggi della guerra terrestre, Firenze 1882; *Landa*, „El derecho de la guerra conforme a la moral", Pamplona, 1877; *Den Beer Portugael*, „Het Orloogsrecht", 1872; *Пзуновскій*, „Законы и правила войны по международному праву", 1877, и книгу Рошковскаго, на польскомъ языкѣ, посвященную современному праву сухопутной войны на сушѣ [124]). Изъ отдѣльныхъ вопросовъ права войны болѣе всего привлекъ на себя вниманіе ученыхъ вопросъ о положеніи больныхъ и раненыхъ воиновъ, составившій, какъ извѣстно, содержаніе

---

[123]) *Maine*. Op. cit., p. 170—186.

[124]) Критическій разборъ этой книги помѣщенъ въ «Revue de Droit International», 1890 г. стр. 102.

замѣчательнаго международнаго закона—Женевской конвенціи 1864 г. Вопросъ этотъ породилъ цѣлую литературу, съ которой мы ниже и познакомимся въ общихъ чертахъ. Изъ остальныхъ вопросовъ права войны, относящихся до избранной нами темы, слѣдующіе разсматривались различными авторами въ отдѣльныхъ монографіяхъ:

Вопросъ объ юридическомъ положеніи подданныхъ воюющихъ державъ и иностранцевъ, находящихся на ихъ территоріяхъ въ моментъ объявленія войны, разсматривается подробно въ книгѣ де Сентъ-Круа, *Lucien de Sainte-Croix*, „La Déclaration de guerre et ses effets immédiats. Paris. 1892. Chap. V.

Вопросъ о томъ, кто долженъ быть признаваемъ на войнѣ законнымъ комбатантомъ: *Greenander*, „Om de folkrättsliga vilkoren för rätt att i krig betraktas och behandlas som soldat", Stockholm. 1877 [125]); *Droop*, „On the relations between an invading army and the inhabitants, and the conditions under which irregular troops arectitled to the same treatment, as regular soldiers", London, 1871; эта статья была первоначально помѣщена въ „Papers read lore the Iuridical Society", vol. III, 1871, part XXI, а затѣмъ издана отдѣльнымъ оттискомъ. Какъ Гренандеръ, такъ и Друпъ считаютъ главнымъ и безусловно-необходимымъ условіемъ для признанія за лицёмъ правъ законнаго комбатанта, условіе наличности извѣстнаго правительственнаго порученія, или разрѣшенія этому лицу принимать активное участіе въ войнѣ. Подробный разборъ статей Гренандера и Друпа читатель найдетъ въ III-ей главѣ настоящаго очерка, гдѣ мы разсматриваемъ вопросъ объ условіяхъ, необходимыхъ для признанія за личностью правъ законнаго комбатанта.—*Lieber*, „Guerilla parties", New-Iork, 1872 г.; эта статья спеціально посвящена разбору юридическаго положенія

---

[125]) Эта книжка переведена была въ 1881 г. на французскій языкъ и переводъ помѣщенъ въ «Revue Pratique de Droit Français», tome XLIX, n° 9 à 12 за 1881; въ 1882 издана также отдѣльнымъ оттискомъ. Критическій ея разборъ можно найти у гр. Камаровскаго, «Обзоръ литературы», стр. 227—229.

иррегулярныхъ комбатантовъ, т. е. вольныхъ стрѣлковъ, партизановъ и пр. и представляетъ изъ себя повтореніе мыслей, которыя ея авторъ уже высказалъ ранѣе въ своихъ извѣстныхъ „Полевыхъ инструкціяхъ".—Кромѣ названныхъ монографій по данному вопросу, заслуживаютъ вниманія еще слѣдующія сочиненія чисто военныхъ писателей: *v. Hartmann*, „Kritische Versuche", 2, s. 65 ff. и 77 ff. *Boguslawski*, „Der kleine Krieg". 1881, V, и *Jomini*, „Abriss der Kriegeskunst" въ изданіи *Marées*, „Militärische Klassiker der In—und—Auslandes". 1881.

Вопросъ о положеніи военноплѣнныхъ прекрасно обработанъ въ двухъ монографіяхъ: *Eichelmann* O., „Ueber die Kriegsgefangenschaft", Dorpat, 1878, и *Kasparek*, „Ueber die Kriegsgefangenschaft" въ Grünhut's Zeitschrift für das Privat—und öffentliche Recht der Gegenward. Bd. IX. 1882, s. 680—733. Нѣкоторые взгляды на улучшеніе положенія военноплѣнныхъ высказаны были также между прочимъ и Moynier въ его „Étude sur la Convention de Genève", Paris, 1870. (p. 333—368). Книга Эйхельмана начинается съ введенія, въ которомъ авторъ стремится установить основное положеніе всѣхъ своихъ послѣдующихъ разсужденій, положеніе, что война есть юридическое средство возстановленія нарушеннаго права: „если мы признаемъ", говоритъ авторъ, „что международное право есть извѣстный международный правовой порядокъ и признаемъ за государствомъ право веденія войны, какъ средство защиты принадлежащаго ему права, то мы необходимо должны признать войну юридическимъ средствомъ защиты права" [120]). Отказавшись отъ такого признанія за войной характера юридическаго средства (Rechtsmittel) защиты принадлежащихъ государству правъ, мы должны, по мнѣнію Эйхельмана, отказаться и отъ желанія установить какое-либо право войны, ибо въ этомъ случаѣ нельзя, по его мнѣнію, говорить о правѣ войны, а развѣ только объ извѣстныхъ отдѣльныхъ нормахъ, соблюдаемыхъ во время войны. Съ этимъ воззрѣніемъ почтен-

[120]) *Eichelmann*. Ueber die Kriegsgefangenschaft, s. 2.

наго автора мы никакъ не можемъ согласиться. Во-первыхъ, исторія возникновенія различныхъ войнъ ясно доказываетъ намъ, что не вопросы права, не желаніе возстановить или защитить нарушенныя права того или другого государства вызываютъ необходимость войны, но, въ большинствѣ случаевъ, различные интересы государствъ — политическіе, экономическіе, національные и династическіе. Во вторыхъ, признано и теоріей и практикой, что необходимость соблюденія воюющими сторонами извѣстныхъ законовъ и обычаевъ войны не зависитъ отъ причины ея возникновенія; какой-бы мотивъ не побуждалъ государства начать между собой войну, какія-бы цѣли данной войной не преслѣдовались, всегда въ интересахъ обѣихъ воюющихъ сторонъ, въ интересахъ всего человѣчества— соблюденіе этими воюющими сторонами извѣстнаго права войны; это признаетъ и самъ Эйхельманъ. Необходимость существованія извѣстнаго права войны, по нашему мнѣнію, нисколько не находится въ связи съ условіемъ признанія войны юридическимъ средствомъ рѣшенія споровъ государствъ о принадлежащемъ имъ правѣ. Война есть просто извѣстный фактъ жизни человѣчества, фактъ, конечно, прискорбный, но пока существующій и не поддающійся устраненію; война есть борьба между государствами при помощи силы, борьба, цѣль которой добиться насиліемъ удовлетворенія извѣстныхъ интересовъ того или другого государства. Какъ всякое фактическое проявленіе жизни человѣчества, жизни государствъ, фактъ войны долженъ быть подчиненъ извѣстному правовому порядку слѣдовательно война, независимо отъ вызвавшихъ ея причинъ и отъ преслѣдуемой ею цѣли, должна быть подчинена извѣстному праву войны. Государства составляютъ между собой извѣстный международный союзъ, извѣстное общество государствъ, являются представителями извѣстныхъ правъ и интересовъ, входятъ между собой въ извѣстное общеніе, однимъ словомъ, до извѣстной степени живутъ одной общей жизнью. Проявленія этой жизни могутъ быть мирныя и враждебныя, но какъ тѣ, такъ и другія должны быть подчинены извѣст-

ному правовому порядку, на основаніи извѣстной аксіомы права, „ubi societas, ibi jus est", понимая подъ словомъ societas всякое общеніе, какъ мирное, такъ и враждебное. Отсюда необходимость существованія извѣстнаго международнаго права какъ во время войны, такъ и во время мира.—Давъ свое опредѣленіе войнѣ, Эйхельманъ старается доказать, все на основаніи того-же своего перваго основного положенія, что война есть юридическій способъ рѣшенія международныхъ споровъ между государствами о принадлежащемъ имъ правѣ, что нормы права войны, примѣняющіяся на практикѣ, суть нормы юридическія [127]). Далѣе онъ даетъ весьма полный и хорошо составленный очеркъ историческаго развитія юридическаго положенія военноплѣнныхъ и обзоръ относящихся къ этому вопросу источниковъ и литературы. Затѣмъ авторъ приступаетъ къ самому изложенію настоящаго положенія военноплѣнныхъ на основаніи дѣйствующаго права войны и рѣшаетъ здѣсь прежде всего слѣдующіе два вопроса: a) кто можетъ быть взятъ въ плѣнъ и b) кто, попавъ во власть непріятеля, имѣетъ право на обращеніе со стороны послѣдняго съ нимъ, какъ съ военноплѣннымъ, иными словами—кто долженъ и имѣетъ право пользоваться правами военноплѣннаго законнаго комбатанта. При рѣшеніи перваго вопроса, Эйхельманъ особенно подробно останавливается на вопросѣ, могутъ-ли подвергаться военному плѣну т. н. пассивные комбатанты и лица гражданскаго управленія и приходитъ къ убѣжденію, что не должны быть подвергаемы военному плѣну лица медицинскаго персонала, лица, служащія въ судебномъ вѣдомствѣ и военно-походныхъ канцеляріяхъ [128]), хотя относительно послѣднихъ авторъ высказываетъ также и вѣскіе довода за взятіе ихъ побѣдителемъ въ плѣнъ [129]). Вообще, Эйхельманъ допускаетъ право воюющихъ

---

[127]) *Eichelmann.* Op. cit., s. 14—21.—«Die juristische Natur des praktischen Kriegsvölkerrechts».

[128]) *Eichelmann.* Op. cit., s. 45—59.

[129]) *Eichelmann.* Op. cit., s. 60.

сторонъ при необходимости подвергать военному плѣну даже некомбатантовъ [130]). Раненые и больные комбатанты, попавшіе въ руки непріятеля, имѣютъ право на оказаніе имъ медицинской помощи, но по выздоровленіи ихъ, захватившая ихъ сторона имѣетъ право задержать ихъ въ плѣну до окончанія войны, даже если-бы они и оказались физически неспособными къ дальнѣйшему участію въ военныхъ дѣйствіяхъ [131]). Переходя къ вопросу, кто имѣетъ право считаться законнымъ комбатантомъ и, въ случаѣ плѣна, военноплѣннымъ, Эйхельманъ признаетъ права законныхъ комбатантовъ не только за лицами, состоящими въ регулярныхъ арміяхъ, но также и за партизанами, волонтерами и поголовно-возставшими населеніями какъ на территоріяхъ, незанятыхъ еще непріятелемъ, такъ и на подвергшихся военной оккупаціи [132]). Каждый законный комбатантъ только тогда является таковымъ, когда, помимо правительственнаго разрѣшенія, онъ еще и внѣшнимъ образомъ отличается отъ мирнаго населенія [133]) и соблюдаетъ обычаи и законы войны [134]). Военный плѣнъ начинается съ момента фактическаго завладѣнія плѣнившимъ личности плѣненнаго и продолжается до тѣхъ поръ, пока того требуетъ личная выгода или безопасность плѣнившаго государства, т. е. пока оно не достигнетъ цѣли, преслѣдуемой данной войной, или совершенно не откажется отъ ея достиженія, т. е. до окончанія войны. Частная собственность каждаго военноплѣннаго, за исключеніемъ оружія, остается неприкосновенной, но личная свобода военноплѣнныхъ можетъ быть подвергнута необходимымъ стѣсненіямъ, однако только настолько, насколько этого требуетъ личная безопасность плѣнившаго [135]). Военный

---

[130]) *Eichelmann.* Op. cit., s. 62.

[131]) *Eichelmann.* Op. cit., s. 86.

[132]) *Eichelmann* Op. cit., s. 101.

[133]) *Eichelmann.* Op. cit., s. 90; 100.

[134]) *Eichelmann.* Op. cit., s. 100.

[135]) *Eichelmann.* Op. cit, s. 108 ff; 121.

плѣнъ не мѣра карательная, а только предупредительная. Плѣнные имѣютъ право на сохраненіе жизни, чести, лично имъ принадлежащаго имущества, а со стороны плѣнившаго ихъ государства на приличное содержаніе, помѣщеніе, пищу, судебную защиту, принадлежащихъ имъ правъ. Эйхельманъ разсматриваетъ слѣдующіе вопросы: права военноплѣнныхъ; права плѣнившаго государства относительно военноплѣнныхъ, репрессаліи противъ военноплѣнныхъ, въ случаѣ нарушенія ими своихъ обязанностей; окончаніе военнаго плѣна. Изложеніе книги Эйхельмана весьма полно, изобилуетъ ссылками и критическими взглядами на всѣ новѣйшіе источники и сочиненія и представляетъ, вообще, весьма цѣнную и лучшую монографію по вопросу о военномъ плѣнѣ.

Статья *Kasparek'a*—„Ueber die Kriegsgefangenschaft"—не вышла отдѣльной брошюрой и сравнительно мало извѣстна, между тѣмъ по своимъ качествамъ эта брошюра заслуживаетъ полнаго вниманія. Начинается она съ сжатаго историческаго очерка положенія военноплѣнныхъ, постепенное улучшеніе быта которыхъ свидѣтельствуетъ, по словамъ автора, о постепенномъ развитіи идеи свободы и правъ человѣка. Конечный результатъ изученія историческаго развитія положенія военноплѣнныхъ тотъ, что читатель долженъ прійти къ заключенію, что человѣкъ во всѣхъ своихъ положеніяхъ и при всѣхъ обстоятельствахъ долженъ оставаться лицёмъ и имѣть неотъемлемое право на человѣческое съ нимъ обращеніе. Въ основаніи изложенія теоріи военнаго плѣна авторъ кладетъ Брюссельскую декларацію и Manuel института международнаго права. Къ лицамъ, подлежащимъ военному плѣну, Каспарекъ причисляетъ и пассивныхъ комбатантовъ по стольку, по скольку они не изъяты Женевской Конвенціей. Особенно горячо авторъ ратуетъ за предоставленіе правъ законныхъ комбатантовъ возставшему населенію области, подвергшейся непріятельской оккупаціи. Относительно отпуска на свободу выздоровѣвшихъ отъ ранъ и признанныхъ неспособными къ дальнѣйшей военной службѣ военноплѣнныхъ авторъ держится вполнѣ справедливаго мнѣ-

нія, что такая мѣра не можетъ быть признана обязательной для плѣнившаго государства, ибо физическая неспособность продолжать для даннаго лица военную службу не исключаетъ возможности для него силою присущаго ему ума или военной опытности оказать своему государству весьма существенныя услуги въ дѣлѣ веденія войны и тѣмъ нанести ущербъ отпустившему его на свободу государству. Воздухоплавателей Каспарекъ причисляетъ также къ лицамъ, подлежащимъ военному плѣну, а не къ шпіонамъ, какъ это дѣлалось нѣмецкими военными властями въ войну 1870—1871 г. Дѣйствительно, въ дѣйствіяхъ воздухоплавателей отсутствуютъ двѣ главныя отличительныя черты, характеризующія шпіонство: таинственность и обманъ. Обращеніе съ военноплѣнными захватившей ихъ воюющей стороны должно быть основано на томъ принципѣ, что стѣсненіе личной свободы военноплѣннаго не есть мѣра карательная, а лишь допустимая въ виду личной безопасности плѣнившаго. Круговая порука военноплѣнныхъ признается авторомъ мѣрой несправедливой; равнымъ образомъ онъ возстаетъ противъ лишенія правъ законнаго комбатанта военноплѣннаго, бѣжавшаго изъ плѣна и вновь захваченнаго непріятелемъ; такой военноплѣнный, если онъ нарушилъ данное имъ честное слово, долженъ быть наказанъ по суду, а не по произволу захватившаго. При заключеніи мира дисциплинарныя взысканія, наложенныя на военноплѣнныхъ и еще ими неотбытыя, тѣмъ самымъ уничтожаются. Это положеніе автора идетъ въ разрѣзъ съ практикой, установленной нѣмецкими военными властями въ войну 1870—1871 г., но его надо признать вполнѣ справедливымъ. Система освобожденія плѣнныхъ подъ честнымъ словомъ рѣзко критикуется авторомъ, какъ неудобная на практикѣ и вызывающая многочисленныя недоразумѣнія. Наконецъ, статью свою Каспарекъ заключаетъ требованіемъ, чтобы положеніе военноплѣнныхъ было впредь регулируемо не обычаями и бывшими прецедентами, а писанными нормами, въ формѣ-ли законовъ о военноплѣнныхъ, изданныхъ отдѣльными государствами, или общихъ соглашеній между

державами. Статья Каспарека прекрасно написана, но, сравнительно съ книгой Эйхельмана, значительно меньше по объему и менѣе подробна. Новыхъ, оригинальныхъ взглядовъ также не много и потому, по нашему мнѣнію, монографія Эйхельмана представляетъ по данному вопросу болѣе капитальный и солидный трудъ [136]). Наибольшее количество монографій приходится на долю вопроса о положеніи больныхъ и раненыхъ воиновъ и разбора Женевской конвенціи 1864 г. и ея дополнительныхъ статей 1868 г.—Обыкновенно считаютъ, что вопросъ о положеніи раненыхъ былъ въ первый разъ поднятъ въ литературѣ книгой Дюнана, „Un Souvenir de Solferino", однако можно назвать нѣсколько монографій, написанныхъ ранѣе появленія въ свѣтъ этой книги. Еще въ XVIII столѣтіи было нѣсколько писателей, занимавшихся вопросомъ объ улучшеніи быта раненыхъ и больныхъ воиновъ; таковы: *Джонъ Прингль* (1707—1782), *Дональдъ Монро* (1731—1802 [137]), *Шамуссе* (род. въ 1717 г.), главный управляющій французскими военными госпиталями, *Пейриль* (Peyrilhe — 1735—1804 [138]). Въ началѣ нынѣшняго столѣтія нѣмецкій медикъ, докторъ Фаустъ, также горячо ратовалъ за улучшеніе положенія раненыхъ на войнѣ, а въ 1820 г. вышла въ свѣтъ небольшая брошюра д-ра Вассерфура (Wasserfuhr) „Beitrag für die Reform der Königl. Preuss. Militär-Medizinal—Verfassung mit Bezug auf die freimüthigen Worte, etc.", Coblenz, 1820 [139]), въ которой авторъ съ удивительной ясностью и

---

[136]) Кромѣ названныхъ двухъ монографій по вопросу о положеніи военноплѣнныхъ существуетъ еще книга Роннберга. *Ronnberg*, «Des prisonniers de guerre», 1876, но мы, къ сожалѣнію, не имѣли возможности съ ней познакомиться и нашли только единственное указаніе на эту книгу въ «Обзорѣ современной литературы» Гр. Камаровскаго, приложеніе, стр. XXXV. Ни Eichelmann, ни Lueder, въ Holzendorff's Hndbch., ни Каспарекъ на нее не ссылаются.

[137]) См. объ этихъ авторахъ: *Gurlt E.* «Neue Beiträge zur Geschichte der internationalen Krankenpflege im Kriege». Berlin, 1879, s. 7—10.

[138]) *Chamousset.* «Oeuvres complètes». Paris, 1783, p. 15—см. объ немъ Moynier. «Étude sur la Convention de Genève», p. 42—44; *Peyrilhe.* «Histoire de la Chirurgie». Paris, 1780. T. IV, p. 403—см. *Moynier.* Op. cit, p. 41—45.

[139]) О Вассерфурѣ см. *Lueder.* «La Convention de Genève», p. 32—33.

убѣдительностью развиваетъ идею о нейтрализаціи раненыхъ, госпиталей и санитарнаго персонала.—Въ 60-хъ годахъ, еще до появленія въ свѣтъ книги Дюнана, были изданы двѣ брошюры, содержащія въ себѣ идеи Женевской конвенціи, т. е. говорящія о нейтрализаціи раненыхъ, госпиталей и врачей. Первая брошюра есть рѣчь италіанскаго профессора Паласціано „La neutralita dei feriti in tempo di Guerra“-Discorso letto all'academia Pontaniana di Napoli, 1861., вторая принадлежитъ перу французскаго писателя Арро (Arrault) „Notice sur le perfectionnement du matériel des ambulances volantes“, Paris, 1861 [140]). Но оба эти сочиненія далеко не имѣли того громаднаго успѣха, который вызвала книга Дюнана „Un Souvenir de Solferino“, 1862 [141]). Въ первой части своего сочиненія авторъ пространно (на 150 страницахъ) говоритъ о вынесенномъ имъ самимъ впечатлѣніи во время битвы при Сольферино и описываетъ яркими красками печальное положеніе раненыхъ, оставшихся на полѣ сраженія безъ достаточной медицинской помощи. Во второй половинѣ книги Дюнанъ излагаетъ свои предположенія относительно улучшенія быта раненыхъ и предлагаетъ съ этою цѣлью учрежденіе добровольныхъ обществъ для оказанія помощи раненымъ. Эта идея объ образованіи такихъ добровольныхъ обществъ и послужила исходнымъ пунктомъ для дальнѣйшаго развитія идей, выраженныхъ въ послѣдствіи въ Женевской конвенціи 1864 г. Если книга Дюнана и можетъ по справедливости быть названной родоначальницей Женевской конвенціи въ томъ смыслѣ, что со времени ея изданія и благодаря изложеннымъ въ ней мыслямъ и фактамъ началась дѣятельная агитація Женевскаго общества общественной пользы и различныхъ частныхъ лицъ для улучшенія быта раненыхъ, то по высказаннымъ ея авторомъ предположеніямъ для улучшенія этого быта она стоитъ гораздо ниже брошюръ Арро и Паласціано и даже книги

---

[140]) О Паласціано и Арро см. *Moynier*, Op. cit., p. 49—56.

[141]) Подробный разборъ книги Дюнана см. у *Lueder*. Op. cit., p. 39—48

Вассерфура, ибо всѣ эти авторы прямо предлагали введеніе тѣхъ самыхъ улучшеній, которыя были введены въ практику войны Женевской конвенціей, т. е. нейтрализацію раненыхъ, госпиталей и медицинскаго персонала. Дюнанъ-же не пошелъ дальше предложенія объ образованіи добровольныхъ обществъ вспомоществованія раненымъ. Въ 1864 г. состоялась Женевская конвенція; первое-же ея практическое примѣненіе во время Австро-Прусской войны 1866 года выказало присущіе ей недостатки и вызвало цѣлую литературу, критикующую ея постановленія и вносящую свои дополненія и измѣненія въ текстъ конвенціи. Таковы сочиненія: *Moynier*, „La Neutralité des militaires blessés", Paris, 1867; *Moynier et Appia*, „La Guerre et la Charité", Paris, 1867; *Pezet de Corval*, „Die Genfer Convention & die Hülfsvereine", 1867; *Loewenhardt*, „Die Organisation der Privat-Beihülfe zur Pflege der im Felde verwundeten und erkrankten Kriegern", Berlin, 1867 (сочиненія Loewenhardt'a и Maynier et Appia удостоились наградъ отъ имени короля Прусскаго; см. Lueder, „La Conv. de Genève", p. 77, note 18).

Изъ многочисленной и богатой литературы по вопросу о Женевской Конвенціи, кромѣ только-что названныхъ сочиненій мы укажемъ еще на слѣдующія: *Löffler*, „Das Preussische Militärsanitätswesen und seine Reform", I, Berlin, 1868; рядъ сочиненій *Moynier*: „Étude sur la Convention de Genève", Paris, 1870, „La Convention de Genève pendant la guerre franco-allemande", Genève, 1873 въ „Bulletin International des sociètés de secours aux militaires blessès". „Les dix premières années de la Croix-Rouge", 1873, тамъ-же; „Ce que c'est que la Croix Rouge", 1874—въ Bulletin за 1875 г., „La Croix Rouge, son passé et son avenir", 1883.; *Gurlt*, „Zur Geschichte der internationalen und freiwilligen Krankenpffege im Kriege", Leipzig, 1873, и его-же „Neue Beiträge zur Geschichte der internationalen Krankenpflege im Kriege", Berlin, 1879—оба сочиненія посвящены исторической разработкѣ вопроса о вспомоществованіи раненымъ на войнѣ; первое изъ нихъ содержитъ

въ себѣ собраніе всѣхъ международныхъ трактатовъ съ 1581 г. по 1864, заключенныхъ между воюющими сторонами для облегченія участи раненыхъ воиновъ. Это весьма цѣнное и капитальное сочиненіе, необходимое для каждаго ученаго, желающаго изучить развитіе идеи Женевской конвенціи 1864 г.— *Lueder*, „La Convention de Genève", Erlangen, 1876; *Olivi*, „Cenni storici et critici sulla Convenzione di Ginevra", Modena, 1879; *Roszkowski*, „O Konwencyi genewskiej", Lwów, 1887; *Furley*, „The Convention of Genevra and national societies for aid to sick and wounded soldiers", London, 1876. Изъ болѣе мелкихъ сочиненій и статей замѣчательны слѣдующія: H. M. R., „Die Pflege der im Kriege Verwundeten und die Genfer Conferenzen, Leipzig, 1865; *Lasius*, „Die Vereine zur Pflege der Verwundeten Krieger", Oldenburg, 1865; Dr v. C. „Die Genfer Convention im Kriege von 1870—1871", Karlsruhe, 1871; *Cazenove*, „La guerre et l'humanité au XIX-e siècle; *Schmitt-Ernsthausen*, „Das Prinzip der Genfer Convention", Berlin, 1874; *Treuenpreuss*, „Das Rothe Kreuz und das Völkerrecht", Berlin, 1881; его-же, „Das Rothe Kreuz im Völkerrecht und in Vereinswesen, Berlin, 1887; *Criegern*, „Das Rothe Kreuz in Deutschland", 1883; *Bosco*, „Le leggi di guerra et la Conventione di Ginevra", 1884; *Victor de Molnar*, „Die Genfer Convention", Leipzig, 1887. На русскомъ языкѣ: *Ф. Затлеръ*, „Участь раненыхъ и больныхъ во время войны", СПБ., 1868; *Р. Базинеръ*, „Женевская конвенція 1864 г.", Кіевъ, 1872; *Ивановскій И. А.*, „Женевская Конвенція 1864 г.", Кіевъ, 1884.; его-же „Женевская Конвенція 1864 г. и право войны", рѣчь, произнесенная па актѣ Имп. Новороссійскаго Унив. въ 1889 г. Одесса, 1891. Кромѣ того существуетъ нѣсколько періодическихъ изданій, посвященныхъ дальнѣйшему развитію идеи Женевской конвенціи; таковы: „*La Charité sur le champ de bataille*", ежемѣсячное изданіе, появляющееся въ Брюсселѣ съ 1868 г.; „*Bulletin international des Sociétés de secours aux militaires blessés*" изданіе международнаго Комитета для попеченія о раненыхъ, въ Женевѣ съ 1869 г.; выходитъ каждые

три мѣсяца; *Bulletin de la Société française de secours aux blessés militaires*", „*Wochenblatt des Iohanniterordens*".—Полный очеркъ литературы даннаго вопроса желающіе могутъ найти у *Roszkowskiégo* „O konwencyi genewskiej, Lwów, 1887, стр. 24—39. Лучшими сочиненіями изъ всѣхъ названныхъ надо признать слѣдующія: *Moynier et Appia* „La guerre et la charité"; *Moynier*, Étude sur la Convention de Genève", его-же „La Croix Rouge, son passé et son avenir, и въ особенности трудъ *Lueder'a* „La Convention de Genève".

Moynier, „Étude sur la Convention de Genève", Paris, 1870. —Книга начинается указаніемъ автора на совершившійся прогрессъ въ практикѣ войны. Прежде войны велись народами поголовно, нынѣ-же только одними вооруженными силами воюющихъ государствъ; мирное населеніе продолжаетъ пользоваться правами личной и имущественной неприкосновенности. Но, не смотря на осуществленный прогрессъ, война все еще остается великимъ зломъ и отрицаніемъ идеи права, поэтому необходимо всѣми силами стараться содѣйствовать идеямъ, развиваемымъ различными „Обществами Мира"; Муанье горячій сторонникъ идеи третейскаго суда и считаетъ, что въ будущемъ война совершенно выйдетъ изъ практики жизни цивилизованныхъ народовъ [142]). Однако, пока этотъ идеалъ недостижимъ, надо стараться по возможности смягчить ужасы войны рядомъ международныхъ соглашеній, подобныхъ Женевской Конвенціи 1864 г., С.-Петербургской 1868 г. и Парижской 1856 г. относительно уничтоженія крейсерства. Особеннаго вниманія въ этомъ отношеніи заслуживаетъ участь больныхъ и раненыхъ. Затѣмъ авторъ даетъ историческій очеркъ развитія идеи Женевской Конвенціи, при чѣмъ приводитъ, какъ древнѣйшую, ему извѣстную, попытку улучшенія положенія раненыхъ, договоръ 1743 г. въ Ашаффенбургѣ между гр. Стэръ и маршаломъ де-Ноаль. Довольно подробно изложена у него исторія возникновенія самой Женевской конвенціи 1864 г. и Проекта до-

---

[142]) *Moynier*. Op. cit., p. 31—35.

бавочныхъ статей 1868 г.—Затѣмъ идетъ рядъ документовъ, т. н. „pièces justificatives"; списокъ лицъ, участвовавшихъ на различныхъ конференціяхъ и конгрессахъ, имѣвшихъ своею цѣлью разработку статей Конвенціи или дополнительныхъ статей, постановленіе Женевской международной конференціи 1863, самый текстъ конвенціи и различные проекты ея измѣненій, послужившіе основаніемъ для редакціи дополнительныхъ статей. Затѣмъ, во 2-й главѣ, Муанье даетъ свой комментарій Конвенціи и дополнительныхъ статей. Въ III-ей главѣ онъ говоритъ о тѣхъ идеяхъ, которыя, не будучи, собственно, идеями, вызвавшими Женевскую конвенцію, стоятъ съ послѣдними въ близкой связи и служатъ какъ бы ихъ дополненіями. Это мысли о полицейскомъ надзорѣ на поляхъ сраженій, охраняющемъ личность раненаго комбатанта отъ жадности, грабительства и жестокости мародеровъ, т. н. „гіенъ полей сраженій", о необходимости констатированья личности убитыхъ, о немедленномъ и согласномъ съ правилами гигіены погребеніи мертвыхъ и, наконецъ, о необходимости распространенія между солдатами понятія объ ихъ обязанностяхъ по отношенію къ раненымъ и наказаніяхъ за нарушеніе этихъ обязанностей. Государства должны, по мнѣнію Муанье, помѣстить въ своихъ уголовныхъ кодексахъ статьи, устанавливающія наказанія за нарушеніе постановленій Женевской Конвенціи. Наконецъ, въ двухъ приложеніяхъ авторъ даетъ очеркъ С.-Петербургской декларацiи 1868 г. и разбираетъ вопросъ о положеніи военноплѣнныхъ съ точекъ зрѣнія исторической и современной практики. Книга Муанье прекрасно написана, проникнута духомъ гуманности и отличается прекраснымъ методомъ изложенія, ясностью и простотой.

Lueder, „La Convention de Genève au point de vue historique, critique et dogmatique", Erlangen, 1876 [143]). Это самое обширное и полное сочиненіе по данному вопросу, разбирающее до мелочей исторію и догму Женевской Конвенціи, написанное съ полнымъ знаніемъ дѣла, но сухо и

---

[143]) Сочиненіе это переведено на нѣмецкій языкъ.

иногда слишкомъ подробно, такъ-что читатель невольно теряется въ массѣ деталей. Начинается оно съ подробнаго историческаго очерка развитія идей Женевской конвенціи до XIX-го в.. Здѣсь авторъ даетъ полный обзоръ собранныхъ Гурльтомъ различныхъ договоровъ и трактатовъ XVII-го и XVIII-го вѣковъ, заключенныхъ воюющими сторонами съ цѣлью точнѣе опредѣлить и улучшить положеніе больныхъ и раненыхъ и санитарнаго персонала. Въ слѣдующей главѣ идетъ развитіе этой идеи въ XIX-омъ столѣтіи до появленія книги Дюнана, затѣмъ съ появленія этой книги до созванія первой международной конференціи въ Женевѣ 26 октября 1863 г., исторія и результатъ дѣятельности этой конференціи, исторія созванія и дѣятельности международнаго конгресса 22 авг. 1864 г., заключеніе этого конгресса и, наконецъ, текстъ конвенціи 1864 г. Въ слѣдующемъ отдѣлѣ не менѣе подробно изложенъ результатъ перваго примѣненія на практикѣ въ войну 1866 г. постановленій Конвенціи, подготовительная работа для ея пересмотра, работа, выразившаяся въ дѣятельности берлинской военно-медицинской конференціи 1867 г., подготовительной парижской коммиссіи, Вюрцбургскаго собранія нѣмецкихъ обществъ поданія помощи раненымъ и парижской международной конференціи 1867 г.; затѣмъ исторія дѣятельности Женевскаго конгресса 1868 г. и редакція дополнительныхъ статей къ Женевской Конвенціи 1868 г. Историческій очеркъ заканчивается подробнымъ изложеніемъ преній участниковъ Брюссельской конференціи 1874 г., касающихся тѣхъ статей Брюссельской деклараціи, которыя относились въ представленныхъ проектахъ этой деклараціи къ идеямъ, изложеннымъ въ Женевской конвенціи 1864 г. и дополнительныхъ статьяхъ 1868 г. Вторая книга посвящена критически-догматическому пересмотру Женевской Конвенціи; съ этою частью книги Людера мы будемъ имѣть случай ближе познакомиться при изложеніи вопроса о больныхъ и раненыхъ комбатантовъ, такъ какъ постоянно будемъ ссылаться на высказываемыя имъ мнѣнія. Вообще, книга Людера предста-

вляетъ, какъ мы уже сказали, самое полное и научное изложеніе вопроса о раненыхъ и Женевской Конвенціи, необходимое для каждаго, желающаго основательно познакомиться съ этимъ вопросомъ, но тяжелый языкъ и огромное количество подробностей дѣлаютъ эту книгу трудно доступной массѣ читающей публики.

Сочиненіе *Moynier* „La Croix-Rouge, son passé et son avenir", 1882, въ противоположность книгѣ Людера, есть блестящая, живая и мастерски набросанная картина дѣятельности, вызванной Женевской конвенціей 1864 г. Исторію происхожденія Краснаго Креста Муанье излагаетъ кратко, затѣмъ расматриваетъ организацію и дѣятельность Краснаго Креста, причемъ выставляетъ на видъ національный характеръ обществъ вспоможенія раненымъ, высказывая при этомъ однако мысль о необходимости подчиненія этихъ національныхъ обществъ руководящему центральному международному Комитету въ Женевѣ. Затѣмъ переходитъ къ Женевской конвенціи, какъ самостоятельному органу Краснаго Креста, отличному отъ обществъ вспоможенія раненымъ, но преслѣдующему съ ними одинаковую цѣль. Эта Конвенція поставила дѣло Краснаго Креста на международную почву и дала ему прочную организацію. Затѣмъ идетъ глава о практической дѣятельности Краснаго Креста съ 1864 г., войны Даніи съ Пруссіей и кончая войной Чили съ Перу въ 1879—1881 гг. Особенно подробно разобраны авторомъ войны франко-прусская 1870—1871 г. и русско-турецкая 1877—1878 г. Наконецъ, авторъ говоритъ о будущности Краснаго Креста; здѣсь онъ особенно напираетъ на необходимость созданія прочной общей связи и организаціи между различными національными обществами Краснаго Креста; слѣдовало-бы, не касаясь ихъ автономіи, создать такое центральное учрежденіе, которое, обладая опредѣленной компетентностью, обсуждало-бы вопросы о допущеніи новыхъ обществъ въ союзъ старыхъ, о способахъ взаимнаго между ними содѣйствія и т. п. Настоящее положеніе Международнаго Комитета въ Женевѣ Муанье считаетъ для этой цѣли не доста-

точно самостоятельнымъ: ему не достаетъ оффиціальнаго характера и положенія, и авторитетъ его, хотя громадный, но чисто только нравственный. Самый текстъ Конвенціи Муанье считаетъ на основаніи практики послѣднихъ войнъ подлежащимъ исправленію и дополненію. Подробно, однако, этого вопроса авторъ не разсматриваетъ, а ограничивается одними общими замѣчаніями.

Муанье высказывается также за необходимость установленія извѣстной уголовной санкціи за нарушеніе конвенціи и предлагаетъ съ этою цѣлью введеніе извѣстнаго рода „суда чести“ (jury d'honneur), составленнаго изъ нейтральныхъ и призваннаго, въ случаѣ споровъ, произносить свое мнѣніе только о фактахъ. [144])

Ивановскій, „Женевская Конвенція 1864 г.“, Кіевъ, 1884. —представляетъ изъ себя скорѣе русскую передѣлку книги Людера, чѣмъ самостоятельное сочиненіе, передѣлку, значительно сокращенную и дополненную нѣкоторыми мѣстами изъ книги Муанье „Étude sur la Convention de Genève“. Хотя самостоятельнаго въ этомъ трудѣ мало, но онъ хорошо составленъ и представляетъ особенно тотъ интересъ, что является полнѣйшимъ и новѣйшимъ сочиненіемъ о Женевской Конвенціи на русскомъ языкѣ. [145])

Ивановскій, „Женевская Конвенція 1864 г. и право войны“, Одесса, 1891 г., актовая рѣчь, произнесенная въ 1889 г. въ Имп. Новороссійскомъ Университетѣ, есть популярное сокращеніе предыдущей книги, кратко, но весьма живо написанное и дополненное очеркомъ отношенія писателей новаго времени къ вопросу объ участи больныхъ и раненыхъ.—Вопросъ о правахъ воюющихъ армій по отношенію къ мирному населенію занятой ими территоріи и о правахъ этого населенія собственно къ настоящему очерку не относится, но мы здѣсь укажемъ на нѣкоторыя сочиненія, посвященныя этому

---

[144]) Подробный разборъ этой книги помѣщенъ у *Камаровскаго*, „Обзоръ Соврем. Литературы“, стр. 233—252.

[145]) Критическій разборъ помѣщенъ Камаровскимъ въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“, 1884, n°9.

вопросу: *Waxel* „L'armée d'invasion et la population", 1874; *Féraud-Giraud*, „l'occupation militaire", 1881; *Corsi*, „L'occupazione militare in tempo di guerra e le relazioni internazionali che ne derivano", 1882; *Bernier*, „De l'occupation militaire en temps de guerre", 1884; [146]) *Эйхельманъ*, „Военное занятіе непріятельской страны" Кіевъ 1880.

Кромѣ названныхъ монографій, намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о книгѣ Геля, носящей сходное съ настоящимъ очеркомъ заглавіе, но ставящее себѣ болѣе широкія рамки, это—Guelle, „La Guerre continentale et les personnes", Paris, 1881. Книга эта почти цѣликомъ вошла въ позднѣйшее сочиненіе того-же автора „Précis des Lois de la Guerre sur terre", 1884, 2 vols. Авторъ дѣлитъ свое сочиненіе на введеніе, въ которомъ даетъ опредѣленіе войны, ея подраздѣленія и философскій очеркъ ея законности и значенія, и на четыре главы: 1) объ объявленіи войны и его немедленныхъ слѣдствіяхъ по отношенію къ личности подданныхъ воюющихъ государствъ и иностранцевъ, находящихся въ моментъ объявленія войны на ихъ территоріяхъ; 2) о военныхъ дѣйствіяхъ (des hostilités), гдѣ онъ разсматриваетъ слѣдующіе вопросы: о комбатантахъ, кого слѣдуетъ признавать законнымъ комбатантомъ, о средствахъ дозволенныхъ и недозволенныхъ на войнѣ наносить вредъ непріятелю, объ осадахъ и бомбардировкахъ, о шпіонахъ, дезертирахъ, воздухоплавателяхъ о репрессаліяхъ, о раненыхъ и больныхъ, военноплѣнныхъ и о военной оккупаціи и ея слѣдствіяхъ по отношенію къ личности непріятеля; 3) о временномъ пріостановленіи военныхъ дѣйствій и 4) о ихъ прекращеніи. Подробный разборъ этой книги читатели могутъ найти у гр. Камаровскаго въ его „Обзорѣ Современной Литературы"; мы неоднократно будемъ имѣть случай ссылаться на сочиненіе Геля и разбирать высказываемыя имъ мнѣнія.

Наконецъ, слѣдуетъ указать на статьи извѣстнаго юриста

---

[146]) Критическій разборъ послѣднихъ двухъ сочиненій помѣщенъ у гр. Камаровскаго, „Обзоръ Совр. Литер.", стр. 198—218.

объѣхалъ и осмотрѣлъ лагерь: корпусы Дерфельдена и Потемкина стали противъ сѣвернаго фронта крѣпости, а Ферзенъ противъ восточнаго. Около полуночи стали передъ фронтомъ лагерей возводить батареи: Ферзенъ—№ 3 и № 4 на 48 орудій въ 300 саж. отъ укрѣпленій, Потемкинъ—№ 2 на 16 ор. въ 300 саж. отъ батарей Песочной горы, а Дерфельденъ—№ 1 на 22 ор. въ разстояніи версты и даже болѣе отъ сѣвернаго фронта. Цѣль постройки батарей — отчасти подготовка штурма, а главное, чтобы дать поводъ непріятелю ожидать осады и думать, что дѣло откладывается въ долгій ящикъ.

Утромъ 23-го октября къ удивленію поляковъ, незамѣтившихъ работъ русскихъ, батареи открыли огонь; непріятельская артиллерія отвѣчала съ живостью. Суворовъ лично со свитой произвелъ развѣдку Праги и назначилъ штурмъ въ ту же ночь на 24-е октября. Диспозиція, отданная заблаговременно еще ранѣе 22-го октября, заключалась въ слѣдующемъ: армія раздѣлена на семь колоннъ: 1 и 2 составлены изъ корпуса Дерфельдена, 3 и 4—Потемкина, а 5, 6 и 7—Ферзена[1]). Первыя че-

---

[1]) Приводимъ здѣсь составъ колоннъ:

1-я колонна генералъ-маіора Ласси 3-й баталіонъ Лифляндскаго егерскаго корпуса, три баталіона Фанагорійскаго гренадерскаго полка; въ резервѣ колонны: Тульскій мушкетерскій полкъ (два баталіона) и три эскадрона Кіевскаго конно-егерскаго полка; *всего 6 баталіоновъ и 3 эскадрона.*

2-я колонна полковника князя Лобанова-Ростовскаго: 2-й баталіонъ Бѣлорусскаго егерскаго корпуса, Апшеронскій мушкетерскій полкъ (два баталіона), баталіонъ Низовскаго мушкетерскаго полка; въ резервѣ колонны: другой баталіонъ Низовскаго полка и три спѣшенныхъ эскадрона Кинбурнскаго драгунскаго полка; *всего 5 баталіоновъ и 3 спѣшенныхъ эскадрона.*

3-я колонна генералъ-маіора Исленьева: 2-й баталіонъ Лифляндскаго егерскаго корпуса, Херсонскій гренадерскій полкъ (четыре баталіона); въ резервѣ колонны: баталіонъ Смоленскаго мушкетерскаго полка, пять спѣшенныхъ эскадроновъ Смоленскаго драгунскаго полка и три эскадрона Переяславскаго конно-егерскаго полка; *всего 6 баталіоновъ, 5 спѣшенныхъ эскадроновъ и еще 3 эскадрона.*

4-я колонна генералъ-маіора Буксгевдена: 3-й баталіонъ Бѣлорусскаго егерскаго корпуса, 4 баталіонъ Лифляндскаго егерскаго корпуса, Азовскій мушкетерскій полкъ (два баталіона); въ резервѣ колонны: Гляжскій мушкетерскій полкъ (два баталіона), пять спѣшенныхъ эскадроновъ Смоленскаго драгунскаго полка и три эскадрона Ольвіопольскаго гусарскаго полка; *всего 6 баталіоновъ, 5 спѣшенныхъ эскадроновъ и еще 3 эскадрона.*

мыя въ различныхъ мѣстахъ земного шара раскопки доставляютъ намъ многочисленные образцы грубаго и примитивнаго оружія до-историческаго человѣка: топоры, молоты, стрѣлы и т. п., первоначально сдѣланные изъ грубо-обтесанныхъ камней, затѣмъ шлифованные, бронзовые и, наконецъ, желѣзные. Замѣчательно, что при частыхъ находкахъ до-историческаго оружія, предметы домашняго, мирнаго обихода встрѣчаются сравнительно рѣдко. Обстоятельство часто находимаго оружія невольно наводитъ на мысль, что война появилась на землѣ одновременно съ появленіемъ на ней человѣка и велась чаще, чѣмъ въ самыя отдаленныя, намъ извѣстныя, историческія эпохи человѣчества. Сначала война была не что иное, какъ борьба изъ за существованія между отдѣльными индивидуумами; затѣмъ она перешла въ борьбу между племенами и народами, борьбу, цѣль которой были грабежъ и нажива. Справедливо говоритъ Лоранъ [1]), что война въ началѣ исторіи народовъ не что иное, какъ грабежъ, средство пріобрѣтенія, превращающееся у завоевателей въ средство удовлетворенія своего честолюбія и властолюбія. Только постепенно утрачиваетъ война этотъ характеръ организованнаго разбоя и начинаетъ преслѣдовать не интересы отдѣльныхъ частныхъ лицъ, но интересы всего государства. Война въ древности составляла нормальное состояніе народовъ; миръ носитъ характеръ случайнаго и непрочнаго перемирія, заключаемаго народами между собой только для болѣе успѣшной подготовки слѣдующей войны и нарушаемаго при первомъ удобномъ случаѣ [2]). Такое частое и почти безпрерывное появленіе войны въ исторической жизни древности легко объясняется отчужденностью и враждебнымъ отношеніемъ другъ къ другу древнихъ народовъ: каждый народъ живетъ особнякомъ, чуждаясь своихъ сосѣдей и смотря на нихъ, какъ на естественныхъ своихъ враговъ; всякій чужестранецъ eo ipso считается непріятелемъ и въ принципѣ ли-

---

[1]) *Laurent.* «Études sur l'histoire de l'humanité». T. I, p. 7, изд. 1885 г

[2]) *Laurent.* Op. cit., p. 8.

шенъ всякихъ правъ; сознаніе общихъ интересовъ и необходимости мирнаго и прочнаго порядка между государствами совершенно отсутствуетъ въ древнемъ мірѣ, а если это сознаніе иногда и просыпалось, то непреодолимымъ препятствіемъ къ мирному сближенію народовъ древности являлась разница исповѣдуемыхъ ими религій [8]; каждый народъ поклонялся своимъ мѣстнымъ національнымъ богамъ и смотрѣлъ на всѣхъ иностранцевъ, какъ на нечистыхъ, отверженныхъ.

Можно смѣло сказать, что древній міръ не зналъ международнаго права; болѣе того, за исключеніемъ развѣ Рима, имѣвшаго, правда, весьма еще несовершенное понятіе объ этихъ правахъ, но все-же имѣвшаго свое jus gentium, древность не знала правъ человѣка, какъ таковаго; человѣческая личность являлась носителемъ извѣстныхъ правъ только въ своемъ государствѣ и только постольку, поскольку она являлась гражданиномъ этого государства. За предѣлами своего отечества человѣкъ, въ принципѣ, не имѣлъ никакихъ правъ и зависѣлъ вполнѣ отъ произвола того чужеземнаго народа, въ которомъ онъ временно находился. Понятно отсюда, что народы древности, не зная международнаго права и правъ человѣческой личности, какъ таковой, не могли знать и права войны въ томъ смыслѣ, какъ мы теперь его понимаемъ. Война являлась въ эту эпоху неограниченнымъ примѣненіемъ силы и побѣжденный, если иногда онъ и пользовался великодушіемъ побѣдителя, то развѣ только въ томъ смыслѣ, что ему иногда сохранялась жизнь; различія между воюющими и мирнымъ населеніемъ не существовало—всякій подданный враждебнаго государства, безъ различія пола и возраста, могъ быть убитымъ, обращеннымъ въ неволю, а часто даже подвергаемъ мученіямъ; противъ врага допускалось, вообще говоря, употребленіе всякаго рода оружія, всѣхъ средствъ, даже вѣроломныхъ, способныхъ нанести ему вредъ; ни раненые, ни сдающіеся

---

[8]) *Fustel de Coulanges.* «La cité antique». P. 1866 Liv. III, ch. VI, VII XIV et XV. *Каченовскій.* «Курсъ международнаго права», кн. 2-ая, стр. 133.

враги не могли разсчитывать на пощаду, и лучшимъ исходомъ для военноплѣнныхъ было обращеніе ихъ въ рабство. Однако и въ древнемъ мірѣ мы можемъ замѣтить извѣстное постепенное развитіе началъ современнаго права войны: мало по малу судьба побѣжденныхъ постепенно улучшается, войны становятся менѣе жестокими и кровопролитными и начинаютъ вырабатываться нѣкоторые обычаи, соблюденіе которыхъ на войнѣ считается обязательнымъ, напр. соблюденіе даннаго врагу слова, неприкосновенность парламентеровъ и т. п. Но было-бы ошибочнымъ думать, что эти обычаи войны древности создались вслѣдствіе сознанія народами необходимости регулировать проявленія войны извѣстными юридическими нормами; скорѣе можно приписать ихъ появленіе врожденному чувству гуманности, которое никогда вполнѣ не покидаетъ человѣка, равно какъ и сознанію взаимной пользы для всѣхъ народовъ, соблюдающихъ эти обычаи; иными словами, не чувство права и справедливости, но чувство гуманности, нравственности и зарождавшееся сознаніе существованія общихъ для всѣхъ народовъ интересовъ руководило древними при установленіи ими извѣстныхъ обычаевъ, обязательныхъ на войнѣ. Изученіе права войны древности настолько и интересно, насколько оно намъ показываетъ, что нѣкоторыя начала современнаго права войны имѣютъ свое основаніе въ самой человѣческой природѣ, и что уже и въ ту эпоху совѣсть человѣка протестовала противъ безграничнаго примѣненія силы на войнѣ.—Обращаясь собственно къ юридическому положенію личности во время войны, мы a priori можемъ сказать, что эта человѣческая личность, вообще говоря, не пользовалась никакими правами. Въ самомъ дѣлѣ, если въ мирное время иностранецъ не имѣлъ никакихъ правъ въ иностранномъ государствѣ, или имѣлъ ихъ лишь въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ, то понятно, что разъ этотъ иностранецъ переходилъ въ положеніе врага, нельзя было ожидать для него признанія какихъ либо правъ.—Какъ общее правило, можно сказать, что всякій подданный враждебнаго государства могъ быть безнаказанно убиваемъ, подвергаемъ мученіямъ и оскорбле-

ніямъ и что ни раненые, ни больные, ни обезоруженные враги не могли ожидать пощады отъ побѣдителя; если имъ иногда и даровалась жизнь, то дѣлалось это лишь изъ разсчета, дабы, обративъ побѣжденнаго врага въ раба, пользоваться имъ, какъ извѣстнаго рода рабочей силой. У нѣкоторыхъ народовъ, какъ напр. у Индусовъ и Грековъ, мы, правда, находимъ болѣе человѣколюбивыя постановленія относительно образа веденія войны; но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что постановленія эти касались исключительно войнъ между различными единоплеменными народами, т. е. войнъ между различными государствами Индіи и Греціи; въ войнахъ-же съ другими народностями эти постановленія не соблюдались.—Древній міръ представляетъ изъ себя пять типовъ различныхъ государственныхъ устройствъ, различающихся и въ своихъ обычаяхъ веденія войны. Эти пять типовъ слѣдующіе: на Востокѣ: теократіи, деспотіи и торговыя государства и на Западѣ—Греція и Римъ.—Теократіи (Индія, Египетъ и Іудея) отличаются особенной замкнутостью и отчужденностью; весь государственный строй основанъ на религіи, всякое нововведеніе является, такимъ образомъ, нарушеніемъ догматовъ религіи; всякая теократическая нація смотритъ на себя, какъ на избранный божествомъ народъ, а на всѣ остальные народы, какъ на враговъ своихъ боговъ; поэтому войны теократическихъ государствъ носятъ характеръ фанатической ненависти къ врагу, переполнены ненужными жестокостями и звѣрствами и являются особенно кровопролитными и опустошительными. Такъ велась война Египтянами: во время битвы никому не было оказываемо пощады; лучшимъ украшеніемъ колесницы фараона послѣ побѣды считались гирлянды изъ отрубленныхъ головъ непріятелей [4]); древне-египетскіе памятники, разсказывающіе намъ исторію войнъ фараоновъ съ сосѣдними народами, представляютъ цѣлый рядъ самыхъ жестокихъ мученій, которымъ подвергались плѣнные: имъ отсѣкали

---

[4]) *Ивановъ.* «Характеристика международныхъ отношеній и международнаго права въ историческомъ развитіи». Казань. 1874., стр. 56.

правую руку [5]), казнили смертью [6]), отрѣзывали половые органы и по числу этихъ трофеевъ опредѣляли важность побѣды [7]). Одна надпись Сезостриса даетъ намъ полное понятіе о взглядѣ Египтянъ на войну; согласно этой надписи, обязанность фараона—управлять Египтомъ и карать чужеземные народы [8]). Однако Египтяне при всей своей жестокости были вмѣстѣ съ тѣмъ весьма разсчетливымъ народомъ, и разсчетъ этотъ побуждалъ ихъ сохранять жизнь большинству военноплѣнныхъ, которые употреблялись побѣдителями для возведенія тѣхъ колоссальныхъ построекъ, которыя до сихъ поръ приводятъ въ удивленіе путешественниковъ. Единственной заслугой Египтянъ въ отношеніи развитія права войны можетъ считаться введеніе ими въ составъ своихъ войскъ организованной медицинской помощи для ухода за ранеными египетскими воинами [9]). Войны другой теократіи, Іудеи, были не менѣе жестокими и опустошительными; куда дѣвалось все первоначальное населеніе Іудеи, всѣ эти Амалекитяне, Моавитяне, Идумеи и т. п? Между тѣмъ, по свидѣтельству древнеассирійскихъ памятниковъ уже въ X и IX вв. до Р. Х. страна эта была густо заселена и отличалась цвѣтущей культурой [10]), обладала укрѣпленными городами, какъ Іерихонъ; до насъ-же объ этой культурѣ не дошло ни одного вещественнаго памятника, ни одного камня, ни одной надписи. Впрочемъ, въ войнахъ Евреевъ надо различать два рода войнъ: войны священныя изъ за обладанія обѣтованной землей; эти войны ведутся особенно безжалостно и жестоко и побѣжденные народы буквально поголовно избиваются, всякія средства вредить врагу во время такихъ войнъ допустимы; такъ, пѣснь Деборы про-

---

5) *Laurent*. Op. cit. I, p. 264.

6) *Laurent*. Op. cit. I, p. 261.

7) *Laurent*. Op. cit. I, p. 263. note 4.; изображеніе такого способа считать количество побѣжденныхъ враговъ изображено въ храмѣ въ Мединетъ-Абу.

8) *Laurent*. Op. cit. I, p. 265.

9) *Diodor. Sicul.* T. I, ch. LXXXII.

10) *Ranke*—«Weltgeschichte». 1881. I, p. 88.

славляетъ коварное убійство врага, а Саулъ подвергается проклятію Самуила за то, что пощадилъ жизнь женщинъ и дѣтей Амалекитянъ. Напротивъ того, второго рода войны, войны случайныя, ведшіяся съ сосѣдними народами не изъ-за обладанія Палестиной, сравнительно гораздо мягче въ своихъ проявленіяхъ: плѣнные почти никогда не убивались, но обращались въ рабство, или облагались данью; тѣла убитыхъ враговъ обыкновенно предавались погребенію [11]).—Болѣе всего изъ всѣхъ теократій гуманными взглядами на войну отличалась древняя Индія. До насъ дошли постановленія законовъ Ману, касающіяся права войны и гарантирующія личности извѣстныя права даже во время военныхъ дѣйствій. Правда, что эти постановленія касаются исключительно войнъ между индѣйскими, т. е. единоплеменными и единовѣрческими народами и къ войнамъ съ иностранцами не примѣняются, но, тѣмъ не менѣе, достаточно важенъ уже тотъ фактъ, что подобныя постановленія могли быть формулированы въ столь отдаленную отъ насъ эпоху. Воинамъ воспрещается во время битвы употреблять отравленное оружіе, предписывается щадить земледѣльцевъ, раненыхъ, просящихъ пощады, спящихъ, убитыхъ горемъ, беззащитныхъ, бѣгущихъ и трусовъ [12]). Справедливо замѣчаетъ Ивановъ [13]), что законы Ману опредѣляютъ войну не какъ простое грубое насиліе, но какъ враждебное состояніе, или борьбу между государствами, вызываемую необходимостью и подчиненную въ своихъ проявленіяхъ извѣстнымъ правиламъ, сообразно цѣли войны.—Кромѣ законовъ Ману, объ этомъ древнѣйшемъ періодѣ исторіи Индіи мы не имѣемъ иныхъ памятниковъ, которые могли-бы дать намъ понятіе о способѣ веденія войны древнихъ Индусовъ и о положеніи во время военныхъ дѣйствій человѣческой личности.

---

[11]) *Müller Iochmus.* «Geschichte des Völkerrechts. S. 72—73.

[12]) Mânava—Dharma—Sâstra ou lois de Manoou trad. de Leiseleur Deslongchamps—помѣщено у G. Pauthier, «Livres sacrés de l'Orient» C. 1841. См. книга VII.

[13]) Ивановъ. Op. cit., стр. 55.

Другой типъ государствъ древности, деспотіи (Халдея, Ассирія, Вавилонія и Мидо-Персія), отличаются отъ теократій своей подвижностью, способностью къ завоеваніямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ непрочностью образуемыхъ ими государствъ. Если въ теократіи верховнымъ началомъ всего государственнаго строя является религія, то въ деспотіяхъ этимъ началомъ должно признать личность, или династію правителя, царя. Царь въ деспотіи есть верховный и единственный источникъ всѣхъ правъ и юридическое положеніе всякаго лица, будь то собственный его подданный, или чужеземецъ, побѣдитель или побѣжденный, зависитъ исключительно отъ воли царя. Мы встрѣчаемъ указанія въ исторіи, что у Персовъ, напр., плѣнники изъ Грековъ, понравившіеся царю, ставятся по своимъ правамъ выше собственныхъ его подданныхъ, назначаются сатрапами и правителями отдѣльныхъ областей. Вообще, война велась древними деспотіями крайне жестоко и кровопролитно, а послѣ побѣды господство надъ побѣжденными укрѣплялось не менѣе насильственными мѣрами. Особенно было распространено массовое переселеніе покоренныхъ народовъ.—Наибольшей жестокостью въ своихъ войнахъ отличались Ассиріяне.—Извѣстный знатокъ древняго Востока, Масперо, такъ характеризуетъ Ассиріянъ: „Было", говоритъ онъ, „мало народовъ въ исторіи, до такой степени злоупотреблявшихъ правомъ сильнаго, какъ Ассиріяне; это былъ жестокій, предательскій народъ убійцъ и грабителей [14]". — Ассирійскій царь Санхерибъ такъ самъ на одномъ памятникѣ описываетъ свое торжество надъ какимъ-то возставшимъ противъ него народцемъ: „Я сложилъ въ кучи трупы солдатъ какъ трофеи побѣды и отрѣзалъ у нихъ конечности; я переломалъ какъ солому тѣхъ, которыхъ взялъ живыми [15]). „Ассуръ-Банъ-Габалъ послѣ другой побѣды надъ Вавилонянами сжегъ живымъ ихъ царя, вырвалъ языки у плѣн-

---

[14]) *Maspero*. «Histoire ancienne». P. 282.

[15]) *Н. Н. Смирновъ*. «Развитіе отношеній завоевателей къ покореннымъ на древнемъ востокѣ» Казань. 1887, стр. 25.

ныхъ и затѣмъ, разложивъ ихъ связанными передъ каменными быками Санхериба, приказалъ сбросить на нихъ этихъ быковъ и задавилъ ихъ, а трупы бросилъ на разстерзаніе псамъ [16]). Изъ другихъ ассирійскихъ памятниковъ видно, что обыкновенно военноплѣнные подвергались Ассиріянами различнымъ мученіямъ и въ концѣ концовъ избивались [17]). Часто однако побѣжденнымъ оставлялась жизнь, и тогда они массами переселялись въ различные округи Ассирійской монархіи.

Такого рода насильственная колонизація являлась, съ одной стороны, политическимъ средствомъ для закрѣпленія за Ассиріей покоренныхъ странъ; съ другой-же стороны, они представляли нѣкоторое улучшеніе въ положеніи побѣжденныхъ, которые, по крайней мѣрѣ, сохраняли свою жизнь. Такія насильственныя переселенія побѣжденныхъ народовъ начинаются съ половины VIII-го вѣка до Р. Х., при царѣ Тиглатъ-Пилезарѣ II-мъ. Семитическія племена передней Азіи переводятся на территоріи Арменіи и Персіи и, наоборотъ, арійское населеніе Персіи и Арменіи переселяется въ страны передней Азіи [18]).—Персидская монархія представляетъ въ своихъ основныхъ чертахъ тѣ-же признаки, что и Ассирія: и здѣсь весь политическій строй государства зависѣлъ отъ доброй воли царя персидскаго, считавшаго себя всемірнымъ владыкой и смотрѣвшаго на всѣ сосѣдніе народы, какъ на своихъ подданныхъ, бунтующихъ противъ законной власти царя.—Военные обычаи Персовъ значительно гуманнѣе ассирійскихъ, хотя и встрѣчаются отдѣльные случаи возмутительно жестокаго обращенія съ военноплѣнными и покоренными народами. Сенека приводитъ примѣръ одного персидскаго царя, велѣвшаго отрѣзать носы у цѣлаго побѣжденнаго имъ народа [19]).

---

[16]) *Смирновъ.* Op. cit., стр. 25.

[17]) *Каченовскій.* Op. cit., стр. 154 книги 2-ой.

[18]) *Смирновъ.* Op. cit., стр. 27. См. также *Smith.* «History of Assyria».

[19]) *Laurent.* Op. cit. I, p. 442.

Вообще говоря, напрасно было-бы искать у Персовъ уваженія человѣческой личности. Намъ мало извѣстны обычаи, практиковавшіеся ими во время самаго веденія военныхъ дѣйствій, но по общему отзыву всѣхъ современныхъ этой эпохѣ писателей, а также по изысканіямъ ученыхъ новѣйшаго времени, можно съ увѣренностью сказать, что побѣжденные могли считать за особую милость, если побѣдитель оставлялъ ихъ въ живыхъ и обращалъ въ рабство; рабство это было болѣе унизительнымъ, чѣмъ гдѣ-бы то ни было, ибо въ политику Персовъ входило систематическое развращеніе побѣжденныхъ [20]). О матеріальномъ благосостояніи побѣжденныхъ народовъ Персы заботились больше Ассиріянъ, и есть указанія, что Дарій Гистаспъ стремился поднять благосостояніе завоеваннаго имъ Египта; но дѣлалось это, вѣроятнѣе всего, изъ личныхъ разсчетовъ, дабы имѣть вѣрныхъ плательщиковъ дани. Персы прежде всего старались извлечь изъ побѣжденныхъ возможно большую для себя матеріальную выгоду и этимъ только можно объяснить ихъ подчасъ сравнительно гуманное обращеніе съ побѣжденными [21]).

О военныхъ обычаяхъ государствъ древняго Востока, извѣстныхъ подъ именемъ *торговыхъ*, Финикіи и Карѳагена, намъ въ подробностяхъ извѣстно также очень мало, но, по общему отзыву писателей, они отличались своимъ вѣроломствомъ и жестокостью: финикійскіе договоры и пуническая честность вошли даже въ поговорку, какъ синонимы коварства [22]), а Римляне иначе не называли Финикіянъ, какъ fallacissimum genus Phoenicum. Во время войнъ они убивали варварскимъ образомъ женщинъ и дѣтей, выкалывали глаза плѣннымъ, отрѣзали у нихъ пальцы ногъ и рукъ и приносили ихъ

---

[20]) *Laurent.* Op. cit. I, p. 437—438.

[21]) *Holzendorff.* «Die Geschichtliche Entwickelung der Internationalen Rechts=und Staatsbeziehungen bis zum Westphälischen Frieden». § 45 въ Holzendorff's Hndbch. I.

[22]) *Ивановъ.* Op. cit., стр. 62.

въ жертву богамъ [23]). Во время Сицилiанскихъ войнъ Кароагенянъ, наемныя войска ихъ поражали Римлянъ своею жестокостью и кровожадностью. Титъ Ливiй представляетъ намъ солдатъ Аннибала питающимися человѣческимъ мясомъ и строющими мосты изъ труповъ [24]). Взятiе Селинунта сопровождалось, по словамъ Дiодора Сицилiйскаго, неслыханными звѣрствами. Обычнымъ явленiемъ было распятiе на крестахъ Кароагенянами всѣхъ взятыхъ ими въ плѣнъ непрiятелей. Жестокость у Кароагенянъ являлась своего рода разсчетомъ: при помощи ея они старались запугать сосѣднiе народы и такимъ образомъ обезпечить свои торговые обороты и захватить въ свои руки всемiрную торговлю. Сохранилось извѣстiе, правда не особенно достовѣрное, что они имѣли обычай убивать всѣхъ иностранцевъ, подплывавшихъ къ Геркулесовымъ Столбамъ, т. е. къ Гибралтару.

Въ общемъ, какъ въ теократiяхъ, такъ и въ деспотiяхъ и въ торговыхъ государствахъ, мы видимъ постоянное полное неуваженiе къ личности врага; надъ ней допускаются всевозможныя насилiя и счастливы тѣ, которые погибли въ бою. Вся разница въ причинахъ такой негуманности и жестокости: въ теократiяхъ—религiозный фанатизмъ и нетерпимость; въ деспотiяхъ—отчасти самый характеръ образующихъ ихъ народовъ, кочевниковъ, отчасти безграничный произволъ правителей и полное безправiе передъ нимъ собственныхъ подданныхъ, развивающiе въ этихъ подданныхъ полное отсутствiе понятiя о какомъ-бы то ни было правѣ, кромѣ права сильнаго; наконецъ, въ торговыхъ государствахъ—корысть и расчетъ, возведенные въ государственные принципы и вѣроятно также отчасти и религiозный фанатизмъ.—Какъ-бы то ни было, исключая Индiи, мы нигдѣ на древнемъ Востокѣ не встрѣчаемся хотя бы со сколько нибудь человѣчнымъ образомъ веденiя войнъ.

---

[23]) *Laurent.* Op. cit., I p. 474.

[24]) *Laurent.* Op. cit., I, p. 505. *T.-Liv.* XXIII. 6.

Если теперь отъ государствъ древняго Востока мы перейдемъ къ Греціи и сравнимъ положеніе человѣческой личности во время войнъ, веденныхъ государствами перваго рода, съ военными обычаями Грековъ, то насъ поразитъ тотъ огромный шагъ впередъ, который былъ совершенъ человѣчествомъ къ смягченію проявленій грубой силы на войнѣ. Правда, Греки не знаютъ еще международнаго права, но нельзя отрицать однако существованія извѣстнаго между-греческаго права, извѣстныхъ обычаевъ войны, соблюдавшихся Греками въ своихъ домашнихъ войнахъ; болѣе того, если Греки еще и проникнуты духомъ національной исключительности и если они и сознаютъ свое превосходство надъ остальными народами, варварами, и приравниваютъ ихъ почти къ животнымъ [25]), то все-же мы нигдѣ не можемъ найти въ исторіи указаній на такое жестокое обращеніе съ плѣнными варварами, которое постоянно находимъ въ войнахъ древняго Востока.—Грекъ, благодаря своему умственному развитію, благодаря сильно развитому чувству собственнаго достоинства, никогда не унижался до того, чтобы истязать плѣнныхъ или хладнокровно добивать раненыхъ. Указываютъ иногда на тотъ фактъ, что во время Персидскихъ войнъ Аѳиняне принесли въ жертву богамъ трехъ плѣнныхъ Персовъ, но это единственный подобный случай въ исторіи Греціи, и надо принять во вниманіе, что совершился онъ въ тотъ моментъ жизни Греціи, когда всѣ страсти подъ вліяніемъ опустошительнаго и грозящаго гибелью всей странѣ нашествія Персидскаго царя, были подняты до maximum'a. Обыкновенно, даже во время своихъ войнъ съ варварами, Греки никогда не совершали излишнихъ и ничѣмъ не оправдываемыхъ жестокостей, а взятыхъ въ плѣнъ враговъ обращали въ рабство и никогда не мучили и не уби-

---

[25]) Исократъ—Isocrates—«De permutationibus» 293.—говоритъ: «Греки столько-же возвышены надъ варварами, сколько люди надъ животными». Платонъ и Аристотель признаютъ, что варвары по природѣ своей предназначены для рабства и что для покоренія ихъ дозволены всѣ средства.—См. *Каченовскій*. Op. cit., 2-ая кн., стр. 173.

вали. Въ чемъ можно справедливо упрекнуть Грековъ, такъ это въ вѣроломствѣ, и Лоранъ[26]) приводитъ въ доказательство этого мнѣнія книгу Поліэна, собравшаго всѣ военныя хитрости Грековъ и постоянно упоминающаго объ ихъ вѣроломствѣ и коварствѣ. То, что намъ извѣстно о войнахъ греческихъ государствъ между собою, убѣждаетъ насъ въ существованіи если не права войны въ полномъ смыслѣ слова, то все-же въ существованіи извѣстныхъ общепризнанныхъ между Греками обычаевъ войны, нарушеніе которыхъ осуждается и признается незаконнымъ. Война обыкновенно открывается торжественнымъ ея объявленіемъ черезъ герольдовъ—κήρυκες. Послы и герольды пользуются правомъ личной неприкосновенности, тѣмъ-же правомъ располагаютъ и различнаго рода пассивные комбатанты, сопровождающіе армію[26a]), въ особенности лица духовнаго званія, прорицатели (μάντεις) и т. н. пирофоры, т. е. хранители священнаго огня.—Личность побѣжденнаго врага пользовалась извѣстнымъ уваженіемъ: убійство раненыхъ и плѣнныхъ считается дѣяніемъ позорнымъ и встрѣчается въ исторіи греческихъ войнъ только какъ исключеніе, какъ нарушеніе общепризнанныхъ понятій. Еврипидъ, выражая общую всей Греціи мысль, говоритъ, что смерть плѣнника есть пятно, которое кладетъ на себя виновный въ ней[27]). Понятіе о законныхъ и незаконныхъ комбатантахъ отчасти также не было чуждо Грекамъ. Можно найти указанія, что при взятіи укрѣпленнаго города участь мирнаго населенія, взявшагося за оружіе для защиты города, была всегда болѣе тяжелой, нежели участь гарнизона, защищавшаго акрополь; гарнизонъ нерѣдко даже не брался въ плѣнъ, а отпускался безпрепятственно въ свое государство на основаніи заранѣе заключенной при сдачѣ крѣпости капитуляціи (ὁμολογία)[27a]). Однако, съ другой стороны, не видно, чтобы Греки проводили въ своихъ войнахъ различіе между мирнымъ населеніемъ города или страны и

---

[26]) *Laurent.* Op. cit. II, p. 123.
[26a]) *Holzendorff's* Hndbch. I. § 52.
[27]) *Laurent.* II, p. 137.
[27a]) *Holzendorff's* Hndbuch. I s. 216.

непріятельскимъ войскомъ, т. е. между комбатантами и некомбатантами; и мы постоянно встрѣчаемся съ такими фактами, что, послѣ взятія города, все мужское населеніе избивается или обращается въ рабство, или что все населеніе безъ различія пола и возраста изгоняется изъ отечества [28]). Встрѣчаются случаи запрещенія употреблять на войнѣ скрытое, или далеко бросаемое оружіе; такія постановленія существовали въ древней Ахеѣ и на островѣ Эвбеѣ.—Судьба военноплѣнныхъ также несравненно лучше, чѣмъ у народовъ древняго Востока: они по большей части обращаются въ рабство, освободиться отъ котораго всегда было возможно посредствомъ выкупа; встрѣчаются также случаи освобожденія военноплѣнныхъ подъ обѣщаніемъ заплатить выкупъ; такъ, во время войны Мегары съ Коринѳомъ военноплѣнные были отпущены на свободу обѣими сторонами подъ честнымъ словомъ заплатить выкупъ; неисполнившіе обѣщаніе почитались даже своими согражданами за людей безчестныхъ [29]). Послѣ несчастной для Аѳинъ сициліанской экспедиціи, многіе изъ плѣнныхъ Аѳинянъ были освобождены отъ рабства Сиракузянами только за то, что умѣли наизусть читать и пѣть стихи Еврипида; а Александръ Великій, послѣ разрушенія Ѳивъ, освободилъ отъ рабства всѣхъ Ѳиванцевъ, которые оказали гостепріимство его отцу Филиппу [30]).— Однако, обыкновеннымъ способомъ освобожденія отъ военнаго плѣна былъ выкупъ, обычай, зародившійся въ Греціи и существовавшій почти вплоть до новѣйшаго времени, до начала XVIII вѣка. Размѣръ выкупа у Грековъ былъ не произвольный, но заранѣе установленный и существовали даже особые чиновники, т. н. *τιμηταὶ τῶν αἰχμαλώτων*,—обязанные опредѣ-

---

[28]) *Laurent*, II, p. 137, указываетъ на соглашеніе между Мегарой и Коринѳомъ, по которому обѣ стороны обязуются щадить во время войны земледѣльцевъ.

[29]) *Laurent*. II, p. 138.

[30]) *Ивановъ*. Op. cit., стр. 68—69.

лять таксу выкупа [31]). Слѣдовательно, взятый въ плѣнъ Грекъ этимъ еще не лишался всѣхъ своихъ правъ, но всегда имѣлъ право выкупить свою свободу; а взявшій въ плѣнъ не могъ устанавливать размѣръ выкупа произвольно-высокимъ, но долженъ былъ сообразоваться съ установленной таксой. Если мы вспомнимъ, что Грекъ въ своемъ собственномъ государствѣ въ мирное время могъ быть за долги на время обращенъ въ рабство, пока онъ не уплатитъ долга, что въ Греціи постоянно проводилось различіе между собственно рабами, т. е. плѣнными варварами, и илотами, т. е. плѣнными изъ Грековъ, причемъ положеніе послѣднихъ было всегда лучше первыхъ [32]), такъ-какъ они не составляли частной собственности, подобно рабамъ, но принадлежали государству, то надо будетъ признать, что положеніе военноплѣнныхъ въ глазахъ Грековъ не должно было казаться черезъ-чуръ тягостнымъ, особенно если сравнить его съ положеніемъ военноплѣнныхъ не только на Востокѣ, но даже въ Римѣ, гдѣ военноплѣнный, обращенный въ рабство, рѣдко имѣлъ право выкупа и освобождался обыкновенно только благодаря доброй воли хозяина. Нѣкоторыя мѣста пользовались во время войны правомъ нейтралитета и убѣжища и скрывшіеся въ нихъ побѣжденные Греки могли разсчитывать на полную неприкосновенность; храмы главнѣйшихъ божествъ Греціи были такими неприкосновенными мѣстами убѣжищъ, и нарушеніе этого обычая всегда разсматривалось Греками, какъ тяжкое преступленіе противъ религіи.— Маленькій городъ Віотіи, Алалькомена, совершенно не былъ укрѣпленъ, но ни разу не подвергся непріятельскому нападенію, такъ-какъ онъ былъ подъ покровительствомъ чтимаго всѣми греками храма Минервы. Спартанцы во время своихъ войнъ съ Мессенянами и возставшими илотами всегда свято чтили право убѣжища храма Юпитера; Аѳиняне также не тро-

---

[31]) *Herodoti*. Lib. VI. 79. *Plutarchi*—quaest. graec. c. 17.—Одна мина за человѣка—опредѣляетъ таксу выкупа Плутархъ; двѣ, говоритъ Геродотъ.

[32]) *Laurent*. II, p. 62.

нули спасшихся въ храмѣ Юпитера въ Додонѣ Лакедемонянъ [33]).

Во время извѣстныхъ религіозныхъ торжествъ, изъ которыхъ наиболѣе извѣстны четыре: игры Олимпійскія, Пиѳійскія, Истмійскія и Немейскія, на всю Грецію распространялось временное перемиріе (*ἱερομηνία*); паломники, идущіе на эти торжества, пользовались правомъ личной неприкосновенности [34]). Большое вліяніе на гуманизацію права войны оказали также извѣстныя религіозныя конфедераціи Грековъ, амфиктіоніи, наиболѣе замѣчательной изъ которыхъ представляется амфиктіонія Дельфійская, издавшая декретъ, которымъ запрещается греческимъ государствамъ, входящимъ въ ея составъ: воздвигать постоянные трофеи въ память побѣды грековъ надъ греками, оставлять падшихъ въ сраженіи безъ погребенія и убивать непріятелей, бѣжавшихъ въ храмы [35]). Амфиктіоніи однако имѣли чисто религіозный, а не политическій характеръ и главною ихъ заботой было охраненіе извѣстныхъ наиболѣе уважаемыхъ святилищъ [36]). Существуютъ также многочисленныя свидѣтельства, что Греки неоднократно при возникавшихъ между различными государствами недоразумѣніяхъ, ранѣе, чѣмъ браться за оружіе, обращались къ третейскому разбирательству, при чемъ посредниками являлись обыкновенно философы, ораторы, извѣстные атлеты или государственные люди. Такъ, Пантаркесъ, знаменитый атлетъ, возстановилъ мирныя отношенія между Елеей и Ахеянами, при чемъ условіемъ, выставленнымъ для обѣихъ сторонъ, былъ взаимный размѣнъ ранѣе взятыхъ въ плѣнъ гражданъ. Симонидъ третейскимъ

---

[33]) *Laurent.* II, p. 135.

[34]) См. *Каченовскій.* Op. cit., кн. 2-ая стр. 162; и *Holzendorff's Hndbch.* I, s. 216.

[35]) *Каченовскій.* Op. cit., стр. 164.

[36]) Объ амфиктіоніяхъ см. Каченовскій, кн. 2-ая, стр. 163. *Laurent.* T. II, p. 79—98; *Tittmann.* «Ueber den Bund der Amphiktionien». Berl., 1812 и литературу, указанную у Каченовскаго, кн. 2-ая, стр. 164, примѣч. 1; *Holzendorff. Hndbch.* I, s. 211.

разбирательствомъ предупредилъ войну между Гіерономъ Сиракузскимъ и Терономъ, тираномъ Агригента. Солонъ выбралъ третейскими судьями между Аѳинами и Мегарой Спартанцевъ [37]).

Всѣ эти данныя, однако, не должны приводить насъ къ тому заключенію, что греки знали и примѣняли на практикѣ извѣстное право войны. Конечно, обычаи войны Грековъ значительно мягче, чѣмъ военные обычаи Востока; конечно, у нихъ были извѣстныя нормы, ограничивающія примѣненіе на войнѣ насилія, но противъ существованія у нихъ права войны говорятъ два весьма важныхъ обстоятельства: во-первыхъ, обычаи эти соблюдались только въ войнахъ между греческими государствами; во-вторыхъ, нормы, ограничивавшія примѣненія силы на войнѣ не были нормами юридическими, а чисто нравственными, выработавшимися вслѣдствіе единства національности, языка и, въ особенности, единства религіи. Человѣкъ, по понятію Грековъ, имѣетъ только постольку правъ, поскольку они даются ему государствомъ; иными словами—человѣкъ имѣетъ извѣстныя права только какъ гражданинъ своего государства, но не какъ вообще человѣческая личность; если по отношенію къ своимъ единоплеменникамъ, подданнымъ другихъ греческихъ государствъ, Греки даннаго государства и считаютъ себя обязанными соблюдать во время мира и на войнѣ извѣстные обычаи, то это дѣлается отнюдь не въ силу сознанія существованія извѣстнаго, общаго для всѣхъ людей или даже для всѣхъ Грековъ, правового порядка, но въ силу сознанія единства происхожденія, единства культуры, языка, иногда политической необходимости (напр. во время войнъ съ Персами) и, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ единства религіи и боязни оскорбить то или другое, равно всѣми Греками чтимое, божество. Тамъ, гдѣ всѣ эти факторы отсутствовали, гдѣ можно было, не нарушая религіозныхъ убѣжденій, безгранично

---

[37]) *Laurent*. II, p. 131.

примѣнять къ военнымъ дѣйствіямъ насиліе, Греки позволяли себѣ полное пренебреженіе къ правамъ человѣка.

Коренное различіе современнаго международнаго права войны отъ обычаевъ, соблюдавшихся Греками во время веденныхъ ими войнъ, настолько рѣзко, что оно не дозволяетъ намъ признать въ нихъ основателей современнаго права войны; оно коренилось: во-первыхъ—въ отсутствіи сознанія существованія и необходимости извѣстнаго юридическаго порядка между различными государствами, какъ во время мира, такъ и во время войны; во вторыхъ—въ отсутствіи признанія равноправности государствъ, какъ самостоятельныхъ и независимыхъ членовъ извѣстнаго цѣлаго, международнаго общества государствъ и, наконецъ, въ полномъ отсутствіи признанія за человѣческой личностью извѣстныхъ правъ, принадлежащихъ ей, какъ таковой. Фактически положеніе человѣческой личности во время войны у Грековъ было лучше, чѣмъ на Востокѣ, но юридически она оставалась безправной и всѣ смягченія, введенныя Греками въ обычаи войны, зависѣли, повторяемъ мы, отъ иныхъ факторовъ, но не отъ начавшаго проникать въ ихъ умы сознанія необходимости существованія извѣстныхъ юридическихъ нормъ, ограничивающихъ примѣненіе силы на войнѣ. Однако лучшіе умы Греціи, правда весьма еще смутно, сознаютъ необходимость такого юридическаго порядка. Платонъ считаетъ, что война должна быть обуздана закономъ и обычаемъ; довѣріе между непріятелями полезно для обѣихъ сторонъ [38]). Аристотель высказывается также противъ войны, но какъ только онъ выходитъ за предѣлы греческаго міра, такъ сейчасъ-же завоеваніе и обращеніе въ рабство варваровъ ему кажется законнымъ и даже благодѣтельнымъ. Одинъ изъ самыхъ позднихъ греческихъ писателей, Полибій, высказываетъ болѣе ясныя представленія о международномъ правѣ: война, по его мнѣнію, должна имѣть свои границы, свои дозволенныя и недозволенныя средства; въ войнѣ

[38]) *Каченовскій.* Op. cit., стр. 182. *Laurent.* II, p. 385—387.

справедливо только то, что неизбѣжно требуется для достиженія ея цѣли; это послѣднее положеніе достойно по своей мысли войти въ любой современный трактатъ о правѣ войны и вполнѣ соотвѣтствуетъ современнымъ понятіямъ о границахъ примѣненія силы на войнѣ. Далѣе, Полибій строго отличаетъ военныя хитрости отъ вѣроломства; онъ признаетъ безусловную обязательность даннаго врагу слова и осуждаетъ личныя репрессаліи противъ невинныхъ [39]). Вообще, мысли Полибія настолько замѣчательны, что его V-ую книгу Исторіи можно поставить во главѣ литературы права войны, какъ древнѣйшее сочиненіе, высказывающее правильный взглядъ на войну и ея проявленія.

Казалось бы съ перваго взгляда, что Римляне, съ ихъ замѣчательнымъ юридическимъ складомъ ума, способны были выработать извѣстное международное право и, въ частности, право войны. Нѣкоторые институты римскаго права, коллегія феціаловъ и институтъ рекуператоровъ какъ будто служатъ подтвержденіемъ такого мнѣнія; но, всматриваясь ближе въ характеръ этихъ учрежденій и разбирая данныя римской исторіи, приходится прійти къ заключенію, что римлянамъ неизвѣстно было ни международное право, ни право войны; уже Монтескье замѣтилъ это, а позднѣйшія изысканія ученыхъ подтвердили его мнѣніе. Римляне не могли знать международнаго права: право это предполагаетъ извѣстную связь между государствами, сознаніе существованія извѣстныхъ, принадлежащихъ государствамъ, равныхъ правъ и обязанностей; этого мы у Римлянъ не находимъ: подобно остальнымъ народамъ древности они смотрятъ на себя, какъ на народъ избранный и никогда не признаютъ равноправности остальныхъ государствъ. Отношеніе Рима къ прочимъ народамъ враждебное; война является нормальнымъ проявленіемъ этихъ отношеній, а миръ, какъ и вообще въ древности,—явленіе случайное и существуетъ только постольку, поскольку онъ оговоренъ трак-

---

[39]) *Каченовскій*—стр. 187.

татами. Личность иностранца въ принципѣ является безправной, хотя это положеніе отчасти смягчается институтомъ патроната; на языкѣ римлянъ то-же слово hostis обозначаетъ и чужеземца и врага; законы XII таблицъ говорятъ, что adversus hostem aeterna auctoritas; какъ-бы мы не толковали это выраженіе, смыслъ его одинъ,—безправіе иностранца. Въ первыя времена республики, когда Риму приходилось постоянно бороться за собственное существованіе, можно еще замѣтить извѣстное уваженіе къ правамъ враждебныхъ и сильныхъ народовъ, уваженіе, основанное исключительно на политическихъ соображеніяхъ; но, начиная съ конца пуническихъ войнъ, когда Римъ окрѣпъ и началъ свою завоевательную миссію, долженствовавшую окончиться установленіемъ всемірной римской имперіи, характеръ народа, не сдерживаемый болѣе необходимостью извѣстной осторожности, показалъ себя въ цѣломъ рядѣ самыхъ вопіющихъ насилій.—Нигдѣ въ исторіи Рима мы не можемъ найти указаній, чтобы личность врага признавалась носительницей извѣстныхъ правъ, напротивъ того, даже въ мирное время, иностранецъ никогда не пользовался равными съ римскими гражданами правами и положеніе его было крайне стѣсненнымъ.—Феціальное право и институтъ феціаловъ, которые нѣкоторыми писателями считаются за признакъ существованія у Римлянъ извѣстнаго права войны, по существу своему, суть скорѣе установленія религіозныя, нежели правовыя. Правда, что присущая Римлянамъ коренная черта характера, облекать всякое дѣйствіе въ строго-юридическую форму, сказалась и тутъ, такъ какъ война не иначе могла быть объявлена, какъ послѣ извѣстныхъ обрядовъ, совершаемыхъ феціалами и напоминающими собой юридическій процессъ; но всѣ эти обрядности были только формальностями, предназначенными для успокоенія совѣсти римлянъ и для оправданія ихъ въ глазахъ боговъ.—Въ принципѣ, объявленіе войны тому или другому народу рѣшалось не феціалами, а комиціями и сенатомъ [40]), феціалы-же предъявляли искъ къ непріятелю отъ

[40]) *Каченовскій*. Op. cit, кн. 2-ая, стр. 190.

имени сената и народа римскаго и давали ему извѣстный срокъ, въ теченіе котораго онъ долженъ былъ дать удовлетвореніе; но, обыкновенно, это удовлетвореніе или требовалось въ такомъ размѣрѣ, что непріятель ни въ какомъ случаѣ не могъ его исполнить, или, если оно давалось, то черезъ самое короткое время Римляне требовали новаго, чтобы вызвать необходимость войны и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить за собой извѣстную внѣшнюю правоту при начатіи войны. Война, обставленная всѣми должными обрядами, называлась законной, bellum justum et pium, независимо отъ того, насколько въ дѣйствительности были законны и справедливы вызвавшія ее причины. Такъ, во время войны съ Самнитами, Сенатъ, дабы не нарушить мира, заключеннаго Римомъ съ Самнитами, прибѣгъ къ фикціи, что Капуя, съ которой Самниты были въ войнѣ, передалась Риму и составляетъ его часть [41]); начало первой пунической войны также было заступничество Рима за Мамертинцевъ, какъ за союзниковъ Рима; между тѣмъ какъ въ дѣйствительности Мамертинцы были просто разбойники, ничего общаго съ Римомъ не имѣвшіе; третья пуническая война была вызвана самимъ Римомъ постоянными притѣсненіями его Карѳагенянъ [42]), хотя Римляне все таки обставили дѣло такъ, что съ формальной стороны неправы были ихъ непріятели. „Римляне", говоритъ Полибій [43]), „всегда желали показать, что они вынуждены вести войну и дѣлали видъ, что готовы ея избѣжать"; дѣлалось это исключительно для того, чтобы быть правыми передъ богами и расположить ихъ въ свою пользу. Что-же касается до образа веденія войны Римомъ, то можно сказать, что, вообще, противъ врага на войнѣ допускалось всякое насиліе, всякое коварство: Марцеллъ у Ливія [44]) говоритъ: „quidquid in hostibus feci, jus belli defendit"; Тацитъ выражается такъ: „ubi manu agitur, modestia ac

---

[41]) *Laurent.* III, p. 33.

[42]) *Laurent.* III, p. 129.

[43]) *Качсновскій*, кн. 2-ая, стр. 189, *Polybius*, Fragmenta, 57.

[44]) *Liv. XXVI. 31.* «Военное право разрѣшаетъ мнѣ поступать съ врагами какъ угодно».

probitas numina superioris sunt" [45]); кровь гладіаторовъ онъ называетъ vilis sanguis. Болѣе человѣколюбивые и справедливые взгляды высказываетъ Цицеронъ, находя, что и на войнѣ „то, что жестоко, не можетъ быть полезно". Отдѣльные полководцы, подобно Камиллу, Сципіону Африканскому, Метеллу, также являются гуманными побѣдителями; но, вообще говоря, отношеніе Римлянъ къ врагамъ, во время битвы и послѣ побѣды, жестокое и суровое: Ливій свидѣтельствуетъ, что во время итальянскихъ войнъ побѣдители римляне не только избивали всѣхъ военноплѣнныхъ, но даже и заложниковъ. Различія между мирнымъ населеніемъ и комбатантами не дѣлается: Германикъ во время войны съ Германцами говорилъ своимъ солдатамъ, чтобы они истребляли все населеніе, такъ какъ миръ невозможенъ, пока не будетъ уничтожена германская нація [46]); во время этой-же войны римскіе легіонеры хладнокровно убивали прячущихся на деревьяхъ обезоруженныхъ Германцевъ. Титъ, этотъ лучшій изъ римскихъ императоровъ, во время подавленія возстанія въ Іудеи, распиналъ на крестахъ всѣхъ евреевъ, которыхъ голодъ выгонялъ за стѣны Іерусалима; а послѣ взятія этого города, дозволилъ своимъ солдатамъ почти поголовное избіеніе всего народонаселенія [47]). Особенно тяжела была участь непріятельскихъ царей и полководцевъ, попадавшихъ въ плѣнъ къ Римлянамъ: они подвергались униженію тріумфа, а затѣмъ обыкновенно были предаваемы казни. Иногда римскіе полководцы истребляли цѣлые народцы, избивая не только безоружныхъ мужчинъ, но и женщинъ и дѣтей: такъ, Цезарь истребилъ безъ различія пола и возраста весь галльскій народъ Ебуроновъ [48]). Впрочемъ, обыкновенно, покоренные народы подвергались не такой су-

---

[45]) «Гдѣ дѣло рѣшается оружіемъ, тамъ умѣренность и честность зависятъ отъ побѣдителя».

[46]) *Laurent*. III, p. 330.

[47]) *Laurent*. III, p. 333.

[48]) *Laurent*. III, p. 169.

ровой участи и имъ оставлялись иногда даже ихъ автономныя права. Военноплѣнные обыкновенно обращались Римлянами въ рабство и продавались съ публичнаго торга (sub corona venditi), или дѣлались государственными рабами (servi publici). Во время республики встрѣчаются случаи освобожденія военноплѣнныхъ за выкупъ; но во время Имперіи ихъ участь ухудшается: сильно распространившаяся любовь Римскаго народа къ гладіаторскимъ боямъ вызвала необходимость превращать въ гладіаторовъ бо́льшую часть военноплѣнныхъ, особенно такихъ, которые, не отличаясь какими либо особыми талантами, не могли быть обращаемы съ пользой въ рабовъ, и огромная масса военноплѣнныхъ погибала въ циркахъ для забавы римскаго народа. Римляне такъ глубоко были убѣждены въ полной безправности военноплѣнныхъ, что считали даже римскаго гражданина, попавшаго въ плѣнъ къ врагамъ, лишившимся своихъ правъ; по возвращеніи изъ плѣна онъ получалъ эти права обратно только благодаря фикціи, предполагавшей, что плѣна въ дѣйствительности не было (jus postliminii).

Мы уже указывали, что какъ Римляне, такъ и вообще народы древности не выработали и не могли выработать какого либо права войны, такъ какъ у нихъ совершенно отсутствовали понятія о равноправности независимыхъ государствъ и о существованіи извѣстныхъ правъ, принадлежащихъ человѣческой личности, какъ таковой. Лучшіе умы Греціи и Рима только изрѣдка и весьма неясно сознавали эти понятія, и введенію ихъ въ жизнь человѣчество безспорно обязано новымъ народамъ, появившимся въ исторіи, германцамъ, и новой религіи, освѣтившей человѣчество—христіанству. Древніе германцы, въ противоположность Грекамъ и Римлянамъ, имѣли весьма слабо развитое стремленіе къ государственности и, наоборотъ, весьма сильное и ясное понятіе о правахъ личности. Если для древняго Грека или Римлянина государство представлялось чѣмъ-то особымъ, высшимъ, поглощающимъ въ себѣ личность, если въ ихъ воззрѣніи всѣ права человѣка

были правами гражданина и существовали только постольку, поскольку они вытекали изъ существующаго государственнаго строя, то, наоборотъ, въ глазахъ Германцевъ каждый свободный человѣкъ былъ eo ipso носителемъ извѣстныхъ правъ, государство-же было лишь случайнымъ собраніемъ такихъ свободныхъ людей. Понятно отсюда, что когда Германскіе народы завоевали западную Римскую Имперію, то они, съ одной стороны, разрушили зданіе римскаго государственнаго единства, разбили имперію на множество отдѣльныхъ мелкихъ государствъ, съ другой-же стороны, внесли въ правовую жизнь новое понятіе о правахъ личности, какъ таковой. Христіанское ученіе, съ своей стороны, внесло въ жизнь понятіе о равноправности народовъ, а послѣ обращенія германскихъ народовъ, стало тѣмъ связующимъ началомъ, которое объединило всѣ различныя, вновь образовавшіяся государства Запада, связало ихъ единымъ интересами религіи и, такимъ образомъ, подготовило путь для образованія современнаго культурнаго общества цивилизованныхъ государствъ.

Эпоха постепеннаго упадка Римской Имперіи и завоеванія ея варварами представляетъ изъ себя хаотическую картину разрушенія: падаетъ весь античный порядокъ вещей, его религія, политическое устройство; его обычаи и право, и съ перваго взгляда кажется, что человѣчество погружается въ первобытное свое состояніе анархіи; однако, мало по малу образуется новый порядокъ съ новымъ политическимъ устройствомъ; новые взгляды на человѣка и его права вырабатываютъ и новыя отношенія между побѣдителями и побѣжденными, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, всплываетъ вновь и то изъ разрушеннаго древняго порядка вещей, что заключаетъ въ себѣ жизнеспособные элементы. Можно сказать, что варвары, разрушивъ Римскую Имперію, уничтожили все отжившее и устарѣвшее и восприняли изъ римской жизни все то, что могло служить дѣлу культуры и прогресса; такъ, они заимствовали отъ Римлянъ начала Христіанской религіи, ихъ разработанное гражданское право, отчасти даже ихъ языкъ. За то государствен-

ный строй римлянъ замѣнился совершенно новымъ политическимъ порядкомъ, основаннымъ на владѣніи землей и на возможно большей личной независимости отдѣльныхъ свободныхъ личностей. Государство древности, этотъ минотавръ, поглощавшій личность, было въ свою очередь поглощено личностью. Каждое изъ отдѣльныхъ государствъ феодальнаго періода, имѣя во главѣ номинальнаго монарха,—сюзерена, въ то-же время, въ дѣйствительности представляло изъ себя конгломератъ столькихъ-же отдѣльныхъ государствъ, сколько въ государствѣ было крупныхъ земельныхъ собственниковъ, и это дробленіе власти и земли шло до крайнихъ предѣловъ, такъ какъ каждый баронъ имѣлъ право, въ свою очередь, раздробить свою власть и свою территорію между нѣсколькими вассалами, которые также могли имѣть подвассаловъ. Такимъ образомъ, государство превратилось въ рядъ частныхъ владѣній, а власть государственная перешла въ большое количество частныхъ рукъ; права государства стали принадлежностью каждаго земельнаго собственника и каждый баронъ на своей территоріи имѣлъ свое особое право. Понятно, что при такихъ условіяхъ и война, изъ войны между государствами и народами, стала борьбой между частными лицами, а проявленія ея еще менѣе, чѣмъ въ древности, подчинялись какимъ-бы то ни было нормамъ права войны. Средніе вѣка,—по преимуществу періодъ господства грубой силы,—не могли создать какого либо права войны; однако нельзя также сказать, чтобы дѣло гуманизаціи войны не было ничѣмъ обязано Среднимъ Вѣкамъ: человѣческая личность начинаетъ признаваться за носительницу извѣстныхъ, ей принадлежащихъ правъ, рабство замѣняется болѣе легкой крѣпостной зависимостью и, такимъ образомъ, смягчаетъ отношеніе побѣдителей къ побѣжденнымъ; по отношенію къ военноплѣннымъ начинаетъ вкореняться обычай выкупа и совершенно исчезаетъ подъ вліяніемъ христіанства звѣрскій обычай употреблять ихъ для гладіаторскихъ игръ или для борьбы въ циркѣ съ дикими звѣрями. Единство христіанской вѣры и постепенно возрастающее политическое

значеніе папъ, особенно-же крестовые походы приводятъ народы къ сознанію существующей между ними солидарности и общности интересовъ, а присущій германскимъ народамъ духъ любви къ независимости и отсутствіе понятія объ единомъ стройномъ и замкнутомъ государствѣ, ведетъ къ признанію равноправности и взаимой независимости существующихъ государствъ.

Разрушеніе Римской Имперіи было главнымъ образомъ дѣломъ германскихъ народовъ. Еще Тацитъ свидѣтельствуетъ о характерѣ Германцевъ, какъ народѣ воинственномъ, больше всего цѣнящемъ личную свободу: Германцы никогда не разставались съ своимъ оружіемъ, храбрость считалась у нихъ величайшей добродѣтелью и почти единственной обязанностью человѣка [49]), смерть на полѣ битвы есть цѣль жизни [51]).— Личная свобода у Германцевъ доведена была до высшей степени: человѣкъ, согласно Салическому закону, могъ порвать даже семейные узы, самые крѣпкіе у Германцевъ, о государствѣ-же и говорить нечего; оно въ сущности не существовало, а являлось лишь случайнымъ собраніемъ свободнорожденныхъ людей одного племени [50]). Это сильно развитое стремленіе Германцевъ къ личной свободѣ было причиной, что завоеваніе ими Римской Имперіи повело къ дробленію ея на нѣсколько отдѣльныхъ государствъ, съ другой-же стороны, къ сохраненію завоеванными народами ихъ языка, вѣрованій, права и національной самобытности. Веденіе войны сопровождалось у Германцевъ обыкновенно страшнымъ кровопролитіемъ, такъ какъ въ бою они не щадили ни себя самихъ, ни враговъ, однако нельзя сказать, чтобы они отличались жестокостью; напротивъ того, по окончаніи битвы, часто встрѣчаются примѣры гуманнаго обращенія съ военноплѣнными, и Лоранъ счи-

---

[49]) *Tacitus.* Germ. 13; 22; 11, 24; 12 etc — см. у *Laurent.* T. V, p. 16—20.

[50]) *Laurent.* V, p. 21.

[51]) *Laurent.* V, p, 50—55.

таетъ даже, что Германское варварство было менѣе жестокимъ, чѣмъ хваленое великодушіе Римлянъ, стараясь доказать это многочисленными историческими примѣрами [52]). — Намъ кажется, что такое мнѣніе Лорана нѣсколько натянуто и смѣло, такъ какъ нельзя отрицать того, что войны Германцевъ были очень жестоки и сопровождались всевозможными насиліями; однако, дѣйствительно, имѣется примѣры ихъ человѣколюбиваго отношенія къ побѣжденнымъ и соблюденія ими нѣкоторыхъ обычаевъ войны, въ особенности ненарушенія ими даннаго врагу слова. Послѣ войны Готовъ съ Авреліаномъ былъ заключенъ миръ, строго соблюдавшійся Готами [52]). Аларихъ при взятіи Рима предписалъ своимъ солдатамъ щадить мирныхъ гражданъ и всѣхъ укрывшихся въ церкви Св. Петра и Павла [52]). Побѣжденные обыкновенно больше не обращаются въ рабство, но закрѣпощаются, а иногда даже освобождаются за выкупъ. Въ завоеванныхъ земляхъ обыкновенно вводится система личныхъ правъ, т. е. каждому племени дозволяется жить по своимъ законамъ [54]). Съ принятіемъ варварами христіанства, суровый ихъ воинственный характеръ значительно смягчается, развивается сознаніе единства религіозныхъ интересовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и необходимости извѣстныхъ правильныхъ мирныхъ международныхъ сношеній. Король Остготовъ, Теодорикъ говоритъ Эстамъ, чтобы они не забывали той дороги, которую проложило ихъ довѣріе къ Остготамъ, такъ какъ сношенія нужны и полезны народамъ. [55]). Христіанская Церковь съ самаго своего начала отвергала войну, какъ зло и осуждала ее, основываясь на словахъ Спасителя, что „обнажившій мечъ, мечомъ и погибнетъ“. Лактанцій осуждаетъ не только всякое убійство, даже врага на войнѣ, но и самый фактъ ношенія

---

52) *Laurent*. Op. cit. V, 53.

53) *Laurent*. Op. cit., V, p. 54.

54) *Каченовскій*. «Курсъ международнаго права». II. стр. 231.

55) *Каченовскій*. Op. cit. II, стр. 232.

христіаниномъ оружія [56]). Того-же мнѣнія держатся Тертуліанъ, Св. Василій Вел., Св. Исидоръ, Оригенъ. Отвращеніе христіанъ къ участію въ войнѣ было такъ велико, что Цельзъ говоритъ, что если-бы всѣ римляне сдѣлались христіанами, то Имперія немедленно была-бы завоевана варварами, такъ какъ не нашлось-бы для ея защиты ни одного солдата [57]). Конечно, такое настроеніе умовъ не могло долго продолжаться, такъ какъ съ увеличеніемъ числа христіанъ и особенно, послѣ признанія Константиномъ Вел. христіанской религіи, необходимость защиты государства отъ враговъ заставила христіанъ отказаться отъ полнаго воздержанія отъ активнаго участія въ войнахъ, и уже Блаженный Августинъ доказываетъ необходимость для вѣрующихъ защищать оружіемъ свое государство и Церковь [58]). Однако, допустивъ участіе христіанъ въ войнахъ, Церковь, тѣмъ не менѣе, старалась всѣми силами смягчить проявленія войнъ, ввести болѣе гуманные и согласные съ духомъ христіанскаго ученія способы ея веденія. Августинъ говоритъ: „Esto enim bellando pacificus... Hostem pugnantem necessitas perimat, non voluntas.... Victo vel capto misericordia debetur“ [59]). Церковь устанавливаетъ обычай заключенія въ извѣстные сроки болѣе или менѣе продолжительныя перемиріи между воюющими (Treuga Dei), вноситъ въ умы варваровъ сознаніе, что не война, а миръ есть обязательное состояніе христіанскихъ народовъ, и пробуждаетъ сознаніе единства между различными христіанскими германскими народами. Въ IX столѣтіи германскіе народы настолько проникнуты сознаніемъ своего единства, что даютъ возможность Карлу Великому, правда на весьма короткое время, образовать новую единую имперію, обнимающую собою всю континентальную западную

---

[56]) *Laurent.* Op. cit. IV, p. 178.

[57]) *Laurent.* Op. cit. IV, p. 179.

[58]) *Laurent.* Op. cit. IV, p. 180.

[59]) *Augustinus.* «Epist.,» 189.6—См. *Laurent.* IV, p. 183.

Европу. Но инстинкты свободы и національности у различныхъ, составляющихъ эту имперію, германскихъ народовъ были еще слишкомъ сильны, чтобы монархія Карла могла пережить своего основателя, и тотчасъ-же, послѣ его смерти, началось дробленіе его имперіи, съ теченіемъ времени все усиливавшееся и усиливавшееся и дошедшее въ концѣ X вѣка до своего наивысшаго предѣла. Повсюду въ Европѣ развивается т. н. феодальная система; верховная власть, территорія и населеніе государствъ дробятся и переходятъ въ руки отдѣльныхъ крупныхъ земельныхъ собственниковъ—бароновъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и общіе законы государства превращаются въ рядъ иммунитетовъ. Феодальная эпоха носитъ на себѣ характеръ отличительной черты Германцевъ—любви къ индивидуальной свободѣ. У древнихъ преобладаетъ элементъ государственный: государство есть центръ, изъ котораго исходятъ всѣ права человѣка; личность только постольку имѣетъ права, поскольку ей они даны государствомъ. Въ феодальную эпоху, наоборотъ, преобладаетъ элементъ личности, которая, сама по себѣ, есть носительница, извѣстныхъ правъ; всѣ феодальныя учрежденія имѣютъ одну конечную цѣль—свободное развитіе личности и гарантированіе ея независимости.

Въ древности государство являлось цѣлью, а личность средствомъ; въ феодальную эпоху цѣль—это личность, а всякая государственная форма есть только средство для развитія индивидуальности человѣческой личности и для защиты ея правъ. Всѣ отношенія феодальнаго періода принимаютъ характеръ частныхъ отношеній. Война является постояннымъ явленіемъ жизни людей этого времени и ею рѣшаются всякія столкновенія между частными лицами; она примѣняется даже въ вопросахъ права, какъ особенный видъ процесса,—ордаліи. Можно сказать, что всѣ Средніе Вѣка не что иное, какъ безпрерывный рядъ войнъ, и въ этомъ отношеніи даже времена Римской Имперіи являются болѣе мирными. Война является главнымъ занятіемъ человѣка феодальной эпохи, его страстью, цѣлью его жизни; она въ глазахъ средневѣковаго барона—сама

жизнь. Когда обстоятельства складывались такъ, что временно наступало перемиріе, то воинственные бароны устраивали между собой кровавыя игры, подражавшія войнѣ — турниры, и часто до того увлекались, что превращали эти игры въ настоящія побоища. Такъ, во время одного турнира въ Кёльнѣ въ 1240 г. погибло 60 рыцарей; въ 1175 г. былъ устроенъ турниръ между рыцарями Франціи и Бургундіи; участвующихъ въ немъ было болѣе 2000 и сражались настоящимъ боевымъ оружіемъ (armes à outrance) [60]). Поэзія среднихъ вѣковъ постоянно воспѣваетъ войну, битву и подвиги храбрости. Лоранъ приводитъ примѣръ одного рыцаря-поэта, который спеціально посвятилъ себя прославленію войны и восторгается при воспоминаніи о видѣнныхъ имъ поляхъ сраженія.

Велись эти войны весьма жестоко, и это вполнѣ понятно: войны среднихъ вѣковъ по большей части были войнами между близкими сосѣдями, войнами, въ которыхъ большую роль играла личная ненависть воюющихъ. Во время войнъ Ломбардіи съ Фридрихомъ Барбароссой, Итальянцы щадили плѣнныхъ нѣмцевъ, но убивали безъ жалости всѣхъ попадавшихся имъ въ руки своихъ соотечественниковъ изъ непріятельскаго лагеря [61]). Различія между комбатантами и мирными жителями не дѣлалось, все непріятельское населеніе подвергалось ужасамъ войны: земли опустошались, города и замки разрушались, военноплѣнные часто убивались, а если имъ оставлялась жизнь, то они подвергались унизительнымъ обычаямъ со стороны побѣдителя [62]). Однако, сравнительно съ войнами древности, можно замѣтить извѣстный прогрессъ, направленный къ гуманизаціи войнъ, прогрессъ, которому человѣчество обязано отчасти католической церкви, отчасти-же своеобразному и замѣчательному институту Среднихъ Вѣковъ — рыцарству. Задача рыцарства—защита церкви,. слабыхъ и нарушеннаго

---

[60]) *Laurent.* Op. cit. VII, p. 240—241.

[61]) *Laurent.* Op. cit. VII, p. 249.

[62]) *Laurent.* Op. cit. VII, p. 251.

права [63]); вотъ клятва, которую произносилъ вновь посвящаемый въ рыцари: „обѣщаюсь и клянусь никогда не сражаться съ кѣмъ-либо вмѣстѣ противъ одного, избѣгать хитрости и обмана, всегда незыблимо держать данное слово, въ случаѣ взятія въ плѣнъ, аккуратно выплатить обѣщанный выкупъ, всегда во всемъ и со всѣми быть честнымъ, вѣрнымъ, вѣжливымъ (courtois), смиреннымъ и никогда не нарушать даннаго слова, хотя бы это могло послужить мнѣ на пользу [64])". Считалось позорнымъ нападать на непріятеля въ расплохъ; война должна была быть заранѣе объявлена врагу, иначе она приравнивалась измѣнѣ.—Нарушеніе установленнаго по взаимному обѣщанію воюющихъ сторонъ перемирія считалось тяжкимъ преступленіемъ противъ рыцарской чести: Вильгельмъ де Нанжи, одинъ изъ писателей хроникъ крестовыхъ походовъ, называетъ поступокъ Рено, герцога Антіохійскаго, нарушившаго перемиріе съ Сарацинами, постыднымъ и подлымъ [65]). Честной и славной побѣдой считалась только побѣда надъ вооруженнымъ и сильнымъ врагомъ, обезоруженный-же, сбитый съ лошади, или бѣгущій врагъ не признавался законнымъ врагомъ и убійство его считалось постыднымъ [66]). Признавалось за обязательное правило не отказывать въ пощадѣ сдающемуся врагу (qui merci prie, merci doit avoir). Дурное обращеніе, оскорбленіе военноплѣнныхъ считалось позорнымъ и недостойнымъ рыцаря дѣяніемъ. Ролландинъ, итальянскій историкъ среднихъ вѣковъ, осуждаетъ поступокъ солдата, ударившаго плѣннаго тирана Падуи Эццелина, и говоритъ, что бить плѣнника все равно, что бить трупъ [67]). Церковь неоднократно также своими предписаніями старалась гу-

---

[63]) *Laurent.* Op. cit. VII, p. 214—220.

[64]) *Laurent.* Op. cit. VII, p. 256.

[65]) *Laurent.* Op. cit. VII, p. 261.

[66]) *Каченовскій.* Op. cit. II, p. 291.

[67]) *Laurent.* Op. cit. VII, p. 263.

манипировать войну; она ввела въ жизнь замѣчательное постановленіе о т. н. Божіемъ мирѣ (pax et treuga Dei)[a], а отлучала отъ церкви грабителей храмовъ, запрещала портить поля и похищать жатву, объявила нейтральными церковныя земли и занимающее ихъ населеніе. Существовавшее еще въ древности право убѣжища (jus asyli) было распространено на церкви, монастыри, церковныя земли; запрещено грабить мирныхъ жителей, продавать въ рабство плѣнныхъ христіанъ и употреблять на войнѣ извѣстнаго рода оружіе: такъ, въ 1139 на Латранскомъ соборѣ были преданы проклятію арбалеты и запрещено ихъ употребленіе на войнѣ, а сами они названы ars illa mortifera et Deo odibilis [68]); въ „Corpus juris canonici" (de ballistariis et sagitariis) имѣются постановленія противъ употребленія на войнѣ камномётныхъ машинъ, баллистъ, катапультъ и пр [69]). Рыцарству принадлежитъ починъ употребленія на войнѣ бѣлаго парламентерскаго флага. Существуютъ указанія, что, особенно во время крестовыхъ походовъ, многіе рыцари были въ то-же время и врачами и подавали первую помощь раненымъ; а ордена Темпліеровъ и Іоанитовъ, между прочими своими обязанностями, должны были подбирать на полѣ сраженія, защищать и лечить раненыхъ христіанъ безъ различія національности. Рыцарство-же ввело въ обычай и выкупъ военноплѣнныхъ за деньги: рыцарь и вообще свободный человѣкъ—баронъ не могъ быть лишеннымъ свободы, обращеннымъ въ рабство, или въ крѣпостную зависимость; его можно было или убить, или отпустить на волю, что обыкновенно и дѣлали, но при условіи уплаты плѣнившему извѣстной суммы денегъ. Размѣръ выкупа зависѣлъ отъ средствъ взятаго въ

а) Treuga et pax Dei—въ извѣстныя времена года, на заранѣе опредѣленный срокъ, напр. отъ субботы до понедѣльника, отъ великаго поста до Троицы и т. д., бароны были обязаны клятвой соблюдать миръ и ни кого не нападать, подъ угрозою отлученія отъ церкви.

[68]) *Sumner Maine.* «Le Droit International» la Guerre—p. 181.

[69]) *Каченовскій.* Op. cit. II, p. 271.

плѣнъ, отъ его соціальнаго положенія и даже отъ его личной гордости, заставлявшей нѣкоторыхъ рыцарей самимъ назначать за себя высокій выкупъ: такъ, дю-Гесклепъ оцѣнилъ свой выкупъ въ 100000 ливровъ. До уплаты выкупа плѣнный рыцарь обыкновенно оставался заложникомъ у плѣнившаго его, но вѣжливость (courtoisie) обязывала послѣдняго къ весьма мягкому обращенію съ плѣннымъ, такъ что положеніе военноплѣннаго было почти-что такое-же, какъ гостя; иногда даже онъ отпускался подъ честнымъ словомъ заплатить выкупъ. Конечно, обычай выкупа повелъ ко многимъ злоупотребленіямъ, къ постояннымъ вымогательствамъ и нападеніямъ на людей богатыхъ, но сравнительно съ обычнымъ въ древности обращеніемъ военноплѣнныхъ въ рабство, онъ все-же представляетъ огромный шагъ впередъ.—Вообще, средніе вѣка, при всей своей грубости и дикости, оказали человѣчеству вообще и международному праву въ особенности огромную услугу: крестовые походы, рыцарство и вліяніе церкви пробудили чувство единства между христіанскими народами, а присущій германскому племени духъ свободы и независимости вывелъ человѣческую личность изъ ея порабощенія государству. Древняя Русь по способу веденія своихъ войнъ ничѣмъ не отличается отъ западной Европы; у насъ хотя и не существовало феодальной системы, тѣмъ не менѣе, весь удѣльно-вѣчевой періодъ наполненъ княжескими и удѣльными усобицами; войны также отличаются жестокостью и кровопролитіемъ. Однако и на Руси въ средніе вѣка мы встрѣчаемся съ нѣкоторыми обычаями, соблюденіе которыхъ признается на войнѣ безусловно необходимыми, и, такимъ образомъ, и здѣсь можно найти зародыши современнаго права войны. Война, обыкновенно, начиналась съ предварительнаго ея объявленія: такъ, еще Святославъ прежде, чѣмъ воевать съ кѣмъ-либо изъ своихъ сосѣдей, посылалъ къ нимъ гонца съ извѣщеніемъ: „хочу на вы ити“. Въ послѣдствіи, въ удѣльный періодъ, война объявлялась т. н. „верженіемъ крестныхъ и докончательныхъ граммотъ“, т. е. возвращеніемъ черезъ посла врагу ранѣе съ нимъ заключенныхъ мир-

выхъ граммотъ, а въ Московскомъ государствѣ отправлялась съ этою цѣлью особая „складная грамата". Въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1229 г. встрѣчается даже извѣстіе о клятвенномъ соглашеніи между Даніиломъ Галицкимъ и Конрадомъ Мазовецкимъ, по которому оба князя взаимно обязались щадить мирныхъ жителей [70]). Въ договорахъ Смоленска съ Нѣмцами 1229 г. и Новгорода съ Нѣмцами 1270 и Литвой 1440 г. постановлено соблюдать нейтралитетъ купцовъ: „а гдѣ Новгородца въ ратномъ имуть, пустити его съ товаромъ безъ пакости; или Новгородцы Литвина въ ратномъ имуть, пустите его, а ему свое взяти [71])". Положеніе военноплѣнныхъ, хотя вообще тяжелое, было въ Россіи тяжелѣе, нежели на Западѣ, такъ-какъ обычай выкупа хотя и примѣнялся [72]), но по общему обыкновенію военноплѣнные полоняники, вязни, нятцы обращались въ рабство и дѣлились между княземъ и его дружиной. Въ Московскомъ государствѣ военноплѣнные приравнивались преступникамъ-арестантамъ, содержались въ тюрьмахъ и употреблялись на различныя работы; военноплѣнные-же, попавшіе въ частныя руки, приравнивались холопамъ [73]). Однако Судебникъ и Уложеніе, а равно и указъ 1684 г. объявляютъ свободными отъ частнаго холопства военноплѣнныхъ, принявшихъ православіе. Съ XIV ст. входитъ въ обычай размѣнъ плѣнныхъ, особенно во время войнъ, ведшихся съ Польшей; правда, что размѣну подлежали обыкновенно только служилые люди, но не крестьяне и холопы. Еще въ 1509 былъ заключенъ договоръ Москвы съ Польшей о размѣнѣ военноплѣнныхъ, а въ 1610 подобный-же договоръ заключенъ съ польскимъ Гет-

---

[70]) *Иванов*. «Характеристика международныхъ отношеній и права» Казань. 1874, стр. 118—119.

[71]) «Акты, относящіеся къ исторіи Зап. Россіи», изд. Археограф. Комм. Т. I. № 39.

[72]) *Иванов*. «Характеристика международныхъ отношеній и права» Казань. 1874 стр, 121—Договоры Олега и Игоря съ Византіей.

[73]) *Иванов*. Op. cit., стр. 120.

маномъ Жолкѣвскимъ; вотъ его слова: „которыя наши люди, и мѣщане, и купцы, и жолнеры, попали въ руки людямъ твоимъ (Московскаго царя), за брата нашего и за насъ, и ты братъ нашъ, насъ дѣля, тѣхъ всѣхъ людей нашихъ къ намъ отпускаешъ; а которые твои люди, и князи, и дѣти боярскія, и служалые и торговые люди, и мѣщане, попали въ руки къ нашимъ людемъ, и намъ бы техъ всихъ людей твоихъ къ тебѣ отпустити [74])". Такимъ образомъ, согласно этому договору, размѣнъ долженъ былъ производиться не человѣка за человѣка, а просто всѣхъ плѣнныхъ поляковъ за всѣхъ плѣнныхъ русскихъ. Обоюдный и полный размѣнъ плѣнныхъ практиковался и въ войнахъ со Швеціей; но русскіе плѣнники, попадавшіе въ неволю къ Татарамъ, обыкновенно выкупались на средства правительства, но не вымѣнивались [75]).

Въ XV и XVI ст. окончательно рушится въ Западной Европѣ феодальная система, первые удары которой были нанесены еще въ XIII ст. крестовыми походами и пробуждающеюся жизнью городскихъ общинъ—коммунъ. Наступаетъ эпоха возрожденія, великихъ открытій и реформаціи; узкія рамки феодальныхъ воззрѣній расширяются, авторитетъ католической церкви подорванъ; на мѣсто воинственнаго и живущаго войнами феодальнаго дворянства выступаетъ рядъ богатыхъ торговыхъ городовъ, развиваются внѣшнія сношенія, высшіе слои общества Итальянскихъ государствъ начинаютъ интересоваться торговлей, науками и искусствами. Королевская власть, поддерживаемая легистами мало по малу одерживаетъ постоянныя побѣды надъ феодальными порядками, соединяетъ въ одно цѣлое разрозненныя части государства, образуетъ вмѣсто отдѣльныхъ, небольшихъ, самостоятельныхъ феодальныхъ владѣній и коммунъ, большія и прочныя монархіи съ однообразнымъ государственнымъ строемъ. Вмѣсто прежней системы

---

[74]) «Акты, относящіеся къ Исторіи Зап. Россіи». Т. 2-й, № 49, стр. 61

[75]) *Ивановъ*. Op. cit., стр. 122.

рыцарскихъ войскъ, составлявшихся изъ отдѣльныхъ отрядовъ, которые выставлялись каждымъ вассаломъ по требованію его сюзерена, всюду вводятся постоянныя наемныя королевскія войска. Измѣняется кореннымъ образомъ и самый способъ веденія войнъ, чѣму въ особенности способствуетъ распространеніе огнестрѣльнаго оружія: войны среднихъ вѣковъ обыкновенно носили характеръ отдѣльныхъ поединковъ между рыцарями, такъ-что количество комбатантовъ было почти всегда весьма ограниченнымъ; бой всегда рѣшался кавалеріей, т. е. рыцарями, пѣшіе-же воины, оруженосцы и слуги рыцарей, употреблялись только въ сравнительно небольшомъ количествѣ въ видѣ вспомогательнаго войска. Наоборотъ, съ введеніемъ огнестрѣльнаго оружія, потребовалось введеніе въ практику войны большихъ массъ пѣхоты—и значеніе рыцарства, какъ рода оружія, отошло на второй планъ.—Усилившаяся королевская власть начинаетъ вербовать и нанимать большія постоянныя войска—Ландскнехты, во Франціи—судары,—военное ремесло изъ занятія сословнаго, дворянскаго, дѣлается службой за деньги, доступной всѣмъ слоямъ общества. Такое измѣненіе въ образованіи и составѣ военныхъ силъ въ первое время отражается весьма неблагопріятно на практикѣ войнъ въ смыслѣ гуманнаго ихъ веденія; если рыцари и считали обязательными извѣстные обычаи права войны только по отношенію къ воинамъ одинаковаго съ ними общественнаго положенія, т. е. рыцарскаго-же сословія, и если они, какъ это видно изъ многочисленныхъ историческихъ примѣровъ, дозволяли себѣ всевозможныя насилія по отношенію къ остальнымъ классамъ непріятельскаго населенія, то наемныя войска вели себя еще хуже и ознаменовали свое появленіе въ исторіи небывалыми жестокостями, звѣрствами и постояннымъ систематическимъ грабежомъ. Во время возстанія Гвіенны противъ Генриха II всѣ плѣнные были поголовно перебиты; ихъ четвертовали, вѣшали на колокольняхъ, жгли живыми и пр. [76]). Армія Людо-

---

[76]) *Laurent.* Op. cit. X, p. 379.

вика XII перебила въ Массано 6000, спасшихся въ гротѣ Итальянцевъ, безъ различія пола и возраста; Герцогъ Немурскій при взятіи Брешчіи избилъ все населеніе города поголовно; число погибшихъ при этомъ, по словамъ Флёранжа, историка того времени, составило около 40000 человѣкъ; Швейцарскіе ландскпехты отличались особенной алчностью и жестокостью и убивали даже больныхъ въ госпиталяхъ [78]). Во время взятія Рима въ XVI ст., грабежъ города продолжался нѣсколько мѣсяцевъ и сопровождался постоянными насиліями надъ населеніемъ. Однако, все это не помѣшало развитію идеи гуманности, и уже съ XV столѣтія мы замѣчаемъ, на ряду съ усилившимися жестокостями, постоянное и все болѣе и болѣе распространяющееся стремленіе всего цивилизованнаго человѣчества гуманизировать войну. Первымъ и большимъ шагомъ въ этомъ направленіи было исчезновеніе частныхъ войнъ (guerres privées) феодальнаго періода и замѣна ихъ войной между государями и государствами; мало по малу складывается убѣжденіе, что война, по существу своему, должна быть враждебнымъ отношеніемъ лишь собственно между самими государствами, и по возможности не должна нарушать права отдѣльныхъ личностей, подданныхъ воюющихъ государствъ.— Если эта мысль и далеко не всегда проводится на практикѣ, если мы видимъ постоянно ей противорѣчащіе факты, особенно въ теченіе религіозныхъ войнъ XVI и XVII ст., то все-же она сознавалась многими даже въ эту эпоху: въ 1552 г. французскій маршалъ Бриссакъ заключилъ съ Испанцами договоръ, въ силу котораго обѣ воюющія стороны соглашались не вести войну противъ мирнаго населенія, щадить землепашцевъ и запрещать солдатамъ брать что-либо у крестьянъ, кромѣ той пищи, которую они найдутъ у него въ домѣ [78]); Густавъ-Адольфъ во время войны съ Польшей объявилъ, что онъ не ведетъ вой-

---

[78]) *Laurent.* Op. cit. X, p. 383.

[78]) *Laurent.* Op. cit. X, p. 387—388.

ны противъ крестьянъ, т. е. мирнаго населенія, и предпочитаетъ охранять ихъ, нежели разорять [79]); во время 30 лѣтней войны онъ ввелъ въ своихъ войскахъ строгую дисциплину и и предписывалъ своимъ солдатамъ не только уважать личность и имущество мирныхъ гражданъ, но ихъ религіозныя убѣжденія, что особенно заслуживаетъ вниманія, такъ-какъ веденная имъ война была по существу своему религіозной.—Войны, ставъ борьбой между государствами и потерявъ присущій имъ въ феодальную эпоху частный характеръ, стали менѣе повсѣмѣстными, хотя и не менѣе частыми. Въ средніе вѣка, при постоянныхъ частныхъ войнахъ отдѣльныхъ бароновъ между собою и съ городами, вся страна каждаго государства постоянно была раздираема войнами и постоянно отъ нихъ терпѣла; съ XV столѣтія войны принимаютъ характеръ войнъ государственныхъ и по крайней мѣрѣ въ одинъ и тотъ-же данный моментъ не вся Европа являлась полемъ сраженій. Самый воинственный духъ среднихъ вѣковъ исчезаетъ и замѣняется стремленіемъ къ миру и мирнымъ занятіямъ—торговлѣ и ремесламъ. Идея мира одновременно проникаетъ въ сознаніе поэтовъ, мыслителей, политическихъ дѣятелей и даже самого феодальнаго дворянства; короли возводятъ её въ цѣль своей политики и громко провозглашаютъ въ мирныхъ договорахъ и другихъ оффиціальныхъ актахъ. Церковь, проповѣдывавшая её еще въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, продолжаетъ выставлять её какъ идеалъ христіанства.—Людовикъ XI говоритъ, что ничто такъ не служитъ къ похвалѣ и чести христіанскаго государя, какъ желать и любить миръ [80]). Уже мирный договоръ въ Брекиньи между Франціей и Англіей (1360 г.) проникнутъ этой идеей необходимости мира и указываетъ на всѣ вредныя послѣдствія войнъ [81]). Англійскій теологъ Герсонъ говоритъ, что король ничѣмъ такъ не можетъ

---

[79]) *Laurent.* Op. cit. X, p. 470.

[80]) *Laurent.* Op. cit. X, p. 375.

[81]) *Laurent.* Op. cit. X, p. 373.

угодить Богу, какъ заключивъ миръ съ врагомъ, ибо этимъ онъ доказываетъ, что онъ истинный послѣдователь Іисуса Христа [82]). Комминъ, французскій историкъ XV в., неоднократно высказывается противъ войны и совершаемыхъ во время ея жестокостей. Лоранъ проводитъ параллель между этимъ писателемъ и лѣтописцемъ среднихъ вѣковъ Фруассаромъ; послѣдній является вполнѣ выразителемъ воинственнаго духа среднихъ вѣковъ и вся его хроника наполнена разсказами о различныхъ военныхъ подвигахъ рыцарей, онъ восторгается даже производимыми ими грабежами мирнаго населенія и нигдѣ не высказываетъ отвращенія къ происходившимъ на войнѣ насиліямъ и жестокостямъ; напротивъ, Комминъ не любитъ войну, осуждаетъ жестокость и говоритъ съ похвалой о нѣкоторыхъ бывшихъ при немъ случаяхъ великодушнаго обращенія побѣдителей съ побѣжденными [83]). Гуманисты съ силой проповѣдуютъ противъ войны. Томасъ Моръ въ своей Утопіи доказываетъ, что война можетъ быть ведена только изъ-за самыхъ серіозныхъ причинъ и, главнымъ образомъ, для защиты государства [84]); еще съ большимъ жаромъ высказывается противъ войны Еразмъ Роттердамскій, говоря, что война противна самой природѣ человѣка и христіанскому ученію; онъ считаетъ всякую войну беззаконной и преступной и считаетъ, что даже для возстановленія нарушеннаго права надо стараться избѣгать обращаться къ такому опасному и вредному оружію [85]). Монтень, въ своихъ „опытахъ“ считаетъ военную славу, столь прославленную поэтами, признакомъ человѣческой глупости. Боденъ, этотъ замѣчательный юристъ и предшественникъ Монтескьё, также признаетъ, что война законна только въ томъ случаѣ, если она имѣетъ цѣлью защиту государства или нарушеннаго права, но въ этихъ случаяхъ, по его мнѣ-

---

[82]) *Laurent.* Op. cit. X, p. 373.

[83]) *Laurent.* Op. cit. X, p. 365 ff; 377.

[84]) *Laurent.* Op. cit. X, p. 395.

[85]) *Laurent.* Op. cit. X, p. 396—400.

нію, всѣ средства для защиты дозволены [86]). Наконецъ, сами военные осуждаютъ войну и ея проявленія и ратуютъ за идею мира; въ этомъ духѣ писали два извѣстныхъ полководца и, что замѣчательно, принадлежавшіе къ различнымъ религіознымъ убѣжденіямъ—Ла-Ну и Таваннъ [87]).—Среди западно-европейскихъ народовъ начинаетъ распространяться понятіе о войнѣ добросовѣстной (bonne guerre), т. е. такой, во время которой плѣнники выкупались или освобождались, мирное населеніе не подвергалось всѣмъ ужасамъ войны и соблюдались извѣстные военные обычаи, и войнѣ недобросовѣстной (mauvaise guerre)—войнѣ, ведшейся безъ всякихъ границъ въ примѣненіи насилія [88]). Герцогъ де Гизъ, осажденный въ Мецѣ Карломъ V, когда войска послѣдняго отступили и оставили массу полузамерзшихъ своихъ солдатъ, велѣлъ многихъ изъ нихъ подобрать и помѣстить въ госпиталь на излеченіе.

Въ воспоминаніе этого поступка Гиза, Испанцы, въ свою очередь, послѣ взятія Теруана отпустили весь гарнизонъ безъ выкупа на свободу [89]). Послѣ битвы при Павіи, ландскнехты Карла V пощадили всѣхъ сдававшихся въ плѣнъ Швейцарцевъ [90]). По отношенію къ военноплѣннымъ также замѣчается извѣстное улучшеніе въ обычаяхъ войны: выкупъ военноплѣнныхъ постепенно выходитъ изъ употребленія и замѣняется взаимнымъ ихъ размѣномъ, или даже просто отпускомъ на свободу. Въ 1552 г. маршалъ де-Вьельвиль отпустилъ всѣхъ взятыхъ имъ плѣнныхъ безъ выкупа; послѣ битвы при Павіи, герцогъ Бурбонскій также приказалъ отпустить безъ выкупа всѣхъ тѣхъ плѣнныхъ французовъ, которые не были въ состояніи заплатить выкупъ [91]). По договору въ Като-Камбрези всѣ наемныя войска,

---

[86]) *Laurent.* Op. cit. X, p. 412.

[87]) *Laurent.* Op. cit. X, p. 414; 417.

[88]) *Laurent.* Op. cit. X, p. 385, *Ивановъ.* Op. cit., p. 162.

[89]) *Laurent.* Op. cit X, p. 389.

[90]) *Laurent.* Op. cit. X, p. 385.

[91]) *Laurent.* Op. cit. X, p. 386.

взятыя въ плѣнъ обѣими воюющими сторонами, должны были быть отпущены на свободу безъ выкупа и не обращая вниманія на ихъ численность [92]),—Въ 1581 г. была заключена между городомъ Турнэ и Александромъ Фарнезскимъ, герцогомъ Пармскимъ, капитуляція, по которой весь гарнизонъ города имѣлъ свободный пропускъ, раненые-же и больные должны были оставаться въ военномъ госпиталѣ, а по излеченіи также не подлежали военному плѣну [93])—Возникшія въ XVI в. религіозныя войны между католиками и протестантами, благодаря религіозному фанатизму и нетерпимости воюющихъ сторонъ, воскресили вновь самыя ужасныя злоупотребленія насиліемъ. Воюющіе взаимно предавали другъ друга проклятію и проповѣдывали взаимное истребленіе; всѣ средства казались хорошими для борьбы съ своими религіозными врагами, и католики, и протестанты соперничали другъ предъ другомъ въ жестокости и кровожадности. Протестантская и Католическая церкви единогласно проповѣдывали во всеуслышанье политическое убійство и истребленіе лицъ, не признающихъ проповѣдуемыхъ ими догматовъ. Протестантскіе священники восхваляли поступокъ Польтро де Мере, убившаго измѣнническимъ образомъ герцога Гиза [94]), католическіе патеры приравнивали къ святымъ убійцъ Генриха III и Генриха IV [95]); самъ папа Сикстъ V выразилъ по поводу убійства Генриха III мнѣніе, что въ этомъ событіи надо видѣть признакъ особенной милости Божіей къ Франціи. Папа Пій IV поздравляетъ Монмока и называетъ любимымъ сыномъ Христа за то, что тотъ вѣшаетъ гугенотъ [96]). Другой папа, Пій V приказываетъ вычеканить медаль въ честь Варооломеевской ночи, поздравляетъ Карла IX и даетъ ему наставленіе ни подъ какимъ пред-

---

[92]) *Laurent.* Op. cit. X, p. 387.

[93]) *Lueder.* «La Convention de Genève». 1876, p. 15.

[94]) *Laurent.* Op. cit. X, p. 444.

[95]) *Laurent.* Op. cit. X, p. 445.

[96]) *Laurent.* Op. cit. X, p. 458.

логомъ не щадить еретиковъ: „не гонись", говоритъ онъ, „за ложной славой воображаемаго милосердія, прощая обиды, нанесенныя самому Богу; ничто такъ не жестоко, какъ милосердіе къ нечестивымъ, заслужившимъ самыя тяжкія кары [97])". Общее настроеніе умовъ вполнѣ раздѣляло этотъ взглядъ церкви и одна, изданная во времена Генриха IV, сатира („la Satyre Ménippée) смѣется надъ великодушіемъ Генриха, посылающаго хлѣбъ осажденнымъ имъ въ Парижѣ лигистамъ [98]). Понятно, что при такихъ условіяхъ религіозныя войны отличаются страшной жестокостью; достаточно нѣсколькихъ примѣровъ, чтобы убѣдиться въ этомъ: гугеноты жарятъ руки католическимъ священникамъ, погружаютъ ихъ въ кипящее масло, заливаютъ ротъ растопленнымъ свинцомъ. Баронъ де-з'Адре заставлялъ всѣхъ, попадавшихъ въ его руки католиковъ прыгать съ высокой башни [99]). Въ свою очередь католики подвергаютъ мученіямъ попадавшихъ въ ихъ руки гугенотъ, безъ различія пола и возраста [100]). Апогея своего всѣ эти жестокости достигли во время тридцатилѣтней войны; войска имперскія и протестантскія грабили и истребляли мирное населеніе, не обращая даже вниманія на исповѣдуемую ими религію; солдаты Тилли и Валленштейна жили исключительно грабежомъ, не разбирая кто врагъ и кто свой [101]). Одинъ Густавъ Адольфъ ввелъ въ своихъ войскахъ строгую дисциплину и всегда приказывалъ щадить мирное населеніе, но съ его смерти, Шведы стали вести себя ничѣмъ не лучше прочихъ войскъ, участвовавшихъ въ этой ужасной войнѣ. По окончаніи ея, Германія была вся сплошь разорена и потеряла $^2/_3$ своего населенія; повсюду господствовалъ страшный голодъ, болѣзни, неурядица и полная нравст-

---

[97]) *Laurent.* Op. cit. X, p. 460.

[98]) *Laurent.* Op. cit. X, p. 464.

[99]) *Laurent.* Op. cit. X, p. 453 ff.

[100]) *Laurent.* Op. cit. X, p. 456 ff.

[101]) *Laurent.* Op. cit. X, p. 466—474.

венная распущенность [102]). Какъ извѣстно, ужасы тридцатилѣтней войны вызвали къ жизни знаменитую книгу Гроція и это, можно сказать, единственный добрый плодъ этой войны.

Съ XVII вѣка начинается новая эпоха въ жизни человѣчества. Понятіе о международномъ правѣ проникаетъ въ умы государственныхъ дѣятелей. Гуго Гроцій и его послѣдователи полагаютъ первыя солидныя основанія наукѣ международнаго права, а государства впервые находятъ необходимымъ, сообща на общемъ конгрессѣ своихъ представителей, обсудить общія свои дѣла и интересы. Вестфальскій мирный трактатъ, заключенный въ Мюнстерѣ въ 1648 г., прочно установилъ понятіе о независимости и равноправности европейскихъ государствъ и до времени первой французской революціи считался главнѣйшимъ источникомъ дѣйствовавшаго международнаго права [103]).—Право войны, если еще и не достигаетъ своего современнаго развитія и если и подвергается постояннымъ нарушеніямъ со стороны воюющихъ, то въ общественномъ мнѣніи получаетъ все большее и большее значеніе.— Абсолютная монархія, упрочившаяся въ Европѣ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, еще продолжаетъ смотрѣть на государственную территорію и на ея народонаселеніе глазами феодальнаго барона: короли считаютъ, что государства—ихъ наслѣдственное, личное имущество, уступаютъ другъ другу отдѣльныя провинціи на основаніи различныхъ частныхъ династическихъ договоровъ, брачныхъ, наслѣдственныхъ, и предпринимаютъ завоевательныя войны для завладѣнія различными государствами, которыя разсматриваются ими на основаніи частнаго права, какъ ихъ законное наслѣдіе. Такъ ведутся извѣстныя войны изъ-за испанскаго, австрійскаго наслѣдства. Людовикъ XIV, этотъ типичный представитель западно-европейской обсолютной монархіи, глубоко убѣжденъ въ своемъ правѣ на Брабантъ,

---

[102]) *Laurent.* Op. cit· X, p. 475.

[103]) *Holzendorff*, въ Holzendorff's Hndbch. I. §. 84.

какъ на имущество, перешедшее по праву наслѣдія къ его женѣ (patrimoine dévolu) и ведетъ изъ-за обладанія этой провинціей кровопролитную и разорительную войну съ Голландіей. Сопротивленіе голландцевъ королевскимъ войскамъ приравнивается бунту подданныхъ противъ законнаго государя и карается страшно жестоко.—Отличительная черта войнъ XVII и XVIII вѣковъ—постоянное нарушеніе мирныхъ трактатовъ и подчиненіе всѣхъ дѣйствій единственному стимулу—личной выгодѣ воюющихъ сторонъ—заставляютъ даже Лорана прійти къ заключенію, что въ эту эпоху права войны собственно не существовало, а было лишь, какъ и раньше, одно право сильнаго [104]). Дѣйствительно, факты и свидѣтельства современниковъ въ изобиліи подтверждаютъ это мнѣніе и какъ-бы говорятъ въ пользу его абсолютной справедливости: всѣ войны Людовика XIV сопровождались опустошеніемъ занятыхъ французскими войсками территорій, полнымъ пренебреженіемъ къ правамъ мирнаго населенія, пожарами и разореніемъ; Голландія, Виртембергъ и особенно Рейнскій Палатинатъ буквально были превращены въ пустыню [105]). Поведеніе австрійскихъ войскъ въ Генуѣ и во время Семилѣтней войны вызвало отзывъ о нихъ Фридриха Великаго, какъ о варварахъ, неуступающихъ ни въ чемъ Туркамъ или Гуннамъ [106]). Самъ этотъ король-философъ неоднократно нарушалъ всякіе законы и обычаи войны, въ особенности-же часто нарушалъ данное слово и заключенные имъ самимъ договоры [107]). Ж.-Ж. Руссо говоритъ, что дѣйствующее право войны таково, что государства не только стараются нанести другъ другу весь тотъ вредъ, который можетъ быть выгоднымъ для ихъ цѣлей, но считаютъ за свою выгоду всякій, даже совершенно

---

[104]) *Laurent.* XI, p. 409—415.

[105]) *Laurent.* XI, p. 438—440.

[106]) *Laurent.* XI, p. 447—448.

[107]) *Laurent.* XI, p. 400—401.

безполезный вредъ, нанесенный непріятелю [108]). Вольтеръ, Монтескьё, Честерфильдъ единогласно утверждаютъ, что для королей единственное право, которое они на войнѣ признаютъ—это ихъ интересъ.—Однако нельзя такъ безусловно отвергать всякій прогрессъ въ цивилизаціи обычаевъ войны; злоупотребленія силой многочисленны, это правда, но несомнѣнно велики также и успѣхи, сдѣланные идеей права въ дѣлѣ войны. Вольтеръ признается, что въ его время офицеръ, взявшій приступомъ городъ или крѣпость и позволившій своимъ солдатамъ разграбить его и перебить мирныхъ жителей, считался-бы опозореннымъ. Честерфильдъ свидѣтельствуетъ, что по принятому обычаю, побѣжденные щадятся побѣдителемъ, мирное населеніе можетъ разсчитывать на относительную безопасность, и грабежъ взятаго города случается рѣдко. [109]) Литература, игравшая такую видную роль въ XVII и XVIII вв., проповѣдуетъ любовь, миръ и братство народовъ; общественное мнѣніе, которое въ эту эпоху стало уже силой, съ которой приходилось считаться, также признаетъ необходимость соблюденія на войнѣ извѣстныхъ обязательныхъ правовыхъ нормъ. Наконецъ, что всего сильнѣе доказываетъ стремленіе государствъ XVII и XVIII вв. поставить извѣстныя границы насилію на войнѣ, это цѣлый рядъ договоровъ и капитуляцій, заключенныхъ между воюющими сторонами относительно участи военноплѣнныхъ, больныхъ и раненыхъ воиновъ. Первая такая, дошедшая до насъ, капитуляція относится къ 1581 г. и касается условій сдачи г. Турнэ герцогу Александру Фарнезскому; [110]) согласно ея постановленіямъ, гарнизонъ города свободно пропускается побѣдителемъ, раненые-же и больные остаются до времени своего излѣченія въ городѣ, а за-

---

108) *Laurent*. XI, p. 401. «Tel est le droit de guerre parmi les peuples savants, humains de l' Europe; on ne se borne pas à faire à son ennemi tout le mal dont on peut tirer profit, mais on compte pour un profit tout le mal qu'on peut lui faire en pure perte». J. J. Rousseau. «Nouvelle Héloise. IX-e partie lettre 3.

109) *Laurent*. Op. cit. XI, p. 402.

110) *Ивановскій*. „Женевская Конвенція 1864 г.“ Кіевъ. 1884, стр. 12.

тѣмъ также безпрепятственно отпускаются на свободу. Съ начала XVII вѣка появляется цѣлый рядъ капитуляцій между воюющими сторонами, содержащихъ въ себѣ постановленія относительно больныхъ и раненыхъ воиновъ. Наибольшее количество такихъ капитуляцій было заключено въ періодъ войны за испанское наслѣдство, т. е. въ началѣ XVIII в., съ 1701 по 1714 г. [111]) Рядомъ съ капитуляціями, но нѣсколько позже послѣднихъ, именно съ 1602 г. [112]), появляется рядъ другихъ договоровъ между воюющими сторонами, картелей о выкупѣ, а позднѣе о взаимномъ размѣнѣ плѣнныхъ; картели содержатъ въ себѣ обыкновенно и постановленія относительно больныхъ и раненыхъ и положеніи медицинскаго персонала въ случаѣ захвата его одной изъ воюющихъ сторонъ въ плѣнъ. Согласно постановленіямъ большинства капитуляцій, всѣ пассивные комбатанты, медики и лица духовнаго званія (aumôniers) только въ исключительныхъ случаяхъ считаются военноплѣнными, обыкновенно-же отпускаются на свободу подъ надежнымъ конвоемъ, или-же, если они предпочитаютъ остаться въ сдавшемся по капитуляціи городѣ или крѣпости, то могутъ безпрепятственно и пользуясь охраной побѣдителя продолжать свою человѣколюбивую дѣятельность. [113]) Раненые и больные обыкновенно считаются не подлежащими военному плѣну и судьба ихъ опредѣляется различно, смотря по тому, могутъ-ли они быть перенесены, или перевезены изъ сдавшагося города, или нѣтъ; однако, въ обоихъ случаяхъ постановленія капитуляцій отличаются весьма большой гуманностью. Въ первомъ случаѣ, т. е. когда раненые и больные могутъ быть перевезены изъ перешедшихъ во власть непріятеля укрѣпленныхъ мѣстъ, капитуляціи высказываютъ постоянно по-

---

[111]) *Lueder.* „La Convention de Genève“. Erlangen. 1876, p. 15. см. также pp. 14; 10—12 этой книги; *Ивановскій*, Op. cit., стр. 13—14.

[112]) Трактатъ 1602 г. между Испаніей и Голландіей, см. Gurlt, „Zur Geschichte der internationalen und freiwilligen Krankenpflege im Kriege“. 1873, s. 10, №1.

[113]) *Lueder.* Op. cit., p. 16.

вторяющееся постановленіе о томъ, что имъ должны быть даны для перевозки экипажи или суда, снабженные съѣстными припасами, необходимыми медицинскими средствами, что ихъ должны сопровождать медики и надежный караулъ для доставленія всего транспорта на отечественную территорію; встрѣчаются даже постановленія о снабженіи раненыхъ теплымъ платьемъ, одѣялами, тюфяками и прочими необходимыми удобствами [114]). Тѣ больные и раненые, которые не могутъ быть перевезены, могутъ оставаться со своими женами, семействами и слугами въ полной безопасности въ занятыхъ ими госпиталяхъ или частныхъ квартирахъ; съѣстные припасы и лѣкарства отпускаются имъ побѣдителемъ съ правомъ требовать за эти расходы впослѣдствіи соотвѣтствующаго вознагражденія съ того государства, къ арміи котораго принадлежатъ эти раненые [115]). При нихъ могутъ оставаться доктора, аптекаря, прислуга и лица духовнаго званія, а также и добровольные санитары, рыцари извѣстныхъ религіозныхъ орденовъ и монахи, спеціально посвятившіе себя уходу за больными [116]). Не должно безпокоить остающихся раненыхъ въ ихъ квартирахъ, ставить имъ постои солдатъ [117]), госпитали должны быть охраняемы карауломъ и пользоваться прежнимъ своимъ устройствомъ со всѣми льготами и привилегіями [118]). По выздоровленіи всѣ эти раненые и больные и состоящія при нихъ лица должны быть безпрепятственно отсылаемы въ ихъ отечество; ихъ нельзя принуждать къ военной службѣ въ арміи побѣдителя, а иногда даже побѣдитель обязуется дать въ обезпеченіе ихъ безопасности заложниковъ [119]). Иногда встрѣчает-

---

[114]) *Lueder*. Op. cit., p. 16; *Ивановскій*. Op. cit., p. 15; *Gurlt*. „Zur Geschichte"... p. 56.—напр. капитуляція 1703 крѣпости Роттенбергъ; 1704,—крѣпости Ландау.

[115]) *Lueder*. Op. cit., p. 17.

[116]) Капитуляція 1703 г. замка Арко въ Тиролѣ.

[117]) Капитуляція 1704 г. города Ульма.

[118]) Капитуляція 1706 г. Антверпена; капитуляція 1759, цитадели г. Мюнстера.

[119]) Капитуляція 1702 г. Кейзерверта, 1704 г. Ульма.

ся даже постановленіе, что раненые офицеры сдавшейся арміи, оставшіеся до выздоровленія въ занятомъ непріятелемъ городѣ, не могутъ при отъѣздѣ быть задержаны кредиторами за сдѣланные ими долги, но обязаны только дать извѣстный залогъ въ уплату долга [120]). При отправленіи въ отечество они должны быть снабжены необходимыми запасами и конвоемъ [121]). Въ картеляхъ о выдачѣ и размѣнѣ плѣнныхъ мы также встрѣчаемся съ многочисленными постановленіями, касающимися больныхъ и раненыхъ, и самыя заглавія, наиболѣе старинныхъ изъ этихъ документовъ говорятъ сперва о раненыхъ, а затѣмъ уже о военноплѣнныхъ. Не говоря о договорѣ 1602 г., какъ старѣйшемъ по времени, наиболѣе замѣчательными въ отношеніи содержащихся въ нихъ постановленій о больныхъ и раненыхъ воинахъ, являются четыре картеля XVIII вѣка: картель 1743 г., заключенный въ Ашаффенбургѣ между гр. Стэръ, командующимъ австро-ганноверской арміей и маршаломъ де-Ноаль, командующимъ арміей французскаго короля: „Traité et Convention pour les Malades, Blessés et Prisonniers de guerre des Trouppes Auxiliaires de J. M. T. C. et celles des Alliés [122]); договоры: 1757 г. между французской и прусской арміей [123]), 1759 г. между англійскими и французскими войсками въ Ельгосѣ [124]) и, наконецъ, того-же 1759 г. между начальникомъ французской арміи маркизомъ де-Руже и прусскимъ генераломъ Будденброкомъ, извѣстный подъ именемъ Бранденбургскаго договора [125]).—Согласно постановленіямъ этихъ договоровъ, священнослужители и лица медицинскаго персонала не подлежатъ военному плѣну, но отсылаются въ

[120]) Капитуляція 1708 г. г. Лилля.

[121]) Капитуляція 1704 г. Ульма.- См. другіе примѣры у Ивановскаго l. c. и Lueder'a l. c., цитирующихъ Gurtl'я.

[122]) *Moynier*. «Étude sur la Convention de Genève». Paris. 1870. p. 39. этотъ трактатъ приведенъ тутъ in—extenso.

[123]) *Ивановскій*. Op. cit., стр. 113, прим. 3.

[124]) *Moynier*. Op. cit., p. 40—42.; договоръ приведенъ in—extenso.

[125]) *Lueder*. Op. cit., p. 19—22.; договоръ перепечатанъ in—extenso.

свою армію; больные и раненые также не считаются плѣнниками, но обѣ воюющія стороны обязуются заботиться объ ихъ лѣченіи, безопасности и продовольствіи, посылать отъ времени до времени другъ другу списки находящихся въ ихъ рукахъ раненыхъ враждебной стороны, а по выздоровленіи этихъ раненыхъ безпрепятственно возвращать ихъ въ тѣ арміи, къ которымъ они принадлежатъ, или въ ихъ отечество [126]).— Наиболѣе старые картели о выкупѣ и размѣнѣ плѣнныхъ, обыкновенно, содержатъ въ себѣ лишь постановленія относительно участи т. н. пассивныхъ комбатантовъ, т. е. главнымъ образомъ медицинскаго персонала; объ участи-же раненыхъ и больныхъ начинаетъ упоминаться только съ 1689 г. [127]). Но постепенно постановленія картелей все болѣе и болѣе заботливо относятся къ ихъ судьбѣ и идутъ въ этомъ отношеніи даже дальше постановленій, высказываемыхъ въ капитуляціяхъ: такъ, договаривающіяся стороны нерѣдко соглашаются, что раненые, остающіеся временно до излѣченія въ рукахъ непріятеля, получаютъ двойной окладъ жалованья во все время продолженія ихъ леченія, и каждый такой больной имѣетъ право, если это будетъ признано необходимымъ лечащимъ его врачемъ, на уходъ отдѣльной сидѣлки [128]); наконецъ, встрѣчаются постановленія о томъ, что трупы, находящіеся на полѣ битвы, должны быть выдаваемы безъ выкупа [129]); впрочемъ это послѣднее постановленіе въ картеляхъ XVIII ст. уже больше не встрѣчается, какъ само собой понятное и излишнее, въ виду исчезновенія изъ практики войны обычая выкупа плѣнныхъ и замѣны его ихъ взаимнымъ размѣномъ.—Встрѣчаются даже отдѣльные договоры, гарантирующіе во время войны

---

[126]) *Lueder*. Op. cit., p. 24; *Ивановскій*. Op. cit., стр. 21, 22.

[127]) *Lueder*. Op. cit., p. 22.—Трактатъ о выкупѣ и размѣнѣ военноплѣнныхъ 1689 г. между Франціей и Испаніей; Gurtl., p. 16.

[128]) *Lueder*. Op. cit., p. 25.—*Gurtl*. Op. cit., p. 31.

[129]) *Ивановскій*. Op. cit., стр. 19—*Gurtl*, s. 11.—Картель 1648 между Франціей и Баваріей; картель 1672 г.; картель 1677 г. между Даніей и Швеціей—См. Gurtl, s. 12—16.

неприкосновенность извѣстныхъ мѣстностей,—курортовъ (établissements thermaux)—гдѣ могутъ лечиться раненые и больные безъ различія національностей [130]); это послѣднее постановленіе весьма замѣчательно и, по нашему мнѣнію, заслуживало-бы вниманія и въ наше время; ниже, въ томъ мѣстѣ этой книги, гдѣ мы будемъ говорить о положеніи больныхъ и раненыхъ комбатантовъ, мы вернемся къ этому вопросу и укажемъ на возможность и на необходимость въ наше время ввести подобное постановленіе въ число статей женевской конвенціи или аналогичнаго международнаго акта.—Насколько участь больныхъ и раненыхъ воиновъ заботила цивилизованныхъ народовъ Европы XVII и XVIII вѣковъ, можно судить по числу такихъ договоровъ, какъ капитуляцій, такъ и картелей, содержащихъ въ себѣ постановленія о раненыхъ; общее число подобныхъ трактатовъ, приведенныхъ у Гюртля, равняется почтенной цифрѣ 203 [131]) и при этомъ надо замѣтить, что большинство ихъ было заключено до 1800 г.—Въ картеляхъ позднѣйшаго времени, т. е. конца XVIII ст., постановленія о больныхъ и раненыхъ постепенно сокращаются, а иногда и совсѣмъ опускаются, въ XIX-же столѣтіи постепенно уменьшается и самое количество договоровъ, содержащихъ въ себѣ постановленія, касающіяся больныхъ и раненыхъ и, наконецъ, ихъ совсѣмъ больше не заключается. Послѣдній подобный договоръ былъ заключенъ въ 1809 г. во время Испанскихъ войнъ Наполеона [132]); только въ 60-хъ годахъ вновь, и на этотъ разъ съ небывалымъ увлеченіемъ и успѣхомъ, возбуждается вопросъ объ улучшеніи положенія

---

[130]) *Gurtl.* Op. cit., p. 113 и слѣд. *Lueder.* Op. cit., p. 14 и 305.

[131]) *Lueder.* Op. cit, p. 15.—Россіей такихъ договоровъ было заключено 8.—См. *Gurtl* p. 118.

[132]) *Moynier.* Op. cit., p. 48.—Французскіе и испанскіе генералы въ Каталоньѣ заключили договоръ, въ силу котораго раненые обѣихъ воюющихъ сторонъ оставляются на попеченіе и подъ охраной мѣстныхъ властей; по выздоровленіи они безпрепятственно могутъ возвратиться въ свою армію. Маршалъ Сюше свидѣтельствуетъ о добросовѣстномъ исполненіи этого

жертвъ войны: участь больныхъ и раненыхъ воиновъ обезпечивается не отдѣльными случайными и дѣйствительными только для даннаго случая договорами между воюющими сторонами, но общимъ обязательнымъ и постоянно дѣйствующимъ международнымъ соглашеніемъ всѣхъ цивилизованныхъ государствъ—международнымъ закономъ.—Замѣчательна еще одна попытка, правда неудавшаяся, ввести въ военную практику извѣстныя постоянныя юридическія нормы, обезпечивающія положенія больныхъ и раненыхъ воиновъ. Попытка эта относится къ 1800 г. и была сдѣлана, по настоянію извѣстнаго доктора Перси, генераломъ Французской Республики, Моро, предложившимъ англійскому генералу Крею на все время продолженія войны взаимно обязаться считать госпитали и находящихся въ нихъ больныхъ и раненыхъ состоящими подъ обоюднымъ покровительствомъ обѣихъ воюющихъ сторонъ, а раненыхъ, попавшихъ въ плѣнъ къ враждебной арміи, подлежащими, по ихъ выздоровленіи, возврату въ ихъ соотвѣтственныя арміи. Предложеніе это было англійскимъ генераломъ отвергнуто [133]).—Такимъ образомъ, мы видимъ, что XVII и XVIII столѣтія проводили на практикѣ идеи, которымъ суждено было вполнѣ развиться только въ наше время, и что въ отношеніи гуманнаго обращенія съ больными и ранеными, практика войны этой эпохи не только сдѣлала огромный шагъ впередъ, сравнительно со всѣми предыдущими вѣками, но и во многомъ была выше практики всей первой половины XIX вѣка, до 60 годовъ.

Положеніе военноплѣнныхъ въ XVII и XVIII в.в. также замѣтнымъ образомъ улучшается: обычай выкупа плѣнныхъ,

---

договора со стороны Испанцевъ. Въ Европѣ послѣ 1809 г., насколько намъ извѣстно, подобныхъ договоровъ больше не заключалось, но существуетъ договоръ 1820 г. между испанскимъ генераломъ Морильо и республиканскимъ Боливаромъ, заключенный въ Южн. Америкѣ и, по содержанію своему, сходный съ договорами подобнаго рода, заключенными въ Европѣ въ XVIII вѣкѣ.

[133]) *Moynier*. Op. cit., p. 45—47; *Lueder*. Op. cit., p. 28—29.

держащійся еще въ XVII ст., постепенно исчезаетъ въ XVIII и замѣняется размѣномъ; при этомъ взглядъ на военноплѣннаго, какъ на частную собственность захватившаго его лица, уступаетъ мѣсто болѣе справедливому и гуманному взгляду, что военноплѣнные суть плѣнники не отдѣльныхъ частныхъ лицъ, а плѣнившаго ихъ государства. Согласно такому взгляду, уже въ XVII ст., начинаетъ чувствоваться необходимость ограничиться плѣненіемъ только тѣхъ лицъ, которыя могутъ считаться опасными для плѣнившаго ихъ государства; лица-же, безспорно не могущія препятствовать достигаемымъ на войнѣ государствомъ цѣлей, отпускаются безъ выкупа въ свое отечество: такъ, во многихъ капитуляціяхъ и картеляхъ XVII в. устанавливается правило, что женщины и дѣти до 12-ти лѣтняго возраста военному плѣну не подлежатъ [134]); съ 1675 г. подобное-же постановленіе постоянно встрѣчается относительно лицъ духовнаго званія и врачей, сопутствующихъ арміямъ [135]). Понемногу вырабатываются понятія о комбатантахъ, пассивныхъ комбатантахъ и некомбатантахъ, и дѣлается различіе между лицами подлежащими военному плѣну и неподлежащими. Относительно комбатантовъ устанавливается общее правило, что въ случаѣ ихъ болѣзни или пораненія, они не признаются военноплѣнными, но по выздоровленіи отсылаются въ тѣ арміи, въ которымъ принадлежатъ [136]); впрочемъ въ нѣкоторыхъ картеляхъ, особенно въ заключенныхъ въ эпоху семилѣтней войны, это правило измѣняется и раненые и больные, попавшіе во власть непріятеля, считаются военноплѣнными до ихъ размѣна или до окон-

---

[134]) *Eichelmann.* «Ueber die Kriegsgefangenschaft». Dorpat. 1878, s. 69.— Картель 1642 г. между Швеціей и Германіей—см. *Gurtl* Op. cit., s. 11, n°5.

[135]) *Eichelmann.* Op. cit., s. 35—картель 1675 г. между Франціей, Испаніей и Штатами Голландіи и позднѣйшіе договоры этого рода; лица духовнаго званія отпускались безъ выкупа еще и ранѣе—см. картели 1642 и 1646 годовъ *между Германской Имперіей, Баваріей и Швеціей.*

[136]) *Картели: Франкфуртскій 1743 г., Гадмерслебенскій 1757, Бранденбургскій* и въ Слюсѣ 1759 г.—*Lueder.* Op. cit., p. 18—22.

чанія войны [137]). Пассивные комбатанты сначала отпускаются на свободу только за выкупъ; съ 1675 г. безъ выкупа и немедленно по ихъ захватѣ освобождаются священники и лица медицинскаго персонала; картели 1675 г., 1692 г., 1702 и 1772 г. между Франціей и Австріей освобождаютъ отъ военнаго плѣна всѣхъ лицъ, состоящихъ въ походныхъ канцеляріяхъ, военныхъ судахъ, почтовомъ вѣдомствѣ, курьеровъ и и палачей (le prévôt général, ses lieutenants, et autres officiers et gardes de la Connétablie); то-же постановленіе повторяется еще съ большими подробностями и во многихъ другихъ картеляхъ того-же и позднѣйшаго времени, напр. въ картеляхъ: 1743 г. между Австріей и Франціей [138]), Пруссіи со Швеціей 1678 г. и съ Австріей 1741 г., 1756 г., Англіи съ Америкой 1776 г., Англіи съ Франціей 1798 г.—Мирное населеніе въ капитуляціяхъ и картеляхъ XVIII ст. признается не подлежащимъ военному плѣну [139]) и имѣющимъ право на личную и имущественную неприкосновенность; если это правило и соблюдается весьма слабо, то все-же справедливость и необходимость его безусловно признается и это есть уже громадный шагъ впередъ, сравнительно съ безправнымъ положеніемъ мирнаго населенія еще въ XVII вѣкѣ; декретъ Французской Республики отъ 1792 г. признаетъ за норму права то положеніе, что: .... „tous les individus attachés simplement au service des armées, et qui ne sont pas du nombre des com-

---

[137]) Картель 1744 въ Фрейбергѣ между Франціей и Австріей; Брюссельская капитуляція 1746 г, капитуляція Намюра 1746 г., Слюса 1747 г.; см. *Eichelmann*. Op. cit., s. 84.

[138]) Картель 1743 г. гласитъ: Ne seront point sujets à être faits prisonniers de guerre, et seront renvoyés le plus tôt possible: Le Prevôt Général, ses Lieutenants et autres Officiers et Guardes de la Connétablie. l'Auditeur Général, son Lieutenant, le Staab-Auditeur et autres, les Directeurs, Secretairs, et Chanceliers de Chanceleries de Guerre, Secretaires des Généraux et Intendants, des Trésoriers du Commisaire-Général et autres... Maîtres des Postes, Couriers et Postillons.... les Ecuisers, Maîtres-d'Hôtel».....

[139]) Примѣры можно найти въ большемъ количествѣ у Martens'a—«Recueil etc».

battans, ne seront réputés prisonniers de guerre (ainsi la restitution en sera faite ausitôt qu'il seront réclamés et suffisament reconnus"), а конвенція 1795 г. между Австріей и Франціей признаетъ не подлежащими военному плѣну всѣхъ лицъ, захваченныхъ безъ оружія въ рукахъ.—Что касается частной собственности военноплѣнныхъ, то долго еще держался въ практикѣ войны взглядъ, что собственность эта есть законная добыча побѣдителей; еще картели 1741 г. между Пруссіей и Австріей и 1759 г. между Пруссіей и Россіей дозволяютъ присвоеніе плѣнившимъ части имущества плѣненнаго имъ лица. Картели 1780 г. и 1798 г. между Франціей и Англіей не содержатъ въ себѣ на этотъ счетъ никакихъ постановленій, и такой взглядъ продолжаетъ держаться во все теченіе Наполеоновскихъ войнъ начала нынѣшняго столѣтія. Единственнымъ исключеніемъ является обычай предоставлять не подлежащимъ военному плѣну пассивнымъ комбатантамъ безпрепятственно уводить съ собой изъ сдавшихся по капитуляціямъ городовъ принадлежащее имъ имущество; подобныя постановленія мы находимъ еще въ капитуляціяхъ XVII в. [140]). Картели говорятъ также о положеніи военноплѣнныхъ во время самого плѣна, о выдачѣ имъ достаточнаго количества съѣстныхъ припасовъ, о помѣщеніи ихъ въ здоровыхъ квартирахъ; но какъ въ XVIII столѣтіи, такъ и въ началѣ XIX положеніе плѣнныхъ было весьма незавидное: ихъ держали въ тюрьмахъ вмѣстѣ съ обыкновенными преступниками, принуждали къ различнаго рода работамъ, и мы постоянно встрѣчаемся съ жалобами современниковъ на дурное обращеніе съ плѣнными того или другого государства; особенно печальную память оставили по себѣ англійскіе понтоны, гдѣ помѣщались плѣнные французы, взятые Англичанами во время войнъ Наполеона. Оканчивался плѣнъ или выкупомъ, или размѣномъ плѣнныхъ человѣка за человѣка, при чемъ наблюдалось соотвѣтствіе въ рангѣ обмѣниваемыхъ. Въ XVIII столѣтіи постепенно

---

[140]) *Eichelmann*. Op. cit., s. 109—110.

исчезаетъ обычай выкупа плѣнныхъ: такъ, мирнымъ договоромъ 1739 г. въ Бѣлградѣ было опредѣлено, что всѣ русскіе плѣнники отпускаются Турціей безъ выкупа [141]). Мало по малу входитъ въ обычай отпускать при заключеніи мирнаго договора всѣхъ военноплѣнныхъ, взятыхъ у непріятеля безъ выкупа и безъ размѣна человѣка на человѣка. Такія безусловныя освобожденія плѣнниковъ практиковались между Россіей и Швеціей еще въ XVI ст.; съ Польшей-же, наоборотъ, почти всегда примѣнялся размѣнъ плѣнныхъ человѣкъ за человѣка. Размѣнъ плѣнныхъ происходилъ или по заключеніи мирнаго договора, или въ извѣстные промежутки времени въ заранѣе условленныхъ мѣстахъ; освобожденные такимъ образомъ военноплѣнные могли сейчасъ-же вновь поступить въ свою армію и начать военную службу противъ того же непріятеля, изъ плѣна котораго они только-что освободились. Очень распространенъ былъ также обычай отпускать на свободу офицеровъ подъ честнымъ словомъ не участвовать больше въ данной войнѣ [142]).

Если въ XVII и XVIII в. в. выясняются уже понятія о комбатантахъ и некомбатантахъ, о правахъ больныхъ и раненыхъ и о лицахъ, подлежащихъ военному плѣну, то отчасти складывается также и понятіе о томъ, что на войнѣ допустимо только то насиліе, то средство вредить непріятелю, которое оправдывается непосредственной цѣлью войны и, наоборотъ, что существуютъ способы вести войну, несогласные съ честью воюющихъ и принципами гуманности. Важнѣйшимъ проявленіемъ этой идеи, конечно, служитъ фактъ улучшенія положенія раненыхъ и больныхъ; но встрѣчаются и нѣкоторыя указанія на то, что и оружіе извѣстнаго рода, причиняющее излишнія страданія, или считаемое вѣроломнымъ отвергалось практикой войны того времени: отравленіе колодцевъ, распространеніе въ враждебной арміи заразныхъ болѣзней, на-

---

[141]) *Eichelmann.* Op. cit., s. 38.

[142]) *Eichelmann.* Op. cit., s. 35.

рушеніе даннаго непріятелю слова, убійство парламентеровъ и прочія вѣроломныя средства считаются также недостойными честнаго солдата. Относительно недозволеннаго на войнѣ оружія, мы находимъ еще въ XIV ст. протесты папы Иннокентія III и рыцаря Байяра противъ употребленія на войнѣ огнестрѣльнаго оружія; въ XVII и XVIII практика войны постоянно старалась противодѣйствовать введенію такого рода оружія, которое, по мнѣнію военныхъ людей того времени, могло сдѣлать войну болѣе жестокой и кровопролитной; такъ, постоянно преслѣдовалось и вызывало репрессаліи употребленіе на войнѣ каленыхъ и цѣпныхъ ядеръ, зарядовъ ружей разрѣзанными на части пулями (balles figurèes ou machées); сильное негодованіе современниковъ вызвало введеніе въ войскахъ штыка; карабинъ также вначалѣ вызвалъ сильныя репрессаліи противъ вооруженныхъ имъ частей войскъ [143]).

Какъ-бы не жестоки были войны, предпринимавшіяся въ XVIII ст., онѣ все-же въ своихъ проявленіяхъ далеко гуманнѣе войнъ прежнихъ вѣковъ и стремленіе человѣчества подчинить войну извѣстнымъ нормамъ права все сильнѣе и сильнѣе даетъ себя чувствовать. Философы и первая французская революція провозгласили знаменитыя „Права человѣка"; защитить и признать эти права, даже во время войны,—задача, которую осуществило отчасти наше время;—будущее, надо надѣяться, пойдетъ еще дальше и отмѣнитъ во имя религіи и человѣколюбія и самый фактъ войны. XIX столѣтіе начинается рядомъ постоянныхъ войнъ Наполеона I-го. Войны эти, охвативъ собой всю Европу, явились какъ-бы главнымъ занятіемъ всего человѣчества, поглотили собой все вниманіе Европейскихъ державъ и, казалось, настала новая эра господства войны и насилія. Однако войны эти сослужили большую службу дѣлу цивилизаціи, распространивъ въ Европѣ идеи, зародившіяся первоначально во Франціи подъ вліяніемъ философіи XVIII вѣка и,

---

[143]) *Sumner Maine.* «Le Droit International»—«la Guerre». Paris. 1890, p. 183.

особенно, вызвавши къ жизни дремавшее чувство національности. Между тѣмъ, какъ войны XVII и XVIII столѣтій были по преимуществу войнами между государями изъ-за династическихъ, политическихъ и другихъ интересовъ государей, войны Наполеоновскаго времени были войнами національными, ведшимися всѣми сословіями и классами тѣхъ народовъ, самостоятельности и независимости которыхъ угрожало честолюбіе Наполеона. Война изъ личнаго предпріятія того или другого государя дѣлается дѣломъ государственнымъ; народы начинаютъ сами понимать свои интерессы и всѣми силами, совмѣстно съ своими государями, защищать ихъ. Въ Россіи, Испаніи и Германіи всѣ сословія принимаютъ живѣйшее участіе въ войнѣ, стоятъ за свои права и за права своихъ законныхъ представителей и государей. Для Русскихъ отечественная война въ 1812 г. имѣетъ особенно важное значеніе: она пробудила сознаніе солидарности между Государемъ и народомъ, сознаніе, существовавшее, конечно, еще гораздо раньше, еще въ эпоху удѣльно-вѣчевого періода, но успѣвшаго ослабнуть въ теченіе XVIII вѣка, когда воспитаніе и образъ жизни положили глубокую рознь между простымъ народомъ и высшими классами. Въ XVIII вѣкѣ Петербургъ съ его постоянными дворцовыми переворотами жилъ своей самостоятельной европейской жизнью, отдѣльной отъ жизни остальной Россіи; 1812 г. соединилъ, въ виду общей опасности и общаго бѣдствія, эти двѣ жизни и съ тѣхъ поръ единеніе между Царемъ и Его подданными уже не прекращалось; народъ созналъ свою связь со своимъ государемъ, созналъ, что преслѣдуемые имъ интересы—интересы всего Русскаго народа и доказалъ это въ годину Крымской кампаніи и въ 1877—1878 г. Въ XVIII столѣтіи военная служба вызывала ужасъ не только въ простомъ народѣ, но и во многихъ помѣщикахъ отдалённыхъ губерній и постоянно встрѣчаются факты нежеланія дворянъ покидать своихъ вотчинъ и итти въ Петербургъ на службу. Въ 1812 г. всѣ сословія дружно встали противъ врага, и, съ этихъ поръ, каждая новая война сопровождается новыми доб-

ровольными жертвами со стороны всѣхъ сословій Русскаго Государства. Пробужденіе чувства національности сказалось въ фактѣ образованія отрядовъ партизановъ, въ которыхъ принимали участіе самые разнообразные элементы общества: дворянство, духовенство, купцы, простой народъ. Отряды эти дѣйствовали, большею частью, независимо отъ высшаго военнаго начальства своего государства на свой собственный страхъ и отвѣтственность и формировались отдѣльными частными лицами: такъ дѣйствовали въ Россіи партизанскіе отряды Давыдова, Сеславина и Фигнера; въ Германіи—майора Шилля и Андрея Гофера; въ Испаніи—Мины и др. Рядомъ съ образованіемъ партизанскихъ отрядовъ является еще и другой фактъ, свидѣтельствующій о сильномъ развитіи въ эпоху Наполеоновскихъ войнъ чувства національности у народовъ, подвергшихся французскому нашествію и завоеванію: это поголовныя возстанія населенія или всего государства, или извѣстной его части, занятой непріятельскими войсками. Въ Пруссіи и Россіи народъ поголовно возстаетъ по призыву своихъ законныхъ государей противъ вторгающагося Наполеона, а въ Испаніи подобное поголовное возстаніе возгарается помимо даже воли короля, но по почину самого населенія, и ведется противъ непріятеля не только уже фактически занявшаго страну, но и введшаго въ ней новый политическій порядокъ. Съ перваго взгляда кажется, что поголовныя возстанія населенія—вещь не новая въ исторіи и что это только новѣйшее измѣненіе средневѣковаго обычая государей въ случаѣ войны, грозящей цѣлости государства, призывать всѣхъ подданныхъ къ войнѣ съ непріятелемъ, courir sus à l'ennemi; но глубокая разница между этими двумя видами вооруженія всего населенія извѣстнаго государства заключается въ томъ, что средневѣковыя возстанія всего населенія происходили въ силу укоренившагося въ феодальную эпоху взгляда, что каждый вассалъ обязанъ по призыву своего сюзерена взяться за оружіе, поголовныя-же возстанія новаго времени суть проявленія новаго чувства, совершенно неизвѣстнаго среднимъ вѣкамъ, чувства національности. Единственнымъ

примѣромъ поголовнаго возстанія европейскаго народа, вызваннаго чувствомъ сознанія своей національности и желанія національной независимости, и имѣвшаго мѣсто до Наполеоновскихъ войнъ, было возстаніе генеральныхъ штатовъ Голландіи противъ Филиппа II, и это возстаніе произошло уже въ такую эпоху, когда чувство національности начало просыпаться [144]).—Поэтому можно сказать, что Наполеоновскія войны вызвали къ жизни въ практикѣ войны два новыя явленія: появленіе отрядовъ партизановъ, дѣйствующихъ отъ имени и въ интересахъ государства, защищать которое они взялись, и поголовныя возстанія населеній территорій, которымъ или угрожаетъ непріятельское занятіе, или уже подвергшихся этому занятію.—Вмѣстѣ съ появленіемъ этихъ двухъ новыхъ фактовъ въ исторіи войны является и необходимость на практикѣ опредѣлить юридическое положеніе лицъ, участвующихъ въ отрядахъ партизанъ, и въ поголовныхъ возстаніяхъ, иными словами, необходимость дать извѣстное опредѣленіе законному комбатанту. Пока война велась одними регулярными арміями, такое опредѣленіе было весьма легкимъ, такъ какъ само собой подразумѣвалось, что участвовать активнымъ образомъ въ веденіи военныхъ дѣйствій могутъ только лица, принадлежащія къ этимъ арміямъ, т. е. получившія отъ своего правительства приказаніе защищать силой оружія интересы государства, къ которому они принадлежатъ, и спеціально заранѣе къ этой функціи подготовленныя; остальное населеніе не принимаетъ

[144]) Въ XVII и XVIII вѣкахъ населеніе воюющихъ государствъ относилось къ войнѣ обыкновенно совершенно пассивно; это объясняется самымъ характеромъ войнъ этой эпохи, какъ войнъ, ведшихся королевскими арміями исключительно въ интересахъ и по почину самихъ государей. Единственными двумя исключеніями являются война Голландіи противъ Филиппа II и война сѣверо-американскихъ колоній противъ Англіи.—Въ теченіе всего XVII и XVIII столѣтія мы почти не встрѣчаемся съ фактомъ образованія партизанскихъ отрядовъ и партизанской войны; правда, въ морской войнѣ существуетъ обычай посылать каперовъ и корсаровъ (lettres de marque), вооруженныхъ на частныя средства, но цѣль, руководившая корсарами, была главнымъ образомъ цѣль личной наживы, а не защита своей родины.

участіе въ войнѣ и остается простымъ зрителемъ. Война, такимъ образомъ, носила характеръ дуэли между регулярными арміями воюющихъ государствъ. Войны Наполеона, вызвавъ къ участію въ войнѣ и мирное населеніе, не входящее въ составъ регулярныхъ армій, возбудило вопросъ, слѣдуетъ-ли признать за такими добровольными солдатами права законныхъ комбатантовъ, т. е. слѣдуетъ-ли ихъ брать въ плѣнъ и обходиться съ ними въ этомъ случаѣ такъ же, какъ и съ солдатами регулярныхъ армій, или-же надо смотрѣть на нихъ, какъ на разбойниковъ и бандитовъ, и подвергать, какъ таковыхъ, наказанію.—Послѣдній взглядъ во все теченіе войнъ Наполеона былъ безусловно преобладающимъ, и какъ самъ Наполеонъ, такъ и его генералы и генералы воюющихъ съ нимъ государствъ постоянно стремились всѣми силами подавить всякое желаніе мирнаго населенія принимать активное участіе въ войнѣ иначе, какъ не въ рядахъ регулярныхъ армій. Что взглядъ этотъ невѣренъ, легко убѣдиться уже потому, что военная практика новѣйшаго времени отчасти отъ него отказалась и предоставила населенію воюющихъ государствъ, въ извѣстныхъ случаяхъ и при исполненіи съ его стороны извѣстныхъ условій, право законнымъ образомъ участвовать въ оборонѣ своего отечества, не вступая въ число солдатъ регулярныхъ, постоянныхъ армій.—Отказъ Наполеона и современныхъ ему военныхъ людей въ признаніи правъ законнаго комбатанта за партизанами и возставшими поголовно народонаселеніями имѣлъ однако и свои глубокія основанія: если, съ одной стороны, крайне несправедливо и безчеловѣчно обращаться какъ съ разбойникомъ и подвергать тяжкому наказанію человѣка только за то, что онъ защищаетъ свою родину и при этомъ не желаетъ или даже не можетъ вступить въ ряды регулярной арміи, то, съ другой стороны, дозволить каждому подданному одного воюющаго государства вести войну съ каждымъ подданнымъ другого, значитъ воскресить поголовное избіеніе, bellum omnium contra omnes, древности. Чтобы прійти къ какому-бы то ни было компромиссу между этими двумя равно-законными требованіями, между тре-

бованіемъ ограничить военныя дѣйствія извѣстнымъ опредѣленнымъ кругомъ лицъ и требованіемъ оградить право каждаго гражданина на защиту имъ своего очага, своего отечества, надо было выработать извѣстныя условія, при соблюденіи которыхъ можно было-бы признать данное лицо законнымъ комбатантомъ, не нарушая этимъ основного правила современной войны, что война ведется только противъ вооруженныхъ силъ одного государства и только вооруженными-же силами другого, а что мирное населеніе пользуется личной и имущественной неприкосновенностью, при условіи соблюденія имъ своего мирнаго характера. Только новѣйшему времени и то, какъ мы это увидимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи, весьма еще несовершенно удалось разрѣшить эту трудную задачу, и еще теперь какъ въ наукѣ, такъ и на практикѣ вопросъ о томъ, кого слѣдуетъ считать на войнѣ законнымъ комбатантомъ далеко еще не вполнѣ рѣшенъ. Во время-же войнъ Наполеона этотъ вопросъ только-что еще впервые былъ поднятъ и потребовалъ извѣстнаго рѣшенія; военные люди того времени были еще слишкомъ проникнуты убѣжденіемъ, что война есть только извѣстнаго рода искусство, дѣло спеціально ему посвятившихъ себя людей; они еще слишкомъ мало придавали значенія пробуждавшемуся чувству національности, чтобы дѣлать различіе между патріотомъ, жертвующимъ собой на благо родины, и разбойникомъ, вмѣшивающимся въ войну ради корысти и наживы. Поэтому въ эту эпоху мы постоянно встрѣчаемся съ фактами, свидѣтельствующими намъ о желаніи военныхъ людей ограничить войну только военными дѣйствіями между регулярными арміями воюющихъ государствъ. Партизаны при захватѣ ихъ непріятелемъ разстрѣливаются, а поголовно возставшее населеніе подвергается жестокимъ репрессаліямъ.— Въ 1809 г. былъ разстрѣлянъ въ Тиролѣ, по приказанію Наполеона, Андрей Гофферъ, ведшій отъ имени австрійскаго правительства партизанскую войну съ французскими войсками; въ томъ-же году Наполеонъ объявляетъ прусскаго партизана, майора Шилля внѣ закона и назначаетъ за его голову премію

въ 10000 франковъ; самъ Шилль былъ убитъ въ сраженіи, но двѣнадцать офицеровъ его отряда были, по приказанію Наполеона, казнены разстрѣляніемъ; въ 1810 г. маршалъ Ожеро издалъ прокламацію къ населенію Испаніи, въ которой говоритъ, что каждый вооруженный крестьянинъ подлежитъ повѣшенью; при этомъ не обращалось никакого вниманія дѣйствуетъ-ли такое вооруженное мирное населеніе съ вѣдома и согласія своего правительства, или на свой собственный страхъ [145]); въ 1812 г. были разстрѣляны русскіе партизаны Фигнеръ и Сеславинъ; въ 1813 г., когда нѣмецкій партизанъ Лютцовъ былъ взятъ въ плѣнъ со всѣмъ своимъ отрядомъ, то генералъ Бертье велѣлъ сковать его и его товарищей попарно въ кандалы и, отправивъ подъ конвоемъ въ Савойю, посадить ихъ, какъ преступниковъ, въ казематы [146]). Когда союзныя войска въ 1814 г. вошли во Францію, то начальствующіе генералы неоднократно также издавали прокламаціи къ населенію, предупреждая его, что въ случаѣ поголовнаго возстанія или вооруженія отдѣльныхъ партизанскихъ отрядовъ, участники такой партизанской войны будутъ караться какъ разбойники и бандиты; такъ, лордъ Велингтонъ объявилъ мирному населенію южной части Франціи, что, если оно желаетъ принимать активное участіе въ войнѣ, то должно вступить въ ряды регулярной арміи, всякое же сопротивленіе этого населенія съ оружіемъ въ рукахъ иного характера будетъ наказываться имъ какъ преступленіе: возставшія деревни будутъ сожжены, а все ихъ населеніе перевѣшано [147]). Подобныя прокламаціи были изданы къ мирному населенію Франціи и другими командирами отдѣльныхъ армій союзниковъ: Шварценбергомъ, Блюхеромъ, кн. Воронцовымъ и Бубной [148]).—Впро-

---

[145]) *Grenander*. Sur les conditions nécessaires..... pour être traité en soldat». p. 27, note 3.

[146]) *Мартенсъ*. «Современное международное право». Т. II, стр. 479.

[147]) *Droop*. «On the relations between an invading army and the inhabitants etc.» 1871, p. 712.

[148]) *Droop*, l. cit., p. 718.

чемъ, надо признаться, что если, съ одной стороны, воюющія стороны чрезвычайно строго относились ко всякимъ попыткамъ самообороны мирнаго населенія противъ вторгающаго непріятеля, то нельзя также не замѣтить, что обороняющіяся государства часто понимали подъ словомъ поголовнаго возстанія избіеніе непріятеля всѣми жителями и при помощи всякихъ, даже вѣроломныхъ средствъ. Говоря о поголовныхъ возстаніяхъ, въ дальнѣйшемъ изложеніи мы укажемъ на тотъ основной, по нашему мнѣнію, принципъ, что военныя дѣйствія всегда должны вестись открыто, и потому мы требуемъ для партизанскихъ отрядовъ и для поголовныхъ возстаній соблюденіе условія ношенія комбатантами извѣстнаго отличительнаго знака, а для поголовныхъ возстаній еще, кромѣ того, и предварительнаго оффиціальнаго объявленія о начатіи подобнаго возстанія, дабы непріятель зналъ, вступая на извѣстную территорію, о воинственномъ настроеніи жителей.—Хотя послѣднее условіе и соблюдалось при поголовныхъ и партизанскихъ возстаніяхъ европейскихъ народовъ во время войнъ Наполеона, но за то условіе открытаго и честнаго веденія военныхъ дѣйствій часто совершенно игнорировалось. Прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ III въ своемъ манифестѣ 1813 г., призывающемъ населеніе къ поголовному возстанію[149]), говоритъ, что дѣло защиты родины санкціонируетъ всѣ средства для борьбы съ врагомъ, и совѣтуетъ возставшимъ не надѣвать никакого отличительнаго знака, дабы, введя непріятеля въ заблужденіе относительно своего мирнаго характера, воспользоваться этимъ для нанесенія ему возможно большаго вреда съ возможно меньшею опасностью для нихъ самихъ. Такимъ образомъ, партизанская война и поголовныя возстанія разсматривались не какъ самооборона населенія государства, подчиненная извѣстнымъ обычаямъ и законамъ права войны и ведущаяся открыто и честно, но какъ произвольное и могущее даже быть вѣроломнымъ примѣненіе насилія всего населенія

---

[149]) См. *Guelle*. «Précis de lois de la guerre». T. I, p. 81.

противъ каждаго непріятельскаго солдата. Такое пониманіе народной самообороны, конечно, не могло вызвать ничего иного со стороны непріятеля, какъ самыхъ жестокихъ репрессалій.— Положеніе больныхъ, раненыхъ и военноплѣнныхъ въ теченіе войнъ Наполеона не только не улучшилось сравнительно съ практикой XVIII столѣтія, но скорѣе ухудшилось, такъ какъ въ теченіе этого времени почти совершенно не заключалось между воюющими сторонами какихъ-либо договоровъ, касающихся участи плѣнныхъ и раненыхъ; послѣдніе договоры, содержащіе въ себѣ нѣкоторыя постановленія, касающіяся больныхъ и раненыхъ, относятся къ эпохѣ начала Наполеоновскихъ войнъ въ Испаніи, т. е. къ 1808—1809 гг. [150]). Картели о размѣнѣ плѣнныхъ также становятся весьма рѣдкими, такъ какъ Наполеонъ всегда старался не дать возможность своимъ противникамъ усиливать своихъ армій возвратившимися изъ плѣна солдатами и потому почти совершенно не прибѣгалъ къ взаимному размѣну военноплѣнныхъ [151]). Особенно тяжелымъ было положеніе плѣнныхъ французовъ въ Англіи, гдѣ они помѣщались на понтонахъ и гдѣ обращеніе съ ними было такое-же, какъ съ преступниками. Наполеонъ, въ 1803 г. увлеченный своею ненавистью къ англичанамъ, введя т. н. континентальную систему, объявилъ подлежащими военному плѣну всѣхъ англійскихъ подданныхъ, находящихся на континентѣ. — Вообще войны начала XIX стол. мало подвинули впередъ развитіе права войны; а послѣдующее долголѣтіе мирнаго состоянія Европы заставило забыть даже ранѣе выработанныя практикой нормы этого права, такъ что составители проекта Женевской конвенціи долгое время были убѣждены, что забота о раненыхъ и больныхъ есть исключительно ихъ личное созданіе и только Лёфлеръ и Портль, собравъ существовавшія въ XVII и XVIII вѣкѣ капи-

---

[150]) *Moynier*. «Étude sur la Convention de Genève». P. 1870, p. 48.

[151]) *S. Maine*. «La Guerre»—p. 213.

туляціи и картели [152]), доказали, что идея эта не новая, имѣвшая уже значительныя примѣненія въ практикѣ войнъ предшествовавшихъ столѣтій.—Первая война, послѣ 1815 г., представляющая для насъ интересъ, есть война Россіи съ Турціей въ 1829 г.; въ теченіе ея русское правительство издало замѣчательное „положеніе о военноплѣнныхъ", опредѣляющее ихъ права и обязанности по отношенію къ плѣнившему ихъ русскому правительству. Вотъ главнѣйшія постановленія этого закона: военноплѣнные подраздѣляются на сдавшихся добровольно, въ томъ числѣ и дезертировъ, и взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ.—Лица первой категоріи, если они принадлежатъ къ числу рядовыхъ, могутъ быть употребляемы на общественныя работы. Больные и раненые военноплѣнные пользуются тѣмъ-же уходомъ и медицинской помощью, что и раненые русскіе солдаты. Во время пути отъ мѣста ихъ плѣненія до назначеннаго имъ мѣстожительства во внутреннихъ губерніяхъ Имперіи, а также и во время пребыванія ихъ въ главной квартирѣ, они пользуются довольствіемъ наравнѣ съ русскими военными соотвѣтствующаго чина; кромѣ такого довольствія натурой имъ платится ежедневно наличными деньгами отъ $1^1/_2$ до 24 коп., сообразно съ ихъ чиномъ. Во время пути, довольствіе натурой можетъ быть замѣнено ежедневной платой въ размѣрѣ отъ 1 рубля до 15 копеекъ; смотря по необходимости они снабжаются также платьемъ и обувью. Военноплѣнные, не употребляющіеся на общественныя работы, могутъ наниматься по вольному найму; собственность каждаго военноплѣннаго, за исключеніемъ оружія, считается неприкосновенной. Наконецъ, они пользуются защитой дѣйствующихъ въ Имперіи законовъ на равнѣ съ русскими подданными; въ свою

[152]) См. *Löffler*. «Studien über den Sanitaetsdienst im italienischen Feldzuge v. 1859.—Preussische militärärztliche Zeitung, 1860, № 20 и *Gurlt*. «Zur Geschichte der internationalen und freiwilligen Krankenpflege». Leipzig. 1873.—Въ этомъ сочиненіи собраны всѣ договоры XVII, XVIII и XIX в. до 1864 о раненыхъ воинахъ.

очередь, военноплѣнные подлежатъ дѣйствію россійскихъ законовъ, но судятся они не военнымъ, а гражданскимъ судомъ.

Крымская компанія дала поводъ къ изданію новаго положенія о военноплѣнныхъ 1854 г., расширившаго и дополнившаго постановленія положенія 1829 г.; однако и это новое положеніе говоритъ только, подобно положенію 1829 г., о положеніи военноплѣнныхъ во время ихъ пути во внутреннія губерніи Россіи, и совершенно умалчиваетъ о томъ, каково должно быть ихъ содержаніе, по водвореніи ихъ на временное ихъ мѣстожительство. Со стороны союзниковъ, насколько намъ извѣстно, не было издано никакого общаго постановленія относительно русскихъ военноплѣнныхъ; плѣнные русскіе получали содержаніе отъ русскаго правительства, пересылавшееся имъ въ мѣста ихъ содержанія за-границей [153]). Санитарная часть также была весьма плохо обставлена у союзныхъ войскъ, и только частная помощь облегчала отчасти тяжелое положеніе жертвъ войны; положеніе англійскихъ больныхъ и раненыхъ подъ Севастополемъ вызвало живѣйшее участіе въ англійскомъ обществѣ; а извѣстная миссъ Нейтингель всѣми силами старалась облегчить участь своихъ больныхъ соотечественниковъ. Съ русской стороны было сдѣлано весьма много для улучшенія ухода и леченія раненыхъ, и дѣятельность въ этомъ отношеніи знаменитаго Пирогова и гр. Іосифа Вьельгорскаго до сихъ поръ еще памятна всякому русскому человѣку.—Война Франціи и Сардиніи противъ Австріи въ 1859 г. замѣчательна во многихъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, французское правительство издаетъ положеніе о военноплѣнныхъ, подобное тѣмъ положеніямъ, которыя ранѣе были изданы русскимъ правительствомъ.

Во-вторыхъ, въ первый разъ появляется въ практикѣ войны партизанскій отрядъ, дѣйствующій отъ имени и въ интересахъ защищаемаго имъ государства, обмундированный, военнымъ образомъ организованный и соблюдающій обычаи и законы войны, но дѣйствующій безъ всякаго правительствен-

[153]) См. «Собраніе рукописей, относящихся до обороны Севастополя».

наго разрѣшенія и, тѣмъ не менѣе, признаваемый обѣими воюющими сторонами за собраніе законныхъ комбатантовъ, а не за банду разбойниковъ. Такимъ отрядомъ было войско, сформированное знаменитымъ Джузеппе Гарибальди. Въ практикѣ войны является первый прецедентъ признанія воюющими сторонами за партизанскимъ отрядомъ, соблюдающимъ обычаи и законы войны, права законныхъ комбатантовъ. Этотъ прецедентъ весьма важенъ, такъ какъ онъ установилъ понятіе о законности активнаго участія въ войнѣ всякой человѣческой личности, лишь-бы эта личность удовлетворяла извѣстнымъ условіямъ, формулированнымъ позднѣе Брюссельской декларацiей 1874 г.; отнынѣ несомнѣнно признается право за народонаселеніемъ каждаго государства бороться за свою національную независимость не только вооруженными правительственными войсками, но и органами народной самообороны. Наконецъ, война 1859 г. замѣчательна еще и въ томъ отношеніи, что вызвала къ жизни знаменитую Женевскую конвенцію 1864 г. Какъ извѣстно, въ 1862 г. женевецъ Дюнанъ, присутствовавшій лично при битвѣ при Сольферино, пораженный ужаснымъ состояніемъ раненыхъ послѣ битвы и недостаткомъ оказываемой имъ медицинской помощи, написалъ свою знаменитую книгу, „Un souvenir de Solferino“, [154]) въ которой онъ предлагаетъ учредить добровольныя общества для принесенія посильной помощи раненымъ на полѣ сраженія. — Въ 1861 г. возникла война между Сѣверными и Южными Штатами Сѣверной Америки, ведшаяся съ большимъ ожесточеніемъ обѣими воюющими сторонами; особенно много нареканій вызвало обращеніе южанъ съ плѣнными сѣверянами а). Въ концѣ этой войны президентъ Сѣверныхъ Штатовъ, Линкольнъ, убѣ-

---

[154]) Книга Дюнана выдержала съ 1862 по 1873 г. шесть изданій и была переведена почти на всѣ европейскіе языки, въ томъ числѣ и на русскій. Подробный разборъ ея помѣщенъ у *Lueder'a*—La Convention de Genève», p. 39—48.

а) См. у Муанье—«Étude sur la Conv. de Genève», p. 346—363—примѣры дурного обращенія Южанъ съ плѣнными Сѣверянами.

дился въ необходимости точно опредѣлить обычаи и законы войны и поручилъ съ этою цѣлью извѣстному американскому юристу Либеру составленіе проекта устава международныхъ обычаевъ и законовъ, обязательныхъ для воюющихъ сторонъ. Проектъ этотъ обсуждался въ спеціальной коммиссіи, составленной изъ военныхъ лицъ, и обнародованъ въ 1863 г. подъ заглавіемъ: „Instructions for the government of the United States in the field“ [155]). Эти Полевыя Инструкціи состоятъ изъ 157 статей и замѣчательны, какъ первая правительственная попытка кодификаціи законовъ и обычаевъ войны. Инструкціи Либера выставляютъ, какъ общее правило, что насиліе допустимо на войнѣ только постольку, поскольку это является необходимымъ для достиженія цѣли войны [156]) и должно быть направлено только на военныя силы государства, но не на мирныхъ гражданъ, которые пользуются личной и имущественной неприкосновенностью; [157]) военному плѣну подлежатъ и пользуются правами законныхъ комбатантовъ не только солдаты регулярныхъ армій, но и участники поголовнаго возстанія въ незанятой еще непріятелемъ части государственной территоріи; [158]) послѣдніе ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть приравнены къ разбойникамъ; равнымъ образомъ считаются законными комбатантами партизаны, носящіе мундиръ своей арміи и имѣющіе порученіе своего правительства на активное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, лица-же, ведущія войну безъ такого правительственнаго порученія (commission), будучи взяты въ плѣнъ, приравниваются къ разбойникамъ [159]). Возстаніе народонаселенія въ странѣ, занятой непріятельскими войсками, считается бунтомъ (war-rebelion) и наказывается

---

[155]) Инструкціи Либера перепечатаны въ приложеніи у Blüntschli. «Das Moderne Völkerrecht», 1878.

[156]) Amer. Instruct. art. 14—16.

[157]) Am. Instr. art. 22—25; 37—38.

[158]) Am. Instr. art. 49—52.

[159]) Am. Instr. art. 81; 82.

смертью [160]). Затѣмъ идутъ постановленія о военноплѣнныхъ, о правахъ оккупаціонной арміи, шпіонахъ, парламентерахъ, о перемиріяхъ и капитуляціяхъ и пр. Относительно больныхъ и раненыхъ встрѣчается постановленіе, что госпитали должны быть обозначены особыми желтыми флагами, дабы непріятель могъ избѣгать стрѣлять по нимъ [161]); каждому раненому и захваченному въ плѣнъ непріятелю должна быть оказана, по мѣрѣ возможности, медицинская помощь [162]); медицинскій персоналъ и священнослужители, слѣдующіе за арміей, военному плѣну не подлежатъ; по имъ разрѣшается остаться при раненыхъ и больныхъ, взятыхъ въ плѣнъ, и въ этомъ случаѣ считаются военноплѣнными [163]) и могутъ быть размѣняны. Въ 1863 г. Женевское „Общество общественной пользы"—Société genevoise d'utilité publique",—подъ предсѣдательствомъ Муанье, подняло вопросъ объ образованіи постоянныхъ обществъ для помощи раненымъ и поручило разработку этого вопроса 5 своимъ членамъ [164]). Эта комиссія, послѣ зрѣлаго обсужденія вопроса, пришла къ заключенію, что раньше, чѣмъ вырабатывать проектъ добровольныхъ обществъ помощи раненымъ, необходимо убѣдиться въ томъ, насколько такія общества дѣйствительно необходимы и какъ будетъ встрѣчено ихъ образованіе со стороны административныхъ и военныхъ властей различныхъ государствъ. Поэтому явилась необходимость созвать международную конференцію изъ свѣдущихъ людей, хорошо знающихъ практику войны и принадлежащихъ къ различнымъ національностямъ. Дюнанъ взялъ на себя трудную задачу побудить различныя европейскія правительства послать делегатовъ на такого рода международную конференцію и блестяще исполнилъ это порученіе. Всѣ европейскіе государи, которыхъ

---

[160]) Am. Instr. art. 85.

[161]) Am. Instr. art. 115.

[162]) Am. Instr. art. 79.

[163]) Am. Instr. art. 53.

[164]) Эти 5 членовъ были: Муанье, Дюнанъ, Генер. Дюфуръ, Монуаръ и Аппія.

посѣтилъ Дюнанъ, чрезвычайно сочувственно отнеслись къ проповѣдуемой имъ идеѣ [165]). Вслѣдствіе этого Женевская коммиссія разослала 1-го Сентября 1863 г. приглашеніе различнымъ выдающимся личностямъ всѣхъ національностей, политическимъ дѣятелямъ, военнымъ, медикамъ и филантропамъ, собраться 26-го октября 1863 г. на международную конференцію въ Женевѣ; вмѣстѣ съ этимъ приглашеніемъ былъ разосланъ и проектъ международнаго соглашенія для образованія комитетовъ для помощи раненымъ [166])—Въ назначенный срокъ въ Женевѣ собралась международная конференція, въ которой приняли участіе 36 представителей почти всѣхъ европейскихъ государствъ; изъ русскихъ присутствовали—капитанъ А. Кирѣевъ, адъютантъ Е. И. В. Вел. Кн. Константина Николаевича и Ессаковъ, библіотекарь Е. И. В. Вел. Кн. Елены Павловны. Послѣ различнаго рода споровъ и разсужденій, конференція пришла къ рѣшенію [167]), которое, не касаясь самаго принципа первоначальнаго проекта устройства добровольныхъ комитетовъ о раненыхъ, внесло только въ него нѣсколько измѣненій и поправокъ. Въ этомъ рѣшеніи, собственно говоря, еще не была высказана главная идея будущей Женевской конвенціи, идея о нейтрализаціи госпиталей, медицинскаго персонала, самихъ раненыхъ и всѣхъ лицъ и имуществъ, служащихъ дѣлу оказанія помощи раненымъ; но эта мысль выражена была въ заключительныхъ пожеланіяхъ (voeux), высказанныхъ Женевской конференціей 1863 г. Пожеланія эти слѣдующія [168]):

---

[165]) См. у *Lueder'a* («La Convention de Genève», p. 51—58) имена государей и частныхъ лицъ, высказавшихся за мысль Дюнана.

[166]) См. текстъ этого проекта у *Lueder'a*, op cit., p. 60—61.

[167]) Текстъ постановленій конференціи у *Lueder'a*, op. cit, p. 70—71 и *Ивановскаго*, «Женевская конвенція 1864 г.» Кіевъ, 1884, стр. 31 (русскій переводъ).

[168]) Приводимый нами переводъ этихъ пожеланій заимствованъ нами у Ивановскаго, op. cit., стр. 32.

A) Чтобы правительства оказали свое высокое покровительство комитетамъ, которые будутъ организоваться, и облегчили, насколько это возможно, выполненіе ихъ назначенія.

B) Чтобы во время войны воюющими державами была объявлена нейтрализація перевязочныхъ пунктовъ и госпиталей и чтобы она въ самомъ полномъ объемѣ распространилась на оффиціальный санитарный персоналъ, на добровольныхъ санитаровъ, на жителей страны, которые будутъ оказывать помощь раненымъ, и на самихъ раненыхъ.

C) Чтобы былъ принятъ общій отличительный знакъ для санитарнаго персонала всѣхъ армій, или, по крайней мѣрѣ, для лицъ одной и той-же арміи, принадлежащихъ къ этого рода службѣ.

Постановленія Женевской конференціи и высказанныя ею пожеланія, будучи рѣшеніемъ собранія частныхъ лицъ, хотя и представлявшихъ пославшія ихъ государства, но не имѣвшихъ на то полномочій, для заключенія какого либо оффиціальнаго международнаго акта не могли имѣть законной силы и потому для достиженія цѣли, преслѣдовавшейся конференціей, необходимо было достичь слѣдующія двѣ цѣли: реализовать постановленія конференціи относительно образованія въ различныхъ государствахъ добровольныхъ обществъ и побудить правительства признать за пожеланіями, высказанными конференціей, силу международнаго закона. Съ этою цѣлью Женевская коммиссія была преобразована въ концѣ собранія 1863 г. въ международный Женевскій комитетъ, дѣйствующій вполнѣ самостоятельно. Первую свою задачу, т. е. образованіе въ различныхъ государствахъ національныхъ комитетовъ для заботы о раненыхъ, Женевскій комитетъ выполнилъ блестяще и вскорѣ Европа покрылась сѣтью такихъ обществъ подачи помощи раненымъ, организованныхъ на основаніи принциповъ, выраженныхъ Женевской конференціей 1863 г. Одинъ изъ такихъ національныхъ комитетовъ, прусскій, уже въ слѣдующемъ 1864 г., во время войны Пруссіи съ Даніей изъ-за Шлезвигъ-Голштиніи, оказалъ несомнѣнныя услуги раненымъ

воинамъ [169]). Что касается осуществленія второй задачи Женевскаго комитета, т. е. достиженія извѣстнаго международнаго соглашенія государствъ, относительно пожеланій, высказанныхъ конференціей 1863 г., то результаты, достигнутые комитетомъ, были не менѣе блестящи: разосланное комитетомъ правительствамъ двадцати государствъ приглашеніе прислать своихъ уполномоченныхъ на международный конгрессъ въ Женевѣ было принято 16-тью державами, приславшими своихъ делегатовъ въ Женеву, и такимъ образомъ, 8 (20) августа 1864 г. состоялся Женевскій международный конгрессъ, подписавшій знаменитую Женевскую Конвенцію 10-го (22) авг. 1864 г. [170]) Проектъ конвенціи былъ выработанъ Женевскимъ международнымъ комитетомъ и принятъ съ незначительными измѣненіями членами конгресса. Женевская конвенція была принята 32 государствами: всѣми европейскими, шестью американскими и однимъ азіатскимъ (Персіей); Россія примкнула къ ней 22-го мая 1867 г.—Женевская конвенція 1864 г. признаетъ нейтральность амбулансовъ и военныхъ госпиталей; но эта нейтральность прекращается, если эти госпитали охраняются военной силой; весь личный составъ госпиталей и амбулансовъ, включая сюда части интендантскую, врачебную, административную и перевозочную (равно и священнослужителей) пользуется правами нейтральности, пока въ госпиталѣ остаются раненые, или пока присутствіе этого персонала необходимо для оказанія помощи раненымъ; весь этотъ персоналъ можетъ или безпрепятственно продолжать свою дѣятельность, или удалиться, если мѣсто, въ которомъ онъ находится, уже занято непріятелемъ; вся движимость амбулансовъ неприкосновенна, но движимость госпиталей подлежитъ дѣйствію общихъ законовъ войны, т. е. можетъ быть захвачена

---

169) *Lueder*. Op. cit., p. 77 въ примѣчаніи 18-мъ.

170) Текстъ этой конвенціи помѣщенъ въ русскомъ переводѣ у Ивановскаго, op. cit., 37—38. Исторія переговоровъ и дебатовъ членовъ конгресса и текстъ первоначальнаго проекта конвенціи приведены у *Людера*, op. cit., p. 88—108.

непріятелемъ; жители страны, оказывающіе помощь раненымъ, пользуются особой охраной и привилегіями. Раненые и больные пользуются медицинской помощью обѣихъ воюющихъ сторонъ безъ различія національности; тѣ изъ нихъ, которые по выздоровленіи будутъ признаны неспособными къ дальнѣйшей военной службѣ, могутъ быть отсылаемы захватившимъ ихъ непріятелемъ въ ихъ отечество; остальные выздоровѣвшіе раненые также могутъ быть освобождаемы подъ условіемъ не принимать дальнѣйшаго участія въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ захватившаго ихъ государства. Госпитали, амбулансы, эвакуаціонные экипажи и лица, состоящія при госпиталяхъ и амбулансахъ и пользующіяся правами нейтралитета, носятъ особый отличительный знакъ съ изображеніемъ краснаго креста на бѣломъ фонѣ (флагъ и повязка).—Вотъ главнѣйшія постановленія Женевской конвенціи 1864 г.—Конвенція эта весьма замѣчательна какъ первый международный законъ права войны, законъ, основанный на формальномъ соглашеніи и на взаимномъ обязательствѣ всѣхъ подписавшихъ его государствъ соблюдать его постановленія.—Каковы должны и могутъ быть гарантіи исполненія государствами этого закона, здѣсь не мѣсто разсматривать, но во всякомъ случаѣ самый фактъ оффиціальнаго признанія государствами извѣстныхъ обязательныхъ нормъ, гарантирующихъ положеніе личности раненаго и ухаживающаго за нимъ врача, фактъ весьма важный и доказывающій несомнѣнный прогрессъ человѣчества въ дѣлѣ гуманизаціи войны и подчиненія ея проявленія извѣстному правовому порядку.—Вскорѣ послѣ заключенія Женевской конвенціи началась Австро-Прусская война 1866 года, указавшая на практикѣ на присущіе Женевской конвенціи недостатки и на тѣ измѣненія, которыя должны быть въ ней сдѣланы.—Первымъ и существеннымъ затрудненіемъ примѣненія постановленій этой конвенціи въ войну 1866 г. было то обстоятельство, что одна изъ воюющихъ сторонъ, Австрія, не присоединилась еще къ Женевской конвенціи и, несмотря на неоднократныя представленія со стороны Женевскаго комитета и Прусскаго правительства,

упорно отказывалась признать для себя обязательность этой конвенціи.—Австрійцы не желали уважать нейтральность медицинскаго персонала и брали въ плѣнъ докторовъ, даже тѣхъ, которыхъ они находили дающимъ первую помощь на полѣ сраженія австрійскимъ-же раненымъ [171]). Слѣдствіемъ такого поведенія было то, что послѣ битвы при Кёнигсгрецѣ, когда австрійская армія отступила, преслѣдуемая прусской, всѣ австрійскіе перевязочные пункты, оставшіеся на полѣ сраженія съ сотнями находившихся въ нихъ раненыхъ, оставались въ теченіе трехъ сутокъ безъ всякой медицинской помощи и безъ пищи [172]).—Послѣ этой битвы Австрія немедленно присоединилась къ Женевской конвенціи.—Для обсужденія вопроса объ исправленіи и дополненіи Женевской конвенціи 1864 г., собралось весною 1867 въ Берлинѣ по приказу короля Конференція изъ знаменитыхъ военныхъ медиковъ. Конференція эта выработала извѣстную программу предполагавшихся измѣненій [173]), но еще болѣе всесторонне вопросомъ о пересмотрѣ Женевской конвенціи занялась въ томъ-же 1867 г. созванная въ Парижѣ международная конференція представителей обществъ попеченія о раненыхъ всѣхъ странъ [174]). Предварительно проектъ былъ разработанъ въ особомъ отдѣленіи Парижскаго комитета [175]). Чтобы достигнуть оффиціальнаго обсужденія и принятія парижскаго проекта добавочныхъ статей Женевской конвенціи 1864 г.

---

171) *Lueder*. Op. cit., p. 115.

172) *Lueder*. Op. cit., p. 116 и *Löffler* «Preuss. Militärsanitaetswesen». I, p. 46—47.

173) Текстъ берлинскаго проекта см. у Lueder'a, p. 120—123 тамъ же изложенъ и ходъ дебатовъ.

174) Текстъ парижскаго проекта (см. у Lueder'a, op. cit., p. 148—151) составленъ былъ на основаніи 3-хъ подготовительныхъ проектовъ, вышеупомянутыхъ берлинскаго и парижскаго и 3-го, составленнаго въ Вюрцбургѣ делегатами однихъ нѣмецкихъ обществъ попеченія о раненыхъ.

175) Подробный разборъ, изложеніе различныхъ проектовъ и историческій ходъ различныхъ подготовительныхъ конференцій по вопросу о пересмотрѣ Женевской Конвенціи 1864 г., можно найти въ книгѣ Lueder'a и у Ивановскаго, op. cit.

оффиціальными и уполномоченными представителями державъ, Женевскій международный комитетъ обратился вновь къ Союзному Швейцарскому Совѣту, который отъ своего имени разослалъ правительствамъ державъ приглашеніе на международный дипломатическій конгрессъ для пересмотра Женевской конвенціи 1864 г. Конгрессъ этотъ собрался въ Женевѣ 5-го октября 1868 и въ своихъ засѣданіяхъ съ 5-го по 20-го октября 1868 г. выработалъ на основаніи парижскаго проекта 1867 г. рядъ дополнительныхъ статей, изъ которыхъ 5 касались сухопутной войны, а остальныя 10 морской войны. Проектъ добавочныхъ статей 1868 г. былъ подписанъ представителями 14 державъ, но остальныя державы его не приняли и потому проектъ этотъ до сихъ поръ не ратификованъ и силы закона не имѣетъ. Статьи, относящіяся къ сухопутной войнѣ, вносятъ въ текстъ конвенціи 1864 г. только весьма несущественныя измѣненія; наиболѣе важнымъ является добавленіе, что воюющія стороны должны принять мѣры къ обезпеченію за лицами, охраняемыми нейтралитетомъ и захваченными непріятельскими войсками, пользованья полнымъ содержаніемъ [176]).—Почти одновременно съ международнымъ Женевскимъ конгрессомъ 1868 г., собрался въ С.-Петербургѣ 28 октября (9 ноября н. ст.) 1868 г. международная конференція, имѣвшая своею цѣлью предупредить употребленіе на войнѣ оружія, излишнимъ образомъ увеличивающаго страданія раненыхъ, специально-же употребленіе разрывныхъ пуль. Въ 1863 г. въ русскихъ войскахъ [177]) были введены разрывныя пули для дѣйствія противъ зарядныхъ ящиковъ непріятельскихъ войскъ; военный министръ Милютинъ, убѣдившись въ крайне разрушительномъ и жестокомъ дѣйствіи этихъ пуль въ случаѣ пораненія ими людей, сначала распоря-

---

[176]) Текстъ дополнительныхъ статей 1868 г.—Lueder. Op. cit., p. 182—185. По-русски у Ивановскаго, op. cit., стр. 56—60, а также въ русскихъ переводахъ сочиненій Гефтера, Спб., 1880 г. и Блюнчли.

[177]) Подобныя разрывныя пули были приняты еще въ войскахъ Швейцаріи, Пруссіи, Австріи и Баваріи.

дился выдавать такія пули только унтеръ-офицерамъ стрѣлковыхъ батальоновъ съ приказаніемъ употреблять ихъ исключительно только противъ зарядныхъ ящиковъ, но затѣмъ онъ пришелъ къ убѣжденію, что слѣдовало-бы при помощи международнаго соглашенія совершенно отказаться отъ употребленія на войнѣ разрывныхъ пуль, какъ оружія черезъ-чуръ жестокаго. Свой взглядъ Милютинъ изложилъ покойному Государю Александру Николаевичу, который въ свою очередь тотчасъ-же принялъ на себя починъ этаго благого дѣла и разослалъ приглашенія всѣмъ европейскимъ державамъ на международную конференцію въ С.-Петербургѣ. Постановленія этой конференціи, принятыя всѣми европейскими державами и ставшія, такимъ образомъ, международнымъ закономъ, обязуютъ договаривающіяся державы не употреблять въ случаѣ войны между собою разрывныхъ снарядовъ, вѣсомъ менѣе 400 граммовъ [178]). Такимъ образомъ было положено первое основаніе для созданія международнаго законодательства по вопросу о дозволенныхъ на войнѣ средствахъ вредить непріятелю и дана новая гарантія для уменьшенія страданій человѣческой личности.

Франко-Прусская война 1870—1871 г. послужила поводомъ къ выясненію многихъ вапросовъ права войны и указала наглядпымъ образомъ на необходимость общаго мяждународнаго соглашенія для установленія точнаго и строго-опредѣленнаго права войны. Здѣсь мы займемся только тѣми вопросами, которые спеціально относятся къ положенію человѣческой личности во время войны и особенно личности активнаго комбатанта.—Обѣ воюющія стороны во все время продолженія войны возводили другъ на друга обвиненія въ нарушеніи законовъ и обычаевъ войны; провѣрить всѣ эти обвиненія довольно трудно, такъ-какъ съ французской стороны, по справедливому замѣчанію Ролленъ-Жакмена [179]), даже оффиціальныя

---

[178]) Текстъ см. *Moynier.* Op. cit., p. 332—333 и во многихъ другихъ сочиненіяхъ.

[179]) Revue de Dr. Intern. 1871, pp. 289—296.

извѣстія того времени не отличаются достовѣрностью и безпристрастностью, съ нѣмецкой-же стороны были также выставлены въ оффиціальныхъ документахъ многія обвиненія противъ поведенія французскихъ войскъ, оказавшіяся совершенно неосновательными [180]). Что касается писателей, занимавшихся разборомъ поведенія обѣихъ воюющихъ армій въ эту войну, то, по нашему мнѣнію, наибольшимъ довѣріемъ долженъ пользоваться Гель, опирающійся почти постоянно въ своихъ сужденіяхъ о дѣйствіяхъ германскихъ войскъ на оффиціальные нѣмецкіе-же документы [181]).—Остальные писатели, французы и нѣмцы, отличаются большой пристрастностью; такая-же пристрастность замѣтна и у Ролленъ-Жакмена, слишкомъ часто становящагося на нѣмецкую точку зрѣнія и желающаго оправдать дѣйствія нѣмецкихъ войскъ, поэтому, не смотря на прекрасную и вполнѣ научную оцѣнку военныхъ дѣйствій 1870—1871 г., данную имъ въ помѣщенныхъ въ „Revue de Dr. International“ [182]) статьяхъ, нельзя всегда вполнѣ довѣряться ни самой этой оцѣнкѣ, ни приводимымъ имъ фактамъ.—Первый вопросъ, возникшій послѣ объявленія Прусской войны Франціи, былъ вопросъ о положеніи подданныхъ воюющихъ державъ, находящихся въ моментъ объявленія войны на территоріи враждебнаго государства; въ этомъ отношеніи можно сказать, что обѣ воюющія стороны, сообразуясь съ нынѣ дѣйствующими законами и обычаями войны, не прибѣгли въ началѣ войны ни къ какимъ черезъ-чуръ суровымъ мѣрамъ и въ частности къ изгнанію этихъ иностранцевъ за предѣлы своихъ территорій, что слѣдуетъ изъ постановленій французскаго правительства отъ 21 іюля 1870 г. [183]). Впослѣдствіи, въ виду приближаю-

---

[180]) *См. напр. у Ролленъ-Жакмена* (*Revue, 1870, p. 689, note 1*) неосновательное обвиненіе кн. Бисмаркомъ французовъ въ дурномъ обращеніи съ плѣнными.

[181]) Гр. Камаровскій. «Обзоръ литературы», стр. 198.

[182]) Revue de Dr. Intern. 1870, pp. 643—718 и Revue, 1871, pp. 288—384.

[183]) *Guelle.* «La guerre continentale et les personnes». Paris. 1881, p. 39.

щейся возможности осады Парижа, 28 августа 1870 г. былъ изданъ декретъ, предписывающій всѣмъ нѣмецкимъ подданнымъ покинуть Парижъ въ теченіе трехъ сутокъ, что и было исполнено. Хотя Роллепъ-Жакменъ и критикуетъ [184]) такое поведеніе французскаго правительства, но мы не можемъ согласиться съ его доводами, такъ-какъ всякое государство имѣетъ право, во время мира, высылать за свои предѣлы иностранцевъ, вредныхъ для его благосостоянія, а изъ числа германскихъ подданныхъ, находившихся во Франціи въ моментъ объявленія войны, было много лицъ, занимавшихся шпіонствомъ по порученію прусскаго правительства [185]). Вопросъ о томъ, кого слѣдуетъ признавать на войнѣ законнымъ комбатантомъ не разъ поднимался въ теченіе этой войны и взаимныя пререканія обѣихъ воюющихъ сторонъ не мало послужили къ его выясненію. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что обѣ воюющія стороны въ принципѣ признавали необходимость соблюденія каждымъ законнымъ камбатантомъ слѣдующихъ трехъ условій: 1) чтобы онъ дѣйствовалъ только въ силу правительственнаго разрѣшенія, даннаго ему на принятіе имъ участія въ военныхъ дѣйствіяхъ; 2) чтобы онъ принадлежалъ къ военнымъ образомъ организованному отряду и 3) чтобы носилъ извѣстный постоянный и видимый на далекомъ разстояніи знакъ, отличающій его отъ мирнаго жителя.—Что касается перваго условія, то оно было, съ одной стороны, выставлено, какъ необходимое, нѣмецкими военными властями, а, съ другой стороны, французское правительство нашло необходимымъ издать декретъ, въ силу котораго отряды вольныхъ стрѣлковъ должны были имѣть разрѣшеніе военнаго министерства [186]). Но совершенная разница во взглядахъ французскаго и германскаго пра-

---

[184]) Revue. 1870, p. 671—674.

[185]) *Guelle.* «Guerre Continentale etc.», p. 86, note 1.—См. *Dussieux* L. «Histoire générale de la guerre de 1870—1871, p. 44.

[186]) *Guelle.* «Précis». I, p. 72.—Декретъ 28-го марта 1868 и законъ 17-го іюля 1870 г.

вительства сказалась въ отношеніи той формы, въ которой правительственное разрѣшеніе должно быть даваемо лицамъ, желающимъ стать въ ряды законныхъ комбатантовъ: французское правительство настаивало на достаточности выраженія этого условія въ общей формѣ, въ видѣ общаго разрѣшенія каждому желающему французскому подданному принимать активное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, напротивъ, нѣмецкія военныя власти требовали, чтобы каждый французскій комбатантъ въ доказательствѣ законности своего участія въ войнѣ могъ-бы представить письменное разрѣшеніе на то своего правительства, лично къ нему обращенное. Французское правительство въ законѣ 29 августа 1870 г. [187]) говоритъ: „sont considérés comme faisant partie de la garde nationale, les citoyens qui se portent spontanément à la défence du territoire avec l'arme dont ils peuvent disposer et en prenant un des signes distinctifs de cette garde qui les couvre de la garantie reconnue aux corps militaires constitués".—Нѣмецкія военныя власти, наоборотъ, издаютъ слѣдующую прокламацію къ французскому народонаселенію [188]): „Le commandant en chef porte à la connaissance des habitants de l'arrodissement que tout prisonnier, pour être traité comme prisonnier de guerre, doit justifier sa qualité de soldat français, en établissant que, par un ordre émanant de l'autorité légale et adressé à sa personne, il a été appelé au drapeau et porté sur les listes d'un corps militairement organisé par le gouvernement français. En même temps sa qualité de militaire, faisant partie de l'armée active, doit être indiquée par des insignes militaires et uniformes, inséparables de sa tenue et reconnaisables à l'oeil nu à portée de fusil".—Les individus qui ont pris les armes en dehors d'une des conditions ci dessous indiquées ne seront pas considérés comme prisonniers de guerre. Ils seront jugés par un conseil de guerre et, s'ils ne se sont pas rendus coupables d'une

---

[187]) *Guelle.* «Précis». I, p. 73. note 1.

[188]) *Rollin-Jacquemyns* въ «Revue de Dr. Internat». 1870, p. 663.

action qui entraîne une punition plus grave, condamnés à dix années de travaux forcés et détenus en Allemagne jusqu'à l'expiration de leur peine".—Второе условіе, необходимое для признанія комбатанта законнымъ, его принадлежность къ какому либо военнымъ образомъ организованному отряду, какъ видно изъ только-что приведенной прокламаціи, также требовалось нѣмецкими военными властями и признавалось необходимымъ и со стороны французскихъ властей, что можно заключить изъ слѣдующихъ словъ французскаго военнаго министра въ его депешѣ къ кн. Бисмарку отъ 2-го сентября 1870: „La garde nationale mobile et les francs-tireurs qui y sont assimilés par leur organisation représentent une force constituée en vertu de la loi francaise" [189]); декреты французскаго правительства 29-го сентября, 11-го октября 1870 г. и 4-го марта 1871 г. гласятъ, что каждый отрядъ вольныхъ стрѣлковъ долженъ быть причисленъ и входить въ составъ или какого-либо армейскаго корпуса, или территоріальной военной дивизіи и поставленъ подъ распоряженіе начальника корпуса или территоріальной дивизіи [190]). Наконецъ, условіе ношенія законными комбатантами извѣстнаго отличительнаго знака, требовавшееся нѣмецкими военными властями [191]), не отрицалось въ принципѣ и со стороны французовъ [192]), и недоразумѣнія существо-

---

[189]) *Rollin-Iacquemyns.* Revue. 1870, p. 661.

[190]) *Guelle.* «Précis». I, p. 76. «Tous les corps de franc-tireurs et de volontaires seront spécialement rattachés à un corps d'armée en service, ou, à son défaut, à une division militaire territoriale, et devront opérer conformément à la direction supérieure des chefs de corps ou commandants des divisions militaires».

[191]) См. телеграмму кн. Бисмарка отъ 1-го сентября 1870—Guelle «Précis» I, p. 77 и infra примѣч. 193); также вышеприведенную въ текстѣ прокламацію германскаго военнаго начальства.

[192]) См. отвѣтъ на эту телеграмму кн. Бисмарка французскимъ военнымъ министромъ кн. де-ла Туръ д'Овернь у Rollin-Iacquemyns «Revue», 1870, p. 661, Guelle'я «Précis». I, p. 77 и Grenander'a «Sur les condititions... etc.», p. 22, 23 и infra прим. 193); См. французскій законъ 29 авг. 1870, приведенный выше въ текстѣ.

вали только относительно внѣшняго вида этого знака у французскихъ мобилей и вольныхъ стрѣлковъ, признававшагося нѣмцами за недостаточно ясно выраженнымъ [193]). Что касается труднаго вопроса о законности поголовныхъ возстаній мирнаго населенія, то со стороны французскаго правительства національной обороны была попытка организовать такое возстаніе въ незанятыхъ еще непріятелемъ департаментахъ, но въ исполненіе она приведена не была [194]). Замѣчательно, что правительство національной обороны требовало и въ этомъ случаѣ соблюденіе условій военной организаціи и военной внѣшности (мундиръ) отъ возставшихъ. Статья 2-ая декрета 2-го ноября гласитъ: „Les citoyens mobilisés par le présent décret seront organisés par les préfets, conformément aux décrets du 29 Sept. et du 11 Octobre", а статьи 3-ья и 4-ая.... „leur organisation faite, ils (les citoyens mobilisés) seront mis à la disposition du ministre de la guerre"... и „il sera pourvu à leur habillement, équipement et solde" [195]). Возстанія населенія на занятыхъ нѣмецкими войсками частяхъ территоріи Франціи постоянно разсматривались нѣмецкими военными властями, какъ преступленіе, заслуживающее самаго строгаго наказанія; нельзя не признать, что съ точки зрѣнія дѣйствующаго права войны они были правы, преслѣдуя всякую попытку сопротивленія

---

[193]) Кн. Бисмаркъ въ телеграммѣ французскому военному министру говоритъ: «Les hommes qui pourraient, á portée de fusil, être reconnus comme soldats, seraient seuls considérés et traités comme tels. La blouse bleu est le costume national, quand à la croix rouge placée au bras, elle n'est discernée qu à une faible distance et peut à tout instant être retirée ou remplacée, de telle sorte qu'il devient impossible aux trouppes prussiennes de distinguer les personnes dont elles ont à attendre des actes d'hostilité, et sur lequelles elles doivent tirer». Отвѣтъ кн. де-ла Туръ д'Овернь былъ таковъ:.... «leur (національныхъ гвардейцевъ) costume a été défini et la blouse bleu, avec ornements rouges, des hommes de la garde national mobile qui portent, en outre le Képy, ne saurait être confondu de bonne foie avec le vêtement des paysans de France». Rollin Iacquemyns. Revue, 1870, p. 661.

[194]) Декретъ 2-го ноября 1870 г. Временнаго правительства въ Туръ см. Guelle. «Prècis». I, p. 83; 84.

[195]) См. Guelle. «Précis». I, p. 84.

населенія занятыхъ нѣмецкими войсками областей, но даже Ролленъ-Жакменъ находитъ чрезмѣрно жестокими и несправедливыми примѣнявшіяся въ этомъ случаѣ репрессаліи. Дѣйствительно, изданная германскимъ высшимъ военнымъ начальствомъ прокламація [106]) грозитъ всякому возставшему противъ нѣмецкихъ войскъ французу, безъ различія совершеннаго имъ поступка, будь то убійство нѣмецкаго солдата, или порча дорогъ и мостовъ, смертной казнью, при чемъ военные суды, произносящіе приговоръ надъ виновнымъ, не имѣютъ права назначить ему иного, болѣе легкаго наказанія. Кромѣ того, пруссаки, безспорно превысили мѣру репрессалій, допускаемыхъ правомъ войны, объявивъ, что за всякое дѣйствіе, враждебное нѣмецкимъ войскамъ, отвѣчаютъ селенія, какъ тѣ, къ которымъ принадлежатъ виновные, такъ и тѣ, на территоріи которыхъ совершено было преступленіе, и что отвѣтственность эта можетъ выразиться или въ крупномъ денежномъ взысканіи или даже въ сожженіи этихъ селеній [107]). Заслуживаетъ вниманія еще слѣдующій фактъ, относящійся къ поведенію воюющихъ сторонъ по отношенію къ шпіонамъ: какъ извѣстно, шпіоны всегда въ случаѣ ихъ поимки съ поличнымъ наказываются на войнѣ смертной казнью и обыкновенно это дѣлается немедленно на мѣстѣ ихъ поимки, а часто даже безъ предварительнаго надъ ними суда. Такъ было поступлено въ 1870 г. французами съ однимъ захваченнымъ ими шпіономъ, но правительство, найдя генерала Кремера и правительственнаго делегата де-Серра, распорядившихся казнью шпіона, виновными въ нарушеніи декрета 2-го октября 1870 г., отдало ихъ подъ судъ и они были приговорены каждый къ 1 мѣсяцу тюремнаго заключенія [108]). Желательно было-бы, чтобы въ будущемъ

---

[106]) *Rollin-Iacquemyns.* Revue 1870, p. 666 и критика этой прокламаціи, pp.-667—671.

[107]) См. прокламацію прусскаго генерала Вендена-Rollin-Iacquemyns. «Revue». 1871, p. 312 и *Guelle.* «Précis». II, Annexe D., p. 312.

[108]) См. *Guelle.* «Guerre continentale et les personnes», p. 89—99, note 1.

установился международный обычай, никого, даже пойманныхъ шпіоновъ, не наказывать безъ предварительнаго слѣдствія и суда. Обѣ воюющія стороны взаимно обвиняли другъ друга въ несоблюденіи постановленій С.-Петербургской декларацій 1868 г. относительно неупотребленія на войнѣ разрывныхъ пуль [199]), но эти обвиненія остались недоказанными и единственно, что можно вывести изъ возникшихъ по этому поводу пререканій, что какъ французы, такъ и нѣмцы считали для себя постановленіе этой декларацій обязательнымъ. Бомбардировка германскими войсками открытыхъ городовъ [200]), а также несоблюденіе ими при началѣ обстрѣливанья Парижа обычая предварительнаго извѣщенія народонаселенія города о началѣ бомбардировки [201]) и разрушеніе, можетъ быть и ненамѣренное, многихъ публичныхъ зданій въ Парижѣ и Страсбургѣ [202]) вызвало въ свое время въ европейской печати бурю негодованія и протестъ находящагося въ Парижѣ дипломатическаго корпуса. Совершенно новымъ вопросомъ въ практикѣ права войны явился вопросъ о воздухоплавателяхъ, пытавшихся прорвать линію осаждавшихъ Парижъ германскихъ войскъ и попавшихъ тѣмъ, или другимъ способомъ къ нимъ въ плѣнъ: нѣмецкія военныя власти склонны были видѣть въ нихъ шпіоновъ, что видно изъ телеграммы кн. Бисмарка отъ 19-го ноября 1870 г. французскому правительству, но гораздо справедливѣе взглядъ, высказанный Гелемъ, Роллепъ-Жакменомъ и другими авторами, видящими въ воздухоплавателяхъ просто курьеровъ (messagers), подлежащихъ при захватѣ ихъ непрія-

---

199) См. *Rollin-Iacquemyns.* «Revue». 1870, p. 658 и «Revue». 1871, p. 297.

200) Бомбардировка Пруссаками г. ла-Феръ. *Guelle.* «Guerre Continentale», p. 74.

201) *Guelle.* «Précis». I, p. 113 кн Бисмаркъ въ депешѣ отъ 15-го янв. 1871 г., посланной имъ въ отвѣтъ на протестъ представителей дипломатическаго корпуса въ Парижѣ противъ начала бомбардировки Парижа безъ предварительнаго о томъ извѣщенія, высказываетъ мнѣніе, что такое предварительное извѣщеніе не есть обязательная норма права войны.

202) *Guelle.* «Guerre continentale», p. 80; 81.

телемъ военному плѣну [203]). Дѣйствительно, въ дѣйствіяхъ воздухоплавателей не находится двухъ отличительныхъ признаковъ шпіонства, таинственности и обмана. При самомъ началѣ военныхъ дѣйствій обѣ воюющія стороны не только подтвердили принятое ими на себя обязательство соблюдать постановленія Женевской конвенціи 1864 г., но и признали обязательными для себя, благодаря иниціативѣ Швейцарскаго Союзнаго Совѣта, постановленія добавочныхъ статей 1868 г. [204]), какъ извѣстнаго modus vivendi во все время продолженія войны. Однако, нельзя сказать, чтобы эти постановленія не были-бы часто нарушаемы какъ съ французской, такъ и съ нѣмецкой стороны: во-первыхъ, дополнительныя статьи 1868 г. относительно морской войны вовсе не примѣнялись, а изъ относящихся къ войнѣ сухопутной обнаружилась полная неудобоисполнимость 5-ой добавочной статьи, требующей возврата въ ихъ отечество всѣхъ попавшихъ въ плѣнъ раненыхъ, подъ условіемъ не браться за оружіе во время войны [205]). Равнымъ образомъ трудно исполнимой и ведущей къ многочисленнымъ злоупотребленіямъ оказалась статья 5-ая Женевской конвенціи 1864 г., говорящая о неприкосновенности мѣстныхъ жителей, оказывающимъ помощь раненымъ [206]): во многихъ мѣстахъ всѣ дома, всѣ жители, даже лошади были снабжены знакомъ Краснаго Креста. Сильно сказалось также на поведеніи французскихъ войскъ недостаточное ихъ знакомство и даже часто полное незнаніе постановленій конвенціи 1864 г.: въ циркулярѣ кн. Бисмарка отъ 9-го января 1871 г. приводится 31 случай враждебныхъ дѣйствій французскихъ войскъ противъ нѣмецкаго санитарнаго персонала и случаи злоупо-

---

203) Депеша кн. Бисмарка 19-го ноября 1870. *Guelle.* «Précis». I, p. 136. *Rollin-Iacquemyns.* «Revue». 1870, pp. 675—676.

204) *Rollin-Iacquemyns.* Revue. 1871, p. 327. *Dr. v. C.* «Die Genfer Convention im Kriege von 1870—1871». Karlsruhe, 1871, s. 3.

205) *Dr. v. C.* Op. cit., s. 18.

206) *Dr. v. C.* Op. cit., s. 16; и *Lueder.* «La Convention de Genève», p. 235.

требленія знаками Краснаго Креста, надѣвавшимися вольными стрѣлками въ моментъ отступленія съ цѣлью укрыться отъ непріятельскаго преслѣдованія [207]). Что дѣйствительно французскія войска мало были знакомы съ постановленіями Женевской конвенціи слѣдуетъ какъ изъ многочисленныхъ отдѣльныхъ, подтверждающихъ это, фактовъ [208]), такъ особенно изъ того обстоятельства, что французское правительство вынуждено было въ августѣ мѣсяцѣ 1870 г. оффиціально опубликовать постановленія конвенціи [209]). Съ нѣмецкой стороны знакомство съ Женевской конвенціей и ея дополнительными статьями было достаточно распространено въ арміи [210]), что однако не помѣшало германскимъ войскамъ весьма часто нарушать ея постановленія: такъ, между прочимъ указываютъ на практиковавшееся въ нѣмецкихъ войскахъ злоупотребленіе знакомъ Краснаго Креста для прикрытія военныхъ транспортовъ. Что касается военноплѣнныхъ, то обхожденіе съ ними обѣихъ воюющихъ сторонъ было, въ общемъ, вполнѣ согласно съ требованіями современнаго права войны; единственныя возраженія, которыя можно сдѣлать по этому поводу, относятся къ практиковавшемуся нѣмцами отпуску французскихъ офицеровъ на свободу подъ честнымъ словомъ и на нарушеніе этого слова нѣкоторыми военноплѣнными. Гель обвиняетъ нѣмцевъ въ томъ, будто-бы они обманнымъ образовъ заставляли французскихъ плѣнныхъ подписывать обязательство на честномъ словѣ не стараться убѣжать изъ мѣста ихъ интернированья, а въ случаѣ нарушенія ими этого обязательства подвергали

---

[207]) *Rollin-Iacquemyns.* Revue. 1871, p. 325.

[208]) См. напр. приведенные у Lueder'a «Convention de Genève», p. 235 и у *Guelle*'я. «Précis». I, p. 169. Въ Мецѣ, въ началѣ войны знакъ Краснаго Креста былъ совершенно неизвѣстенъ французамъ.

[209]) *Lueder.* Op. cit, p. 228.

[210]) Центральный Берлинскій Комитетъ Краснаго Креста въ самомъ началѣ войны издалъ для солдатъ комментированныя статьи Женевской Конвенціи и роздалъ эту книжку въ нѣмецкихъ войскахъ въ количествѣ 80,000 экземпляровъ.

за проступокъ одного бѣжавшаго плѣнника отвѣтственности всѣхъ жившихъ съ нимъ его товарищей [211]). Первая часть этого обвиненія намъ кажется совершенно лишенной основанія, такъ какъ Гель не приводитъ никакихъ фактовъ, доказывающихъ это обвиненіе.

Вотъ тѣ главнѣйшія фактическія данныя установившейся въ теченіе войны 1870—1871 гг. практики примѣненія законовъ и обычаевъ права войны, по которымъ мы можемъ судить насколько это примѣненіе законовъ войны воюющими сторонами было согласно съ установившейся теоріей права войны. Кромѣ того, война 1870—1871 г. показала необходимость нѣкоторыхъ измѣненій во взглядахъ самой теоріи, въ болѣе точномъ и подробномъ выясненіи нѣкоторыхъ вопросовъ права войны, а главное, въ установленіи извѣстнаго международнаго соглашенія относительно обычаевъ и законовъ этого права.

Въ началѣ апрѣля 1874 г. русское правительство объявило о своемъ намѣреніи пригласить европейскія державы на обсужденіе составленнаго имъ проекта международнаго свода обычаевъ и законовъ войны и разослала съ этою цѣлью всѣмъ правительствамъ европейскихъ державъ приглашеніе прислать своихъ уполномоченныхъ на предполагающуюся конференцію въ Брюсселѣ и самый выработанный въ С.-Петербургѣ проектъ свода, подъ заглавіемъ: Projet d'une convention internationale concernant les lois et coutumes de la guerre [212]). Англія съ первыхъ-же шаговъ отнеслась къ русскому проекту враждебно и объявила, что она твердо рѣшилась не вступать ни въ какія разсужденія о правилахъ международнаго права, управляющихъ отношеніями между воюющими, и не заключать никакихъ новыхъ договоровъ или обязательствъ какого-бы то ни было рода на счетъ

---

[211]) См. *Guelle*. «Précis». I, p. 205—206 и помѣщенный у него приказъ генер. Фогель фонъ Фалькенштейна.

[212]) «Actes de la Conférence de Bruxelles. 1874», p. 2 и слѣд.

общихъ принциповъ [213]). Только послѣ оффиціальнаго заявленія русскаго правительства въ депешѣ 2 (14) іюля 1874 г., что собирающаяся въ Брюсселѣ конференція не выйдетъ изъ предѣловъ русскаго проекта и ни въ какомъ случаѣ не будетъ затрагивать отношеній между воюющими на морѣ, ни вообще общепризнанныхъ началъ международнаго права, Англія назначила своего представителя на Брюссельскую конференцію; впрочемъ, этотъ представитель во все время продолженія засѣданій конференціи систематически воздерживался отъ всякаго участія въ преніяхъ. Остальныя европейскія державы сочувственно приняли предложеніе Россіи и послали своихъ представителей на конференцію. Она состоялась въ Брюсселѣ 15-го (27) Іюля 1874 г. и продолжалась до 27-го Іюля (15 Августа) 1874 г. Предсѣдательствовалъ русскій уполномоченный бар. Жомини. Во второмъ своемъ засѣданіи конференція назначила особую коммиссію для предварительнаго изученія статей русскаго проекта. Затѣмъ въ слѣдующихъ своихъ засѣданіяхъ коммиссія разбирала всѣ статьи русскаго проекта и, подвергнувъ первоначальный русскій проектъ значительнымъ измѣненіямъ и сокращеніямъ, представила конференціи свой проектъ, подъ заглавіемъ: „projet de déclaration concernant les lois et coutumes de la guerre“. Однако мнѣнія членовъ конференціи настолько раздѣлились, особенно по отношенію вопроса о томъ, кого слѣдуетъ признавать на войнѣ законнымъ комбатантомъ, что въ своемъ окончательномъ протоколѣ (protocole final) члены конференціи констатируютъ невозможность общаго соглашенія и представляютъ всѣ протоколы конференціи на дальнѣйшее усмотрѣніе европейскихъ державъ [214]). Единственно въ чемъ всѣ мнѣнія, выраженныя участниками конференціи, сошлись единогласно,—это въ признаніи крайней необходимости точнѣе опредѣлить и пересмотрѣть установившіеся обычаи и законы войны.—Хотя Брюс-

---

[213]) *Мартенсъ.* „Восточная война и Брюссельская конференція 1874—1878 г.“ стр. 125.

[214]) *Lueder.* «La Convention de Genève», p. 214.

сельская декларація и не привела къ ожидавшемуся результату, къ принятію европейскими державами обязательнаго кодекса законовъ и обычаевъ войны, тѣмъ не менѣе она оказала огромную услугу дѣлу гуманизаціи войны, выяснивъ нормы дѣйствующаго права войны.—Сами члены Брюссельской конференціи сознавали это значеніе проекта декларація 1874 г., когда въ окончательномъ протоколѣ они помѣстили слѣдующія замѣчательныя и глубоко вѣрныя слова: „la Conférance exprime en terminant la conviction que ses débats auront en tous cas appelé la lumière sur ces importantes questions, dont le réglément, s'il résultait d'une entente générale, serait un progrés réel pour l'humanité“ [215]). По закрытіи конференціи русское правительство депешей отъ 26-го сентября 1874 г. предложило державамъ, принимавшимъ участіе въ трудахъ Брюссельской конференціи, сообщить ему всѣ свои замѣчанія и улучшенія, которыя онѣ находятъ необходимыми сдѣлать въ проектѣ Брюссельской деклараціи. На основаніи этихъ сообщеній русское правительство желало достигнуть какого-либо окончательнаго международнаго соглашенія о дѣйствующихъ нормахъ права войны, будь-то путемъ обмѣна декларацій, или составленіемъ новаго проекта и созваніемъ новой конференціи. Державы приняли предложеніе Россіи, но дѣло затянулось до 1875 г., когда положительный отказъ Англіи и вспыхнувшее герцеговинское возстаніе пріостановили рѣшеніе возбужденнаго Россіей вопроса; да нашихъ дней онъ вновь не возбуждался и, такимъ образомъ, проектъ Брюссельской деклараціи остался до сихъ поръ только проектомъ.—Однако постановленія этого проекта были примѣнены на практикѣ и признаны руководящимъ началомъ къ выясненію законовъ и обычаевъ войны русскимъ и французскимъ правительствами. Первое въ началѣ войны 1877—1878 г. издало извѣстный Сенатскій указъ 12-го Мая 1877 г., въ статьѣ XII котораго говорится:...... „военное начальство не преминетъ сообразоваться въ своихъ распоряженіяхъ съ общимъ духомъ началъ, вы-

---

[215]) „Actes“, p. 74.

ставленныхъ Брюссельской конференціей 1874 г., насколько они примѣнимы по отношенію къ Турціи и согласны съ особенной цѣлью настоящей войны"; второе, въ 1878 г. издало руководство для французскихъ офицеровъ къ познанію обычаевъ и законовъ войны на основаніи постановленій Брюссельской декларацін: „Manuel de droit international à l'usage des officiers de l'armée". Paris. 1878. (publication du Ministère de la Guerre).—Что касается текста русскаго и окончательнаго проектовъ Брюссельской деклараціи, то желающіе могутъ найти ихъ дословный переводъ въ книгѣ Мартенса: „Восточная война и Брюссельская конференція 1874—1878 г." въ особомъ приложеніи, здѣсь-же мы укажемъ только на главнѣйшіе отдѣлы того и другого и на самыя существенныя между ними различія; для ясности мы ставимъ en-regard оба текста:

Русскій проектъ.	Окончательный проектъ, предоставленный коммисоіей.
Общіе принципы (введеніе)—Principes généraux въ 5 §§-ахъ	
Отдѣлъ I: *О правахъ воюющихъ сторонъ въ отношеніи другъ друга:*	
Глава I. О военной власти на непріятельской территоріи.	тоже.
Глава II. О комбатантахъ и некомбатантахъ.	тоже—съ нѣкоторыми существенными измѣненіями.
Глава III. О дозволенныхъ и недозволенныхъ средствахъ вредить непріятелю.	тоже.
Глава IV. Объ осадахъ и бомбардировкахъ.	тоже.
Глава V. О шпіонахъ.	тоже.
Глава VI. О военноплѣнныхъ.	тоже.
Глава VII. О некомбатантахъ и раненыхъ—въ 7 §§-ахъ.	тоже, но просто ссылаясь на Женевскую Конвенцію—см. Art. 35.[216])

[216]) Нельзя не признать, что ст. 35 окончательнаго проекта, прямо ссылаясь на Женевскую конвенцію 1864 г., лучше формулировала вопросъ о положеніи больныхъ и раненыхъ, чѣмъ русскій проектъ, сократившій

Отдѣлъ II. *О правахъ воюющихъ сторонъ въ отношеніи частныхъ лицъ.*	«Les obligations des belligérants concernants le service des malades et des blessés sont régies par la Convention de Genève du 22 Août 1864, sauf les modifications dont celle—ci pourra être l'objet».
Глава I. Военная власть въ отношеніи къ частнымъ лицамъ.	тоже.
Глава II. О реквизиціяхъ и контрибуціяхъ.	тоже.
Отдѣлъ III: *О сношеніяхъ между воюющими сторонами:*	
Глава I. О средствахъ сообщенія и о парламентахъ.	О парламентерахъ.
Глава II. О капитуляціяхъ.	— тоже.
Глава III. О перемиріяхъ (armistice).	— тоже.
Отдѣлъ IV: *о репрессаліяхъ.*	вычеркнутъ и замѣщенъ отдѣломъ: объ интернированныхъ комбатантахъ и о раненыхъ, находящихся на излеченіи (soignés) у нейтральныхъ.

Брюссельская конференція, исторія ея дѣятельности и критическій разборъ выработаннаго ею проекта международнаго свода законовъ войны, имѣетъ теперь свою литературу: „Actes de la Confèrence de Bruxelles, 1874"; *Lucas*, „Rapport verbal sur la publication des actes de la Conférence de Bruxelles"—*Lavelcye*, „Les actes de la Conferérence de Bruxelles et de la participation de la Belgique à la conférence de St. Pétersbourg, 1874" въ „Revue de Belgique", 1875; *Monteil*, „Le Congrès de Bruxelles, „Paris 1876; *Мартенсъ*, „Брюссельская декларація о законахъ и обычаяхъ войны", Военный

постановленія этой конвенціи до 7 §§-овъ и опустившій многое весьма существенное, но, по нашему мнѣнію, и окончательный проектъ грѣшитъ тѣмъ, что совершенно пропускаетъ добавочныя статьи 1868 г. и не вноситъ ни одного изъ желательныхъ улучшеній.

Сборникъ, Іюнь 1875 и др. Критическій разборъ постановленій деклараціи помѣщенъ почти во всѣхъ новѣйшихъ сочиненіяхъ по международному праву и въ частности по праву войны; см. особенно: *Lentner*. „Das Recht im Kriege". Wien. 1880.

Послѣдняя большая европейская война 1877—1878 гг. Россіи съ Турціей сравнительно мало послужила къ дальнѣйшему развитію и выясненію обычаевъ и законовъ войны. Причиной этому было недостаточное знакомство одной изъ воюющихъ сторонъ, Турціи, съ современнымъ дѣйствующимъ правомъ войны и постоянное нарушеніе ею самыхъ основныхъ законовъ войны; такъ, въ самомъ началѣ войны выяснилось, что не только турецкія войска, но и высшія военныя власти и само турецкое правительство не имѣло точнаго понятія о постановленіяхъ Женевской конвенціи [217]). Совершенно инымъ было поведеніе Россіи: съ самаго момента объявленія войны ею было принято нѣсколько весьма замѣчательныхъ мѣръ, гарантирующихъ соблюденіе русскими войсками законовъ и обычаевъ войны;—12-го Мая 1877 былъ изданъ слѣдующій указъ Правительствующаго Сената: „Въ виду возникшей между Россіей и Турціей войны, Государь Императоръ повелѣть соизволилъ всѣмъ военнымъ и гражданскимъ властямъ, присутственнымъ мѣстамъ и лицамъ, до кого сіе касаться можетъ, во время нынѣшнихъ военныхъ дѣйствій руководствоваться нижеслѣдующими правилами, какъ въ отношеніи непріятеля и его подданныхъ, равно и въ отношеніи нейтральныхъ государствъ и ихъ подданныхъ"; слѣдуетъ 12 статей, содержащихъ въ себѣ слѣдующія постановленія: [218]) (ст. 1) турецкіе подданные, поселившіеся или находящіеся въ предѣлахъ имперіи, свободно могутъ продолжать свое пребываніе и мирныя занятія подъ защитою и надзоромъ дѣйствующихъ законовъ;

---

[217]) *Мартенсъ*. „Восточная война и Брюссельская конференція", стр. 234—236.

[218]) Статьи Сенатскаго указа 12-го Мая 1877 цитированы нами по книгѣ Мартенса, „Восточная война", стр. 243—275.

(ст. 2) турецкимъ судамъ, находящимся въ моментъ объявленія войны въ русскихъ портахъ, дозволяется безпрепятственный выходъ въ море „въ продолженіе времени, достаточнаго для нагрузки товаровъ, не составляющихъ военной контрабанды"; (ст. 3 и 4-ая) подтверждается (статьей 3-ьей) право подданныхъ нейтральныхъ государствъ на безпрепятственное продолженіе торговыхъ сношеній съ русскими портами и городами „подъ условіемъ соблюденія законовъ имперіи и началъ международнаго права" и вмѣняется въ обязанность военнымъ властямъ (статьей 4-ой) принимать всѣ мѣры съ цѣлью обезпечить свободу законной торговли нейтральныхъ, „насколько она допускается условіями военныхъ дѣйствій"; (статьи 5, 6, 7) подтверждаются постановленія парижской декларація 1856 г., перечисляются предметы военной контрабанды и нѣкоторыя другія недозволенныя дѣйствія нейтральныхъ, какъ-то: транспортъ непріятельскихъ войскъ, депешъ и переписки, поставка и подвозъ непріятелю военныхъ судовъ; (ст. 9 и 10) предписывается высшему военному начальству, во время военныхъ дѣйствій на Дунаѣ и его берегахъ, принимать всѣ мѣры для того, чтобы по возможности не препятствовать судоходству и законной торговлѣ нейтральныхъ на этой рѣкѣ и оказывать особенное покровительство сооруженіямъ, работамъ и личному составу европейской дунайской коммиссіи; (ст. 10) подтверждается торжественнымъ образомъ принятое на себя Россіей обязательство соблюдать постановленія Женевской конвенціи 1864 г. и уважать принятый Турецкимъ Правительствомъ, съ предварительнаго согласія Россіи, особый отличительный знакъ, долженствующій замѣнить собою знакъ Краснаго Креста; (ст. 11) подтверждается намѣреніе русскаго правительства соблюдать постановленіе С.-Петербургской деклараціи 1868 г.—Наконецъ, статья 12-ая гласитъ: „Въ виду смягченія бѣдствій войны и съ цѣлью согласовать, по мѣрѣ возможности и подъ условіемъ взаимности, военныя дѣйствія съ требованіями человѣколюбія, военное начальство не преминетъ сообразоваться въ своихъ распоряженіяхъ съ общимъ

духомъ началъ, выставленныхъ брюссельской конференціей 1874 г. насколько они примѣнимы по отношенію къ Турціи и согласны съ особенной цѣлью настоящей войны".

Сенатскій указъ 12-го мая замѣчателенъ какъ первый примѣръ органическаго законоположенія, излагающаго основныя начала, обязательныя для войскъ, и изданный правительствомъ европейскаго государства въ самомъ началѣ военныхъ дѣйствій; до сихъ поръ еще правительства европейскихъ государствъ, во время ведшихся ими войнъ, не считали необходимымъ издавать подобнаго рода законы, опредѣляющіе обязанности войска по отношенію къ непріятелю и нейтральнымъ. Россіи принадлежитъ честь почина и надо надѣяться, что въ будущемъ ея примѣру послѣдуютъ и остальныя державы. Важность подобнаго рода законодательныхъ постановленій очевидна: они, съ одной стороны, знакомятъ войска съ дѣйствующимъ правомъ войны, а, съ другой, точно опредѣляютъ тѣ нормы этого права, которыя признаются обязательными для себя издавшей подобнаго рода законъ воюющей стороной и устраняютъ возможность многихъ недоразумѣній.— Кромѣ этого акта, русское правительство издало еще и другой, не менѣе замѣчательный; это „Временное положеніе о военноплѣнныхъ восточной войны 1877 года" отъ 2-го іюля 1877 г.—Положеніе это сходно съ изданными русскимъ-же правительствомъ подобными-же положеніями 1829 и 1854 г., но отличается отъ нихъ большею полнотой и современностью высказанныхъ въ немъ взглядовъ. Точно опредѣлено юридическое положеніе военноплѣнныхъ во время ихъ пребыванія во внутреннихъ губерніяхъ Россійской Имперіи, гдѣ они поставлены подъ начальство военныхъ властей. Временное Положеніе было составлено въ духѣ постановленій Брюссельской деклараціи 1874 г.—Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть, что русскіе главнокомандующіе арміями и начальники отдѣльныхъ отрядовъ неодократно обращались къ своимъ подчиненнымъ съ напоминаніемъ объ ихъ международно-правовыхъ обязанностяхъ во время

войны [219]), а въ „Военномъ Сборникѣ“ за іюнь 1877 съ разрѣшенія высшаго военнаго начальства было напечатано краткое руководство, составленное кап. Піуновскимъ и излагающее въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ законы и обычаи войны: „Законы и правила войны по международному праву“.—Такимъ образомъ Россія выступила на войну 1877—1878 съ полнымъ сознаніемъ своихъ международно-правовыхъ обязанностей и сдѣлала все возможное для того, чтобы гарантировать соблюденія ея войсками законовъ права войны. Въ дѣйствительности, какъ это очевидно изъ прекрасной книги Мартенса, ни одно государство не соблюдало такъ добросовѣстно эти законы и обычаи, какъ Россія въ войну 1877—1878 г. Наоборотъ, съ турецкой стороны мы видимъ постоянное нарушеніе этихъ законовъ, особенно постановленій Женевской конвенціи, не смотря на то, что Турецкое правительство признало для себя обязательнымъ соблюденіе этой конвенціи и учредило Общество Краснаго Полумѣсяца [220]). Часто встрѣчалось со стороны турокъ также нарушеніе обязанности соблюдать неприкосновенность парламентеровъ [221]).—Хотя постановленія Брюссельской конференціи и остались до сихъ поръ въ проектѣ, но постановленія эти настолько замѣчательны, какъ проектъ свода дѣйствующихъ законовъ и обычаевъ войны, что привлекли на себя вниманіе института международнаго права. Особая коммиссія этого института взяла на себя трудъ изучить постановленія проекта Брюссельской деклараціи 1874 и указать на необходимыя дополненія и исправленія въ этомъ проектѣ. Результатомъ работы этой коммиссіи былъ изданный Институтомъ Международнаго Права въ 1880 г. „Manuel des lois de la guerre sur terre“, составленный подъ главной редакціей Муанье [222]). Manuel этотъ

---

[219]) *Мартенсъ.* «Восточная Война», стр. 282—290.

[220]) Примѣры нарушенія Турками постановленія Женевской Конвенціи см. у Мартенса, op. cit., стр. 455 и слѣд. 501—535.

[221]) См. *Мартенсъ.* Op. cit., стр. 470—476.

[222]) Первоначальный проектъ Manuel былъ составленъ Муанье, а Институтъ обсудилъ его и послѣ нѣкоторыхъ измѣненій единогласно принялъ на своей Оксфордской сессіи 1880 г.

составлен на основаніи данныхъ, выработанныхъ Брюссельской конференціей, Женевской конвенціей съ ея дополнительными статьями, Петербургской декларацiей, а также на основаніи Manuel, изданнаго въ 1876 г. французскимъ правительствомъ, Инструкціяхъ доктора Либера и подобныхъ-же изданіяхъ голландскаго и русскаго правительствъ (Сенатскій указъ 12-го мая 1877 г. и „Временное Положеніе 1877 г.“) Manuel начинается съ краткаго введенія, затѣмъ изложенія общихъ принциповъ права войны (principes généraux), въ 6 §§-хъ, содержащаго въ себѣ между прочимъ и рѣшеніе вопроса, кого на войнѣ слѣдуетъ считать законнымъ комбатантомъ. Далѣе идетъ изложеніе (въ 77 §§-хъ) приложенія этихъ общихъ принциповъ къ отдѣльнымъ случаямъ войны въ нижеслѣдующемъ порядкѣ:

Приложеніе общихъ принциповъ (Application des principes généraux).

I. О враждебныхъ дѣйствіяхъ (Des hostilités).

A. Правила поведенія по отношенію къ лицамъ (Règles de conduite à l'égard des personnes)

a) о мирномъ населеніи (Des populations innoffencives),
b) о средствахъ вредить непріятелю,
c) о раненыхъ, больныхъ и санитарномъ персоналѣ,
d) о мертвыхъ,
e) кто можетъ быть подвергнутъ военному плѣну?
f) о шпіонахъ
g) о парламентерахъ,

B) Правила поведенія относительно вещей (Règles de conduite à l'égard des choses)

a) о средствахъ вредить—о бомбардировкѣ,
b) о санитарномъ матеріялѣ.

II. О занятыхъ (occupés) территоріяхъ

A. Опредѣленіе.

B. Правила поведенія по отношенію къ лицамъ.

C. Правила поведенія по отношенію къ вещамъ.

a) государственная собственность (propriétés publiques)
b) частная собственность.

III. О положеніи военноплѣнныхъ.

А. Содержаніе военноплѣнныхъ (Régime de la captivité)

С. Прекращеніе военнаго плѣна.

Наконецъ, въ послѣдней части, въ 3 §§-хъ, содержится уголовная санкція (sanction pénale), права войны, т. е. ученіе о наказаніяхъ, налагаемыхъ на нарушителей обычаевъ и законовъ права войны. Manuel Института является въ настоящее время вполнѣ выработаннымъ точнымъ и яснымъ изложеніемъ существующихъ обычаевъ и законовъ войны и, будучи составленъ вполнѣ компетентными лицами, можетъ быть принятъ въ основаніе будущаго международнаго кодекса права войны.— Не только всѣ писатели по международному праву единогласно сходятся въ такой оцѣнкѣ этого руководства, но Manuel Института заслужилъ полное одобреніе и многихъ выдающихся военныхъ людей, между прочимъ Е. И. В. Герцога Лейхтенбергскаго и графа Мольтке, а это одобреніе со стороны военныхъ свидѣтельствуетъ о практичности и удобоисполнимости выставляемыхъ имъ положеній.

На этомъ мы закончимъ нашъ историческій очеркъ и скажемъ только въ заключеніи, что современное право войны, какъ можно было убѣдиться изъ всего только-что изложеннаго, уже выработало цѣлый рядъ международныхъ обычаевъ и законовъ, регулирующихъ положеніе личности комбатанта во время войны. Задача будущаго—собрать всѣ эти отдѣльныя нормы въ одинъ международный кодексъ права войны и найти извѣстную международную санкцію этихъ законовъ. Въ этомъ направленіи должна итти и наука и, популяризируя современное право войны, подготовить правительства и народъ къ скорѣйшему и легчайшему разрѣшенію вопроса о кодификаціи международнаго права вообще и права войны въ частности.

Глава III.

КТО МОЖЕТЪ СЧИТАТЬСЯ НА ВОЙНѢ ЗАКОННЫМЪ КОМБАТАНТОМЪ.

Съ объявленіемъ войны начинаются военныя дѣйствія, т. е., согласно принципу, что война есть извѣстное отношеніе одного государства къ другому, или другимъ государствамъ, организованныя военныя силы этихъ государствъ вступаютъ между собою въ открытую борьбу силой оружія, борьбу, имѣющую своею цѣлью добиться принужденіемъ выполненія извѣстной государственной цѣли. Мы видѣли уже изъ историческаго очерка, что въ различное время и у различныхъ народовъ борьба эта понималась различно. Самыя ея проявленія, оставаясь по существу своему все тѣмъ-же, насиліемъ одного государства надъ другимъ, постепенно измѣнялись въ своемъ характерѣ: изъ первоначально ничѣмъ не ограниченныхъ и вполнѣ произвольныхъ, проявленія эти превратились въ наше время въ систему извѣстнаго рода дѣйствій, непосредственно преслѣдующихъ главную и прямую цѣль войны и ограниченныхъ этою цѣлью; иными словами, война подчинилась извѣстной суммѣ правовыхъ нормъ, ограничивающихъ примѣненіе силы только тѣми случаями, когда эта сила направлена противъ военныхъ органовъ враждебнаго государства, и когда ея примѣненіе оправдывается самою непосредственною цѣлью войны. Совокупность всѣхъ юридическихъ нормъ, регулирующихъ проявленіе силы во время войны, составляетъ международное право войны, или точнѣе, право войны въ объективномъ смыслѣ этого слова. Объектомъ этого права являются всѣ

взаимныя отношенія враждующихъ государствъ, вытекающія изъ состоянія войны, т. е. изъ того состоянія, въ которомъ, въ извѣстныхъ границахъ, допускается примѣненіе силы къ международнымъ отношеніямъ государствъ. Въ частности, право войны, согласно регулируемымъ имъ отношеніямъ, можетъ быть разбито на три отдѣла:

1) нормы, регулирующія отношенія воюющихъ сторонъ къ человѣческой личности и опредѣляющія юридическое положеніе этой личности во время войны;

2) нормы, регулирующія отношенія воюющихъ сторонъ къ государственной территоріи воюющихъ государствъ, къ государственному и частному имуществу подданныхъ (право частной собственности во время войны, права оккупаціонной арміи по отношенію къ имуществу и территоріи и т. п);

3) нормы, регулирующія отношенія воюющихъ сторонъ къ самому способу веденія военныхъ дѣйствій [дозволенное и недозволенное оружіе, употребленіе недисциплинированныхъ и дикихъ народовъ на войнѣ и т. п.].

Въ настоящемъ очеркѣ намъ придется имѣть дѣло только съ первымъ отдѣломъ права войны, т. е. съ тѣми юридическими нормами, которыя регулируютъ положеніе лица въ военное время и опредѣляютъ его права и обязанности. Можно назвать совокупность такихъ нормъ *личнымъ правомъ войны*—jus belli qui ad personas pertinet—въ противоположность второму отдѣлу—*праву войны вещному.* Такое личное право войны регулируетъ юридическое положеніе всякаго лица, не только состоящаго въ подданствѣ одного изъ воюющихъ государствъ, но и иностранца, проживающаго на территоріи одного изъ нихъ; такое подчиненіе всѣхъ лицъ, находящихся въ моментъ объявленія войны на территоріяхъ воюющихъ государствъ, законамъ и обычаямъ права войны безусловно и не подлежитъ исключеніямъ; но сами эти законы и обычаи войны не одинаковы для всѣхъ лицъ, находящихся на территоріяхъ воюющихъ государствъ. Само право войны различаетъ двѣ, рѣзко другъ отъ друга отличающіяся, основныя категоріи лицъ,

совершенно противуположныя по всѣмъ правамъ и обязанностямъ: съ одной стороны тѣхъ, которыя непосредственно участвуютъ въ веденіи военныхъ дѣйствій въ качествѣ уполномоченныхъ военныхъ органовъ своего государства и, съ другой стороны, лицъ, неучаствующихъ въ этихъ дѣйствіяхъ — мирныхъ жителей [1]).—Въ наукѣ принято обозначать эти двѣ категоріи лицъ терминами *комбатантовъ* и *некомбатантовъ*. Различіе въ правахъ и обязанностяхъ комбатантовъ и некомбатантовъ настолько рѣзко, что дѣленіе это является существенно важнымъ при изученіи вопроса объ юридическомъ положеніи лицъ во время войны, и потому необходимо прежде всего точно опредѣлить понятіе о комбатантѣ и некомбатантѣ и установить признаки, по которымъ воюющія стороны моглибы судить о принадлежности лица къ той или другой категоріи. Одного факта участія лица въ активномъ веденіи войны еще недостаточно, необходимо кромѣ того, чтобы непріятель призналъ даннаго комбатанта за законнаго представителя военной силы того государства, въ интересахъ и отъ имени котораго этотъ комбатантъ принимаетъ активное участіе въ войнѣ.—Согласно современному принципу международнаго права, война ведется только между организованными военными силами воюющихъ государствъ; слѣдовательно, чтобы имѣть право принимать активное участіе въ веденіи войны, надо, строго говоря, принадлежать къ этимъ организованнымъ силамъ (какъ мы увидимъ ниже, даже случай поголовнаго возстанія не составляетъ исключенія этому правилу, ибо въ этомъ случаѣ все народонаселеніе извѣстной страны или области превращается въ военную силу государства) и надо, чтобы

---

[1]) Дѣленіе на собственныхъ подданныхъ и иностранцевъ, и послѣднихъ на подданныхъ дружественныхъ державъ и подданныхъ враждебныхъ державъ, намъ казалось менѣе важнымъ: эти иностранцы, если они служатъ въ войскахъ воюющихъ государствъ, подходятъ подъ категорію комбатантовъ, если-же нѣтъ, то—некомбатантовъ.

непріятель имѣлъ возможность наглядно убѣдиться въ принадлежности лица къ этимъ силамъ. Всѣ лица, не удовлетворяющія этимъ условіямъ, не могутъ быть разсматриваемы непріятелемъ, какъ законные органы государственной обороны; отсюда вытекаетъ различіе между законнымъ и незаконнымъ комбатантомъ, юридическое положеніе которыхъ совершенно различно. Слѣдовательно вопросъ о томъ, кого надо считать комбатантомъ и некомбатантомъ, можетъ быть болѣе точно формулированъ какъ вопросъ о томъ, кого слѣдуетъ считать законнымъ комбатантомъ, ибо само собой понятно, что разрѣшивъ его мы опредѣлимъ, что некомбатантомъ надо считать всякое лицё, не удовлетворяющее опредѣленію законнаго комбатанта; незаконный-же комбатантъ есть также некомбатантъ, но нарушившій свою обязанность невмѣшательства въ активное веденіе войны и потому долженъ разсматриваться, какъ международный преступникъ и подлежать наказанію. Поэтому, въ дальнѣйшемъ изложеніи мы всегда подъ словомъ комбатантъ будемъ подразумѣвать лишь законнаго комбатанта.—Можетъ показаться съ перваго взгляда, что такое дѣленіе народонаселенія воюющихъ государствъ на комбатантовъ и некомбатантовъ, ограничивающее свободное участіе личности въ защитѣ своего отечества, становится въ разрѣзъ съ лучшими нравственными качествами человѣка, съ патріотизмомъ, любовью къ своей семьѣ и своему дому. Но мы сейчасъ увидимъ, что современное международное право, ставя границы участію лица въ войнѣ, даетъ въ то-же время широкую возможность лицу проявлять эти качества, способствовать сохраненію цѣлости и независимости его отечества, сдерживая въ то-же время излишнее проявленіе жестокости на войнѣ и давая возможность лицамъ, не желающимъ подвергаться всѣмъ ея тяжелымъ послѣдствіямъ, сохранить и въ теченіи военныхъ дѣйствій всѣ свои права на личную и имущественную неприкосновенность. Поэтому въ интересахъ обѣихъ воюющихъ сторонъ, необходимо строго слѣдить за тѣмъ, чтобы только комбатанты принимали активное участіе въ войнѣ, и чтобы мирное

население въ дѣйствительности и самымъ безусловнымъ образомъ воздерживалось отъ такого участія. Только при строгомъ проведеніи на практикѣ этого начала, можно требовать отъ противника соблюденія съ своей стороны законовъ и обычаевъ войны, только въ этомъ случаѣ возможно вести войну согласно установившемуся въ настоящее время о ней понятію, какъ борьбѣ двухъ государствъ изъ-за извѣстныхъ ихъ интересовъ, а не какъ взаимное истребленіе двухъ народовъ, безцѣльное и безчеловѣчное. Съ этой точки зрѣнія должны подлежать строгому наказанію своего собственнаго правительства тѣ его должностныя лица, которыя, подобно префекту департамента Котъ д'Оръ въ войну 1870—1871 гг., оффиціально приглашаютъ мирныхъ жителей къ убійству непріятеля изъ-за угла, и обѣщаютъ даже за это вознагражденіе [2]).—Не входя здѣсь въ подробный разборъ правъ и обязанностей комбатантовъ и некомбатантовъ, мы укажемъ здѣсь только на ту существенную разницу въ ихъ основныхъ обязанностяхъ, которая является основаніемъ различнаго отношенія къ нимъ права войны и служитъ лучшимъ доказательствомъ необходимости установленія строгихъ и точныхъ границъ между этими двумя категоріями лицъ. Комбатанты суть лица добровольно, или по приказанію своего правительства, взявшія на себя роль представителей государства при веденіи имъ войны, его военныхъ органовъ. Слѣдовательно, основной обязанностью всякаго лица, вступившаго въ ряды комбатантовъ является активное его участіе въ войнѣ, активное сопротивленіе военной силѣ враждебнаго государства; обязанность эта имѣетъ чисто государственно-правовой характеръ, и слѣдить за ея выполненіемъ не дѣло международнаго права, но она имѣетъ важное международно-правовое слѣдствіе, опредѣляющее юридическое положеніе личности комбатанта во время войны и отношеніе къ этой личности непріятеля. Всякій комбатантъ, выполняя свою

---

[2]) См. *Rollin-Jacquemyns* въ R. de Dr. Int. T. III. *1871* p. 320 примѣч. 4.

роль государственнаго органа защиты интересовъ государства путемъ физической борьбы съ подобными-же органами другого, враждебнаго государства, тѣмъ самымъ препятствуетъ выполненію государственныхъ цѣлей этого послѣдняго государства, которое, въ свою очередь, стремится парализовать это сопротивленіе, что влечетъ за собой для лица, принявшаго на себя обязанности комбатанта, потерю присущаго каждой человѣческой личности права на сохраненіе и неприкосновенность жизни и личной свободы. Непріятель не можетъ инымъ способомъ противодѣйствовать сопротивленію враждебнаго ему комбатанта, какъ обезоруживъ его, или приведя въ физическую невозможность сопротивляться; самыми-же дѣйствительными для этого способами служатъ лишеніе жизни и свободы враждебныхъ комбатантовъ. Изъ этого однако не слѣдуетъ заключать, чтобы комбатантъ всегда и всюду могъ быть лишенъ жизни; только печальная необходимость, вызываемая самою цѣлью войны и оправдываемая тѣмъ, что война является тѣмъ-же въ международныхъ отношеніяхъ, чѣмъ въ частныхъ отношеніяхъ индивидуумовъ является состояніе необходимой обороны, принуждаетъ прибѣгать къ лишенію жизни непріятельскаго комбатанта; но это лишеніе жизни не является необходимымъ, а слѣдовательно, согласно принципу права войны, что насиліе допускается на войнѣ по стольку, по скольку она оправдывается самою непосредственною цѣлью войны, и недозволеннымъ, незаконнымъ, разъ иными средствами можно достигнуть того-же результата, т. е. поставить непріятельскаго комбатанта въ невозможность оказывать дальнѣйшее сопротивленіе; поэтому обезоруженіе, взятіе въ плѣнъ, болѣзнь и пораненіе считаются вполнѣ достаточными условіями для приведенія комбатанта въ состояніе несопротивленія и вполнѣ достаточно служатъ достиженію непосредственной цѣли войны. Въ этихъ случаяхъ комбатантъ не только вновь пріобрѣтаетъ право на сохраненіе жизни, но, какъ и всякая человѣческая личность, имѣетъ право, въ случаѣ болѣзни, или пораненія, на уходъ и облегченіе своихъ страданій даже со

стороны непріятеля. Право это основано на глубоко вкоренившихся въ нравы цивилизованныхъ народовъ понятіяхъ о человѣколюбіи и о томъ, что человѣкъ, кто бы онъ не былъ, всегда есть человѣкъ, и всегда имѣетъ право расчитывать на поддержку со стороны другихъ людей; это приложеніе великой заповѣди Христа, возлюби ближняго своего, какъ самого себя. Напрасно стараются нѣкоторые писатели отрицать существованіе такого общечеловѣческаго чувства солидарности; истина всегда останется истиной, и отвѣтомъ на ихъ мрачный взглядъ, видящій въ людяхъ врожденныхъ враговъ другъ друга („homo homini lupus est“—Гобезза), являются такіе свѣтлые и неопровержимые факты, какъ отмѣна рабства во всѣхъ его видахъ, какъ постоянное и повсемѣстное стремленіе лучшихъ членовъ всѣхъ государствъ дать возможно большую долю счастья возможно большему количеству людей; если эта послѣдняя цѣль и не можетъ быть признана цѣлью государства, то она безспорно есть цѣль человѣчества. Итакъ, комбатантъ, приведенный тѣмъ или другимъ способомъ въ состояніе несопротивленія, имѣетъ право на сохраненіе жизни; напротивъ того, онъ не можетъ предъявлять требованія сохраненія за нимъ, даже въ случаѣ болѣзни, или раны, права на личную свободу. Въ интересахъ цѣли войны, въ интересахъ скорѣйшаго и легчайшаго достиженія этой цѣли, воюющія стороны имѣютъ право, въ теченіи всего времени продолженія войны, лишить непріятельскаго комбатанта свободы, однако и то въ границахъ соблюденія извѣстныхъ условій, касающихся самого способа лишенія свободы и обязанности прекращенія этого лишенія съ прекращеніемъ войны. На основаніи этихъ двухъ соображеній, основаны современныя положенія права войны, относительно раненныхъ, больныхъ и военноплѣнныхъ.

Если существенной обязанностью комбатанта есть его участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, какъ активнаго органа обороны государства, то, напротивъ, основной обязанностью некомбатанта есть его полное воздержаніе отъ такого участія, исключая случая необходимой обороны; обязанность эта есть

международно-правовая и ея выполненіе служитъ основаніемъ всѣхъ правъ, коими пользуются во время войны некомбатанты. Обязанность невмѣшательства въ военныя дѣйствія мирнаго населенія имѣетъ своей обратной стороной право этого населенія на личную неприкосновенность. Цѣль всего современнаго права войны, состоитъ въ томъ, чтобъ по возможности поставить извѣстныя рамки насилію во время войны, основываясь на томъ принципѣ, что только то насиліе допустимо, которое непосредственно ведетъ къ цѣли войны, Поэтому, исходя изъ принципа, что только государство имѣетъ право вести войну и только противъ государства-же, право войны признаетъ субъектами и объектами военныхъ дѣйствій только государственные органы защиты. Слѣдовательно безусловное участіе частныхъ лицъ въ активномъ веденіи войны противно принципамъ современнаго права и не можетъ быть допущено, подъ страхомъ превратить войну между государствами въ обоюдное истребленіе двухъ народовъ, ведущее, но съ гораздо болѣе тяжелыми потерями, къ достиженію той-же цѣли, которая можетъ быть достигнута войной между только одними правительственными органами государственной обороны.

Мы еще будемъ имѣть случай подробно ознакомиться съ вопросомъ объ юридическомъ положеніи комбатантовъ и некомбатантовъ; а здѣсь, намъ кажется, достаточно сказаннаго, чтобы уяснить себѣ всю огромную разницу между правами и обязанностями тѣхъ и другихъ, и чтобы понять насколько важенъ вопросъ о признакахъ, дающихъ возможность судить о принадлежности лица къ той или другой категоріи.

Съ перваго взгляда кажется, что довольно легко опредѣлить по крайней мѣрѣ одинъ существенный признакъ, по которому можно признать данное лицё законнымъ комбатантомъ; дѣйствительно, исходя изъ принципа, что война есть отношеніе государства къ государству и что только государство имѣетъ право вести войну при помощи своихъ спеціально къ тому предназначенныхъ органовъ и противъ такихъ-же государственныхъ органовъ, логически приходятъ къ тому

заключенію, что всякое лицё, желающее быть признаннымъ за законнаго комбатанта, должно быть органомъ государственной обороны, должно быть органомъ своего правительства, т. е. имѣть правительственное разрѣшеніе, или порученіе на участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, признавъ, что только государство можетъ быть воюющей стороной, что только оно можетъ быть субъектомъ и объектомъ войны, понятно, что государству-же и только ему одному должно принадлежать исключительное право выбирать и назначать тѣхъ или другихъ лицъ своими органами войны. Изъ этого обыкновенно выводятъ необходимость правительственнаго разрѣшенія для лица желающаго активно участвовать въ войнѣ на правахъ законнаго камбатанта. Подобно тому, какъ для того, чтобы стать правительственнымъ органомъ въ сферѣ внутренней жизни государства, недостаточно односторонней воли лица, а необходимо еще и согласіе на то правительства, такъ и для того, чтобы стать органомъ военной дѣятельности государства, необходимо правительственное разрѣшеніе [3]). Отсюда первымъ и самымъ необходимымъ условіемъ для признанія за лицемъ правъ законнаго комбатанта есть условіе правительственнаго разрѣшенія для лица на участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ.

Этотъ взглядъ былъ выраженъ большинствомъ писателей по международному праву и часто проводился на практикѣ, которая въ этомъ случаѣ часто шла еще дальше теоріи и отрицала права законныхъ комбатантовъ за всѣми лицами, не входящими въ составъ постоянныхъ регулярныхъ армій, независимо отъ того, были ли эти лица снабжены правительственнымъ разрѣшеніемъ или нѣтъ. Замѣтимъ здѣсь, что дѣйствуя такъ, практика была часто права, особенно когда правительственное разрѣшеніе было даваемо въ общей формѣ, какъ, наприм., въ Пруссіи въ 1813 г.

---

[3]) Сравни: *Grenander* «Sur les conditions nécessaires, selon le droit des gens pour avoir en guerre le droit d'être considéré et traité comme soldat».—Paris 1882—p. 16.

Обращаясь къ теоріи, мы увидимъ, что *Гроцій* считаетъ, что война ведется не только государствомъ противъ государства, но и всѣми индивидуумами одного государства противъ всѣхъ индивидуумовъ другого [4]). Отсюда ясно, что каждое лицё имѣетъ право принимать участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ безъ разрѣшенія на то своего правительства [5]); но уже *Пуффендорфъ* [6]), разсматривая вопросъ о томъ, можно-ли во время войны между государствами частному лицу захватывать добычу на непріятельской территоріи безъ разрѣшенія на то своего правительства, высказывается въ отрицательномъ смыслѣ, доказывая это тѣмъ, что только то лицё (юридическое), которое имѣетъ право назначать лицъ, долженствующихъ вредить непріятелю. Далѣе онъ выражается еще болѣе ясно, говоря, что лицё, желающее дѣйствовать на войнѣ, какъ солдатъ, долженъ на то имѣть разрѣшеніе или полномочіе своего правительства. Въ дальнѣйшемъ изложеніи онъ, однако, отказывается отъ этого взгляда и повторяетъ мнѣніе Гроція.

Ваттель, напротивъ того, уже категорически высказывается за то, чтобы никто не имѣлъ права предпринимать военныхъ дѣйствій безъ приказанія своего правительства; хотя требованіе это онъ основываетъ на соображеніяхъ государственно-правоваго характера, а не на международномъ правѣ и полагаетъ, что веденіе войны, на основаніи обычая и интересовъ гуманности, должно быть исключительно предоставлено регулярнымъ войскамъ воюющихъ государствъ [7]). Георгъ

---

[4]) *De jure belli* Lib. III. cap. § 9. «indictum autem bellum ei cui imperium in populo summum habet, simul indictum censetur omnibus ejus subditis».

[5]) l. c.—Lib. III cap. 18.

[6]) *De jure naturae et gentium libri octo*—(ed. 1672.)—Lib VIII. cap. 6 § 21. «Nam et haec est pars juris belli designare, quinam hosti nocere debeant et quousque...... Scilicet ut aliquis miles sit actus bellicos offensivos exercere queat, publice autorandus est».

[7]) Vattel. *Le droit des gens*—Liv. III ch. 15. § 223—226.

Фридрихъ *Мартенсъ* [8]) безусловно высказывается за необходимость правительственнаго разрѣшенія для лицъ, желающихъ законнымъ образомъ участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ; „война“, говоритъ онъ, „должна вестись или при помощи тѣхъ войскъ, которыя государство призвало для несенія военной службы, или же отрядами волонтеровъ, собранными съ разрѣшенія правительства“. Самъ Мартенсъ считаетъ даже болѣе разумнымъ ограничиваться при веденіи войны лишь употребленіемъ въ дѣло однихъ регулярныхъ войскъ, ибо это ограничитъ число сражающихся и уменьшитъ кровопролитность войнъ; но это мнѣніе очень хорошо опровергнуто комментаторомъ труда Мартенса Пинхейро-Феррейрой въ примѣчаніи къ § 271; послѣдній авторъ допускаетъ также и участіе въ войнѣ такихъ комбатантовъ, которые дѣйствуютъ безъ правительственнаго полномочія, но въ интересахъ и отъ имени государства и bona fide убѣждены въ своемъ правѣ защищать свое отечество.

Геффтеръ [9]), подобно Мартенсу, высказывается за необходимость правительственнаго разрѣшенія: „прочіе подданные (не военные) играютъ въ войнѣ чисто пассивную роль..... имъ не дозволяется совершать никакихъ непріязненныхъ дѣйствій безъ формальнаго приказанія главы государства“. Подобнаго-же мнѣнія держатся англійскій писатель *Маннингъ* [10]) и американецъ *Либеръ* [11]); послѣдній авторъ въ другомъ со-

---

[8]) G. F. de Martens *Droit des gens* II. § 271.... «la guerre ne doit se faire que par les troupes que l'etat a appelées à son service, ou par des compagnies franches, etc., dont il a autorisé le rassemblement».

[9]) Гефтеръ—*Европейское международное право.* Спб. 1880. § 124; сравни также § 124а.

[10]) Oke Manning *Commentaries on the Law of Nations* 1839 p. 152. «The commission of actual hostilities is only allowed, excepting in cases of self defence, to those, who are expressely authorized so to act by the sovereign power».—Сравни также стр. 153.

[11]) Lieber «*Guerilla parties* 1862 p. 10. «He that assails the enemy without or against the authority of his own government, is called, even though his object should be wholly free from any intention of pillage, a brigand, subject to the infliction of death, if captured»

Instructions art. 82.

ченіи, именно въ извѣстныхъ своихъ „Полевыхъ инструкціяхъ",—придаетъ особенно важное значеніе этому условію правительственнаго разрѣшенія.

Блюнчли [12]) считаетъ законными комбатантами всѣхъ лицъ, принадлежащихъ къ составу регулярныхъ армій, а равно и тѣхъ партизановъ, которые принимаютъ участіе въ войнѣ на основаніи приказанія, или разрѣшенія своего правительства; что-же касается отрядовъ волонтеровъ, не имѣющихъ правительственнаго разрѣшенія, то Блюнчли говоритъ, что относительно ихъ существуетъ два мнѣнія: одно, болѣе строгое, считаетъ ихъ стоящими внѣ законовъ войны и приравниваетъ къ разбойникамъ; другое, болѣе гуманное и болѣе распространенное въ наше время, признаетъ за ними права законныхъ комбатантовъ, если только они ведутъ войну въ военномъ порядкѣ (т. е. имѣютъ военную внѣшность и соблюдаютъ законы войны) и изъ-за политическихъ цѣлей. Но эту уступку Блюнчли дѣлаетъ скорѣе въ видахъ гуманности и общей пользы обѣихъ воюющихъ сторонъ, нежели вслѣдствіе убѣжденія въ правѣ такихъ комбатантовъ на сохраненіе за ними положенія законныхъ защитниковъ отечества. Блюнчли признаетъ однако, условіе правительственнаго распоряженія, условіемъ недостаточнымъ и наравнѣ съ нимъ выставляетъ другія, его восполняющія. Намъ кажется все-же, что и Блюнчли смотритъ на условіе правительственнаго разрѣшенія, какъ на условіе, строго говоря, безусловно необходимое; это проглядываетъ у него какъ въ цитированномъ нами мѣстѣ, такъ и въ другихъ его сочи-

---

[12]) Bluntschli «*Das moderne Völkerrecht*» 1878. § 569; § 570..... zweifelhafter ist die gleichstellung der nicht autorisirten Freischaaren. Die strengere Meinung betrachtet dieselben durchweg als ausserhalb des Kriegsrechts stehend. Indessen überwiegt in neuerer Zeit die humanere Meinung, dass solche Freischaaren dann wie feindliche Truppen behandelt werden, wenn sie in militärischer Ordnung kämpfen und für politische Zwecke, nicht wie Räuber, aus Gewinnsucht oder aus Rache..... wo die politischen Jdeen und Interessen so massenhaft zum Kampfe treiben, dass sich geordnete Truppen bilden, da erscheint es gerechter, das politische Kriegsrecht und nicht das gemeine Strafrecht anzuwenden. Ueberdem spricht dafür die Zweckmässigkeit.» —Примѣч. 2. также § 570a. и 571.

неніяхъ [13]). Подобно Блюнчли высказывается и *Calvo* [14]), хотя *Кальво* дѣлаетъ это гораздо менѣе ясно и точно: онъ довольствуется тѣмъ, что говоритъ о необходимости извѣстной связи между правительствомъ и отрядами партизановъ, склоняясь къ тому убѣжденію, что такимъ связующимъ началомъ должно быть правительственное разрѣшеніе на участіе лица въ военныхъ дѣйствіяхъ. *Либеръ*, на котораго мы только-что ссылались, во время войны Сѣверныхъ Штатовъ Сѣверной Америки съ Южными составилъ по приглашенію своего правительства „Полевыя инструкціи“ для арміи сѣверянъ, въ которыхъ помѣстилъ все дѣйствующее право войны. Въ этомъ сочиненіи, говоря о партизанскихъ отрядахъ, онъ даетъ слѣдующее опредѣленіе этого рода комбатантамъ [15]): „партизаны суть солдаты, вооруженные и носящіе мундиръ своей арміи, но принадлежащіе къ части

---

[13]) *Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Rechtspflege des deutschen Reichs* 1871 s 286.

[14]) Calvo «*Le droit international théorétique et pratique*» 1872. § 838 p. 146 (T. I)—«il faut à ceux qui prennent part aux hostilités une attache gouvernementale pour avoir droit au traitement de belligérants».—«Aujourd'hui qu'il est admis, en théorie du moins, que la guerre constitue seulement une relation d'état à état et non d'individu à individu, l'existence d'une délégation de l'autorité publique ou de ses agents directs pour légitimer l'intervention des particuliers dans les hostilités est devenu plus nécessaire.»

[15]) Liber «*Instructions for the Government of Armies of the United States in the field*» 1863 (помѣщено въ приложеніи къ книгѣ Blüntschli «Das moderne Völkerrecht». 1878). Sec. IV. 81. Partisans are soldiers armed and wearing the uniform of their army, but belonging to a corps which acts detached from the main body for the purpose of making inroads into the territory occupied by the enemy. If captured, they are entitled to all the privileges of the prisoner of war. 82. Men, or squads of men, who commit hostilities, whether by fighting, or inroads for destruction or plunder, or by raids of any kind, without commission, without being part and portion of the organized hostile army and without sharing continuously in the war, but who do so with intermitting returns to their homes and avocations, or with the occasional assumption of the semblance of peaceful pursuits, divesting themselves of the character or appearance of soldiers,—such men, or squads of men, are not public enemies, and therefore, if captured, are not entitled to the privileges of prisoners of war, but shall be treated summarely as highway robbers, or pirates».

войскъ, дѣйствующей отдѣльно отъ всей арміи; они пользуются правами и привиллегіями военноплѣнныхъ“. Это опредѣленіе вполнѣ невѣрно, уже потому, что подъ него подходятъ всѣ части постояннаго, регулярнаго войска, дѣйствующія благодаря-ли случайностямъ войны (напр. отрѣзанный отъ арміи непріятелемъ корпусъ), или благодаря военнымъ соображеніямъ отдѣльно отъ главной арміи. Далѣе Либеръ отрицаетъ за отрядами партизановъ, не имѣющихъ правительственнаго разрѣшенія, право считаться законными комбатантами и считаетъ ихъ подлежащими немедленной казни, подобно разбойникамъ и пиратамъ.

Война 1870—1871 вызвала на свѣтъ цѣлую литературу, посвященную разсмотрѣнію права войны. Для интересующаго насъ въ настоящую минуту вопроса особенно важны три сочиненія, написанныя подъ вліяніемъ этого событія: одно изъ нихъ принадлежитъ перу извѣстнаго ученаго и члена Института Международнаго Права, Ролленъ-Жакмену,—съ нимъ мы ознакомимся послѣ—другія два, одно англичанину Друпу, другое шведу Гренандеру. Начнемъ съ *Друпа.* Его сочиненіе, или, лучше сказать, небольшая статья была написана и прочтена имъ въ Лондонскомъ Юридическомъ Обществѣ для того, какъ говоритъ самъ авторъ, чтобы установить начала, сообразно которымъ, можно было-бы дать правильную оцѣнку дѣйствіямъ обѣихъ воюющихъ сторонъ. Свое изложеніе Друпъ дѣлитъ на три отдѣла: 1-й) объ отношеніяхъ между вторгающейся арміей и населеніемъ областей, уже вполнѣ занятыхъ непріятелемъ; 2-й) объ условіяхъ, при соблюденіи которыхъ иррегулярные комбатанты имѣютъ право на одинаковое съ регулярными войсками обращеніе, и 3-й) объ отношеніяхъ между вторгающейся арміей и населеніемъ областей, находящихся еще во власти ихъ законнаго правительства. Для насъ здѣсь представляетъ интересъ лишь вторая глава. Авторъ начинаетъ съ того, что указываетъ на возможность установленія a priori того мнѣнія, что всякій житель страны, подвергшейся нападенію непріятеля, имѣетъ право защищать свой домъ и потому долженъ, если

онъ берется за оружіе, считаться солдатомъ, т. е. законнымъ комбатантомъ [16]). „Но“, говоритъ Друпъ, „многія, болѣе или менѣе вѣскія причины, дѣлаютъ принятіе такого взгляда невозможнымъ“. Причины эти слѣдующія: 1) если принципъ этотъ вѣренъ, то его надо допустить и для нападающаго государства, ибо часто нападеніе есть только лучшій видъ защиты: Германія напала въ 1870 г. на Францію именно для того, чтобы избѣжать нападенія послѣдней. Допустить-же, что всякій гражданинъ одного изъ воюющихъ государствъ имѣетъ право нападать на всякаго гражданина другого государства, значитъ возвратиться къ тѣмъ временамъ, когда война была взаимнымъ истребленіемъ двухъ народовъ, значитъ отвергать самое право войны. 2) Согласно современному праву войны, война можетъ быть ведена только между государствами, а не между индивидуумами, и потому только тѣ комбатанты суть законные, которые ведутъ войну ради и съ согласія государства. Этому правилу иногда измѣняютъ въ пользу большихъ организованныхъ отрядовъ, хотя и не имѣющихъ правительственнаго разрѣшенія, но ведущихъ войну bona fide изъ-за политической цѣли. 3) Всѣ различныя правила, установленныя для смягченія ужасовъ войны, предполагаютъ извѣстную взаимность между войсками обѣихъ воюющихъ сторонъ; эта-же взаимность возможна только при условіи, чтобы всѣ роды войскъ отвѣчали-бы солидарно за свое поведеніе, что возможно только въ свою очередь при подчиненіи партизанскихъ отрядовъ отвѣтственнымъ передъ высшимъ военнымъ начальствомъ лицамъ, по преимуществу-же офицерамъ арміи. 4) Охрана мирныхъ жителей отъ слѣдствій войны возможна только при наличности извѣстнаго внѣшняго признака, отличающаго комбатанта отъ некомбатанта, отсюда необходимость мундира, или инаго постояннаго отличительнаго знака для комбатантовъ. Однако,

---

[16]) Droop. *«On the relations between an invading army and the inhabitants, and the conditions under which irregular troops are entitled to the same treatment as regular soldiers.* Papers read before the juridical Society. Vol. III. Part XXI. March. *1871.*—См. стр. *713—722.*

Друпъ полагаетъ, что для большихъ отрядовъ мундиръ м. б. условіемъ необязательнымъ; мы увидимъ, въ дальнѣйшемъ изложеніи, насколько это мнѣніе не выдерживаетъ критики. 5) Изъ всего вышесказаннаго, Друпъ выводитъ, что для того, чтобы лицё могло быть признано законымъ комбатантомъ, необходимо съ его стороны соблюденіе слѣдующихъ условій:

a) комбатанты должны имѣть разрѣшеніе отъ своего правительства, законнаго, или только существующаго de facto;

b) они д. б. поставленны подъ контроль офицеровъ признанныхъ и отвѣтственныхъ передъ правительствомъ, или высшимъ военнымъ начальствомъ;

c) они должны соблюдать законы и обычаи войны;

d) они должны быть одѣты въ отличительный и постоянно носимый мундиръ [17]).

Итакъ, Друпъ безусловно высказывается за условіе правительственнаго разрѣшенія, хотя приводимые имъ доводы въ пользу этого мнѣнія тѣ-же, что и прочихъ писателей того-же направленія. Если мы остановились подробно на разборѣ статьи Друпа, то только потому, что она сравнительно мало извѣстна, и потому, что въ ней въ весьма краткихъ, но довольно ясныхъ чертахъ, указаны причины, заставляющія ставить законнымъ комбатантамъ въ обязанность выполненіе извѣстныхъ условій. Мы ниже вернемся къ разбору тѣхъ доводовъ, которые Друпъ выставляетъ въ пользу условія правительственнаго разрѣшенія, а теперь перейдемъ къ изложенію статьи Гренандера, также выступающаго защитникомъ этого условія, но дѣлающаго это гораздо подробнѣе Друпа. Въ сущности, вся небольшая статья Гренандера исключительно посвящена доказательству положенія, что правительственное разрѣшеніе есть условіе безусловно необходимое для законнаго комбатанта. Статья Гренандера была первоначально напечатана на шведскомъ языкѣ [18]), а

---

[17]) Cp. Droop, l. c. p. 720.

[18]) «Om de folkrättsliga vilkoren för rätt att i krig betraktas och behandlas som soldat»—akademisk afhandling af Grenander—по французски: Grenander «Sur les conditions nécessaires, pour avoir en guerre le droit d'être considéré et traité comme soldat».—Paris. 1882.

затѣмъ переведена на французкій и помѣщена въ „Revue pratique de droit français"—(publiée par Ch. Demangeat, E. Olivier etc.)—t. XLIX, 1881 n° 9—12.—Послѣ бѣглаго обзора старинной литературы, Гренандеръ приходитъ къ тому выводу, что ни Г. Гроцій, ни Пуффендорфъ, ни Ваттель, ни Мозеръ не дали никакихъ положительныхъ признаковъ для установленія различія между комбатантами и некомбатантами, и несумѣли опредѣлить тѣ условія, при которыхъ лице должно быть разсматриваемо на войнѣ какъ законный комбатантъ [19]). Причину тому, Гренандеръ находитъ въ господствовавшемъ въ то время взглядѣ на государство, какъ на извѣстный конгломератъ индивидуумовъ; только съ установленіемъ современнаго взгляда на государство, какъ на извѣстную юридическую личность, отдѣльную отъ всѣхъ составляющихъ ее индивидуумовъ, наука могла установить строгія границы между комбатантами и некомбатантами; на основаніи этого взгляда на государство выработался принципъ современнаго международнаго права, что война есть отношеніе государства къ государству, а не отдѣльныхъ индивидуумовъ къ такимъ-же, составляющимъ народонаселеніе враждебнаго государства. Отсюда, лица, ведущія войну отъ имени государства, дѣлаютъ это въ качествѣ его органовъ и только за ними могутъ быть признаны права законныхъ комбатантовъ. Подобно тому, какъ никто не можетъ одностороннимъ своимъ рѣшеніемъ провозгласить себя подданнымъ извѣстнаго государства, но долженъ получить на это согласіе этого государства, точно также никто не можетъ провозгласить себя самопроизвольно солдатомъ этого государства. Отсюда, границей между комбатантомъ и некомбатантомъ должно служить формальное разрѣшеніе правительства (autorisation expresse), данное лицу на участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Всѣ лица, имѣющія такое разрѣшеніе суть законные комбатанты; лица-же, неимѣющія его, суть некомбатанты и если онѣ принимаютъ активное участіе въ войнѣ, то не-

---

[19]) Grenander, l. c. p. 14 et suivantes.

пріятель въ правѣ смотрѣть на нихъ, какъ на преступниковъ, если только эти лица не были поставлены въ состояніе необходимой обороны [20]). Непріятель воюетъ съ государствомъ и потому въ правѣ ожидать, что всякое лицё, сопротивляющееся ему, есть органъ этого государства. Гренандеръ не признаетъ возможности какого-либо молчаливаго согласія (autorisation tacite) государства на участіе даннаго лица въ войнѣ, а требуетъ, чтобы это согласіе было формальнымъ. Однако, продолжаетъ онъ, не требуется, чтобы каждое лицё имѣло формальное и лично къ нему адрессованное разрѣшеніе своего правительства, но можетъ быть дано въ общей формѣ, прокламаціей правительства ко всему народонаселенію, въ формѣ закона [21]), или порученія отдѣльному лицу, которое съ своей стороны передовѣряетъ, такъ сказать, другимъ лицамъ это правительственное разрѣшеніе, подобно тому, какъ это дѣлалось прежде для войны на морѣ, гдѣ корсаръ, запасшись lettres de marque, формировалъ для своихъ экспедицій экипажъ своего судна. Но какова-бы ни была внѣшняя форма правительственнаго разрѣшенія на участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, непріятель долженъ быть поставленъ въ возможность опредѣлить съ перваго взгляда, принадлежитъ-ли данное лицё къ числу лицъ имѣющихъ правительственное разрѣшеніе, или нѣтъ; отсюда необходимость внѣшняго отличительнаго знака для военныхъ— мундира, въ томъ смыслѣ, какой придаетъ этому слову международное право, т. е. внѣшняго, не легко скрываемаго, или снимаемаго и видимаго на достаточное разстояніе внѣшняго знака. Мундиръ есть внѣшнее выраженіе правительственнаго

---

[20]) Гренандеръ, l. c. p. 17.

[21]) Ibid., l. c. p. 21.—См. французскій законъ относительно военныхъ силъ Франціи въ войну 1870—1871 гг. 29 авг. 1870.—Bulletin des lois de l'Empire français 1870 n° 18,048—«sont considérés comme faisant partie de la garde nationale les citoyens qui se portent spontanément à la defence du territoire avec l'arme dont ils peuvent disposer et en prenant un des signes distinctifs de cette garde, qui les couvre de la garantie reconnue aux corps militaires constitués».

разрѣшенія, и лицё, носящее его, не обязано давать другихъ доказательствъ того, что оно имѣетъ дозволеніе своего правительства на участіе въ войнѣ, ибо обратное положеніе повело-бы къ отрицанію юридическаго правила: quibusdam praesumitur bonus vir, donec probetur contrarium, и превратило-бы каждаго плѣннаго солдата въ подсудимаго, обязаннаго доказать свою невинность [22]). Гренандеръ распространяетъ это положеніе какъ на регулярныхъ, такъ и на иррегулярныхъ комбатантовъ, ибо, въ его глазахъ, могутъ быть на войнѣ только двѣ категоріи лицъ, комбатантовъ и некомбатантовъ, другихъ подраздѣленій онъ не признаетъ. Правительственное разрѣшеніе, по мнѣнію автора, есть условіе всегда необходимое для признанія лица за законнаго комбатанта; условіе-же мундира есть условіе только вообще необходимое и допускающее одно важное исключеніе, именно въ томъ случаѣ, когда цѣль преслѣдуемая ношеніемъ мундира, т. е. возможность для непріятеля отличать лицъ, имѣющихъ правительственное разрѣшеніе отъ лицъ не имѣющихъ таковаго, можетъ быть достигнута инымъ способомъ; а это имѣетъ мѣсто при поголовныхъ возстаніяхъ, когда все народонаселеніе цѣлаго государства, или его части, на протяженіи строго очерченной части территоріи призывается верховной властью, или ея уполномоченнымъ къ активному участію въ войнѣ. Въ этомъ случаѣ, врагъ, извѣщенный о такомъ поголовномъ возстаніи, не можетъ сомнѣваться, имѣетъ-ли данное лицё разрѣшеніе своего правительства, а слѣдовательно и право участвовать активнымъ образомъ въ войнѣ, и условіе ношенія мундира само собою дѣлается излишнимъ.—Правительственное разрѣшеніе и ношеніе мундира, вотъ тѣ два условія, которыя Гренандеръ считаетъ необходимыми для лица желающаго быть признаннымъ законнымъ комбатантомъ [23]). Всякія остальныя условія авторъ считаетъ излишними, ибо, говоритъ онъ, условіе соблюденія воюющими

---

[22]) Гренандеръ, l. c. p. 26 и сравни p. 20.
[23]) Ibid., l. c. p. 44.

законовъ и обычаевъ войны не есть собственно условіе, а то предположеніе, при которомъ возможны только сами законы войны, при выполненіи котораго возможно только дѣленіе лицъ на комбатантовъ и некомбатантовъ; условіе, выставляемое Друпомъ, Блюнчли и Брюссельской декларацiей, чтобы комбатанты были подчинены военной дисциплинѣ и отвѣтственнымъ передъ государствомъ, имъ самимъ назначеннымъ офицерамъ, входитъ уже въ условіе правительственнаго разрѣшенія; наконецъ, выставляемое нѣкоторыми писателями условіе, чтобы комбатантъ непрерывно участвовалъ въ войнѣ и не переходилъ отъ времени до времени въ число некомбатантовъ, Гренандеръ считаетъ излишнимъ.—Небольшая брошюра Гренандера написана хорошо, изобилуетъ ссылками на многія ученыя сочиненія, на событія войны 1870—1871 гг., къ которымъ авторъ почти всегда относится критически и безпристрастно. Заканчиваетъ Гренандеръ свое сочиненіе историческимъ очеркомъ и разборомъ преній Брюссельской конференціи 1874 г. Наконецъ, къ книгѣ приложено (въ ея шведскомъ изданіи) много различнаго рода документовъ, касающихся разбираемаго авторомъ вопроса [24]).—Итакъ, Гренандеръ считаетъ условіе правительственнаго разрѣшенія условіемъ безусловно-необходимымъ для признанія за лицемъ правъ законнаго комбатанта, условіе-же ношенія отличительнаго знака—мундира, условіемъ вообще необходимымъ, но допускающимъ исключеніе.

Совершенно одинаково съ Гренандеромъ смотритъ на эти условія Броше [25]), также не признающій разницы между

---

[24]) Во французскомъ изданіи эти приложенія выпущены, кромѣ сравнительнаго изложенія первоначальнаго текста Брюссельской декларацiи съ вышедшими въ ней поправками.

[25]) *Revue 1873*. p. 333. «*Les principes naturels du droit de la guerre*».— La guerre ne se faisant que d' État à État, tous les individus qui y prennent part agissent comme instruments et par ordre. Sans ordre, nul n'a ni le droit, ni le devoir de se mêler aux hostilitités.... D'autre part, il n'y a pas lieu de distinguer entre les soldats reguliers et nationaux, d'un côté, et les volontaires et corps-francs de l'autre. Le point important, c'est l'ordre, dont l'uniforme n'est que la manifestation extérieure. Des corps-francs et des volon-

регулярными и иррегулярными комбатантами и считающій для тѣхъ и для другихъ необходимыми условіями: правительственное разрѣшеніе и ношеніе мундира, послѣднее также съ исключеніемъ.

Данъ [26]) въ небольшой брошюрѣ, написанной для нѣмецкихъ солдатъ въ 1870 г., также признаетъ правительственное разрѣшеніе безусловно необходимымъ условіемъ для законнаго комбатанта. Наконецъ, Гель [27]) тоже является сторонникомъ условія правительственнаго разрѣшенія.—Итакъ, резюмируя все сказанное, мы можемъ сказать, что всѣ приведенные нами писатели смотрятъ на правительственное разрѣшеніе, какъ на условіе безусловно необходимое для признанія за лицемъ правъ законнаго комбатанта; если Блюнчли и высказываетъ мысль о возможности такого признанія помимо правительственнаго разрѣшенія, то онъ дѣлаетъ это слишкомъ робко и основнымъ его убѣжденіемъ все-же остается неизбѣжность правительственнаго разрѣшенія.

Совершенно иначе, хотя также съ различными оттѣнками въ своихъ мнѣніяхъ, высказываются по этому вопросу Людеръ, Ролленъ-Жакменъ и Фіоре. Людеръ [28]), хотя и признаетъ условіе правительственнаго разрѣшенія весьма важнымъ, но

---

taires sont de véritables belligérants, du moment où il se trouvent sous les ordres de l'un des deux adversaires. «Si cette condition n'est pas remplie, ils sont des criminels».

[26]) Felix Dahn «*Das Kriegsrecht*» 1870. p. 8. Den Combattanten der regelmässigen Truppen gleichgestellt werden solche Freischaaren, welche von einer Kriegführenden Partei autorisirt sind»..... «dagegen werden Banden von Parteigängern, welche Krieg führen wollen ohne staatliche Ermächtigung, oder welche je nach Umstanden, bald als Combattanten, bald als Nichtcombattanten auftreten, nicht als ehrliche Kriegsfeinde sondern als Verbrecher, als Mörder und Räuber behandelt.

[27]) I. Guelle «Précis des lois de la guerre». T. I, p. 71.—«Ces combattants (francs-tireurs etc.) doivent être reconnus et autorisés par le gouvernement au nom duquel ils combattent». Cette première condition est de beaucoup la plus importante». Сравни также: Guelle «la Guerre continentale et les personnes». P. 1881. p. 42.

[28]) Lüeder. «Das Landkriegsrecht im Besonderen.» въ Holzendorff's Handbuch. T. IV. p. 376—383 (§§ 92 и 93). Подобнымъ образомъ смотритъ одинъ

вмѣстѣ съ тѣмъ, съ одной стороны не безусловно необходимымъ, а съ другой—недостаточнымъ. Онъ говоритъ, что въ прежнее время, когда война всѣхъ подданныхъ одного государства противъ всѣхъ подданныхъ другого была только-что замѣнена войной между военными силами государствъ и при самомъ началѣ введенія постоянныхъ армій, такое абсолютное требованіе наличности правительственнаго разрѣшенія для лицъ, желавшихъ принимать активное участіе въ войнѣ, было строго примѣняемо на практикѣ; но въ новѣйшее время сама практика начала смотрѣть иначе, полагая, что рѣшающее значеніе для признанія лица законнымъ комбатантомъ, должно принадлежать другимъ условіямъ, изъ которыхъ наиболѣе важнымъ является условіе подчиненія отрядовъ иррегулярныхъ комбатантовъ отвѣтственнымъ начальникамъ и военной организаціи этихъ отрядовъ [29]). Это условіе было поставлено и Брюссельской декларацiей, и написаннымъ на ея основаніи „Manuel de l' Institut", первымъ и во главѣ прочихъ условій [30]). Это условіе является необходимымъ и въ томъ случаѣ, если признать правительственное разрѣшеніе также за необходимое, ибо, какъ говоритъ Людеръ, правительственное разрѣшеніе само по себѣ является еще не достаточнымъ условіемъ и требуетъ выполненія отъ лица еще иныхъ, именно, условія подчиненія отрядовъ отвѣтственнымъ начальникамъ, ихъ военной организаціи, ношенія комбатантами извѣстнаго постояннаго и легко отличаемаго внѣшняго знака. Людеръ соглашается [31]) съ Rollin-Jacquemyns въ томъ, что условіе ношенія комбатантами мундира важнѣе условія правительственнаго разрѣшенія; во всякомъ случаѣ, Людеръ придаетъ послѣднему лишь второстепенное значеніе.

изъ новѣйшихъ писателей по праву войны, авторъ монографіи: «le Droit de la Guerre» par A. Pillet. Paris, 1892. p. 116.—127.

[29]) Lueder, l. c. p. 378.

[30]) Брюссельская декларація, ст. 8; Manuel 2, 2a.

[31]) Lueder, l. c. § 93, p. 381.

Ролленъ Жакменъ [32]) категорически заявляетъ, что условія военной организаціи и военной внѣшности (т. е. ношеніе мундира) онъ считаетъ безусловно болѣе важными, нежели условіе правительственнаго разрѣшенія, „ибо“, говоритъ онъ, „послѣднее часто можетъ быть замѣнено внезапнымъ вдохновеніемъ патріотизма, или политическаго убѣжденія; предположимъ въ самомъ дѣлѣ, что извѣстная группа граждапъ, считая bona fide отечество свое въ опасности, берется за оружіе и организуетъ изъ себя партизанскій отрядъ, помимо разрѣшенія на то своего правительства, или его органовъ; если такой отрядъ имѣетъ внѣшность военнаго отряда и соблюдаетъ обычаи и законы войны, то ясно, что трудно отказать лицамъ, входящимъ въ его составъ, въ признаніи за ними правъ законныхъ комбатантовъ. Подобное явленіе мы постоянно встрѣчаемъ въ междуусобныхъ войнахъ. Напротивъ того, трудно не признать, что непріятель въ правѣ разсматривать, какъ разбойниковъ такихъ лицъ, которыя заручившись разрѣшеніемъ своего правительства, вооружаются отъ времени до времени, и, ничѣмъ, внѣшнимъ образомъ, не отличаясь отъ мирнаго населенія, производятъ внезапныя нападенія на непріятельскихъ солдатъ, ожидающихъ встрѣтить передъ собой мирныхъ жителей, а не комбатантовъ“. На основаніи этого, разбирая требованія прусскихъ военныхъ властей, предъявленныя ими къ французскимъ плѣннымъ, Ролленъ-Жакменъ находитъ, что второе изъ этихъ требованій, чтобы всякій солдатъ, желающій пользоваться правами законнаго комбатанта, былъ одѣтъ въ форменное платье, отличающее его отъ мирнаго гражданина, вполнѣ справедливымъ и, наоборотъ, вполнѣ несправедливымъ и жестокимъ, первое требованіе, чтобы онъ могъ доказать,

---

[32]) Rollin-Jacquemyns—Chronique du droit international,—La guerre actuelle—въ Revue de Dr. In. 1870 г. T. II. p. 663.—Мы уже говорили о статьѣ Rollin-Jaequemyns въ литературномъ очеркѣ и потому здѣсь приводимъ только интересующую насъ въ данную минуту ея мѣсто.

что, онъ призванъ къ участію въ войнѣ приказомъ, исходящимъ отъ законнаго его правительства и лично къ нему обращеннымъ.

Фіоре [33]) выставляетъ на видъ то соображеніе, что, если безусловное допущеніе всего народонаселенія воюющихъ государствъ повело-бы къ древнимъ войнамъ истребленія, то, съ другой стороны, слишкомъ строгое проведеніе принципа, что война есть отношеніе государства къ государству, повело-бы къ превращенію войны въ дуель между арміями воюющихъ государствъ и стало-бы въ разрѣзъ съ присущимъ каждому человѣку чувствомъ патріотизма. Кромѣ того, такое понятіе о войнѣ, весьма удобное для большихъ государствъ, было-бы весьма опасно для мелкихъ, не могущихъ содержать большія арміи, средства защиты которыхъ были-бы такимъ образомъ отчасти парализованы. Отсюда заключаетъ Фіоре, ясно вытекаетъ необходимость допущенія на войнѣ вспомогательныхъ, иррегулярныхъ отрядовъ, для которыхъ надо опредѣлить тѣ условія, при которыхъ они могли-бы пользоваться правами законныхъ комбатантовъ [34]). Самъ Фіоре стоитъ за то, чтобы иррегулярными войсками воюющія государства старались-бы по возможности не пользоваться, и намъ кажется, что доводы его въ пользу этого мнѣнія достаточно вѣски и справедливы. [35]). Но, допуская, что необходимо признать законными комбатантами такіе иррегулярные отряды, въ случаѣ если они появились, Фіоре справедливо замѣчаетъ, что то, что главнымъ образомъ должно отличать комбатанта отъ мирнаго жителя, принимающаго активное участіе въ войнѣ, но не могущаго все-же быть признаннымъ законнымъ комбатантомъ, это внутреннее побужденіе, заставляющее лице принимать участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ; оно можетъ быть признано

---

[33]) Fiore «Nouveau droit international publice» traduction Ch. Antoine — Paris. 1886. Vol. 3. Chap. VI.

[34]) Fiore l. c. § 1304.

[35]) Fiore l. c. § 1308; § 1309.

законнымъ комбатантомъ только тогда, когда участвуетъ въ войнѣ отъ имени и въ интересахъ своего государства, а это можетъ имѣть мѣсто, какъ при наличности правительственнаго разрѣшенія или приказанія, такъ и при отсутствіи его, въ томъ случаѣ, когда извѣстная группа гражданъ sua sponte взялась за оружіе и сформировала изъ себя отрядъ. Поэтому правительственное разрѣшеніе не можетъ считаться необходимымъ условіемъ для признанія лица законнымъ комбатантомъ. [36]). Необходимыми условіями, для признанія комбатанта законнымъ, Фіоре считаетъ слѣдующія:

а) Военную организацію отряда и извѣстную численность составляющихъ его лицъ, въ томъ предположеніи, что маленькіе отряды волей неволей, благодаря своей слабости, должны скорѣе прибѣгать къ хитростямъ, чѣмъ къ употребленію силы, что легко можетъ повлечь за собой несоблюденіе ими законовъ и обычаевъ войны. Это послѣднее положеніе Фіоре, относительно численности отряда, намъ кажется, не выдерживаетъ критики, ибо во-первыхъ трудно, если только не совсѣмъ невозможно, опредѣлить заранѣе, что считать многочисленнымъ и что малочисленнымъ отрядомъ; затѣмъ, какъ справедливо замѣчаетъ переводчикъ Фіоре, Антуанъ въ примѣчаніи къ § 1313, такое положеніе является весьма опаснымъ, ибо непріятель всегда можетъ отказать иррегулярнымъ отрядамъ въ правахъ законныхъ комбатантовъ, ссылаясь на ихъ малочисленность, что,

---

[36]) Fiore l. c. § 1312 p. 114—115.—«Il nous semble que ce qui devrait servir à distinguer les soldats de ceux qui ne le sont pas, ce serait de prendre une part active à la guerre, en faisant des actes d'hostilité au nom ou dans l'intérêt de l'Etat. Cette condition peu se réaliser dans l'hypothèse où le gouvernement aurait appelé par un ordre général ou particulier les citoyens à prendre une part active à la guerre...; elle peut aussi se réaliser dans le cas où un certain nombre d'individus auraient été appelés à défendre la patrie par une personne qui se serait mise à leur *tête*, et par suite à faire des actes d'hostilité dans l'interêt de l'Etat, sans avoir une autorisation spéciale du gouvernement. Nous admettons, dès lors, que la commission du gouvernement ne peut pas être regardé comme une condition nécessaire pour faire considérer les volantaires organisés militairement comme des combattants réguliers».

при неопредѣленности этого понятія, неизбѣжно поведетъ къ злоупотребленіямъ и постояннымъ столкновеніямъ по этому поводу между воюющими сторонами.

b) Должны имѣть во главѣ отряда отвѣтственнаго начальника; c) открыто носить оружіе и вести войну честно (loyalement); наконецъ d) имѣть отличительный знакъ постоянный и видимый на достаточномъ разстояніи [37]).

Такимъ образомъ Фіоре совершенно не признаетъ условія правительственнаго разрѣшенія, и въ этомъ отношеніи идетъ гораздо далѣе, чѣмъ Людеръ и Роллепъ-Жакменъ.

Наконецъ Брюссельская декларація въ 9-ой своей статьѣ, говоря о комбатантахъ и некомбатантахъ, приводитъ слѣдующее: „Военные законы, права и обязанности присвоиваются не только арміи, но также ополченіямъ и отрядамъ волонтеровъ, если послѣдніе соединяютъ въ себѣ нижеслѣдующія условія:

1) чтобы въ главѣ ихъ находилось лицё, отвѣтственное за своихъ подчиненныхъ; 2) чтобы имъ было присвоено извѣстное форменное и притомъ легко различаемое отличіе; 3) чтобы они открыто носили оружіе, и 4) чтобы въ своихъ военныхъ дѣйствіяхъ строго подчинялись законамъ и обычаямъ войны.

Въ тѣхъ странахъ, гдѣ изъ ополченія образуется армія, или гдѣ оно составляетъ часть оной, ополченію присваивается названіе арміи“ [38]).

Такимъ образомъ Брюссельская декларація также ничего не говоритъ объ условіи правительственнаго разрѣшенія; правда, его можно подразумѣвать въ 1-мъ условіи, но намъ кажется, что выраженіе подлиннаго текста:... „avoir à leur tête une personne responsable pour ses subordonnés“—предполагаетъ не отвѣтственность этого лица передъ своимъ правительствомъ, но передъ непріятелемъ, а тогда значеніе этого условія можетъ быть понятно въ томъ смыслѣ, что всякій

---

[37]) Fiore l. c. § 1313 p. 117.

[38]) Переводъ Брюссельской декларацін взятъ нами изъ книги Мартенса: «Восточная война и Брюссельская конференція» Спб. 1879, гдѣ онъ приведенъ въ приложеніи цѣликомъ.

отрядъ комбатантовъ долженъ имѣть во главѣ отвѣтственнаго начальника, который, въ случаѣ взятія отряда въ плѣнъ, являлся-бы единственнымъ отвѣтственнымъ лицемъ за тѣ дѣйствія своихъ подчиненыхъ, которыя оказались-бы нарушеніемъ права войны [39]). Такая отвѣтственность начальника имѣла-бы весьма полезныя слѣдствія: съ одной стороны, она ограничила-бы репрессаліи только небольшимъ кругомъ лицъ и прекратила-бы тѣ массовыя экзекуціи, которыя сплошь и рядомъ имѣли мѣсто въ войну 1870—1871 г. со стороны нѣмецкихъ военныхъ властей надъ отрядами вольныхъ стрѣлковъ; съ другой-же стороны, такая отвѣтственность начальниковъ, за противныя законамъ войны дѣйствія подчиненныхъ, побудитъ первыхъ поддерживать въ своихъ отрядахъ духъ строгой дисциплины и уваженія къ праву войны. Понимая такимъ образомъ первый пунктъ ст. 9 Брюссельской деклараціи, мы видимъ полное отсутствіе какого-либо намека на правительственное разрѣшеніе и потому въ правѣ сказать, что и такой авторитетный актъ, какъ Брюссельская декларація не сочла правительственное разрѣшеніе за необходимое условіе для признанія законности комбатанта.

Итакъ, мы видимъ, что, если съ одной стороны, условіе правительственнаго разрѣшенія признается многими писателями за безусловно необходимое для признанія за лицемъ правъ законнаго комбатанта; если это условіе, какъ мы указали выше, составляетъ какъ-бы логическое слѣдствіе современнаго принципа права войны, что война есть отношеніе государства къ государству: то, съ другой стороны, мнѣніе неменѣе компетентныхъ авторовъ и, что важнѣе, такого источника, какъ Брюссельская декларація, считаютъ это условіе

---

[39]) Замѣтимъ также, что условіе отвѣтственности начальниковъ отрядовъ за своихъ подчиненныхъ можетъ быть даже понято въ смыслѣ отвѣтственности ихъ передъ своимъ правительствомъ и, тѣмъ не менѣе, можетъ не содержать въ себѣ признанія необходимости правительственнаго разрѣшенія. Извѣстное лицѣ можетъ сформировать отрядъ и вести войну безъ согласія на то своего правительства; но послѣднее всегда имѣетъ право потребовать отъ него отчета въ его дѣятельности.

излишнимъ, или мало важнымъ. Помирить такую разницу во взглядахъ, намъ кажется, однако довольно легко: въ самомъ дѣлѣ, изъ принципа, что война есть отношеніе государства къ государству, вытекаетъ безспорно то слѣдствіе, что участвовать въ войнѣ могутъ только органы государства, но это еще не значитъ, что эти органы должны непремѣнно быть правительственными органами. Подобно тому, какъ современное государственное право всѣхъ государствъ признаетъ государственными органами внутренняго управленія т. н. органы самоуправленія, совершенно отличныя отъ правительственныхъ, такъ и во время войны, этой борьбы государствъ, можно признать на ряду съ правительственными органами государственной обороны, органы самообороны государства, ничего общаго не имѣющаго по своему возникновенію съ правительственными военными органами, какъ напр. постоянными арміями, ополченіемъ, созываемымъ правительствомъ и т. п. Эти органы самообороны государства возникаютъ по почину самаго общества, или отдѣльныхъ его членовъ, и, не будучи правительственными, тѣмъ не менѣе, суть государственные постольку, поскольку цѣль ими преслѣдуемая есть цѣль государственная и если дѣйствуютъ они отъ имени государства; никакое правительство въ трудныя минуты жизни государства не можетъ обойтись безъ содѣйствія общества и потому никогда не станетъ препятствовать такому участію общества въ войнѣ. Понятно отсюда, что правительственное разрѣшеніе не можетъ являться необходимымъ условіемъ для признанія комбатанта законнымъ; государство воюетъ съ государствомъ, а не съ частными лицами, слѣдовательно, для того, чтобы имѣть право принимать активное участіе въ войнѣ, лицё должно быть государственнымъ органомъ, т. е., или правительственнымъ—регулярные комбатанты, или органомъ самообороны государства—иррегулярные комбатанты, иначе сказать, всякое лицё, желающее принимать активное участіе въ войнѣ, должно выступать на войну отъ имени своего государства и въ его интересахъ; цѣль преслѣдуемая каждымъ комбатантомъ должна быть цѣлью политической. Правительства могутъ измѣняться, государство

всегда остается тѣмъ-же, пока оно не погибнетъ: ни перемѣна правительства, ни потеря части территоріи или народонаселенія не измѣняютъ кореннымъ образомъ государства; Франція, послѣ паденія имперіи и потери Эльзаса и Лотарингіи, осталась все той-же Франціей. Если предположить, что законность или незаконность комбатанта зависитъ отъ правительственнаго разрѣшенія, то неминуемо надо придти къ логическому заключенію, что съ перемѣной правительства, полномочія, данныя однимъ правительствомъ извѣстнымъ лицамъ на участіе въ войнѣ, должны быть возобновляемы другимъ; а если это послѣднее почему-либо откажетъ въ таковомъ возобновленіи нѣкоторымъ лицамъ, то они сразу переходятъ изъ разряда защитниковъ отечества въ состояніе разбойниковъ. Такой отказъ вполнѣ возможенъ: представимъ себѣ монархическое государство, находящееся въ состояніи войны съ другимъ государствомъ и провозгласившее у себя республику; вполнѣ возможенъ фактъ, что часть войскъ не пожелаетъ признать новое правительство и будетъ продолжать войну, соблюдая всѣ законы войны, но отъ имени своего законнаго государя. Ясно, что республиканское правительство никогда не признаетъ ихъ законными комбатантами и не дастъ имъ своего разрѣшенія на участіе въ войнѣ, но справедливо-ли будетъ со стороны другого, враждебнаго государства отказать этимъ солдатамъ въ правахъ законныхъ комбатантовъ, и къ какимъ ужаснымъ послѣдствіямъ поведетъ такой отказъ.

Напротивъ того, разъ комбатантъ тотъ, кто воюетъ отъ имени и въ интересахъ своего государства, онъ всегда остается законнымъ комбатантомъ въ глазахъ своего противника, какой-бы внутренній правительственный переворотъ не произошелъ. Сторонники условія правительственнаго разрѣшенія забываютъ еще одну важную сторону вопроса, или если и затрагиваютъ её, то слегка: въ какой формѣ должно быть даваемо правительственное разрѣшеніе лицамъ, не входящимъ въ составъ постоянныхъ армій? При разрѣшеніи этого вопроса является такая дилемма, которая ясно указываетъ на невозможность проведенія на практикѣ требованія соблюденія усло-

вія правительственнаго разрѣшенія. Правительственное разрѣшеніе можетъ даваться въ общихъ выраженіяхъ, въ формѣ закона, прокламаціи правительства къ народонаселенію, разрѣшающей каждому гражданину принимать активное участіе въ войнѣ. Подобная прокламація была напр. издана въ 1813 г. прусскимъ правительствомъ; результатъ ея ясенъ: непріятель никогда не признаетъ вооружившихся на ея основаніи гражданъ законными комбатантами, ибо иначе онъ долженъ-бы былъ брать въ плѣнъ каждаго подданнаго враждебнаго ему государства. Правительственное разрѣшеніе можетъ быть дано каждому лицу отдѣльно и служить ему оправдательнымъ документомъ его участія въ военныхъ дѣйствіяхъ; но тогда каждый комбатантъ превращается въ подсудимаго, обязаннаго доказать свою невинность, что противно юридическому правилу: quibusdam praesumitur bonus vir donec probetur contrarium; кромѣ того, не всегда возможно для лица получить такое, лично къ нему адрессованное формальное разрѣшеніе правительства, ибо легко можетъ случиться, что данное лицё находится въ такой мѣстности, сообщеніе между которой и резиденціей центральнаго правительства фактически невозможно, благодаря случайностямъ войны, а мѣстныя власти не имѣютъ уполномочія давать разрѣшенія на участіе въ войнѣ. Наконецъ трудно требовать, чтобы комбатантъ, при всѣхъ случайностяхъ войны, всегда имѣлъ при себѣ такой оправдательный документъ. Всѣ эти соображенія были уже высказаны такимъ сторонникомъ условія правительственнаго разрѣшенія, какъ Гренандеръ [40]), который, осуждая нѣмцевъ за предъявленіе подобнаго требованія къ французскимъ солдатамъ, не говоритъ однако какова, по его мнѣнію, должна быть форма правительственнаго разрѣшенія. Остается одно предположеніе: правительство даетъ формальное разрѣшеніе лишь нѣкоторымъ лицамъ, а эти послѣднія передаютъ его отъ имени правительства другимъ; но и тутъ нѣтъ достаточной гарантіи, чтобы лицё могло дѣйствительно доказать, что оно имѣетъ прави-

[40]) Grenander. op. c. p. 20.

тельственное разрѣшеніе; кромѣ того, такое порученіе правительства частнымъ или даже оффиціальнымъ лицамъ давать отъ его имени разрѣшеніе желающимъ принимать активное участіе въ войнѣ можетъ легко повлечь за собой массу злоупотребленій: примѣръ подобныхъ порученій правительства, въ морской войнѣ,—корсары, снабженные т. н. lettres de marque; долголѣтній опытъ привелъ и практику и теорію къ запрещенію корсарства. Въ теченіи послѣдней франко-прусской войны былъ примѣръ, что оффиціальное лицё, префектъ департамента Котъ д'Оръ, побуждалъ населеніе измѣннически, изъ-за угла подстрѣливать непріятеля. Мы глубоко убѣждены, что французское правительство не могло одобрить подобныхъ распоряженій; но, тѣмъ не менѣе, это дѣлалось отъ имени, слѣдовательно съ подразумѣваемаго разрѣшенія правительства; а въ данномъ случаѣ съ его прямаго разрѣшенія, ибо инціаторомъ подобныхъ мѣръ было правительственное лицё. Понятно отсюда, отчего нѣмцы, признававшіе вообще въ теоріи необходимость правительственнаго разрѣшенія, не отрицавшуюся, впрочемъ, и французскимъ правительствомъ, не желали довольствоваться ни разрѣшеніемъ въ общей формѣ, ни даннымъ какою либо мѣстною властью, а требовали отъ каждаго комбатанта французскихъ войскъ формальнаго и лично къ нему обращеннаго разрѣшенія на участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ; требованіе-же это было не только, какъ мы видѣли сейчасъ совершенно невыполнимымъ и несправедливымъ, но дѣлало фактически невозможнымъ образованіе партизанскихъ отрядовъ и даже формированіе такихъ правительственныхъ войскъ, какъ національная гвардія въ тѣхъ департаментахъ, которые были отрѣзаны непріятельской арміей отъ мѣстопребыванія центральнаго правительства. Слѣдовательно, въ какой бы формѣ правительственное разрѣшеніе не было даваемо, оно всегда влечетъ за собой массу весьма серьезныхъ неудобствъ.—Все это, вмѣстѣ взятое, заставляетъ насъ придти къ заключенію, что не правительственное разрѣшеніе составляетъ необходимое условіе для законнаго комбатанта, а

то внутреннее побужденіе, которое руководитъ имъ при его вступленіи на театръ войны въ качествѣ активнаго дѣятеля.— *Итакъ первымъ и необходимымъ условіемъ для признанія лица законнымъ комбатантомъ является его участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ отъ имени и въ интересахъ того государства, въ ряды комбатантовъ котораго вступаетъ данное лицё.*—Если мы, такимъ образомъ, опредѣлимъ, хотя конечно и неполно, всякаго законнаго комбатанта какъ лицё, принимающее участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ отъ имени и въ интересахъ своего государства, то подъ это опредѣленіе подойдутъ всѣ комбатанты, какъ регулярные, такъ и иррегулярные, и вопросъ о томъ, какому первому и главному условію должно удовлетворять лицё, желающее принимать участіе въ защитѣ своего отечества, будетъ рѣшенъ. Но если это условіе необходимо, то оно далеко еще не достаточно, ибо оно только чисто внутреннимъ образомъ отдѣляетъ комбатанта отъ некомбатанта, для практики-же гораздо важнѣе какое либо иное, внѣшнее различіе. Пока мы не будемъ разсматривать остальныхъ условій, необходимыхъ для признанія лица законнымъ комбатантомъ; а воспользуемся здѣсь случаемъ, чтобы окончательно покончить съ вопросомъ объ условіи правительственнаго разрѣшенія, и скажемъ нѣсколько словъ о томъ какъ понимала это условіе практика. Съ теоріей вопроса, намъ кажется, мы достаточно ознакомились. Основаніе большихъ и цѣльныхъ государствъ, возвышеніе королевской власти и введеніе постоянныхъ армій положило конецъ постояннымъ частнымъ войнамъ феодальнаго періода: на войну начинаютъ смотрѣть мало по малу, какъ на борьбу государствъ при помощи ихъ постоянныхъ армій, и мирные жители пользуются сравнительно болѣе обезпеченнымъ положеніемъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ проникаетъ въ умы убѣжденіе, что жизнь и имущество мирныхъ жителей должны быть щадимы въ теченіи военныхъ дѣйствій, развивается и та мысль, что принимать активное участіе въ войнѣ имѣетъ право только солдатъ, т. е. лицё принадлежащее къ постояннымъ, регулярнымъ военнымъ силамъ государ-

ства.—Всякое участіе мирнаго населенія, или вообще лицъ не военныхъ, въ войнѣ считается преступленіемъ и наказуется какъ таковое. Наполеонъ I въ теченіи всѣхъ своихъ войнъ не признавалъ законными комбатантами даже такихъ лицъ, которыя дѣйствовали по приглашенію своего правительства въ качествѣ волонтеровъ, или партизановъ; такъ онъ поступалъ съ Испанскими гверильясами въ 1809 г., съ отрядами Андрея Гофера, съ русскими партизанами (разстрѣляніе Сеславина), съ прусскими отрядами Лютцова и Шилля. [41]) Правда, что съ другой стороны, нѣкоторыя правительства, какъ напр. испанское (юнты) и прусское понимали партизанскую войну, какъ войну изъ-за угла, какъ убійство по мѣрѣ возможности и всѣми средствами возможно бо́льшаго количества непріятеля. Прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ, призывая свой народъ къ поголовному возстанію, прямо совѣтуетъ отдѣльнымъ лицамъ не надѣвать какихъ либо отличительныхъ знаковъ, чтобы удобнѣе и безопаснѣе для себя нападать на непріятеля [42]). Въ свою очередь, союзники, вторгнувшіеся во Францію, издаютъ прокламаціи къ населенію, призывая его спокойно оставаться на своихъ мѣстахъ, или вступать въ ряды регулярной арміи, но отнюдь, даже съ разрѣшенія своего правительства, не формировать какихъ-либо партизанскихъ отрядовъ, подъ страхомъ тяжелыхъ репрессалій [43]).

Послѣдующія войны: Австро-Прусская и Крымская компаніи не даютъ намъ какихъ либо интересныхъ для даннаго вопроса фактовъ, ибо онѣ велись исключительно регулярными арміями и потому не могли возбудить вопроса о правитель-

---

[41]) См. Мартенсъ—«Междунар. Право». II стр. 479; *Napier.* «Histoire de la guerre dans la Pininsule»—trad. Dumas t. I. p. 59; 208; 210; 217; t. IV. p. 58; 81. t. V. p. 13, 16, 286; 295. t. VII. p. 371. t. IX. p. 393; t. X. p. 116; Мартенсъ «Восточная Война» стр. 423.

[42]) См. Гренандеръ—шведское изд. приложеніе II. и *Calvo* «Droit International». II § 839. p. 119.

[43]) *Droop.* «On the relation etc». p. 712; Мартенсъ. «Восточная Война» стр. 424; Calvo. II § 840. p. 121.

ственномъ разрѣшеніи. Напротивъ того, въ итальянскую войну, за независимость и объединеніе Италіи, партизанскій отрядъ Гарибальди, дѣйствовавшій съ разрѣшенія сардинскаго правительства былъ разсматриваемъ, какъ законно участвовавшій въ военныхъ дѣйствіяхъ обѣими воюющими сторонами.— Наиболѣе интересной является война 1870—1871 гг. между Франціей и Германіей; тутъ въ-первые было высказано съ нѣмецкой стороны требованіе, чтобы каждый комбатантъ былъ снабженъ лично къ нему обращеннымъ и формальнымъ разрѣшеніемъ своего правительства: „главнокомандующій извѣщаетъ жителей округа, что всякій плѣнный, чтобы имѣть право на обращеніе съ нимъ, какъ съ военноплѣннымъ, долженъ доказать свое званіе французскаго солдата предъявленіемъ, лично къ нему адрессованнаго приказа своего законнаго правительства, указывающаго на то, что онъ призванъ подъ знамена согласно этому приказу и внесенъ въ списки французскимъ правительствомъ организованнаго военнаго отряда“...[44]). Впрочемъ, нѣкоторые нѣмецкіе генералы шли еще дальше въ своихъ требованіяхъ, и открыто не признавали вольныхъ стрѣлковъ, даже организовавшихся въ отряды съ согласія своего правительства, за законныхъ комбатантовъ; такъ, генералъ Вехденъ издалъ прокламацію отъ 31-го авг. 1870 г. къ жителямъ, въ которой прямо указываетъ на то, что вольные стрѣлки приравниваются имъ къ разбойникамъ [45]). Французское правительство неоднократно протестовало противъ такихъ безчеловѣчныхъ заявленій нѣмцевъ, указывая на то, что отряды вольныхъ стрѣлковъ, согласно декрету правительства національной обороны отъ 29-го сентября 1870 г. и подобному декрету 4-го ноября 1870 г. [46]), находились подъ главнымъ контролемъ военнаго министерства и числились въ составѣ французской арміи, слѣдовательно имѣли

[44]) См. *Grenander* шведск. изд. приложеніе M. и Revue de Dr. Intern. 1871 p. 312.

[45]) См. *Grenander* приложеніе L. и Revue de Dr. Intern. 1870 p. 663.

[46]) См. *Grenander* приложенія P и Q. также у Guelle-Précis. I.

правительственное разрѣшеніе; однако протесты эти въ большинствѣ случаевъ оставались безплодными и нѣмцы продолжали смотрѣть на вольныхъ стрѣлковъ, какъ на бандитовъ. Нисколько не желая оправдывать дѣйствія военныхъ властей германской арміи, дѣйствій, вызвавшихъ въ свое время цѣлую бурю негодованія среди всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, мы должны однако признать, что объясненіе жестокихъ мѣръ нѣмцевъ, по отношенію къ вольнымъ стрѣлкамъ, надо отчасти приписать и самому поведенію этихъ комбатантовъ и тѣмъ взглядамъ, которые часто выражались французской прессой и даже оффиціальными лицами на обязанности вольныхъ стрѣлковъ: достаточно вспомнить вышеприведенный нами примѣръ французскаго префекта Котъ д'Оръ, смотрѣвшаго на вольныхъ стрѣлковъ, какъ на патріотическихъ убійцъ, и побуждавшаго населеніе своего департамента къ вѣроломному убійству нѣмецкихъ солдатъ. Достаточно прочитать статью Rollin-Jaequemyns [47]) о франко-прусской войнѣ, гдѣ онъ приводитъ газетныя мнѣнія и нѣкоторые факты, подобные разсказанному у него, возникновенію въ Ліонѣ отряда вольныхъ стрѣлковъ „Les enfants perdus du Rhône", образованнаго подъ видомъ акціонерной компаніи для грабежа непріятельскихъ транспортовъ, чтобы убѣдиться, что и съ французской стороны далеко не такъ смотрѣли на вольныхъ стрѣлковъ, какъ это допускается современнымъ правомъ войны. — Послѣдняя русско-турецкая война не представляетъ въ данномъ вопросѣ ничего особенно интереснаго. Замѣтимъ, однако, что русскія войска всегда смотрѣли на баши-бузуковъ и на прочія иррегулярныя турецкія войска, какъ на законныхъ комбатантовъ, не смотря на вопіющія звѣрства ими совершаемыя [48]). — Изъ всего сказаннаго легко замѣтить, что практика войны никогда не видѣла въ правительственномъ разрѣшеніи условія, необходимаго

---

[47]) См. *Revue de Dr. Int.* 1871 p. 308; 319; 320.

[48]) См. *Мартенсъ* «Восточная война и Брюссельская конференція» стр. 440 и выше.

и достаточнаго для признанія лица законнымъ комбатантомъ; а въ тѣхъ случаяхъ, когда это условіе считалось необходимымъ, выполненіе его было всегда почти невозможно, и не только не являлось гарантіей для лица въ томъ, что оно будетъ признано со стороны непріятеля законнымъ комбатантомъ, но только вело къ безконечнымъ спорамъ, къ взаимнымъ обвиненіямъ обѣихъ воюющихъ сторонъ. Практика русско-турецкой войны шла инымъ путемъ: она предполагала въ каждомъ вооруженномъ и болѣе или менѣе обмундированномъ отрядѣ не грабителей и убійцъ, а защитниковъ своего отечества, и такой взглядъ не только заставляетъ насъ преклониться передъ дисциплиной и гуманностью нашихъ войскъ, но и наглядно доказываетъ намъ, что гуманность никогда не мѣшаетъ побѣдѣ. Итакъ, и съ точки зрѣнія практики, и съ точки зрѣнія теоріи, условіе правительственнаго разрѣшенія не можетъ быть признано условіемъ необходимымъ для признанія лица законнымъ комбатантомъ; дѣйствительно-же безусловно необходимымъ является условіе, чтобы лицё, участвующее въ военныхъ дѣйствіяхъ дѣлало-бы это отъ имени и въ интересахъ своего государства; это является логическимъ слѣдствіемъ принципа, что война есть отношеніе государства къ государству и должна вестись при помощи только государственныхъ органовъ, а не частныхъ лицъ. Въ самомъ дѣлѣ, является-ли комбатантъ органомъ своего правительства, или органомъ народной самообороны, онъ въ обоихъ случаяхъ есть государственный органъ, если цѣль, преслѣдуемая имъ на войнѣ есть цѣль государственная, и если онъ воюетъ отъ имени государства; наоборотъ, всякое лицё, берущееся за оружіе, исключая, конечно, случая необходимой обороны, изъ-за какихъ либо иныхъ побужденій, изъ-за личной-ли мести, или изъ корысти, не можетъ быть признанъ государственнымъ органомъ; какъ въ глазахъ международнаго права, такъ и въ глазахъ права уголовнаго, онъ преступникъ, разбойникъ, или бандитъ, и долженъ по справедливости подлежать наказанію не только со стороны непріятеля, но и со стороны собствен-

наго правительства.—Выставляемое нами условіе даетъ, однако, только чисто внутреннее опредѣленіе комбатанта, для практики-же гораздо важнѣе какое либо внѣшнее отличіе, согласно которому можно было-бы опредѣлить, кто комбатантъ и кто некомбатантъ наглядно, съ перваго взгляда; кромѣ того, лица, дѣйствительно желающія быть органами обороны государства, принуждены самыми современными условіями войны выступать въ бой не безформенной массой, а въ видѣ извѣстнаго іерархически - устроеннаго, дисциплинированнаго и вооруженнаго отряда подъ начальствомъ извѣстного одного лица, иначе, не только ихъ усилія сопротивляться непріятелю будутъ безплодны. но послѣдній еще и въ правѣ будетъ предположить, что сопротивляющіяся ему лица не суть государственные органы, а простая шайка разбойниковъ. Лицё, стоящее во главѣ такого отряда является съ одной стороны отвѣтственнымъ за дѣйствія свои и своихъ подчиненныхъ передъ непріятелемъ, такъ-какъ только при такой отвѣтственности начальниковъ можно ожидать дисциплины и соблюденія законовъ и обычаевъ войны всѣми лицами, входящими въ составъ отряда, и только эта отвѣтственность начальника за подчиненныхъ можетъ оградить, въ случаѣ нарушенія отрядомъ законовъ войны, всѣхъ членовъ отряда отъ коллективной отвѣтственности и коллективныхъ репрессалій, что безполезнымъ образомъ увеличиваетъ кровопролитность и жестокость войны. Кромѣ того, начальники отрядовъ должны быть отвѣтственными и передъ своимъ правительствомъ, что впрочемъ нисколько еще не предполагаетъ наличности правительственнаго разрѣшенія. Въ самомъ дѣлѣ, органы самоуправленія организуются и функціонируютъ независимо отъ правительственной власти, но они отвѣтственны передъ нею за тѣ дѣйствія, которыя клонятся къ ущербу государства и его правительства, ибо недопускать этого контроля правительства, значитъ не признавать вообще правительственной власти; отсюда, такъ какъ дѣйствія иррегулярныхъ войскъ должны стремиться къ той-же цѣли, что и дѣйствія войскъ регулярныхъ, правительственныхъ, то понятно,

что дѣйствія партизанскихъ отрядовъ должны быть поставлены подъ контроль военныхъ правительственныхъ властей.— Не трудно отсюда заключить, каковы должны быть тѣ внѣшнія условія, которымъ должно удовлетворять лицё, желающее быть признаннымъ законнымъ комбатантомъ. Прежде всего, каждое такое лицё должно принадлежать къ какому-либо военнымъ образомъ организованному отряду, такъ-какъ, если въ извѣстныхъ частныхъ случаяхъ оно и можетъ выступить противъ врага единолично, въ качествѣ развѣдчика, передоваго пикета и т. п., то, вообще говоря, активнымъ защитникомъ своего государства оно можетъ явиться только, какъ часть извѣстнаго цѣлаго отряда, а этотъ отрядъ въ свою очередь, какъ часть другого, бо́льшаго цѣлаго, вооруженныхъ силъ государства. Отрядъ, къ которому, такимъ образомъ, долженъ принадлежать каждый комбатантъ, долженъ быть военнымъ образомъ организованъ, т. е. имѣть извѣстное начальное лицё съ іерархической лѣстницей ему подчиненныхъ, долженъ соблюдать военную дисциплину и быть вооруженнымъ. —Необходимость извѣстной военной организаціи комбатантовъ вытекаетъ какъ изъ чисто военныхъ соображеній, такъ и изъ самаго опредѣленія комбатантовъ, какъ органовъ защиты государства. Съ международно-правовой точки зрѣнія, военная организація и дисциплина являются одними изъ лучшихъ гарантій соблюденія комбатантами законовъ и обычаевъ войны. Наконецъ отрядъ долженъ быть обмундированъ, т. е. каждый комбатантъ долженъ носить извѣстный внѣшній знакъ, отличающій его prima facie отъ некомбатанта; это условіе весьма важное, ибо оно даетъ возможность непріятелю судить о томъ, имѣетъ-ли онъ дѣло съ законнымъ комбатантомъ, или съ мирнымъ жителемъ, взявшимся за оружіе случайно и желающимъ воспользоваться случаемъ, чтобы безнаказанно убить измѣнническимъ образомъ врага, щадящаго его жизнь именно потому, что онъ мирный житель. Отсутствіе такого отличительнаго для комбатантовъ знака повело-бы къ двумъ, равнымъ образомъ прискорбнымъ послѣдствіямъ: или врагъ сталъ-бы

разсматривать каждаго непріятельскаго подданнаго, какъ законнаго врага и обращаться съ нимъ, какъ съ таковымъ, т. е. убивать при сопротивленіи и брать въ плѣнъ, или-же тотъ-же непріятель сталъ-бы смотрѣть на каждаго вооруженнаго человѣка, какъ на мирнаго жителя, нарушающаго свои международныя обязанности, и обращался-бы съ нимъ, какъ съ разбойникомъ. Поэтому, нѣкоторые писатели, какъ напр. Ролленъ-Жакменъ смотрятъ на мундиръ, какъ на первое и самое необходимое условіе, которое должно быть выполнено законнымъ комбатантомъ. Всѣ эти условія были въ болѣе или менѣе одинаковой формѣ высказаны современными писателями по международному праву; наиболѣе удачной ихъ формулировкой надо признать ту, которая дана Брюссельской декларацiей и затѣмъ вошла въ Manuel de l'Institut и въ сочиненія всѣхъ авторовъ, писавшихъ по данному вопросу съ 1874 г. Брюссельская декларація гласитъ [49]):

„Ст. 9. Военные законы, права и обязанности присвоиваются не только арміи, но также ополченіямъ и отрядамъ волонтеровъ, если послѣдніе соединяютъ въ себѣ нижеслѣдующія условія:

1) чтобы во главѣ ихъ находилось лицё, отвѣтственное за своихъ подчиненныхъ;
2) чтобы имъ было присвоено извѣстное форменное и притомъ легко различаемое отличіе;
3) чтобы они открыто носили оружіе;
4) чтобы въ своихъ военныхъ дѣйствіяхъ строго подчинялись законамъ и обычаямъ войны.—Въ тѣхъ странахъ, гдѣ изъ ополченія образуется армія, или гдѣ оно составляетъ часть оной, ополченію присвоивается названіе арміи".

Какъ видно, Брюссельская декларація говоритъ здѣсь лишь о т. н. иррегулярныхъ комбатантахъ, признавая, что

---

[49]) Переводъ Мартенса «Восточная война и Брюссельская конференція» приложеніе стр. 22.

солдаты регулярныхъ армій eo ipso законные комбатанты. Это объясняется тѣмъ, что никогда никто и не думалъ возражать противъ такого взгляда и именно потому, что всѣ выставляемыя Брюссельской декларацiей условія eo ipso выполняются регулярными арміями и ихъ солдатами. Слѣдовательно, говоря объ условіяхъ, необходимыхъ для признанія законнымъ комбатантомъ лицъ, входящихъ въ составъ иррегулярныхъ войскъ, мы говоримъ объ условіяхъ вообще необходимыхъ для каждаго законнаго комбатанта. Нѣкоторыя измѣненія происходятъ только при т. н. поголовныхъ возстаніяхъ. — Перейдемъ теперь къ подробному разбору этихъ внѣшнихъ условій, исполненіе которыхъ требуется отъ законныхъ комбатантовъ; при этомъ разборѣ въ основаніе порядка ихъ изложенія мы возьмемъ Брюссельскую декларацію.

I-ое условіе: *всякій комбатантъ долженъ принадлежать къ какому-либо военнымъ образомъ организованному отряду, находящемуся подъ начальствомъ отвѣтственнаго предводителя.* Это условіе, выраженное въ болѣе или менѣе одинаковой формѣ мы находимъ у всѣхъ новѣйшихъ писателей по международному праву [50]); но, замѣтимъ, что почти вездѣ о немъ только упоминается, но не приводятся ни доводы, объясняющіе его принятіе, ни какія-либо его подробныя поясненія. Нѣкоторые писатели, признающіе условіе правительственнаго разрѣшенія не смотрятъ даже на подчиненіе партизанскихъ отрядовъ отвѣтственнымъ начальникамъ, какъ на самостоятельное условіе, а какъ на само

---

[50]) Blüntschli «Das moderne Völkerrecht» § 570; 570a.; *Fiore.* (Antoine) III. p. 117. § 1313; *Lueder* въ Hndbch. *Holzendorff*'s. IV p. 378; *Droop* «On the relation etc.» p. 715; 720; *Grenander* op. c. p. 29; *Rollin-Jacquemyns* Revue de Droit Intern. 1871. p. 309; *Guelle* «Précis» I. p. 75 и «Guerre continentale» p. 45. *Lentner* «Das Recht im Kriege» p. 74; *Pillet* «le droit de la guerre» p. 124; *Мартенсъ* «Международное право» II. стр. 480; *«Восточная Война»* стр. 428.

собою понятное слѣдствіе правительственнаго разрѣшенія [51]. Блюнчли [52]), говоря о партизанскихъ отрядахъ, ставитъ имъ необходимымъ условіемъ для признанія ихъ законности, условіе, чтобы они были подчинены отвѣтственнымъ за дѣйствія своихъ подчиненныхъ предводителямъ и чтобы они представляли изъ себя военнымъ образомъ организованные отряды; такого же мнѣнія и Друпъ. *Гель* нѣсколько видоизмѣняетъ это условіе, говоря: „партизанскіе отряды должны быть іерархически организованы и находится въ зависимости по крайней мѣрѣ отъ командующаго арміей"; такимъ образомъ, онъ прямо указываетъ на необходимость извѣстной связи, извѣстнаго подчиненія иррегулярныхъ войскъ, начальству регулярной арміи, чего, по нашему мнѣнію, не требуютъ ни Блюнчли, ни Друпъ, такъ-какъ отвѣтственность предводителей партизанскихъ отрядовъ можетъ заключаться въ отвѣтственности этихъ лицъ передъ военными законами и въ подсудности ихъ военнымъ судамъ, и вовсе не предполагаетъ извѣстнаго подчиненія военному начальству регулярной арміи. Мы совершенно согласны съ тѣмъ, что общая польза требуетъ единства операцій всѣхъ, регулярныхъ и иррегулярныхъ силъ государства; мы признаемъ, что фактически подчиненіе партизановъ высшему начальству регулярной арміи можетъ быть требуемо правительствомъ въ видахъ стратегическихъ, тактическихъ и даже въ видахъ внутренняго спокойствія и благоустройства страны, но, намъ кажется, что такое подчиненіе партизановъ правительственному военному начальству вовсе не требуется для признанія законности этихъ партизановъ; что дѣйствительно необходимо, это то, чтобы всякій комбатантъ дѣйствовалъ не единолично, а какъ часть извѣстнаго цѣлаго, извѣстнаго отряда, и чтобы этотъ отрядъ являлся органомъ государственной обороны, а не органомъ личныхъ

---

[51]) *Grenander* op. c. p. 29; *Rollin-Jacquemyns* Revue. 1871. p. 309

[52]) Всѣ цитированные авторы и соотвѣтствующія мѣста нами указаны въ началѣ разбора этого 1-го условія.

интересовъ составляющихъ его лицъ. Контролировать этотъ государственный характеръ партизанскихъ отрядовъ долженъ не только непріятель, но и само правительство того государства, въ интересахъ котораго дѣйствуетъ данный партизанскій отрядъ. Всякій комбатантъ есть государственный органъ, слѣдовательно, онъ несетъ извѣстную отвѣтственность передъ государствомъ и его правительствомъ; такъ какъ комбатантъ по существу своему есть органъ военный, то и отвѣтственность эта опредѣляется военными законами. Слѣдовательно каждый регулярный или иррегулярный комбатантъ долженъ быть подчиненъ, во-первыхъ, извѣстному военнымъ образомъ іерархически устроенному начальству и, во-вторыхъ, подсуденъ военнымъ законамъ своей страны. Но изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобы каждый партизанскій отрядъ имѣлъ во главѣ правительственнаго офицера, какъ то предполагаютъ Друпъ, Rollin-Jacquemyns и Блюнчли [53]), и какъ того требовало нѣмецкое военное начальство отъ французскихъ вольныхъ стрѣлковъ въ войну 1870—1871 гг. [54]), или, чтобы онъ былъ подчиненъ главному начальству арміи, какъ того требуетъ Гель. Случайности войны легко могутъ намъ представить такой случай, что иррегулярные отряды формируются въ такое время и въ такой мѣстности, гдѣ или совершенно нѣтъ правительственныхъ, регулярныхъ войскъ, или-же сообщеніе съ ними невозможно; это именно имѣло мѣсто въ франко-прусскую войну въ Арденахъ, послѣ сдачи французской арміи при Седанѣ. Если въ такихъ условіяхъ образуется народная оборона подъ видомъ партизанскихъ отрядовъ, организованныхъ военнымъ

---

[53]) Droop., Rollin-Jacquemyns, Blüntschli—l. c.

[54]) См. *Гренандеръ* op. cit. p. 29. note 4. Нѣмцы требовали, чтобы французскіе вольные стрѣлки были поставлены подъ начальство офицеровъ арміи и подчинены французскимъ военнымъ законамъ. Французское правительство, не признавая законнымъ такого требованія, фактически съ нимъ согласилось изъ-за политическихъ видовъ и издало рядъ декретовъ, подчиняющихъ вольныхъ стрѣлковъ военному министерству и командирамъ корпусовъ. (См. эти декреты у Гренандера. Прибавленія P; Q; R.).

образомъ, подъ начальствомъ выбранныхъ самимъ населеніемъ лицъ, если эти отряды носятъ извѣстный отличительный знакъ, соблюдаютъ законы и обычаи войны и воюютъ изъ-за политическихъ цѣлей, то, намъ кажется, этого вполнѣ достаточно для признанія ихъ законными комбатантами. Намъ кажется достаточнымъ требованіе, чтобы иррегулярные комбатанты образовали изъ себя іерархически военнымъ образомъ организованные отряды съ отвѣтственнымъ предводителемъ во главѣ, не входя въ разборъ вопроса кто долженъ быть такимъ предводителемъ; достаточно только, чтобы онъ являлся отвѣтственнымъ за дѣйствія своего отряда передъ своимъ правительствомъ согласно военнымъ законамъ своего государства, и чтобы, съ другой стороны, за всѣ нарушенія законовъ и обычаевъ войны его подчиненными, онъ подвергался-бы отвѣтственности передъ военнымъ начальствомъ непріятельской арміи. Эта послѣдняя отвѣтственность предводителя за подчиненныхъ, съ одной стороны, можетъ служить наилучшей гарантіей соблюденія законовъ и обычаевъ войны иррегулярными отрядами, а съ другой стороны, ограничивая отвѣтственность за эти правонарушенія одними начальствующими лицами, дѣлаетъ возможнымъ для непріятеля ограничить ими свои репрессаліи и можетъ вывести изъ военной практики такіе ужасные факты, какъ поголовныя разстрѣлянія цѣлыхъ отрядовъ вольныхъ стрѣлковъ, практиковавшіеся нѣмецкими войсками въ войну 1870—1871, дѣйствія открыто рекомендованныя кн. Бисмаркомъ [55]). Поэтому наиболѣе удачной формулировкой этого перваго условія, предъявляемаго правомъ войны къ законному комбатанту намъ представляется та, которая дана ему Брюссельской деклараціей и повторена у большинства авторовъ [56]). — Намъ кажется, что самое положеніе, что

---

[55]) *Мартенсъ* «Восточная война» стр. 63; 425; *Busch* «Graf. Bismark und seine Leute» I. 71; 257; 304; 363; II. 170 — Бисмаркъ сказалъ плѣннымъ вольнымъ стрѣлкамъ: «vous serer tous pendus, vous n'êtes pas soldats, vous êtes des assassins».

[56]) *Брюсс. Декл.* п. 9; *Мартенсъ* «Совр. Межд. Право», «Восточная война», Leutner, Fiore, Pillet, Lueder,—l. c.

отряды должны быть подчинены извѣстнымъ начальствующимъ и отвѣтственнымъ лицамъ, уже подразумѣваетъ извѣстную военную организацію отряда, т. е. соблюденіе извѣстной военной дисциплины и іерархическую ступень второстепенныхъ начальниковъ, болѣе или менѣе развитую, смотря по численности отряда. Фіоре [57]), добавляетъ еще, что отряды должны быть состоящими изъ извѣстнаго числа лицъ, меньше котораго такой отрядъ не можетъ серьезно претендовать на активное участіе въ войнѣ; но на это весьма дѣльно возражаетъ переводчикъ и коментаторъ Фіоре, Антуанъ, что такое ограниченіе, поставленное въ принципѣ, можетъ повести къ весьма нежелательнымъ слѣдствіямъ, ибо непріятель легко можетъ отказать партизанамъ въ правахъ законныхъ комбатантовъ подъ предлогомъ ихъ малочисленности; а сказать заранѣе, какое число лицъ должно разсматривать, какъ достаточное для образованія отряда—невозможно; наконецъ легко можетъ быть, что большой даже отрядъ высылаетъ впередъ небольшой авангардъ и въ этомъ случаѣ то-же лицё, которое будучи захвачено въ плѣнъ со всѣмъ отрядомъ пользовалось-бы правами законнаго комбатанта, будучи взято въ плѣнъ вмѣстѣ съ тремя, четырьмя товарищами окажется разбойникомъ.

Переходимъ теперь ко второму и весьма важному условію, формулированному Брюссельской декларацiей такъ: „*партизанамъ должно быть присвоено извѣстное форменное и притомъ легко различаемое отличіе*. Легко замѣтить сразу, что это условіе всегда является выполненнымъ по отношенію къ регулярнымъ войскамъ и что оно безусловно необходимо для всякаго законнаго комбатанта (исключая случая поголовнаго возстанія, да и то, намъ лично кажется, что и въ этомъ случаѣ оно можетъ быть исполнено и принести существенную пользу). Дѣйствительно, примемъ-ли мы за первое и самое важное условіе для признанія лица законнымъ комбатантомъ, условіе его участія въ войнѣ во имя и отъ имени своего госу-

---

[57]) Fiore § 1313 p. 115.

дарства, или признаемъ съ другими авторами такимъ необходимымъ и самымъ важнымъ условіемъ — правительственное разрѣшеніе, въ обоихъ случаяхъ этихъ условій еще недостаточно [58]); оба они суть условія скорѣе внутреннія, даютъ намъ юридическое основаніе для признанія законности даннаго комбатанта, но нисколько еще внѣшнимъ образомъ не оказываютъ на его военныя свойства.—Цѣль всѣхъ условій, предъявляемыхъ международнымъ правомъ къ законнымъ комбатантамъ состоитъ съ одной стороны въ томъ, чтобы, сохраняя принципъ, что война есть отношеніе государства къ государству, дать тѣмъ не менѣе законную возможность народонаселенію воюющихъ государствъ непосредственно проявлять свой патріотизмъ въ военныхъ дѣйствіяхъ своего государства и содѣйствовать достиженію его политическихъ цѣлей; съ другой стороны, эти условія имѣютъ въ виду строго отдѣлить мирную часть населенія отъ той, которая принимаетъ активное участіе въ войнѣ, и свести такимъ образомъ военныя дѣйствія непріятеля только къ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ этой послѣдней части, — комбатантовъ. Если, съ одной стороны, всякая вторгающаяся въ другую страну враждебная ей армія обязана, согласно совершенному праву войны, ограничивать свои враждебныя дѣйствія только противъ организованныхъ военныхъ силъ государства, регулярныхъ и иррегулярныхъ, щадя жизнь и имущество мирныхъ гражданъ, то, съ другой стороны, эта армія въ правѣ требовать, чтобы только военные государственные органы являлись ея противниками, и она должна быть въ состояніи, какъ для собственной безопасности такъ и для самой возможности соблюденія съ своей стороны, законовъ и обычаевъ войны, имѣть возможность съ перваго

---

[58]) Если Гефтеръ: «Европейское международное право» Спб. 1880 § 124 и выставляетъ правительственное разрѣшеніе необходимымъ и достаточнымъ условіемъ, то это можно только объяснить неразработанностью въ его время вопроса объ условіяхъ законности комбатантовъ; но самой поверхностной критики достаточно, чтобы понять насколько такое положеніе въ концѣ концевъ ничего не опредѣляетъ и не гарантируетъ.

взгляда отличать комбатантовъ отъ некомбатантовъ. Поэтому, всѣ современные писатели, каковъ бы не былъ въ остальномъ ихъ взглядъ на условія законности комбатантовъ, единогласно выставляютъ условіе, ношеніе комбатантами извѣстнаго имъ однимъ присвоеннаго отличительнаго знака—мундира, какъ условіе вполнѣ необходимое и допускающее исключеніе только въ случаѣ поголовнаго возстанія всей страны, или извѣстной ея части [59]).—Если имѣть въ виду только, такъ сказать, внѣшнія условія, необходимыя для признанія законности комбатанта, т. е. внѣшній его военный видъ, военную организацію отрядовъ комбатантовъ съ извѣстными отвѣтственными начальниками во главѣ, открытое ношеніе ими оружія и соблюденія законовъ и обычаевъ войны, то можно согласиться съ Rollin Jaequemyns [60]), считающимъ самымъ важнымъ изъ этихъ условій извѣстную военную внѣшность комбатантовъ, ношеніе ими извѣстнаго мундира. Въ самомъ дѣлѣ, ни одинъ изъ этихъ признаковъ такъ рѣзко не отличаетъ комбатанта отъ некомбатанта, такъ выразительно и ясно не указываетъ на его свойства, какъ законнаго противника въ глазахъ непріятеля, какъ именно мундиръ; отдѣльная личность, захваченная въ плѣнъ имѣетъ возможность доказать непріятелю, что она есть часть военныхъ силъ государства, именно только тѣмъ, что она носитъ этотъ мундиръ. Соблюденіе ею законовъ и обычаевъ войны, не можетъ служить достаточнымъ критеріумомъ, такъ-какъ подлежитъ часто фактически невозможной провѣркѣ и во всякомъ случаѣ можетъ вызвать много весьма

---

[59]) *Blüntschli* «Modernes Völkerrecht» § 570a; *Lueder* въ Holzendorff's Handbuch IV. § 93 s. 381—382; *Grenander* op. cit. p. 22—29; *Guelle* «Précis». I p. 76—78; «Guerre continentale» p. 45—46; *Lentner* «Das Recht im Kriege» p. 74; *Rollin-Jacquemyns* «Revue 1870 p. 661 и 184 p. 310 *Fiore* — «Nouveau droit Internat.» § 1313. p. 116—но не такъ безусловно въ пользу мундира, какъ остальные, *Lieber* «Instructions» .... Sec. IV. art. 81—требуетъ ношенія партизанами мундира ихъ армій; *Droop* op. cit. p. 716; *Мартенсъ*—«Современное Международное Право» II p. 480—481.

[60]) Revue 1870 p. 663.

нежелательныхъ для каждой отдѣльной личности споровъ и подозрѣній. Ношеніе открыто оружія также не есть достаточный признакъ законности даннаго комбатанта, такъ какъ оно нисколько еще не указываетъ на то, что это ношеніе оружія имъ, имѣетъ своею цѣлью защиту государственныхъ интересовъ; наконецъ, принадлежность лица къ извѣстному іерархически и военнымъ образомъ организованному отряду часто также не можетъ быть ясно доказано отдѣльной личностью. Напротивъ того, ношеніе извѣстнымъ лицемъ мундира ставитъ внѣ сомнѣнія его желаніе выступить въ роли комбатанта; надѣвая мундиръ, лицё тѣмъ самымъ отказывается отъ преимуществъ положенія мирнаго жителя, принимаетъ на себя всѣ невыгодныя стороны комбатанта и потому должно пользоваться и его правами. Мундиръ, какъ это слово понимаетъ международное право, не есть извѣстная *полная форма* платья присвоенная однимъ военнымъ. Достаточно какого либо одного внѣшняго знака, общаго всѣмъ лицамъ, составляющимъ изъ себя военный отрядъ [61]); но за-то этотъ знакъ долженъ обладать двумя свойствами, необходимость которыхъ вытекаетъ изъ самаго смысла, изъ самой цѣли, преслѣдуемой ношеніемъ этого отличительнаго знака. Непріятель долженъ быть въ состояніи съ разу, какъ только онъ замѣтитъ извѣстное лицё, или группу лицъ, опредѣлить принадлежитъ-ли онъ къ категоріи комбатантовъ или некомбатантовъ, чтобы согласно этому дѣйствовать тѣмъ или другимъ образомъ; поэтому мундиръ долженъ состоять изъ извѣстнаго отличительнаго знака, легко усматриваемаго на достаточно далекомъ разстояніи; самое разстояніе это обыкновенно опредѣляютъ, какъ разстояніе ружейнаго выстрѣла [62]), но такое опредѣленіе, будучи весьма измѣн-

---

[61]) *Lieber* «Instructions» .. .считаетъ обязательнымъ для партизановъ ношеніе ими военнаго мундира ихъ арміи; иного взгляда на мундиръ, какъ только на отличительный знакъ держатся: *Lueder* Hlzd. IV. s. 281—382 *Geffken*—примѣч. къ Гефтеру § 124a Note 2; *Rollin-Jacquemyns* Revue 1870 p. 661; *Guelle* «Précis» p. 76.

[62]) См. *Lueder* l. c.

чивымъ съ постояннымъ увеличеніемъ дальнобойности ружей, должно быть измѣнено, по нашему мнѣнію, и намъ кажется достаточнымъ опредѣлить мундиръ, какъ извѣстный отличительный знакъ, легко различаемый невооруженнымъ глазомъ на разстояніи нормальнаго зрѣнія [63]). Затѣмъ, мундиръ долженъ быть знакомъ *постояннымъ* [64]), т. е. не легко скрываемымъ, или снимаемымъ, дабы лице его носящее не могло являться, смотря потому, выгодно это для него или нѣтъ, то въ роли комбатанта, то некомбатанта; такое поведеніе, являясь недобросовѣстнымъ способомъ веденія войны, неминуемо повлечетъ за собой репрессаліи со стороны непріятеля, которыя легко могутъ отразиться невыгодно и на мирномъ населеніи. Требованіе такихъ свойствъ мундира было предъявлено въ войну 1870 — 71 г. нѣмецкими властями къ французскимъ солдатамъ національной гвардіи: кн. Бисмаркъ указывалъ, что синяя блуза, будучи національнымъ костюмомъ французскаго сельскаго и рабочаго класса, не можетъ считаться военнымъ мундиромъ этихъ войскъ, хотя-бы и съ присвоенной ей въ данномъ случаѣ отличительной перевязью на рукавѣ, ибо эта перевязь, этотъ отличительный знакъ комбатанта отъ некомбатанта, можетъ быть видима лишь на близкомъ разстояніи и легко можетъ быть снимаема и снова надѣваема. Французское правительство, стараясь доказать что мундиръ національной гвардіи достаточно удовлетворяетъ этимъ требованіямъ, не только не оспаривало принципіальную вѣрность нѣмецкаго требованія, но implicite подтвердило его [65]).—Итакъ, мундиръ, есть отличительный знакъ присвоенный комбатантамъ, постоянный (fixe) и видимый простымъ глазомъ на достаточное разстояніе. Знакъ этотъ обязателенъ для всякаго лица, желаю-

---

[63]) См. въ этомъ смыслѣ *Гренандера* op. cit. p. 26.

[64]) См. *Grenander* op. cit. p. 26; *Guelle* «Precis» p. 76.

[65]) См. *Grenander* op. cit. p. 22—23 телеграмма Бисмарка и отвѣтъ князя де Ла-Туръ д'Овернь; *Rollin-Jacquemyns* Revue 1870 p. 661 *Guelle* «Précis» p. 77.

щаго выступить въ роли законнаго комбатанта, ибо онъ, съ одной стороны, указываетъ на намѣреніе лица принимать активное участіе въ войнѣ въ интересахъ и отъ имени своего государства и есть внѣшній признакъ этого намѣренія; съ другой-же стороны, отличая внѣшнимъ образомъ комбатанта отъ некомбатанта, дѣлаетъ возможнымъ соблюденіе обѣими воюющими сторонами законовъ и обычаевъ войны. Нѣкоторые писатели, какъ, напримѣръ, Блюнчли [66]) и Друпъ [67]), указываютъ на невозможность въ короткое время снабдить цѣлую армію такимъ отличительнымъ знакомъ, на преимущество, которое возникаетъ, такимъ образомъ, для государствъ большихъ и богатыхъ, сравнительно съ мелкими и бѣдными, и находятъ возможнымъ установить обязательное ношеніе мундира лишь для небольшихъ отрядовъ, ибо большіе, по ихъ словамъ, уже самой своею численностью достаточно указываютъ на свой характеръ комбатантовъ. Противъ такого мнѣнія весьма основательно возражаетъ Rollin-Jacquemyns [68]), говоря, что, если не считать случая поголовнаго возстанія, то трудно представить себѣ организованный и дисциплинированный вооруженный отрядъ и въ то-же время поставленный въ такія стѣснительныя матеріальныя условія, что онъ не можетъ надѣть какой либо отличительный знакъ, тѣмъ болѣе, что этотъ отличительный знакъ, какъ мы видѣли, вовсе не долженъ состоять изъ цѣлаго особеннаго костюма. Затѣмъ совершенно невозможно установить a priori понятіе о большомъ и маломъ отрядѣ, особенно если принять во вниманіе, что и большой отрядъ очень часто дѣйствуетъ отдѣльными небольшими ча-

---

[66]) *Blüntschli*, «*Modernes Völkerrecht*». § 570 a. note 3. «wenn die Streiter in grossen Massen Kämfen, so wird ihre kriegerische Eigenschaft schon aus der massenhaften Erscheinung klar sein und es wird einer soldatischen Uniform zu diesem Zwecke nicht bedürfen».

[67]) *Droop*. Op. cit. p. 716—717; 720. «all combattants intended to act singly, or in small parties must have a permanent distinctive uniform, but this is not indispensable for troops acting together in large bodies».

[68]) См. *Rollin-Jacquemyns*, Revue 1871, p. 309; такъ же: *Grenander* Op. cit., p. 25.

стями. Мы вполнѣ присоединяемся къ мнѣнію большинства писателей, думающихъ, что мундиръ всегда необходимъ для законнаго комбатанта, и намъ кажется, что такое требованіе нисколько не можетъ являться помѣхой для образованія государственной обороны, такъ-какъ требованія, предъявляемыя международнымъ правомъ къ мундиру, далеко несложны и легко могутъ быть выполнены самымъ бѣднымъ государствомъ и въ самое короткое время. На этомъ основаніи мы идемъ даже дальше Брюссельской деклараціи и мнѣнія всѣхъ авторовъ [69]), писавшихъ по данному вопросу и полагающихъ мундиръ излишнимъ при поголовныхъ возстаніяхъ. Намъ кажется, что и въ этомъ случаѣ выполненіе этого условія небезполезно, такъ-какъ de facto вполнѣ поголовныхъ возстаній никогда и нигдѣ не было и быть не можетъ, мундиръ-же является въ этомъ случаѣ полезнымъ въ томъ отношеніи, что меньшинство, не могущее или не желающее принимать участія въ этомъ поголовномъ возстаніи, все-же можетъ имѣть большую гарантію на личную неприкосновенность. Мы еще вернемся къ этому вопросу при разборѣ поголовныхъ возстаній, теперь-же перейдемъ къ третьему условію, необходимому для признанія лица законнымъ комбатантомъ.

III-ье условіе: *комбатанты должны открыто носить оружіе*. Условіе это помѣщено въ Брюссельской Деклараціи и въ Manuel de l'Institut [70]) въ слѣдующей формѣ: партизаны имѣютъ право считаться законными комбатантами, если они исполняютъ слѣдующія условія . . . . „de porter les armes ouvertement“. *Fiore* [71]), добавляетъ: „et de faire la guerre

---

[69]) *Fiore*. «Nouveau droit international». § 1313, p. 116 старается доказать, что мундиръ не есть безусловно необходимое условіе для законнаго комбатанта, что достаточно, если достаточно многочисленный отрядъ военнымъ образомъ организованъ, чтобы лица, его составляющія, могли считаться законными комбатантами. Намъ кажется, что мы уже достаточно выставили на видъ всю важность мундира, чтобы здѣсь еще разъ это повторять и указывать на ложность мнѣнія Fiore.

[70]) Declaration de Bruxelles Art. 9, 3°. Manuel 2,2°, b et c.

[71]) *Fiore*. «Nouveau droit International». III. § 1313, p. 117.

loyalement". Такъ же выражаются объ этомъ условіи и другіе писатели [72]). *Друпъ* [73]) совершенно опускаетъ это условіе, а *Гренандеръ* [74]) отрицаетъ его необходимость, доказывая, что, разъ комбатантъ одѣтъ въ форменное отличительное платье и соблюдаетъ законы войны, этого достаточно, чтобы признать его законнымъ комбатантомъ; если-же онъ не выполнилъ этихъ двухъ первыхъ условій, то открытое ношеніе имъ оружія нисколько не устанавливаетъ его законный характеръ. Мы вполнѣ раздѣляемъ этотъ взглядъ и считаемъ это условіе ношенія открыто оружія въ той формѣ, какъ оно выражено въ Брюссельской декларацiи, совершенно излишнимъ; въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о томъ, что трудно представить себѣ современнаго комбатанта, скрывающаго свое оружіе [75]), такое сокрытіе, если только комбатантъ носитъ установленный и ему присвоенный мундиръ, не можетъ считаться нарушеніемъ права войны, ибо характеръ комбатанта достаточно опредѣленъ его мундиромъ; наоборотъ, лицё, одѣтое въ гражданское платье, если даже оно открыто несетъ оружіе, не можетъ быть признано законнымъ комбатантомъ, ибо неизвѣстно съ какими цѣлями оно вооружилось—для необходимой-ли личной обороны, для защиты-ли своего государства, или для разбоя. Гораздо болѣе удачно выставленное Fiore условіе честнаго веденія военныхъ дѣйствій; но и это условіе не опредѣляетъ еще законнаго комбатанта, такъ-какъ можно совершенно добросовѣстно вести военныя дѣйствія и въ то-

---

[72]) *Lueder*. Въ Hlzdrff's Hndbch. IV, p. 382; *Мартенсъ*. Соврем. Межд. Право. II, стр. 480; *Bluntschli*. Modernes Völkerrecht, s. 322; *Lentner*. «Das Recht im Kriege» s. 74. *Pillet*. «le droit de la Guerre», p. 124. Такъ же, какъ Fiore, высказывается *Guelle*. «Précis». I, p. 78.

[73]) *Droop*. «On the relations between an invading army and the inhabitants etc.», p. 720.

[74]) *Grenander*. Op. cit., p. 30.

[75]) Врядъ-ли цѣлый отрядъ въ наше время согласится выступить на врага только съ карманнымъ оружіемъ, револьверами и кинжалами, а *«раскладныя ружья»*, о которыхъ говоритъ Людеръ, до сихъ поръ еще не изобрѣтены.

же время, по незнанію, нарушать всѣ обычаи и законы войны; если-же подразумѣвать подъ добросовѣстнымъ веденіемъ военныхъ дѣйствій веденіе ихъ согласно установившемуся праву войны, то это уже выражено въ послѣднемъ и четвертомъ условіи Брюссельской деклараціи, къ которому и переходимъ.

IV-ое условіе: комбатанты должны соблюдать обычаи и законы войны [76]).—Это условіе понятно само собою, такъ-какъ всѣ законы и обычаи войны возможны только при обоюдномъ ихъ исполненіи воюющими сторонами. Но не слѣдуетъ отсюда заключать, чтобы исполненіе однимъ лицемъ этихъ законовъ вело къ солидарной съ нимъ отвѣтственности всѣхъ остальныхъ членовъ отряда, къ которому лицё принадлежитъ; отвѣтственнымъ должно являться только лицё, нарушившее эти законы и обычаи, и ближайшіе его начальники. Противъ такого пониманія солидарной отвѣтственности за неисполненіе нѣкоторыми лицами законовъ войны предостерегаетъ *Пилле* [77]). Какъ и въ какой мѣрѣ непріятель имѣетъ право отказывать нарушившимъ законы войны въ правахъ законныхъ комбатантовъ, съ этимъ вопросомъ мы ознакомимся въ дальнѣйшемъ изложеніи, когда будемъ говорить о репрессаліяхъ во время войны. Здѣсь укажемъ только, что это IV-е условіе является безусловно обязательнымъ для всякаго комбатанта и что, если оно пропущено въ Manuel de l'Institut, то только потому, что составители этого руководства, говоря объ условіяхъ, подъ которыми иррегулярные комбатанты могутъ быть признаны законными, считали это условіе настолько общепонятнымъ и необходимымъ, что говорить о немъ представлялось излишнимъ [78]). *Гренандеръ* [79]), исходя изъ своего основного положе-

---

[76]) *Déclaration de Bruxelles*, art. 9 4°; *Bluntschli*. Op. cit. § 570 a.; *Мартенсъ*. «Совр. Межд. Право». II, стр. 480; *Guelle*. «Précis», p. 78; *Droop*. Op. cit. p. 720, 3°; *Fiore*. Op. cit. § 1313, p. 117. *Lentner*. «Das Recht im Kriege». S. 74 *Lueder*. Hlzd. Hndbch. IV. S. 382; *Pillet*. «le droit de la Guerre», p. 124.

[77]) *Pillet*. «Le droit de la guerre». p. 126.

[78]) См. объ этомъ у *Людера*. l. cit.

[79]) *Grenander*. Op. cit., p. 18, note 2.

нія, что лицё можетъ участвовать въ войнѣ только съ разрѣшенія своего правительства, считаетъ это условіе излишнимъ, такъ-какъ репрессаліи, даже если онѣ направлены противъ самого виновника правонарушенія, все-же суть репрессаліи противъ государства, но не противъ лица; а потому, заключаетъ онъ, нельзя выставлять общимъ положеніемъ съ точки зрѣнія теоріи, что соблюденіе обычаевъ и законовъ войны есть условіе для признанія за лицемъ правъ законнаго комбатанта. Намъ кажется, что, даже допуская съ Гренандеромъ условіе правительственнаго разрѣшенія, все же нельзя совершенно оставлять безъ вниманія условіе соблюденія воюющими законовъ войны, такъ-какъ это есть первое и самое важное требованіе, предъявляемое непріятелемъ къ каждому комбатанту; конечно, скорѣе можетъ быть прощено непріятелемъ отсутствіе мундира, отсутствіе правительственнаго разрѣшенія, чѣмъ явное нарушеніе законовъ войны, напримѣръ, истязаніе и убійство раненыхъ. Съ нашей точки зрѣнія, всякое лицё только тогда есть законный комбатантъ, когда онъ дѣйствуетъ въ интересахъ и отъ имени своего государства, а такой комбатантъ, будучи одушевленъ высокой патріотической цѣлью, почти всегда будетъ соблюдать если не всѣ, то многіе законы войны; онъ всегда, напримѣръ, отнесется съ уваженіемъ къ плѣнному и раненому, что мы и видѣли наглядно въ послѣднюю компанію 1877—78 г., когда отношеніе русскаго солдата къ мирному населенію, раненымъ и плѣннымъ возбуждало всеобщее удивленіе и уваженіе [80]). Сводя къ одному все нами сказанное по поводу условій, необходимыхъ для признанія лица законнымъ

---

[80]) См. у *Мартенса*, «Восточная Война и Брюссельская конференція» во многихъ мѣстахъ.

Во время франко-прусской войны 1870 г. нѣмецкія военныя власти неоднократно подвергали отвѣтственности за нарушеніе законовъ войны не только цѣлые отряды вольныхъ стрѣлковъ, но даже мирныхъ жителей, виновныхъ лишь только въ томъ, что они знали о существованіи въ данной мѣстности партизанскаго отряда и не донесли о томъ германскимъ властямъ. См., наприм., у Геля. «Précis». II, p. 312., прокламацію генер. Вендена къ французскому мирному населенію.

комбатантомъ, мы можемъ сказать, что такихъ условій, безусловно необходимыхъ, по нашему мнѣнію, четыре, изъ коихъ одно условіе, такъ сказать, внутреннее, три-же другихъ—внѣшнія; первое есть основаніе послѣднихъ трехъ.

1-ое условіе: (внутреннее) *законный комбатантъ долженъ принимать участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ только въ интересахъ и отъ имени своего государства, безразлично, призванъ-ли онъ къ тому своимъ правительствомъ, или выступилъ въ этой роли по собственному побужденію. Онъ долженъ преслѣдовать на войнѣ только государственную цѣль, а не свою личную.*

2-е условіе: *каждый законный комбатантъ долженъ носить извѣстный отличительный, постоянный и видимый на достаточно далекомъ разстояніи знакъ—мундиръ.*

3-ье условіе: *комбатантъ долженъ являться членомъ извѣстнаго отряда, военнымъ образомъ организованнаго и состоящаго подъ начальствомъ отвѣтственнаго предводителя.*

4-ое условіе: *комбатантъ долженъ соблюдать законы и обычаи войны.*

Слѣдовательно, мы теперь можемъ дать слѣдующее опредѣленіе законному комбатанту: *законный комбатантъ есть лицё, принимающее активное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ въ интересахъ и отъ имени своего государства, носящее извѣстный отличительный знакъ, постоянный и видимый на далекое разстояніе, принадлежащее къ какому-либо военнымъ образомъ организованному отряду, состоящему подъ начальствомъ отвѣтственнаго предводителя и соблюдающее законы и обычаи войны.* Послѣднее условіе не опредѣляетъ законнаго комбатанта, но указываетъ только на то, что законный комбатантъ, не соблюдающій его, является преступникомъ и подлежитъ отвѣтственности. Все равно, какъ мы не можемъ сказать, что гражданинъ—это членъ государства никого не убившій, хотя убійство и влечетъ къ ограниченію этихъ правъ; также нельзя опредѣлять комбатанта, какъ лицё, соблюдающее законы войны, хотя это несоблюденіе и влечетъ за собой по-

терю для лица правъ законнаго комбатанта.

Вотъ слѣдовательно, тѣ признаки, по которымъ мы можемъ судить о принадлежности лица къ категоріи комбатантовъ; всѣ лица, непредставляющія такихъ признаковъ, суть некомбатанты, независимо отъ того—являются-ли они дѣйствительно мирными жителями, или нѣтъ.

Комбатанты, какъ мы уже видѣли, могутъ являться или органами своего правительства, ведущими войну, такъ-сказать, ex officio; таковы всѣ лица, входящія въ составъ: арміи, резервовъ, національной гвардіи, ландвера, ландштурма, государственнаго ополченія и т. п.; отличительный ихъ признакъ тотъ, что, какъ общее правило, они несутъ свою службу по приказу своего правительства, какъ обязательную для нихъ государственную повинность; обязанность эта основана всегда на положительномъ законодательствѣ государства. Какъ исключеніе являются, т. н. охотники, то есть лица, добровольно вступающія въ ряды правительственныхъ войскъ, но эти лица, разъ вступивъ въ службу, уже подчиняются общему положенію регулярныхъ войскъ, не могутъ войти въ отставку ранѣе окончанія компаніи и считаются на государственной службѣ. У писателей мы часто встрѣчаемъ разсужденіе по поводу того, считать-ли тотъ или другой родъ войскъ, наприм. ландштурмъ, регулярнымъ войскомъ. Намъ кажется, что это въ настоящее время является совершенно празднымъ вопросомъ, такъ-какъ международное право признаетъ одинаковыя права за регулярными и иррегулярными комбатантами; кромѣ того, вопросъ этотъ всегда легко можетъ быть рѣшенъ, если принять только выставляемое нами опредѣленіе регулярнаго войска, какъ войска, существующаго на основаніи положительнаго законодательства страны.—Или-же комбатантами являются лица, sua sponte образовавшія изъ себя отряды для защиты своего отечества, выбравшія себѣ начальника и дѣйствующія не въ силу положительныхъ законовъ государства, а въ силу своего внутренняго убѣжденія; это т. н. *иррегулярные комбатанты*. Собственно для права войны это различіе не имѣетъ особаго

значенія; гораздо большее значеніе имѣетъ другое дѣленіе комбатантовъ на активныхъ и пассивныхъ—дѣленіе, важное въ томъ отношеніи, что особенно нѣкоторые изъ пассивныхъ комбатантовъ занимаютъ совершенно отдѣльное юридическое положеніе, среднее между комбатантами и некомбатантами. *Активные комбатанты* [81])—это лица, удовлетворяющія вышеуказаннымъ условіямъ, и принимающія активное участіе въ веденіи войны, активно сопротивляющіяся силой оружія подобнымъ-же военнымъ органамъ враждебнаго государства.

Потребности войны дѣлаютъ необходимымъ участіе, правда косвенное, но, тѣмъ не менѣе, весьма важное для достиженія цѣлей войны, еще и такихъ лицъ, которыя, не участвуя непосредственно въ военныхъ дѣйствіяхъ, тѣмъ или другимъ способомъ помогаютъ активнымъ участникамъ войны въ достиженіи ихъ цѣли, заботятся объ ихъ матеріальномъ и духовномъ благосостояніи. Эти лица принято обозначать терминомъ *пассивныхъ комбатантовъ*, къ числу ихъ относятся: священнослужители, сопровождающіе армію, лица медицинскаго персонала—доктора, фельдшера, сестры и братья милосердія и т. п., интенданты, поставщики армій, маркитанты, а также сюда обыкновенно причисляются и репортеры газетъ. Юридическое положеніе этихъ лицъ занимаетъ среднее мѣсто между положеніемъ комбатантовъ и некомбатантовъ, при чемъ, одни изъ нихъ скорѣе приближаются къ первымъ, другія—ко вторымъ (лица медицинскаго персонала). Изученіе юридическаго положенія этихъ лицъ, къ настоящему очерку не относится, такъ какъ мы поставили себѣ задачей изучить положеніе только активныхъ комбатантовъ, по этому мы не будимъ здѣсь раз-

[81]) Не адо смѣшивать термины: активный и пассивный комбатантъ съ принятымъ нами въ дальнѣйшемъ изложеніи обозначеніемъ комбатанта въ активномъ и пассивномъ его состояніи. Комбатантъ находится въ активномъ состояніи, когда онъ фактически содѣйствуетъ тѣмъ или другимъ образомъ достиженію цѣлей войны какъ активный или пассивный комбатантъ. Въ пассивное-же состояніе онъ приходитъ тогда, когда, вслѣдствіе независящихъ отъ его воли обстоятельствъ, онъ прекращаетъ свою военную дѣятельность.

бирать правъ и обязанностей пассивныхъ комбатантовъ, но перейдемъ къ вопросу о такъ называемыхъ поголовныхъ возстаніяхъ.

Мы опредѣляли, кого слѣдуетъ считать на войнѣ комбатантомъ и некомбатантомъ, и выставили тѣ отличительные признаки, тѣ условія, которыми можетъ быть доказано, что данное лицё дѣйствительно есть законный комбатантъ и что оно должно пользоваться всѣми правами таковаго. Но бываютъ случаи, когда различіе между комбатантами и мирнымъ населеніемъ исчезаетъ, когда все населеніе данной страны или данной ея территоріальной единицы, провинціи, области, города, поголовно, безъ различія пола и возраста, берется за оружіе для защиты своего отечества. Такое поголовное возстаніе—levée en masse—можетъ произойти или по приглашенію правительственной власти, или-же по почину самого народонаселенія, и какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, является вполнѣ законнымъ выраженіемъ присущаго каждому человѣку чувства любви къ родинѣ и желанія сохранить свою національную независимость.—Съ практической точки зрѣнія, поголовныя возстанія, правда, возбуждаютъ сильныя сомнѣнія въ своей цѣлесообразности, однако нельзя отрицать, что иногда, особенно въ государствахъ небольшихъ и немогущихъ содержать въ военной готовности большихъ постоянныхъ армій, они могутъ явиться крайнимъ, весьма шаткимъ, но все-же единственнымъ средствомъ самозащиты государства, и потому, что бы не говорилось противъ ихъ цѣлесообразности, поголовныя возстанія, по нашему мнѣнію, не вполнѣ еще отжили свой вѣкъ и считаться съ ними необходимо какъ для теоріи, такъ и для практики. Во время Брюссельской конференціи представители мелкихъ державъ особенно сильно настаивали на признаніи за поголовно возставшимъ населеніемъ правъ законныхъ комбатантовъ [82])—и требованіе это было вполнѣ уважено конференціей, которая, по нашему мнѣнію, пошла даже слишкомъ далеко въ этомъ направленіи. Замѣтимъ однако, что Брюссель-

[82]) Actes de la conférence de Bruxelles—protocoles №№ XII, XIII и XIV. особенно настаивалъ на этомъ представитель Швейцаріи, полковникъ Гаммеръ.

ская декларація, предоставляя широкія права возставшему населенію территоріи, еще незанятой непріятельской арміей, совершенно отказала въ этихъ правахъ населенію страны, или части ея, уже занятой непріятельскими войсками, и возставшему для изгнанія этихъ войскъ; этотъ взглядъ, выраженный деклараціей на основаніи мнѣнія большинства писателей и установившейся практики, намъ кажется однако крайне несправедливымъ и мы постараемся доказать, что и такое возставшее населеніе страны, уже занятой непріятелемъ, разъ оно произошло изъ политическихъ мотивовъ, не можетъ быть разсматриваемо какъ уголовное преступленіе, и что и въ этомъ случаѣ повстанцы имѣютъ право на признаніе за ними правъ законныхъ комбатантовъ, разъ сами они исполняютъ необходимыя для того условія. Дѣленіе поголовныхъ возстаній на возстанія въ незанятой непріятелемъ части территоріи и на возстанія въ областяхъ государства, уже подвергшихся непріятельской оккупаціи, намъ кажется лишеннымъ всякаго юридическаго основанія, и если мы въ изложеніи и удержимъ этотъ порядокъ изложенія, то только для того, чтобы удобнѣе и цѣльнѣе сгруппировать мнѣнія писателей по этому предмету и чтобы, окончивъ съ дѣйствительно существующими постановленіями международнаго права, относительно перваго рода поголовныхъ возстаній, указать на тѣ желательныя измѣненія въ отношеніи второго рода ихъ, которыя намъ кажутся наиболѣе цѣлесообразными и справедливыми. Поэтому мы начнемъ съ поголовныхъ возстаній въ частяхъ территоріи государства, еще незанятыхъ непріятелемъ, и здѣсь прежде всего укажемъ на тотъ взглядъ, на юридическое положеніе такого возставшаго населенія, который былъ высказанъ Брюссельской деклараціей и затѣмъ вторично приведенъ въ Manuel de l'Institut. Брюссельская декларація въ ст. 10 говоритъ: *„населеніе незанятой территоріи, которое, въ виду приближенія непріятеля, добровольно вооружится для отраженія нападающаго войска, и которое не имѣло еще времени организоваться, согласно ст. 9, должно быть признаваемо воюющей стороной, если только оно будетъ соблюдать законы и обычаи войны.*

Сравнивая эту ст. 9 со ст. 10, мы можемъ ясно себѣ представить, какъ смотритъ Брюссельская декларація на поголовно-возставшее населеніе незанятой непріятелемъ территоріи. Она считаетъ, что при поголовномъ возстаніи необязательно ни ношеніе возставшими извѣстнаго отличительнаго знака, ни наличность извѣстнаго отвѣтственнаго начальника отряда, ни самая организація подобныхъ отрядовъ, но единственно только одно условіе—соблюденіе возставшими обычаевъ и законовъ войны; слѣдовательно, представляя себѣ, что въ данной территоріи все ея населеніе возстало поголовно для отраженія приближающагося непріятеля, если только оно ведетъ военныя дѣйствія согласно обычаямъ и законамъ войны, т. е. щадитъ раненыхъ и больныхъ, открыто сопротивляется непріятелю и т. п., то этотъ послѣдній обязанъ каждаго жителя данной территоріи считать за законнаго своего врага, т. е. при представляющейся возможности брать въ плѣнъ и при сопротивленіи убивать. При отсутствіи какой либо военной организаціи и отличительныхъ знаковъ среди возставшаго населенія, такая война съ нимъ обращается въ войну каждаго врага съ каждымъ жителемъ возставшей территоріи, безъ различія пола и возраста, и воскрешаетъ ту самую bellum omnium contra omnes, которую такъ сильно старается вытѣснить изъ практики современное культурное человѣчество. Смотря на поголовныя возстанія не съ отвлеченной точки зрѣнія, а съ точки зрѣнія дѣйствительности, мы никакъ не можемъ представить себѣ такую, хотя-бы самую незначительную территоріальную единицу, все населеніе которой, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, взялось-бы за оружіе и имѣло-бы дѣйствительное намѣреніе силой сопротивляться вторгающемуся непріятелю; всегда окажется довольно значительный процентъ старыхъ, слабыхъ, больныхъ, женщинъ, дѣтей и, наконецъ, людей, прямо нежелающихъ принимать активнаго участія въ войнѣ, которые явятся совершенно излишними жертвами войны, неприносящими даже своею смертью никакой существенной выгоды дѣлу самообороны государства; между тѣмъ,

непріятель, при отсутствіи организаціи возставшаго населенія, особенно при отсутствіи отличительнаго для дѣйствительнаго комбатанта знака, не можетъ щадить ихъ, ибо и старикъ, и дитя, и женщина могутъ въ извѣстномъ случаѣ, подъ вліяніемъ патріотизма явиться опаснымъ врагомъ; такіе примѣры бывали, и достаточно вспомнить Іоанну д'Аркъ, чтобы понять, что̀ можетъ сдѣлать изъ дѣвушки, почти ребенка, чувство патріотизма. Но далеко не всѣ женщины могутъ и желаютъ быть Орлеанскими дѣвами, а между тѣмъ, при поголовныхъ возстаніяхъ, какъ ихъ понимаетъ Брюссельская декларація, все населеніе, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, является жертвою войны. Справедливо-ли это и можно-ли считать, что Брюссельская декларація, давая поголовно возставшему населенію такое широкое право участія въ войнѣ, достигла цѣли, преслѣдуемой всѣмъ правомъ войны,—гуманизировать её? Намъ кажется, что нѣтъ; что, нисколько не желая ограничивать естественное право каждаго гражданина—участвовать въ защитѣ своей родины,—мы все-же можемъ требовать отъ каждаго комбатанта исполненіе извѣстныхъ условій, гарантирующихъ для непріятеля возможность отличать его отъ мирнаго населенія или отъ лицъ, которыя даже при поголовныхъ возстаніяхъ не желали-бы, или не могли принимать активнаго участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, и щадить этихъ лицъ; требованія, предъявляемыя къ законному комбатанту вообще международнымъ правомъ, настолько удобоисполнимы и несложны, что выполненіе ихъ не можетъ поставить въ серьёзное затрудненіе возставшее поголовно населеніе извѣстной территоріи, а между тѣмъ отъ ихъ исполненія безспорно зависитъ сохраненіе многихъ человѣческихъ жизней. Вспомнимъ эти условія, необходимыя для признанія лица законнымъ комбатантомъ. Первое изъ нихъ есть условіе, т. сказ., внутреннее, условіе преслѣдованія комбатантомъ на войнѣ извѣстной государственной, а не своей личной, цѣли;—это условіе всегда выполнено при поголовномъ возстаніи, ибо само оно настолько невыгодно отражается на положеніи возставшаго населенія въ

его цѣлости, что не можетъ быть предпринято съ какою либо иной цѣлью, кромѣ политической; найдутся, конечно, всегда отдѣльныя лица, которыя и во время поголовнаго возстанія могутъ найти свою выгоду, но для большинства такое возстаніе является жертвой, приносимой отечеству, а далеко не выгодой, и потому, разъ извѣстное народонаселеніе извѣстной территоріи поголовно возстаетъ противъ приближающагося врага, оно дѣлаетъ это во имя государства и съ цѣлью политической. Второе условіе—ношеніе всякимъ законнымъ комбатантомъ извѣстнаго отличительнаго, постояннаго и видимаго на достаточно далекое разстояніе отличительнаго знака—обыкновенно считается излишнимъ при поголовныхъ возстаніяхъ, ибо, говорятъ сторонники [83]) этого мнѣнія, при поголовномъ возстаніи каждый обитатель возставшей территоріи является законнымъ комбатантомъ и отличать его внѣшнимъ образомъ не отъ кого; это такъ въ теоріи, но на практикѣ мы видѣли, что безусловно поголовнаго возстанія въ буквальномъ смыслѣ этого слова никогда не бываетъ—и отсутствіе такого отличительнаго знака превращаетъ войну въ bellum omnium contra omnes и влечетъ за собой совершенно ненужныя и лишнія человѣческія жертвы. Между тѣмъ, требованія, предъявляемыя правомъ войны къ мундиру, настолько легко исполнимы и несложны, что легко могутъ быть выполнены возставшимъ населеніемъ самой бѣдной страны и въ самый короткій срокъ; наприм., возможно при объявленіи на данной территоріи поголовнаго возстанія указать на то, что мундиромъ будетъ служить національный костюмъ простого народа данной мѣстности и при томъ извѣстнаго цвѣта, во Франціи—синяя блуза, въ Россіи—красная рубашка и т. п.; всѣ лица, желающія не принимать участія въ возстаніи, должны избѣгать носить эти

---

[83]) H a l l e c k. «International Law, or roles regulating the intercourse of States in peace and war». London. 1878. Ch. 16. § 9. D a h n G. «Das Kriegsrecht», s. 3. L i e b e r. «Guerilla Parties», p. 15. *Blüntschli*, § 597—онъ, однако, совершенно не указываетъ на то, должны-ли поголовно-возставшіе носить отличительный знакъ, или нѣтъ. *Greenander* Op. cit., p. 27.

указанные цвѣта, что, конечно, гораздо меньшее неудобство, чѣмъ постоянная возможность для этихъ лицъ, при отсутствіи у комбатантовъ отличительнаго внѣшняго знака, быть принятыми непріятелемъ за законныхъ враговъ. Для вторгающагося врага введеніе извѣстнаго отличительнаго для дѣйствительныхъ комбатантовъ знака, при поголовныхъ возстаніяхъ, также окажетъ весьма существенную услугу, давая возможность даже и въ этомъ случаѣ различать мирное населеніе отъ законнаго врага; въ противномъ случаѣ, непріятель поставленъ въ необходимость или избивать все населеніе возставшей страны, или брать его въ плѣнъ, что, при поголовномъ возстаніи большихъ массъ, напр. цѣлаго государства, прямо неисполнимо. По нашему мнѣнію, ношеніе возставшимъ населеніемъ извѣстной страны внѣшняго отличительнаго знака, будучи весьма мало стѣснительнымъ и легко исполнимымъ, и, въ то-же время, могущее уберечь не одну человѣческую жизнь, должно безусловно быть признано обязательнымъ не только вообще для законныхъ комбатантовъ, но и для участниковъ поголовныхъ возстаній.—Четвертое условіе,—соблюденіе комбатантами законовъ и обычаевъ войны—само собою является условіемъ, необходимо долженствующимъ быть исполненнымъ и при поголовныхъ возстаніяхъ; что-же касается третьяго условія—извѣстной военной организаціи отрядовъ комбатантовъ и ихъ подчиненія отвѣтственнымъ начальникамъ—то это единственное условіе, исполненіе котораго не можетъ быть требуемо при поголовныхъ возстаніяхъ, такъ какъ обыкновенно для такой организаціи не можетъ быть ни достаточно свободнаго времени, ни сама по себѣ эта организація не можетъ принести существенной пользы, такъ какъ поголовное возстаніе, конечно, никогда не имѣетъ въ виду вести войну съ непріятелемъ правильно организованными военными массами, а, напротивъ того, цѣль всѣхъ такихъ возстаній—постоянными нападеніями на врага мелкихъ отрядовъ задержать его движеніе впередъ, или-же сдѣлать ему дальнѣйшее пребываніе въ странѣ невозможнымъ; такъ велась война испанцами въ 1809 г., тирольцами противъ Наполеона, русскими крестья-

нами въ 1812 г. Требовать отъ поголовно возставшаго населенія извѣстной военной организаціи все равно, что требовать отъ бушующаго моря, чтобы волны его шли въ извѣстной послѣдовательности стройными рядами; поголовныя возстанія имѣютъ именно тотъ, присущій имъ, коренной недостатокъ, что нарушаютъ всякій порядокъ въ странѣ и приводятъ народонаселеніе въ состояніе, близкое къ анархіи, а потому это средство настолько опасное, что многіе писатели прямо совѣтуютъ правительствамъ по возможности избѣгать его примѣненія [84]). Во всякомъ случаѣ, для международнаго права важно одно, чтобы и при поголовныхъ возстаніяхъ война государствъ между собою не превратилась-бы въ войну всѣхъ противъ всѣхъ, а для этого необходимо соблюденіе возставшими условій, предъявляемыхъ правомъ войны къ законнымъ комбатантамъ. На основаніи этого, мы никакъ не можемъ согласиться съ той формулировкой вопроса о поголовномъ возстаніи, которая дана ст. 10-й Брюссельской деклараціи и повторена въ Manuel de l'Institut. Одинаковаго съ нами мнѣнія *Людеръ* [85]), *Гелль* [86]), *Друпъ* [87]). Точку зрѣнія Брюссель-

[84]) См., напр., *Guelle*—Prècis, p. 87.

[85]) Lüeder (Holzendorff's Hndbch. IV. § 94) считаетъ даже военную организацію поголовныхъ возстаній необходимымъ условіемъ для признанія поголовно восставшаго населенія законными комбатантами (s. 386). «Von dem letzteren und damit von der Unterordnung unter verantwortliche Führer, von einer Organisation überhaupt und dem Erforderniss der Erkennbarkeit als Kämpfer kann aber nicht abgesehen werden, wenn nicht die ganze zulassung von Irregulären als nothwending erkannte Grundlage aufgegeben und ein Kampf auch der Privaten und gegen Private wieder eingeführt werden soll»...—«Wenn die nothwendige Organisation sich wirklich nicht bewerkstelligen liess—ein Fall der durchaus nicht immer eintreten wird,—so hat der Kampf der Privaten zu unterbleiben, und die ihn dennoch Führenden haben nicht die Rechte des aktiven Kriegstandes».

[86]) Guelle. Prècis. I, p. 80—90 и «Guerre continentale», p. 49—52; впрочемъ онъ различаетъ поголовныя возстанія по приказу Правительства и поголовныя возстанія по почину самого народонаселенія и говоритъ: (*Prècis*, p. 87).—«La levée en masse est toujours permise, mais aux yeux de l'ennemi, elle ne confère à la population qui y a recours le caractère et les droits de belligérant, que si elle est organisée par l'Etat qui la décrète.—Dans le cas contraire la levée en masse n'est plus qu'une guerre de partisans et ceux qui la font doivent remplir les conditions exigées des corps francs».

[87]) Droop. Op. cit., p. 720—«Levies en masse of the whole population

ской декларацін раздѣляютъ: *Фіоре* [88]), *Кальво* [89]), *Гренандеръ* [90]), *Галлекъ* [91]), *Либеръ* [92]), *Блюнчли* [93]), *Моренъ* [94]), *Пилле* [95]) и другіе; при чемъ, нѣкоторые изъ этихъ писателей считаютъ, что поголовныя возстанія не нуждаются въ отличительномъ знакѣ и въ военной организаціи, потому, что эти возстанія всегда будто-бы происходятъ по приказанію правительства, слѣдов. имѣютъ правительственное разрѣшеніе, признаваемое такими писателями главнымъ и безусловно-необходимымъ условіемъ для признанія за лицёмъ правъ законнаго комбатанта [96]); другіе считаютъ, что лица, участвующія въ поголовныхъ возстаніяхъ, должны быть признаны законными врагами благодаря своей численности, и что это обстоятельство исключаетъ необходимость для нихъ соблюденія вышеуказанныхъ условій, особенно условія ношенія мундира [97]); третьи, наконецъ, прямо высказываютъ мнѣніе Брюссельской декларацін, что при поголовныхъ возстаніяхъ единственное условіе, которое должны соблюдать возставшіе—это не нарушать обычаевъ и законовъ войны [98]).—Мы не станемъ останавливаться, подобно Гелю, на различіи поголовнаго возстанія, происшедшаго по приказанію правительства страны, и возстанія по почину самого возставшаго народонаселенія, такъ какъ въ нашихъ глазахъ безразлично для права войны,—правительство-ли государства,

---

are legitimate combatants provided they comply with the above conditions, but not otherwise».

[88]) Fiore. Op. cit. § 1349, p. 165. „On doit admettre que la population qui chercherait à repousser de vive force l'invasion et qui, sans être organisée militairement, combattrait l'ennemi du mieux qu'elle pourrait sous les ordres d'un chef, exercerait un droit légitime».—Слѣдов. Фіоре требуетъ наличность отвѣтственнаго начальника и этимъ отличается отъ Брюссельской деклар.

[89]) Calvo. Op. cit. § 840; [90]) *Grenander.* Op. cit., p. 26 —«La condition de l'uniforme tombe ici»—т. е. при поголовныхъ возстаніяхъ.

[91]) *Halleck.* Op. cit. ch. 16. § 9, [92]) *Lieber.* «Guerilla parties», p. 15. «Instructions». Art. 51 и 52—[93]) *Blüntschli.* Op. cit. § 579 и 570, note 3; [94]) Morin a.—«Les lois relatives à la guerre», p. 1872. I. Ch. V. [95]) *Pillet.* op. cit. p. 129.

[96]) *Halleck, Dahn, Grenander, Guelle.*

[97]) *Lieber, Blüntschli.*

[98]) *Lentner.* «Das Recht im Kriege», s. 74; *Мартенсъ.* «Соврем. Межд. право». II, стр. 480.

или самъ народъ рѣшилъ сопротивляться всѣми своими силами врагу. Мы уже указывали, что правительственное разрѣшеніе или приказаніе имѣетъ такую-же долю значенія, какую и самостоятельное желаніе народонаселенія принять участіе въ оборонѣ государства, и что для насъ важенъ только тотъ фактъ, чтобы частное лицё принимало участіе въ войнѣ отъ имени и въ интересахъ государства; но при поголовныхъ возстаніяхъ является одинъ весьма важный моментъ, при которомъ вмѣшательство правительственной власти, или власти, временно её замѣняющей, необходимо. При приближеніи непріятеля, народонаселеніе извѣстной территоріальной единицы, желающее поголовнымъ возстаніемъ сопротивляться вторженію врага, обязано оповѣстить оффиціально послѣдняго о своемъ намѣреніи, дабы врагъ этотъ не могъ имѣть сомнѣній относительно характера своихъ отношеній съ населеніемъ страны. Такое оповѣщеніе можетъ быть сдѣлано или оффиціальнымъ извѣщеніемъ правительства возставшей страны правительству вторгающейся арміи, или путемъ опубликованія манифестовъ, декретовъ, или-же путемъ расклейки афишъ и прокламацій. Дабы ясно указать противнику, что возстаніе есть дѣйствительно возстаніе всего, или большей части населенія, а не дѣло только извѣстной партіи, или кружка лицъ, объявленіе это должно исходить и быть подписаннымъ или представителемъ правительственной власти, или уполномоченными всего населенія, напр., при поголовномъ возстаніи города,—городскимъ головой, при возстаніи населенія укрѣпленнаго мѣста,—комендантомъ крѣпости, при возстаніи деревни—старшинами, духовенствомъ и т. п. Необходимость такого извѣщенія вытекаетъ изъ основного положенія права войны, что война должна вестись открыто и что она есть отношеніе государства къ государству; изъ послѣдняго положенія вытекаетъ то слѣдствіе, что поголовное возстаніе должно быть объявлено или правительственной властью, или выборными представителями возстающаго населенія, какъ представителями его большинства. Безъ соблюденія этой формальности, врагъ въ правѣ bona fide ожи-

дать отъ мирнаго населенія, не организовавшаго изъ себя военныхъ отрядовъ, вполнѣ миролюбиваго отношенія, и наказывать, въ противномъ случаѣ, взявшееся за оружіе лицё, какъ уголовнаго преступника, какъ бандита и разбойника.—Обыкновенно объявленіе о поголовномъ возстаніи исходитъ въ видѣ манифеста, или декрета правительственной власти къ народонаселенію страны; подобные декреты были изданы: національнымъ конвентомъ во Франціи, въ 1793 г. [99]), Императоромъ Александромъ I-ымъ, въ 1812 г. [100]), Фридрихомъ-Вильгельмомъ Прусскимъ, въ 1813 г. [101]), правительствомъ національной обороны во Франціи, въ 1870 г. [102]); въ Испаніи во время войны съ Наполеономъ I-ымъ, объявленіе о поголовномъ возстаніи нѣкоторыхъ городовъ, напр. Сарагоссы, исходило отъ временнаго правительства юнтъ, выбраннаго самимъ населеніемъ отъ имени законнаго государя Испаніи Филиппа VII [103]). Хотя, обыкновенно, писатели международнаго права ничего не говорятъ о необходимости объявленія врагу о начинающемся поголовномъ возстаніи, но необходимость эта у большинства авторовъ, признающихъ правительственное разрѣшеніе условіемъ необходимымъ для признанія лица законнымъ комбатантомъ, вытекаетъ сама собой изъ того положенія, что никто не можетъ принимать активнаго участія въ войнѣ безъ согласія на то своего правительства и что, слѣдовательно, поголовное возстаніе законно только тогда, когда оно разрѣшено правительствомъ. Съ нашей точки зрѣнія на условіе правительственнаго разрѣшенія, такое объясненіе, конечно, не выдерживаетъ критики и необходимость оффиціальнаго объявленія врагу о начатіи поголовнаго возстанія объясняется иными, весьма важными, причинами, на которыя мы только что указывали.—Резюмируя все сказанное нами, мы приходимъ къ

---

99) *Grenander*. Op. cit. Шведское изд. Прибавл. E и F.

100) *Мартенсъ*—«Международное право».—II, стр. 481.

101) *Grenander*. l. c. Прибавл. G и H и *Guelle* „Précis". I, p. 81.

102) *Grenander*. l. c. Прибавл. S и *Guelle* «Précis». I, p. 83—84.

103) *Sulima*. Polacy w Hiszpanii.

тому выводу, что поголовное возстаніе только въ такомъ случаѣ придастъ принимающему въ немъ участіе мирному населенію характеръ законныхъ комбатантовъ, если о начатіи возстанія непріятель былъ оффиціально извѣщенъ или черезъ представителей законной власти возставшаго населенія, или черезъ его уполномоченныхъ, и если это возставшее населеніе носитъ извѣстный отличительный знакъ и соблюдаетъ обычаи и законы войны.—Отсутствіе отличительнаго знака, мундира, правда, не даетъ еще непріятелю права отказывать возставшему населенію въ правахъ законнаго комбатанта, но также не обязываетъ его смотрѣть на какое-бы то ни было лицё, принадлежащее къ данному населенію, какъ на мирное, каковъ-бы ни былъ его полъ и возрастъ; слѣдовательно, въ этомъ случаѣ допускается, наприм., при вооруженномъ сопротивленіи какой-нибудь деревни, убійство и взятіе въ плѣнъ женщинъ, стариковъ, дѣтей и больныхъ. Совершенно напрасно дѣлаютъ различіе между партизанской войной и поголовнымъ возстаніемъ; въ принципѣ, какъ то, такъ и другое явленіе есть не что иное, какъ самооборона населенія извѣстнаго государства, и если признать, что для партизанскихъ отрядовъ могутъ быть выставлены извѣстныя условія, соблюденіе которыхъ необходимо для признанія за лицами, въ нихъ участвующими, правъ законныхъ комбатантовъ, то тѣ же условія обязательны и для поголовныхъ возстаній; то, что справедливо для немногихъ лицъ, не можетъ быть несправедливостью для многихъ. Брюссельская декларація, давъ весьма широкія права возставшему населенію незанятой территоріи, исходила изъ весьма гуманнаго побужденія—по возможности не препятствовать народной самооборонѣ небольшихъ государствъ, но она при этомъ совершенно, намъ кажется, упустила изъ виду какъ интересы завоевательной арміи, такъ и интересы общечеловѣческіе, интересы гуманизаціи войны. Ставя все населеніе незанятой территоріи, возставшее съ оружіемъ въ рукахъ для отраженія непріятельскаго нашествія, въ положеніе законныхъ комбатантовъ, она воскресила войну всѣхъ противъ всѣхъ; съ дру-

той стороны—первоначальный проектъ той же деклараціи содержитъ статью, по которой населеніе, возставшее противъ непріятеля на уже занятой послѣднимъ территоріи, приравнивается разбойникамъ и не можетъ быть разсматриваемо, какъ законный комбатантъ. Статья эта, 46-ая первоначальнаго проекта, гласитъ:

„*Лица-же изъ населенія края, въ которомъ уже водворилась власть непріятеля, и возставшія противъ него съ оружіемъ въ рукахъ, могутъ быть преданы суду и не считаются военноплѣнными*. Но редакція эта вызвала оживленныя возраженія со стороны представителей Бельгіи, Швейцаріи и Нидерландовъ; послѣ нѣсколькихъ предложеній, измѣняющихъ текстъ этой статьи [104]), и послѣ блестящей рѣчи барона Ламбермона, представителя Бельгіи, въ пользу предоставленія возставшему населенію занятой непріятелемъ страны правъ законныхъ комбатантовъ [105]), члены конференціи за невозможностью прійти къ какому либо соглашенію, удовольствовались тѣмъ, что вычеркнули эту статью и оставили вопросъ открытымъ. Однако, представители Италіи, Россіи, Австро-Венгріи, Франціи, Швейцаріи, Бельгіи и Нидерландовъ заявили, что они считаютъ за принципъ право населенія государства на самооборону своей національности. Итакъ, Брюссельская декларація оставила вопросъ о правѣ возставшаго въ занятой непріятелемъ территоріи населенія на признаніе за нимъ правъ законнаго комбатанта нерѣшеннымъ; намъ кажется, что худшаго исхода, при рѣшеніи этого крайне труднаго вопроса, Брюссельская Декларація не могла найти; дѣйствительно, при настоящемъ положеніи вопроса, т. е. при его полной неразрѣшенности, обѣ стороны, т. е. и возставшее населеніе и оккупантъ, равнымъ образомъ могутъ приводить доводы, одинаково вѣскіе, въ пользу своихъ дѣйствій и, кромѣ того, оба

---

[104]) См. предложенія Жомини, бар. Бодъ и Войгтъ-Ретца—*Grenander*—франц. изд., стр. 47.

[105]) См. окончаніе этой рѣчи у *Guelle*. «Précis». II, p. 65.

могутъ ссылаться на авторитетъ Брюссельской деклараціи— возставшее населеніе, ссылаясь на декларацію Италіи и прочихъ съ ней согласившихся державъ и на опущеніе ст. 46-ой, оккупантъ,—на ст. 10-ю, implicite содержащую въ себѣ [106]) отрицаніе за возставшимъ населеніемъ занятой непріятелемъ страны правъ законнаго комбатанта, и на первоначальную редакцію Брюссельской Деклараціи. Такимъ образомъ, декларація не только не дала отвѣта на этотъ вопросъ, но еще болѣе его запутала и затемнила. Всякое положительное рѣшеніе, даже въ смыслѣ ст. 46 первоначальнаго проекта, было-бы лучше, ибо опредѣлило-бы права и обязанности населенія территоріи, оккупированной непріятелемъ, и устранила-бы много весьма печальныхъ недоразумѣній. Мы этимъ, конечно, не хотимъ сказать, что признаніе конференціей ст. 46-ой проекта, устранило бы возможность поголовныхъ возстаній въ занятыхъ непріятелемъ территоріяхъ; но это признаніе безусловно заставило-бы населеніе такихъ мѣстностей осмотрительнѣе прибѣгать къ поголовнымъ возстаніямъ только тогда, когда эти возстанія могутъ дѣйствительно принести существенную пользу населенію, напр. при возстаніяхъ большихъ массъ, цѣлыхъ областей, или государствъ, и избѣгать ихъ въ тѣхъ случаяхъ, когда, подобно поголовному возстанію одной какой нибудь деревни, единственнымъ ихъ конечнымъ исходомъ можетъ быть лишь увеличеніе человѣческихъ жертвъ.—Но, признавая положенія, высказанныя въ 46-ой ст. Брюссельской деклараціи первой редакціи, болѣе цѣлесообразными, чѣмъ окончательное рѣшеніе этого вопроса конференціей, мы не можемъ согласиться со справедливостью мысли, проводимой въ вышеуказанной статьѣ. Правда, что необходимы извѣстныя гарантіи для оккупанта въ томъ, что, занявъ извѣстную территорію, онъ можетъ положиться на мирное настроеніе населенія, но нельзя также отрицать и того факта, что это подчиненіе населенія

---

[106]) См. примѣчаніе бар. Жомини въ его предложеніи измѣненія ст. 45 первоначальнаго проекта—*Grenander* l. c.

занятой непріятелемъ территоріи есть подчиненіе вынужденное, основанное на фактѣ, а не на правѣ непріятеля на такое подчиненіе ему населенія. Подчиненіе это обязательно и существуетъ только постольку, поскольку непріятель въ силахъ поддерживать свое господство въ занятой мѣстности [107]); населеніе обязано относиться пассивно, но не обязано активнымъ образомъ содѣйствовать непріятелю въ его военныхъ дѣйствіяхъ [108]), слѣдов., обязанность подчиненія есть обязанность фактическая, основанная на превосходствѣ силъ оккупанта, а не юридическая. Съ другой стороны, занятая непріятелемъ территорія, ея населеніе [109]), даже государственныя имущества [110]) не перестаютъ и во время оккупаціи находиться въ юридическомъ подчиненіи у своего законнаго правительства, но фактически власть этого правительства надъ частью территоріи, подвергшейся оккупаціи, временно уступаетъ мѣсто власти оккупанта; слѣдовательно, никакъ нельзя согласиться съ Давомъ, считающимъ, что населеніе занятой непріятелемъ территоріи обязано послѣднему такимъ-же подчиненіемъ, какимъ оно ранѣе было обязано своему законному правительству. Связи, соединяющія занятую непріятелемъ мѣстность со всѣмъ государствомъ, часть котораго эта мѣстность составляетъ, не нарушены, а только ослаблены вслѣдствіе непріятельской оккупаціи, и потому понятно, что чувство національной солидарности, чувство любви къ родинѣ, къ ея интересамъ, легко могутъ побудить населеніе занятой непріятелемъ территоріи прибѣгнуть къ частичному или поголовному возстанію противъ завоевателя. Трудно допустить, чтобы справедливость могла требовать такого-же отношенія къ этому возставшему населенію, какое имѣетъ мѣсто къ простымъ разбойникамъ, или къ лицамъ, злоупотребляющимъ своимъ мирнымъ характеромъ для нанесенія тайно вреда

---

107) Брюсс. Декл., ст. 1.

108) Брюсс. Декл., ст. 36.

109) Брюсс. Декл., ст. 37: «La population de territoires occupés ne peut être contrainte de prêter serment à la puissance ennemie».

110) Брюсс. Декл., ст. 7.

непріятелю. Разъ населеніе занятой непріятелемъ мѣстности открыто и дружно во всемъ своемъ составѣ берется за оружіе и возстаетъ противъ завоевателя, невозможно, намъ кажется, совершенно отказать ему въ правѣ быть признаннымъ законнымъ комбатантомъ, тѣмъ болѣе, что современное международное право признаетъ таковыми даже подданныхъ, возставшихъ противъ своего законнаго правительства. Однако большинство авторовъ не допускаетъ возможности признанія за возставшимъ населеніемъ занятой непріятелемъ области правъ законныхъ комбатантовъ и смотритъ на него, какъ на собраніе международныхъ преступниковъ. Такъ смотритъ *Геффтеръ* [111]), *Блюнчли* [112]), *Людеръ* [113]) и *Гель* [114]). Оба послѣдніе авторы, исходя изъ того положенія, что лицё можетъ быть законнымъ комбатантомъ только тогда, если оно уполномочено участвовать въ войнѣ своимъ правительствомъ, признаютъ законными только тѣ поголовныя возстанія, которыя организованы правительствомъ, а такъ-какъ въ частяхъ территоріи, подвергшихся непріятельской оккупаціи, законная правительственная власть перестаетъ существовать и временно переходитъ къ оккупанту, то всякое возстаніе населенія въ занятой непріятелемъ области есть преступленіе, бунтъ, разбой, и должно быть преслѣдуемо въ уголовномъ порядкѣ. Равнымъ образомъ противъ признанія правъ законныхъ комбатантовъ за возставшимъ населеніемъ занятой непріятелемъ территоріи высказываются: *Голленъ-Жакменъ* [115]), который видитъ въ подобныхъ возстаніяхъ или преступный

---

[111]) *Гeффтеръ*. «Европейское международное право», русск. перев. бар. Таубе. СПБ. 1880, стр. 243.

[112]) *Bluntschli*. «Das moderne Völkerrecht». 1878. § 598. «Wenn aber eine feindliche Gegend von der Kriegsgewalt eingenommen und besetzt ist, so gilt während dieses Besitzes ein Aufstand als Verletzung des Kriegsrechts und kann strafrechtlich behandelt werden».

[113]) *Lueder*. «Holzendorffs Hndbch.» IV. § 94, s. 385. «im Falle, dass die Occupation stattgefunden hat, kann natürlich keine Rede von der Statthaftigkeit der Bewaffnung sein.

[114]) *Guelle*. «Précis». II, p. 62—68.

[115]) *Rollin-Jacquemyns*. Revue de Dr. Int. 1875. VII.

заговоръ съ цѣлью убійства, подобный Сициліанскимъ вечернямъ, или разбой (banditisme), *Гренандеръ* [116]), *Либеръ* [117]) и *Кальво* [118]), хотя послѣдній выражается довольно неопредѣленно, допуская и поголовныя возстанія подобнаго рода и всякія мѣры къ ихъ подавленію, какъ законныя дѣйствія; *Броше* [119]) и *Сёмнеръ-Мэнъ* [120]) не даютъ положительнаго мнѣнія по этому вопросу; но за-то *Фіоре* [121]), *Эйхельманнъ* [122]), *Лентнеръ* [123]) и *Пилле* [124]) категорически требуютъ признанія за такимъ возставшимъ населеніемъ занятой непріятелемъ территоріи правъ законныхъ комбатантовъ; при этомъ, какъ Фіоре, такъ и Пилле, приводятъ въ доказательство справедливости этого требованія тотъ вѣскій доводъ, что непонятно, почему слѣдуетъ отказать въ правахъ законнаго комбатанта населенію, возставшему en-masse противъ непріятеля-оккупанта, когда эти права признаются современнымъ международнымъ правомъ за населеніемъ, возставшимъ противъ своего законнаго правительства. Доводъ этотъ весьма основателенъ: почти всѣ новѣйшіе авторы по

---

116) *Grenander*. Op. cit., p. 30. «Ne peuvent prétendre, par contre, au point de vue du droit des gens, aux droits et à la protection de soldats les individus qui se mettent en rébellion de guerre dans un pays effectivement occupé par l'ennemi».

117) *Lieber*. «Instructions», art 85. «War rebels are persons within an occupied territory, who rise in arms against the occupying or conquering army... they are not prisoners of war... if captured, they may suffer death».

Lieber. «Guerilla parties», p. 13.

118) Calvo. Op. cit. II, p. 157—158.

119) *Brocher*. «Les principes naturels du droit de la guerre». R. de Dr. Int. V. 1873, p. 342.

120) *Sir Summner Maine*. «le droit International—la guerre—Paris. 1890, p. 225.

121) *Fiore*. Op. cit. § 1351.—«Si on ne refuse pas aux citoyens qui» s'organisent militairement pour combattre le pouvoir légitimement constitué le droit d'être traités en ennemis publics, comment voudrait-on refuser ce droit à la population du territoire occupé, qui s'organiserait pour repousser l'envahisseur».

122) *Eichelmann*. Ueber die Kriegsgefangenschaft», Dorpat. 1878, s. 101.

123) *Lentner*. «Das Recht im Kriege», s. 74.

124) *Pillet*. «le droit de la Guerre». Paris. 1892, p. 130.

международному праву [125]) и установившаяся практика [126]) считают возставшее изъ-за политическихъ цѣлей противъ своего законнаго правительства населенie за воюющую сторону и признаютъ за нимъ права законныхъ комбатантовъ; между тѣмъ, такое возставшее населенie, каковы-бы не были побудительныя причины возстанiя, безспорно совершаетъ государственное преступленie; напротивъ того, населенie, возстающее противъ непрiятеля — оккупанта, преслѣдуетъ законныя государственныя цѣли и съ точки зрѣнiя государственнаго права выполняетъ свой долгъ. Трудно понять, почему такое населенie должно быть поставлено международнымъ правомъ въ худшiя условiя, чѣмъ населенie, возмутившееся противъ своего законнаго правительства. Мы можемъ прибавить здѣсь еще слѣдующее соображенie: признаемъ-ли мы, или нѣтъ за возставшимъ населенiемъ занятой непрiятелемъ территорiи права законныхъ комбатантовъ, все равно, мы этимъ не уничтожимъ этихъ возстанiй, не сдѣлаемъ ихъ даже болѣе рѣдкими, такъ-какъ къ поголовному возстанiю подобнаго рода населенie прибѣгаетъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда патрiотическое чувство возбуждено до такой сильной степени, что большинство населенiя предпочитаетъ смерть перспективѣ подчиненiя чуждому господству, когда человѣкъ забываетъ о личномъ интересѣ и личномъ самосохраненiи во имя цѣлости государства. При такомъ настроенiи возставшаго населенiя отказъ ему въ правахъ законныхъ комбатантовъ со стороны непрiятеля, отказъ, равносиль-

[125]) См., напр., *Bluntschli.* «Modernes Völkerrecht». § 24 и § 512; *Мартенсъ.* «Современное международное право». Т. II, стр. 468; *Fiore* Nouveau droit international public. III. § 1265.

[126]) Въ 1848 Австрiйское правительство признавало права законныхъ комбатантовъ за возставшими Венгерцами и Итальянцами и даже вступило съ ними въ переговоры [см. примѣры въ анонимномъ сочиненiи: «Die Kriegerischen Ereignisse in Italien im Jahre 1848 — 1849.— Zürich. 1850]. Равнымъ образомъ, при возстанiя южныхъ штатовъ противъ сѣверныхъ въ 1861 г., сѣверо-американское правительство не только признавало за южанами права законныхъ комбатантовъ, но даже издало особыя инструкцiи для поведенiя своихъ войскъ;—знаменитыя «Полевыя Инструкцiи» Либера.

ный признанію этого населенія за собраніе убійцъ и разбойниковъ, будетъ имѣть единственнымъ своимъ слѣдствіемъ большую ожесточенность въ борьбѣ, взаимное истребленіе воюющихъ сторонъ и для самого оккупанта будетъ стоить бóльшихъ жертвъ, чѣмъ обыкновенная война. Люди, которымъ терять нечего, которые осуждены или быть убитыми на полѣ сраженія, или быть взятыми въ плѣнъ и разстрѣлянными, конечно, не будутъ въ свою очередь давать пощады врагу; съ обѣихъ сторонъ будетъ примѣняться къ войнѣ излишнее, чрезмѣрное, а, слѣдовательно, и преступное насиліе. Достаточно вспомнить Наполеоновскія войны въ Испаніи, чтобы понять, насколько малоуспѣшно въ смыслѣ усмиренія страны и насколько жестоко и немилосердно было поведеніе французскихъ войскъ, поведеніе, вызвавшее въ свою очередь страшное ожесточеніе въ населеніи Испаніи. Защита Сарагоссы представляетъ высшій примѣръ того, до чего можетъ дойти ожесточенное и приведенное въ отчаянье суровыми мѣрами непріятеля мирное населеніе: защита длилась три мѣсяца, стоила французамъ огромныхъ жертвъ и когда, наконецъ, они вошли въ городъ, то имъ въ буквальномъ смыслѣ слова приходилось брать приступомъ каждую улицу, каждый домъ, каждую комнату въ домѣ.—Напротивъ того, разъ возставшее населеніе знаетъ, что за нимъ признается право законнаго комбатанта, что въ случаѣ неуспѣха какого-нибудь военнаго дѣйствія, или даже самаго возстанія, оно можетъ положить оружіе и сдаться въ плѣнъ и что непріятель не станетъ обращаться съ подобными плѣнниками, какъ съ разбойниками и убійцами, то населеніе это, увидя явную невозможность продолжать долѣе борьбу съ непріятелемъ, само охотно положитъ оружіе. Въ венгерскую компанію 1848 г. вся армія Гёргея сдалась русскимъ войскамъ, такъ-какъ ясно было, что сраженіе не могло быть дано съ пользою для венгерцевъ. На этомъ основаніи, намъ кажется, что современное право войны и практика войнъ должны безусловно признать за возставшимъ населеніемъ занятой непріятелемъ территоріи права законныхъ комбатантовъ, если только

это возставшее населеніе, съ своей стороны, выполнило тѣ условія, которыя требуются отъ поголовныхъ возстаній правомъ войны, т. е.; если оно увѣдомило непріятеля о своемъ возникновеніи посредствомъ расклейки афишъ, коллективнаго воззванія нѣсколькихъ представителей возставшей части населенія и т. п.; если участники возстанія носятъ извѣстный отличительный знакъ и соблюдаютъ обычаи и законы войны. Первое условіе, конечно, довольно трудно выполнимо и предполагаетъ извѣстный предварительный заговоръ возстающихъ, извѣстную организацію возстанія; намъ кажется, что и не можетъ быть возстанія безъ этого предварительнаго, такъ сказать, инкубаціоннаго періода, такъ-какъ, для того, чтобы народъ поголовно возсталъ, необходима въ немъ наличность извѣстной сознательной солидарности. Непріятель, оккупирующій данную территорію, конечно, въ правѣ стараться препятствовать репрессивными мѣрами зарожденію и развитію подобнаго возстанія; но разъ оно уже разыгралось, онъ не долженъ, какъ въ видахъ справедливости и гуманности, такъ и въ видахъ своей личной пользы, отказывать его участникамъ въ правахъ законныхъ комбатантовъ, т. е. долженъ, при возможности это сдѣлать, брать ихъ въ плѣнъ и обращаться съ ними, какъ съ военноплѣнными, а не какъ съ уголовными преступниками.— Насколько такія поголовныя возстанія, вообще говоря, могутъ содѣйствовать дѣлу національной обороны государства, мы разсматривать здѣсь не будемъ, такъ-какъ вопросъ этотъ относится скорѣе къ военной практикѣ, чѣмъ къ международному праву. Замѣтимъ здѣсь, однако, что, не смотря на всеобщую воинскую повинность и на введеніе въ практику войны такого рода оружія, которое требуетъ дѣйствія большими и военнымъ образомъ организованными массами, требуетъ спеціально-военной подготовки солдата, вопросъ о поголовныхъ возстаніяхъ, далеко еще не сталъ вопросомъ чисто-теоретическимъ и легко можетъ сдѣлаться животрепещущимъ современнымъ вопросомъ дня. Если войны въ наше время стали сравнительно рѣдкимъ явленіемъ, то за то онѣ приняли характеръ національныхъ

т. е. такихъ войнъ, которыя являются борьбой не только между государями (какъ было въ XVII и XVIII в.), или даже государствами, но борьбой національностей, и ведутся онѣ, большею частью, не изъ-за какихъ либо второстепенныхъ государственныхъ интересовъ, а изъ-за исторически-сложившихся стремленій и тенденцій народовъ. Было-бы крайне близорукой ошибкой видѣть въ франко-прусской войнѣ 1870 г. лишь столкновеніе изъ-за династическихъ правъ дома Гогенцоллерновъ на испанскій престолъ, или изъ-за дипломатическихъ недоразумѣній; цѣль войны была болѣе широкая — основаніе единаго германскаго государства. Равнымъ образомъ русско-турецкая война 1877—1878 г. никакъ не можетъ быть приписана единственно только одному желанію Россіи заступиться за права своихъ единовѣрцевъ на Балканскомъ полуостровѣ, или создать независимую Болгарію; цѣль этой войны, причины ея кроются въ исторической миссіи русскаго народа, постоянно со времени еще Петра I-го, стремившагося на Западъ, скажемъ даже болѣе—Россія этой войной только продолжала миссію другихъ славянскихъ народовъ, стремившихся всегда овладѣть Балканскимъ полуостровомъ и основать единое славянское государство. Нынѣшнее столѣтіе показало намъ непреодолимое стремленіе народовъ одной національности слиться въ національныя государства; цѣль эту преслѣдуетъ и Россія, для достиженія-же ея, прежде всего необходимо сильное и прочное ея положеніе среди Европейскихъ государствъ, матеріальныя средства, развитую торговлю, а все это можетъ быть получено пріобрѣтеніемъ удобнаго, судоходнаго въ теченіе большей части года и національнаго моря. Такимъ моремъ для Россіи является Черное; для полнаго господства-же надъ нимъ необходимо господство надъ проливами.—Вотъ цѣль всѣхъ турецкихъ войнъ Россіи. Національзація войнъ заставляетъ народонаселеніе воюющихъ государствъ принимать живѣйшее участіе въ исходѣ войны; отсюда понятно, что при неудачной для даннаго государства войнѣ, мирное населеніе будетъ въ будущемъ еще болѣе склоннымъ прибѣгать къ вооруженной самопомощи, къ

поголовнымъ возстаніямъ и будущему столѣтію предстоитъ, можетъ быть, видѣть не бывалое до сихъ поръ развитіе такихъ поголовныхъ возстаній. Поэтому, весьма было-бы желательно, чтобы въ наукѣ вопросъ о поголовныхъ возстаніяхъ подвергся возможно полной и всесторонней разработкѣ, и чтобы государства пришли на этотъ счетъ къ какому-бы то ни было международному соглашенію. Резюмируя всѣ выводы этой главы, мы можемъ сказать, что *законнымъ комбатантомъ, вообще говоря, принадлежитъ-ли лицё къ иррегулярной, къ регулярной арміи, или къ поголовному возстанію, должно быть признано лицё, открыто взявшееся за оружіе отъ имени и въ интересахъ своего государства, носящее извѣстный отличительный, постоянный и видимый на достаточно далекое разстояніе внѣшній признакъ, отличающій его отъ некомбатантовъ, соблюдающее законы и обычаи войны и принадлежащее или къ военнымъ образомъ организованному отряду, или къ поголовному возстанію.* Условіе, требуемое нами при поголовныхъ возстаніяхъ, чтобы о началѣ поголовнаго возстанія непріятель былъ должнымъ образомъ извѣщенъ, уже содержится въ условіи открытаго веденія военныхъ дѣйствій.

Глава IV.

ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ АКТИВНЫХЪ КОМБАТАНТОВЪ.

Въ предыдущей главѣ мы установили понятіе о законномъ комбатантѣ и указали на тѣ условія, которыя предъявляются современной теоріей и практикой права войны къ личности для признанія за ней правъ законнаго комбатанта. Такимъ образомъ, мы разбили все населеніе воюющихъ государствъ на двѣ главныя категоріи лицъ, комбатантовъ и некомбатантовъ, категоріи, пользующіяся, согласно современной теоріи и практикѣ, совершенно различными правами и несущія различ-

ныя обязанности. Сообразно этому основному дѣленію лицъ и самое изученіе юридическаго положенія личности во время войны должно быть раздѣлено на два отдѣла, на изученіе правъ и обязанностей комбатантовъ съ одной стороны и некомбатантовъ, мирнаго населенія, съ другой. Кромѣ комбатантовъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, или, какъ ихъ обыкновенно принято называть, активныхъ комбатантовъ, существуютъ еще т. н. пассивные комбатанты, занимающіе по своему юридическому положенію среднее мѣсто между активными комбатантами и некомбатантами; изученіе ихъ правъ и обязанностей должно быть помѣщено отдѣльно, между главой о правахъ и обязанностяхъ активныхъ комбатантовъ и главой о некомбатантахъ. Наконецъ, во время всякой войны какъ между комбатантами, такъ и между некомбатантами встрѣчаются лица, нарушившія свои обязанности, преступники противъ обычаевъ и законовъ войны. Необходимо точно установить кого и въ какихъ случаяхъ должно признать такимъ преступникомъ, какому наказанію должны они быть подвергнуты и кому принадлежитъ право суда и наказанія надъ ними; все это составитъ предметъ отдѣльной главы о репрессаліяхъ. Итакъ, изученіе юридическаго положенія личности во время войны мы раздѣлили на слѣдующіе четыре отдѣла:

1° права и обязанности активныхъ комбатантовъ,
2° права и обязанности пассивныхъ комбатантовъ,
3° права и обязанности мирнаго населенія—(некомбатантовъ),
4° положеніе преступниковъ противъ права войны,—о репрессаліяхъ.

Въ свою очередь ученіе о правахъ и обязанностяхъ активныхъ комбатантовъ можетъ быть раздѣлено на три отдѣла:

a) права и обязанности активныхъ комбатантовъ по отношенію къ активнымъ комбатантамъ другой воюющей стороны,
b) по отношенію къ некомбатантамъ,
c) по отношенію къ пассивнымъ комбатантамъ.

Въ виду тѣсной связи правъ и обязанностей активныхъ комбатантовъ съ правами и обязанностями лицъ послѣднихъ двухъ категорій, когда они входятъ въ соприкосновеніе съ активными комбатантами, мы ограничимся въ настоящей главѣ лишь изученіемъ правъ и обязанностей активныхъ комбатантовъ одной изъ воюющихъ сторонъ по отношенію къ активнымъ-же комбатантамъ другой *).

Итакъ, приступимъ теперь *къ изученію правъ и обязанностей активныхъ комбатантовъ по отношенію къ активнымъ комбатантамъ другой воюющей стороны.*

Война по существу своему является насиліемъ одного государства надъ другимъ, вооруженной борьбой между военными органами воюющихъ сторонъ и потому, вполнѣ понятно, что отношенія между активными комбатантами этихъ сторонъ по существу своему суть отношенія двухъ борющихся силъ, изъ которыхъ каждая стремится уничтожить или ослабить сопротивленіе другой, слѣдовательно, человѣческая личность, активнымъ образомъ участвующая въ этой борьбѣ государствъ въ качествѣ спеціально къ тому предназначеннаго государственнаго органа,—комбатантъ, неминуемо должна примѣнять къ такой-же личности враждебнаго государства и, въ свою очередь, терпѣть насиліе. Выше мы уже указывали, что главной и основной обязанностью всякаго активнаго комбатанта является выполненіе имъ добровольно на себя принятой или возложенной на него государствомъ, въ интересахъ сего послѣдняго, государственной функціи, защиты силой оружія государственныхъ интересовъ своего отечества; обязанность эта, нося чисто государственноправовой характеръ, имѣетъ однако для международнаго права то важное слѣдствіе, что лишаетъ eo ipso комбатанта на все время продолженія военныхъ дѣйствій при-

---

*) Изученіе правъ и обязанностей активныхъ комбатантовъ по отношенію къ пассивнымъ комбатантамъ и къ некомбатантамъ противной воюющей стороны будетъ нами изучено одновременно съ правами о обязанностями пассивныхъ комбатантовъ и мирнаго населенія во второй части даннаго сочиненія. Эта вторая часть составитъ отдѣльную монографію о правахъ и обязанностяхъ некомбатантовъ; туда-же войдутъ и ученія о пассивныхъ комбатантахъ и о репрессаліяхъ.

сущаго каждой человѣческой личности права на личную неприкосновенность; комбатантъ, являясь одной изъ составляющихъ частей силы сопротивленія своего государства, силы, съ которой борется другое, враждебное государство, можетъ быть лишенъ свободы и жизни и, въ свою очередь, можетъ лишить жизни и свободы враждебнаго комбатанта, ибо это лишеніе личности активнаго комбатанта правъ личной неприкосновенности является единственными на войнѣ средствами, если не считать случая болѣзни, способными уничтожить силу сопротивленія непріятеля. Итакъ, юридическое положеніе активнаго комбатанта во время войны имѣетъ то существенное отличіе отъ юридическаго положенія вообще всякаго [не совершившаго преступленія, караемаго лишеніемъ этихъ правъ], что онъ лишенъ права личной неприкосновенности, т. е., согласно дѣйствующему праву войны можетъ быть убитъ, раненъ и лишенъ свободы—взятъ въ плѣнъ.

Однако было-бы ошибочнымъ думать, что активный комбатантъ всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ лишенъ права личной неприкосновенности; первымъ ограниченіемъ является тутъ то обстоятельство, что безнаказанно лишить жизни или свободы, или нанести пораненіе активному комбатанту можетъ только активный-же законный комбатантъ непріятеля; всякое такое дѣйствіе со стороны активнаго комбатанта той-же воюющей стороны, къ которой принадлежитъ потерпѣвшій, или со стороны некомбатанта, или пассивнаго комбатанта есть обыкновенное уголовное преступленіе и карается, обыкновенно, даже строже послѣдняго. Затѣмъ, современное право войны безусловно осуждаетъ, какъ преступленіе, всякое нанесеніе вреда активному комбатанту, сопряженное съ вѣроломствомъ, ибо согласно современнымъ идеямъ о войнѣ, она должна быть честной и открытой борьбой, что, впрочемъ, не исключаетъ, какъ мы ниже увидимъ, примѣненія къ ней хитрости, лишь-бы она не была связана съ вѣроломствомъ. Бываютъ случаи, когда на войнѣ обѣ воюющія стороны по взаимному соглашенію признаютъ на извѣстный періодъ времени за из-

вѣстными активными комбатантами и даже за цѣлыми отрядами право личной неприкосновенности: имъ пользуются комбатанты обѣихъ воюющихъ сторонъ при перемиріяхъ (suspensions d'armes, armistices), при дачѣ свободнаго пропуска (sauf-conduits) и при назначеніи для какихъ либо военныхъ цѣлей парламентеровъ.

Наконецъ, активный комбатантъ лишенъ права личной неприкосновенности только постольку, поскольку это является необходимостью для достиженія цѣли войны; всякое насиліе не оправдываемое этою конечною цѣлью войны, уничтожить сопротивленіе враждебной воюющей стороны, излишне и слѣдовательно не должно быть допущено на войнѣ [1]); равнымъ образомъ если комбатантъ и м. б. лишенъ права личной неприкосновенности, то въ нравственную обязанность воюющихъ сторонъ вмѣняется по возможности стараться уничтожить сопротивленіе даннаго комбатанта безъ лишенія его жизни и безъ причиненія ему излишнихъ страданій. Необходимо проникнуться убѣжденіемъ, что право войны видитъ въ комбатантѣ, съ одной стороны, орудіе сопротивленія борющихся сторонъ и потому допускаетъ надъ нимъ извѣстное насиліе, но что, съ другой стороны, человѣкъ никогда не перестаетъ быть человѣкомъ, а потому право войны допускаетъ только то насиліе, которое направлено противъ комбатанта, какъ противъ орудія сопротивленія своего государства, и разсматриваетъ какъ преступленіе всякое насиліе противъ человѣка, какъ противъ таковаго. Цѣль современной цивилизованной войны,—уничтожить сопротивленіе противника съ возможно меньшимъ нарушеніемъ правъ отдѣльной человѣческой личности, съ возможно меньшимъ примѣненіемъ къ достиженію этой цѣли насилія. Мысль эта была прекрасно высказана еще въ 1795 г. Аббатомъ Грегуаромъ въ его „Déclaration de principes fondamentaux du droit des

---

[1]) *Eichelmann* O. «Ueber die Kriegsgefangenschaft». Dorpat. 1868. S. 101—102. «So lange der Widerstand fortdauert, ist Widerstand dagegen berechtigt, dieser muss aufhören, wenn jene Bedingung nicht mehr besteht». См. также ib. S. 106.

gens", предложенной имъ Національному Конвенту; вотъ его слова: „les nations doivent se faire dans la paix le plus de bien, et dans la guerre le moins de mal possible".—Сочетать достиженіе непосредственной цѣли войны съ возможно наименьшимъ количествомъ жертвъ и страданій, испытываемыхъ благодаря войнѣ человѣческой личностью, облегчить эти страданія, когда испытывающая ихъ личность не въ состояніи болѣе сопротивляться достиженію цѣли войны, однимъ словомъ, гуманизація права войны, вотъ къ чему должно стремиться современное право войны; конечно, это не единственная его цѣль, но во всякомъ случаѣ цѣль весьма важная. Оно старается достичь ея, выработывая какъ путемъ теоріи, такъ и практики, извѣстныя юридическія нормы, долженствующія отдѣлить дозволенныя на войнѣ дѣйствія, т. е. прямо ведущія къ преслѣдуемой войной цѣли, отъ недозволенныхъ. Цѣль войны, какъ мы уже это не разъ замѣчали,—силой заставить противника отказаться отъ сопротивленія достиженію извѣстныхъ интересовъ даннаго государства, или, наоборотъ, воспрепятствовать враждебному государству достичь преслѣдуемыхъ имъ интересовъ. Силы, которыми въ обоихъ этихъ случаяхъ располагаютъ и дѣйствуютъ государства, суть прежде всего ихъ вооруженныя силы, ихъ арміи и ихъ разновидности: вольные партизанскіе отряды, милиціи, ополченія, поголовныя возстанія и т. п., затѣмъ денежныя и матеріальныя средства.

Вооруженныя военныя силы государствъ состоятъ преимущественно изъ активныхъ комбатантовъ, такъ-что противодѣйствіе, оказываемое на войнѣ однимъ государствомъ другому, есть прежде всего противодѣйствіе комбатантовъ одной изъ воюющихъ сторонъ комбатантамъ другой. Всякое средство, могущее ослабить сопротивленіе комбатантовъ враждебнаго государства, должно быть допущено на войнѣ *), такъ-какъ

*) Исключаются изъ числа дозволенныхъ тѣ средства вредить непріятелю, которыя, даже если они и могутъ содѣйствовать успѣху войны, соединены съ вѣроломствомъ, такъ-какъ война по давно укоренившемуся среди цивилизованныхъ народовъ убѣжденію, должна быть борьбой честной. Римляне еще говорили: fides et hostibus servanda est.

этимъ достигается непосредственная цѣль войны, слѣдовательно въ принципѣ необходимо допустить право комбатантовъ ранить, убить и взять въ плѣнъ комбатантовъ враждебнаго лагеря, но, разъ, какимъ-бы то ни было образомъ непріятельскій комбатантъ лишенъ возможности сопротивляться, всякое насиліе надъ нимъ, являясь излишнимъ и не могущимъ споспѣшествовать достиженію цѣли войны, является недозволеннымъ и преступнымъ. Болѣе того, современное право войны и нравственное чувство цивилизованныхъ народовъ требуютъ, чтобы побѣдитель видѣлъ въ обезоруженномъ врагѣ такого-же человѣка, какъ и онъ самъ, чтобы онъ стремился облегчить страданія побѣжденнаго и отнесся къ нему не какъ къ врагу, а какъ къ члену общечеловѣческой семьи; еще Римляне говорили, hostes, dum vulnerati, fratres; равнымъ образомъ, разъ враждебный комбатантъ добровольно или вслѣдствіе извѣстнаго насилія обезоруженъ, онъ можетъ быть лишенъ свободы, но это лишеніе свободы должно имѣть характеръ только предупредительной мѣры противъ возможнаго въ будущемъ сопротивленія враждебнаго комбатанта, а отнюдь не характеръ наказанія, такъ-какъ плѣнный не преступникъ, слѣдовательно плѣнъ долженъ быть ни унизительнымъ, ни жестокимъ и долженъ оканчиваться немедленно по окончаніи войны, такъ-какъ разъ цѣль войны достигнута, нѣтъ болѣе и сопротивляющихся элементовъ, нѣтъ, слѣдовательно, и основанія лишать человѣческую личность присущаго ей права личной неприкосновенности и свободы.

Исходя изъ этихъ соображеній, современное право войны выработало рядъ международныхъ обычаевъ и законовъ, которыми оно старается по мѣрѣ возможности и по стольку, по скольку это совмѣстимо съ достиженіемъ непосредственной цѣли войны, устранить на войнѣ излишнія страданія и облегчить участь больныхъ, раненыхъ и плѣнныхъ комбатантовъ; этими обычаями и законами международное право войны стремится юридически установить извѣстныя права и обязанности комбатантовъ воюющихъ сторонъ по отношенію ихъ другъ къ

другу и опредѣлить тѣ границы, въ которыхъ можетъ быть допущено на войнѣ насиліе. Всѣ эти законы и обычаи войны, имѣющіе своею цѣлью обезпечить личность комбатанта отъ насилія, не оправдываемаго цѣлью войны, являются, съ одной стороны, правами законныхъ комбатантовъ, съ другой-же стороны ихъ обязанностями по отношенію къ непріятельскимъ комбатантамъ; обычаи эти и законы могутъ быть раздѣлены на двѣ группы 1): на нормы, регулирующія положеніе активнаго комбатанта, когда онъ приведенъ въ состояніе несопротивленія, иными словами, на обычаи и законы войны, опредѣляющіе юридическое положеніе активнаго комбатанта въ пассивномъ его состояніи,—законы о раненыхъ и больныхъ воинахъ, обычаи права войны относительно военноплѣнныхъ; 2) на обычаи и законы войны, относящіеся къ способамъ приведенія непріятельскаго комбатанта въ состояніе несопротивленія, къ способамъ веденія войны. Прибавивъ сюда еще тѣ нормы права войны, которыми регулируются исключительное положеніе нѣкоторыхъ активныхъ комбатантовъ, за которыми на извѣстный періодъ времени обѣими воюющими сторонами признается право личной неприкосновенности, мы можемъ разбить весь нашъ очеркъ юридическаго положенія активныхъ комбатантовъ на слѣдующіе три отдѣла:

1. о средствахъ, которыми комбатантъ въ правѣ располагать для борьбы съ непріятелемъ;
2. объ юридическомъ положеніи активныхъ комбатантовъ, приведенныхъ въ состояніе несопротивленія;
3. о случаяхъ, когда на войнѣ за активными комбатантами признается обѣими воюющими сторонами право личной неприкосновенности.—Перемирія и парламентеры.

I. О способахъ веденія войны.

Подъ способами веденія войны мы подразумѣваемъ вообще всѣ тѣ дѣйствія, всѣ тѣ средства, при помощи которыхъ

комбатанты одной изъ воюющихъ сторонъ стараются уничтожить силу сопротивленія другой; такими средствами ослабить сопротивленіе врага являются, вообще говоря, физическая сила, насильственныя дѣйствія, хитрость, и обманъ [2]). Такъ-какъ обоими этими средствами можетъ быть достигнута непосредственная цѣль войны, то комбатанты въ правѣ располагать ими, но право это имѣетъ однако свои предѣлы: границею законнаго примѣненія насилія является, какъ мы сейчасъ это видѣли, цѣлесообразность насильственныхъ дѣйствій съ требованіями войны, [3]) границей-же примѣненія къ военнымъ дѣйствіямъ обмана, служитъ то условіе, чтобы обманъ этотъ не былъ сопряженъ съ вѣроломствомъ, съ нарушеніемъ даннаго слова, ибо старинное римское изреченіе, fides etiam hosti servanda est, до сихъ-поръ всѣми цивилизованными народами признается за аксіому и современное право войны требуетъ, чтобы военныя дѣйствія велись открыто и честно, [4]) что, однако, не исключаетъ права воюющихъ сторонъ стараться ввести другъ друга въ обманъ или заблужденіе и воспользоваться имъ для достиженія цѣли войны. — Согласно этимъ ограниченіямъ примѣненія насилія и обмана во время войны, воспрещаютъ воюющимъ сторонамъ извѣстные способы веденія войны, сопряженные или съ излишнимъ насиліемъ надъ человѣческой личностью, или съ вѣроломствомъ. Такими воспрещенными средствами вредить непріятелю должны быть признаны слѣдующія:

---

[2]) *Lueder.* Hlzd. Hndbch. IV. § 95; *Guelle.* «Précis». I. p. 91. *Blüntschli*, Op. cit. § 565; *Гефтеръ.* «Европ. Междунар. Право». § 125.—Фридрихъ Вел. говорилъ, что на войнѣ надо быть и львомъ и лисицей и что часто сила бываетъ безсильна передъ хитростью.

[3]) *Fiore* (Op. cit. III § 1318) прекрасно опредѣляетъ, какъ нужно смотрѣть на примѣненіе насилія на войнѣ: «la guerre étant une relation d'Etat à Etat, et non d'individu à individu, il serait seulement conforme aux lois de la guerre et de l'honneur militaire d'employer les moyens d'attaquent qui tendent directement à affaiblir ou à paralyser la force armée du belligérant. Tout moyen d'attaque qui tendrait directement à nuire aux personnes ou à empirer leur situation, sans avoir pour résultat direct d'affaiblir la force de l'Etat ennemi devrait être considéré comme contraire aux lois de la loyauté et être défendu dans les guerres».

[4]) *Blüntschli.* «Modernes Völkerrecht». § 566; *Гефтеръ.* Op. cit., стр. 240.

А. Средства, воспрещенныя какъ жестокія и причиняющія излишнее насиліе личности.

1. *Дурное или жестокое обращеніе, пораненіе, убійство сдающагося или сдавшагося въ плѣнъ непріятеля* [5]. Сдающійся или сдавшійся въ плѣнъ непріятель самъ отказывается отъ дальнѣйшаго сопротивленія и не является болѣе уже враждебной силой, съ которой надо бороться; цѣль войны по отношенію къ его личности уже достигнута и потому всякое причиненіе вреда такому сдавшемуся непріятелю, дурное обращеніе, пораненіе его, или убійство, является излишнею жестокостью, не оправдываемою военной необходимостью. Въ наше время, конечно, еще можно встрѣтить отдѣльные случаи убійства или истязанія плѣнныхъ, но это исключенія, на которыя и практика и теорія смотритъ не какъ на нормальныя явленія, а какъ на уголовныя преступленія, которыя всегда могутъ случиться, какъ въ мирное, такъ и военное время. Единственной европейской войной въ теченіе этого столѣтія, во время которой этотъ обычай права войны постоянно нарушался одной изъ воюющихъ сторонъ, была русско-турецкая война 1877 — 1878 г. [6]. Современное право войны выработало цѣлый рядъ постановленій относительно юридическаго положенія военноплѣнныхъ, постановленій, съ которыми мы познакомимся подробно въ спеціальной главѣ; замѣтимъ здѣсь только, что этими постановленіями права войны личность военноплѣннаго гарантируется не только отъ какого-бы то ни было физическаго ущерба, но и отъ всякаго обращенія съ нею, могущаго оскорбить эту личность или приравнять ее къ преступнику. Военноплѣнный, согласно нынѣ установившемуся

---

[5]) *Lueder.* Op. cit, въ Hlz. Hndbch. IV. § 96, s. 391. *Bluntschli.* Op. cit. § 579; 585; 591.

[6]) Revue de Dr. Int. VIII, p. 343. — Rollin-Iacquemyns—его сообщенія въ Bulletin International 1877—1878.; *Bulmerincq* въ Schmoller's Iahrbuch f. Gezetzgebung II. 1878, s. 17 и слѣд. *Мартенсъ.* «Восточная война», стр. 412—415; 508; 520 и слѣд.

взгляду въ наукѣ и на практикѣ, есть плѣнникъ не взявшаго его въ плѣнъ, а государства, и при томъ самый плѣнъ есть не карательная мѣра, а только мѣра предосторожности, которою государство, взявшее въ плѣнъ лицѣ старается оградить себя отъ возможнаго новаго вступленія этого лица въ ряды активныхъ комбатантовъ противника. Раненый и взятый въ плѣнъ непріятельскій комбатантъ въ правѣ разсчитывать на медицинскую помощь со стороны взявшаго его государства. Положеніе больныхъ и раненыхъ воиновъ составляетъ предметъ особаго международнаго закона, извѣстнаго подъ именемъ Женевской конвенціи; подробно мы ознакомимся съ нею ниже.

2. *Воспрещается отказывать сдающемуся врагу въ пощадѣ или объявлять заранѣе, что пощада не будетъ ни принята, ни дарована извѣстному врагу* [7]. [Refus de faire quartier]. Такой отказъ въ пощадѣ сдающемуся врагу равносиленъ обращенію войны въ поголовную бойню и является безцѣльной и возмутительной жестокостью; разъ непріятельскій комбатантъ можетъ быть приведенъ въ состояніе несопротивленія безъ ущерба его жизни и здоровья, побѣдитель обязанъ стараться сохранить жизнь такого комбатанта и не въ правѣ отказывать ему въ пощадѣ; онъ можетъ лишить непріятельскаго комбатанта свободы и этимъ оградить себя отъ возможнаго новаго сопротивленія съ его стороны, но лишить жизни онъ не имѣетъ права, такъ-какъ это не оправдывается въ данномъ случаѣ необходимостью самообороны. Однако существуютъ два случая, въ которыхъ отказъ въ пощадѣ сдающемуся врагу допускается многими писателями и практикой войны; это, во-первыхъ, тотъ случай, когда забота о собственной безопасности заставляетъ побѣдителя отказать сдающемуся непріятелю въ пощадѣ и во-вторыхъ, когда этотъ отказъ имѣетъ

---

[7]) *Guelle.* «Précis». I, p. 92; *Dudley Field.* «Projet d'un code international», art. 7. § 6 ; *Lieber.* «Amer. Instr.», art. 61.; *Fiore.* Op. cit. § 1346; § 1348. См. также французскій Manuel de Droit international à l'usage des officiers de l'armée de terre», p. 12. и ниже приведенныхъ авторовъ.

значеніе карательной, репрессивной мѣры, направленной противъ чѣмъ-либо нарушившаго законы войны непріятеля — отказъ въ пощадѣ, какъ репрессалія [8]). Отказъ въ пощадѣ сдающемуся врагу, когда того требуетъ собственная безопасность побѣдителя, когда взятіе въ плѣнъ многочисленнаго непріятельскаго отряда можетъ поставить самого побѣдителя въ крайне критическое и опасное для него положеніе, допускается слѣдующими весьма компетентными авторами: *Гефтеромъ* [9]), *Уитономъ* [10]), *Филлиморомъ* [11]), *Либеромъ* [12]), *Нейманомъ* [13]), *Блюнчли* [14]) и друг. [15]); съ бо́льшимъ колебаніемъ признаютъ это право *Ватель* [16]) и *Эйхельманнъ* [17]); *Данъ* [18]) различаетъ тутъ два случая: a) можно отказать въ пощадѣ въ случаѣ крайней необходимости сдающемуся врагу, когда того требуетъ собственная безопасность побѣдителя; b) отказъ въ пощадѣ уже взятому въ плѣнъ врагу никогда не можетъ быть допущенъ; *Людеръ* [19]) не дѣлаетъ такого различія и вообще допускаетъ

---

[8]) *Décl. de Bruxelles.* Art. 12. b).

[9]) *Гефтеръ* (Op. cit., русск. переводъ. § 128)—«плѣнные, уже обезоруженные, но угрожающіе снова взяться за оружіе могутъ быть безнаказанно убиваемы».

[10]) *Wheaton.* «Eléments de droit international». V. IV. Chap. II. § 2.

[11]) *Phillimore.* «Commentaries upon intern. law». V. III. Ch. XCV.

[12]) *Lieber.* «Instructions». art. 60.

[13]) *Neumann.* Grundriss des heutigen Europ. Völkerrechts. 1877. § 46.

[14]) *Bluntschli.* Op. cit. § 580. «Der militärische Befehl, dem Feinde kein Quartier zu geben, darf nur aus Gründen der Wiedervergeltung (Repressalie) oder in äussersten Nothfällen insbesondere dann gegeben werden, wenn es der eigenen Sicherkeit wegen unmöglich ist, sich mit Kriegsgefangenen zu belasten, niemals aber aus Hass und Rache.

[15]) *Schmalz.* «Das Europeische Völkerrecht». 1817, p. 231.; *Schmelzing.* «System. Grundriss des V.-Rechts». 1818. III, s. 145; *Saalfeld. Hndbch des V.-Rechts*», s. 206. цитированы у Эйхельмана. Op. cit.

[16]) *Vattel.* «Le droit des Gens.» L. III, ch. VIII, § 15.

[17]) *Eichelmann.* «Ueber die Kriegsgefangenschaft». Dorpat. 1878, s. 107.

[18]) *F. Dahn.* «Das Kriegsrecht»,—s. 9.

[19]) *Lueder* въ Hlzdrffs Hndbch. IV. § 107. примѣч. 14.

возможность отказа въ пощадѣ врагу, когда это требуется собственной безопасностью побѣдителя. *Кальво* [20]) рѣшительно возстаетъ противъ отказа въ пощадѣ въ какомъ-бы то ни было случаѣ; онъ называетъ убійство сдающагося въ плѣнъ врага преступленіемъ противъ человѣчества (crime de lése-humanité) и считаетъ, что никакая случайность войны не можетъ настолько заглушить голосъ совѣсти и христіанскаго чувства, чтобы можно было оправдать подобные поступки. Такъ-же рѣшительно противъ допущенія отказа въ пощадѣ высказываются *Фіоре* [21]) и *Пилле* [22]); послѣдній считаетъ, что побѣдитель, не имѣющій возможности удержать въ своей власти большое количество плѣнныхъ, обязанъ отпустить, освободить ихъ; „это", говоритъ названный авторъ, „нисколько не должно казаться страннымъ и противнымъ военнымъ интересамъ побѣдителя, такъ-какъ случается-же на войнѣ, что одна изъ воюющихъ сторонъ, завладѣвъ непріятельскимъ городомъ, видитъ себя вынужденной покинуть его и, согласно современной практикѣ, дѣлаетъ это не разрушая покидаемаго города". Разсужденіе это было-бы вѣрнымъ, еслибы можно было поручиться, что отпущенные на свободу военноплѣнные въ свою очередь оставятъ въ покоѣ своихъ бывшихъ побѣдителей; легко можетъ случиться, что отрядъ, отпустившій на свободу своихъ военноплѣнныхъ, подвергнется ихъ нападенію и въ свою очередь будетъ или уничтоженъ ими, или взятъ въ плѣнъ и при томъ такое дѣйствіе

---

[20]) *Calvo.* «Le Droit international». 1872. § 860.

[21]) *Fiore.* Op. cit. III. § 1347. — «Pour nous, ainsi que nous l'avons déjà dit, il nous paraît impossible de pouvoir jamais justifier le refus de faire quartier aux trouppes ennemies, même dans les cas spéciaux indiqués par les publicistes.... И далѣе въ томъ-же §-ѣ: Le massacre de ceux qui demandent à se rendre ne pourrait pas se justifier par la difficulté de se charger de leur garde».

[22]) *Pillet.* «Le droit de la guerre». Paris. 1892, p. 199—200. «—Nous n'hésitons pas à repousser avec Calvo cette doctrine inhumaine (d'avoir le droit de refuser de faire quartier. en cas d'absolue nécessité), parce que nous ne pensons pas qu'il puisse exister à la guerre de nécessité qui la justifie.... Nous concluons donc que l'on à jamais le droit de refuser quartier».

освобожденныхъ военноплѣнныхъ не только будетъ согласно съ обычаями и законами войны, но будетъ даже ихъ прямою обязанностью, какъ активныхъ комбатантовъ, обязанныхъ прежде всего стараться дать возможно большій перевѣсъ своему государству надъ врагомъ.

Наконецъ, Парижское общество для заботы объ улучшеніи быта военноплѣнныхъ (Société pour l'amélioration du sort des prisonniers de guerre) въ своемъ „Projet pouvant servir de base à un Reglement international relatif aux prisonniers de guerre", въ § 14 [23]) говоритъ о томъ, что въ случаѣ, если побѣдитель не можетъ удержать въ своей власти взятыхъ имъ военноплѣнныхъ, онъ долженъ отпустить ихъ, но ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ право ихъ убить.—Вполнѣ раздѣляя гуманныя стремленія членовъ этого общества—Кальво, Пилле и Фіоре, мы, однако, не можемъ согласиться съ ихъ выводами и думаемъ, что, какъ это не печально, но на войнѣ могутъ быть такіе случаи, когда одна изъ воюющихъ сторонъ поставлена въ необходимость отказать въ пощадѣ сдающемуся непріятелю, даже сдавшемуся и взятому въ плѣнъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ сами побѣдители легко могутъ въ свою очередь стать побѣжденными. Не надо забывать, что на войнѣ первой и самой священной обязанностью комбатанта является защита интересовъ той изъ воюющихъ сторонъ, во имя которой онъ дѣйствуетъ; кромѣ того, всякій человѣкъ имѣетъ право заботиться о своей личной безопасности и о сохраненіи своей жизни; нельзя требовать, чтобы на войнѣ, гдѣ личность комбатанта постоянно подвергается опасности, этотъ комбатантъ изъ чувства гуманности къ врагу, къ человѣку, который, будучи свободнымъ и вооруженнымъ, быть можетъ завтра-же его убьетъ, рисковалъ-бы собственной своей свободой и жизнью; представимъ себѣ такой случай: многочисленный гарнизонъ крѣпости,

---

[23]) Si le nombre des prisonniers de guerre faits dans un combat est trop considérable pour qu'il soit possible de les nourrir ou de les garder avec sûreté, on n'a pas le droit de les faire périr».

застигнутый въ расплохъ менѣе численнымъ отрядомъ непріятеля, сдался ему въ плѣнъ, но въ это время на выручку крѣпости идетъ цѣлая армія, отрѣзавшая отрядъ побѣдителей отъ его операціоннаго базиса; что дѣлать отряду? или сдаваться, или, перебивъ гарнизонъ, стараться удержать крѣпость въ своихъ рукахъ до прибытія помощи. Такой случай, конечно, случай весьма рѣдкій, на столько-же, пожалуй, рѣдкій, какъ случай, когда потерпѣвшіе крушеніе матросы, на лодкѣ, среди океана, по жребію убиваютъ одного изъ своей среды и съѣдаютъ его, но оба эти случая возможны и врядъ-ли можно отказать побѣдителю въ правѣ всѣми средствами стараться удержать въ своихъ рукахъ побѣду, если-бы для этого ему даже пришлось отказать въ пощадѣ сдающемуся врагу. Впрочемъ, на практикѣ, насколько намъ извѣстно, такіе случаи крайне рѣдки и мы могли найти въ исторіи войнъ нынѣшняго столѣтія только одинъ случай, когда побѣдитель—Наполеонъ, отступая отъ Яффы въ 1799, принужденъ былъ для безопасности собственной арміи разстрѣлять 2000 плѣнныхъ Арнаутовъ, которые, будучи освобождены и вооружившись, могли отрѣзать ему путь къ отступленію. Остается пожелать, чтобы подобные случаи какъ можно меньше имѣли мѣста въ будущихъ войнахъ, но въ принципѣ нельзя сказать, что Наполеонъ не имѣлъ права лишить жизни своихъ плѣнниковъ; онъ рисковалъ-бы жизнью своихъ собственныхъ солдатъ и исходомъ всей кампаніи.

Допуская отказъ въ пощадѣ сдающемуся врагу въ случаяхъ крайней необходимости, мы въ то-же время совершенно отвергаемъ этотъ отказъ, какъ видъ репрессаліи; если вообще и надо допустить на войнѣ репрессаліи, направленныя противъ жизни непріятельскихъ комбатантовъ, то такія репрессаліи могутъ быть только слѣдствіемъ суда надъ взятыми въ плѣнъ и уличенными въ важныхъ нарушеніяхъ права войны врагами, предоставлять-же солдатамъ въ пылу битвы рѣшать участь сдающихся въ плѣнъ непріятелей, дозволить имъ превратиться, такимъ образомъ, въ судей, исполняющихъ свой собственный

приговоръ, по нашему мнѣнію совершенно противно всякому понятію о правѣ [24]). Лица, нарушившія законы войны, будучи взяты въ плѣнъ, могутъ быть преданы военнополевому суду и этотъ послѣдній можетъ ихъ приговорить къ смертной казни; мы допускаемъ даже, что на практикѣ могутъ встрѣтиться случаи, когда комбатанты одной изъ воюющихъ сторонъ настолько будутъ возмущены поведеніемъ своихъ противниковъ, что не станутъ давать имъ пощады; это печальная, но весьма возможная случайность войны; мы возстаемъ только противъ того, чтобы начальство войскъ одной изъ воюющихъ сторонъ было въ правѣ приказать своимъ солдатамъ не давать пощады сдающемуся врагу.

3. *Воспрещается вѣроломное убійство непріятеля (assassinat), объявленіе извѣстнаго непріятельскаго лица внѣ закона и назначеніе извѣстной платы за его голову* [25]).

Вѣроломное убійство всегда является преступленіемъ, даже на войнѣ, гдѣ лишеніе жизни врага допустимо только во время боя и въ открытой борьбѣ съ нимъ. Впрочемъ, убійство врага изъ-за засады нельзя считать на войнѣ за преступленіе, такъ какъ тутъ примѣняется хитрость, средство, дозволенное на войнѣ, а не вѣроломство; напротивъ того, еслибы

---

[24]) Прекрасно выражается по этому поводу французскій «Manuel de Dr. Internat. à l' usage des officiers» 2-me ed., p. 29. «Ni le soldat, ni l'officier n'ont à se préocuper de cette distinction (de combattans légaux ou illégaux) pour regler leur conduite à l'égard d'un ennemi désarmé.... Si le caractère de belligérant peut lui être contesté, il doit être renvoyé devant la juridiction institué pour connaitre la question». Намъ кажется, что въ принципѣ на войнѣ всякій комбатантъ, сдающійся въ плѣнъ долженъ быть взятъ и только если противъ него возбуждено будетъ обвиненіе въ нарушеніи законовъ войны, преданъ суду, который и можетъ въ случаѣ его виновности приговорить его къ смерти. Въ главѣ о репрессаліяхъ (во 2-ой части этого сочиненія, которую мы намѣренны выпустить въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени) мы подробно займемся этимъ вопросомъ.

[25]) *Blüntshhli.* Op. cit. § 561; 562. *Lueder.* Hlzend. Hndbch. IV, s. 392; *Fiore.* Op. cit. III. § 1341; *Guelle.* «Précis». I, p. 93 и «Guerre continentale», p. 58. *Lieber.* «Instructions». Sec. IX. 148. *Decl. de Bruxelles.* art. 13 b. *Pillet.* «Le droit de la Guerre», p. 148.

какой либо непріятельскій комбатантъ палъ жертвой вѣроломнаго поступка, то его убійца является уголовнымъ преступникомъ. Равнымъ образомъ, въ теоріи и на практикѣ въ теченіе нынѣшняго столѣтія выработался взглядъ, осуждающій подстрекательство къ убійству даннаго лица или назначеніе извѣстной денежной награды его убійцѣ: въ теченіе Наполеоновскихъ войнъ какое-то лицё обратилось къ англійскому министру Фоксу съ предложеніемъ за извѣстное вознагражденіе убить Наполеона, но Фоксъ не только съ негодованіемъ отвергъ это предложеніе, но еще увѣдомилъ самого Наполеона о грозящей ему опасности и выслалъ названное лицё въ одну изъ отдаленныхъ отъ Европы англійскихъ колоній. Этотъ поступокъ Фокса возбудилъ въ тогдашнемъ обществѣ всеобщее одобреніе [26]). Однако въ теченіе тѣхъ-же Наполеоновскихъ войнъ были примѣры назначенія извѣстной платы за голову даннаго лица и объявленія этого лица внѣ закона; такъ, Наполеонъ I назначилъ премію за голову прусскаго партизана Шилля, хотя, надо сказать въ оправданіе такого поступка, что Шилль началъ военныя дѣйствія противъ Наполеона тогда, когда оффиціально Прусское правительство было въ мирѣ съ Франціей; затѣмъ Наполеономъ-же былъ объявленъ внѣ закона прусскій министръ Штейнъ и, наконецъ, самъ Наполеонъ былъ объявленъ союзниками внѣ закона. Въ настоящее время подобныя явленія врядъ-ли возможны на практикѣ, такъ какъ они противны современнымъ понятіямъ національной чести и достоинства и вполнѣ антигуманитарны; кромѣ того, современныя войны гораздо менѣе зависятъ въ своемъ исходѣ отъ какой-либо отдѣльной личности, чѣмъ прежде, являясь колоссальной борьбой двухъ или болѣе народовъ, такъ-что отдѣльныя лица, какъ-бы онѣ не были талантливы и какое-бы положеніе не занимали въ государствѣ или въ войскѣ, имѣютъ лишь второстепенное значеніе, главное-же,—военная подготовка, ма-

---

[26]) *Sumner Maine H. Sir.* «Le droit international»—«la guerre». Paris. 1890, p. 179.

теріальныя средства и готовность всего народа дружно бороться съ врагомъ; послѣдняя франко-прусская война доказала, что безъ подготовки, безъ заранѣе обученныхъ и вооруженныхъ надлежащимъ образомъ войскъ, безъ возможности быстрой и упорядоченной ихъ мобилизаціи, успѣхъ на войнѣ невозможенъ. Франція потерпѣла пораженіе въ 1870 г. не потому, чтобы у нея не было недостатка въ хорошихъ генералахъ, а главнымъ образомъ благодаря своей полной неподготовленности къ войнѣ.

4. *Воспрещается употребленіе комбатантами на войнѣ извѣстнаго рода оружія, безъ нужды увеличивающаго страданія раненыхъ или дѣлающаго каждую рану смертельной.*

Это запрещеніе употребленія на войнѣ извѣстнаго рода оружія мы встрѣчаемъ еще въ средніе вѣка; Сумнеръ Мэнъ [27]) прекрасно излагаетъ всю исторію подобнаго рода запрещеній и даетъ намъ картину постепеннаго развитія идеи о незаконности на войнѣ тѣхъ боевыхъ средствъ, которыя безъ нужды увеличиваютъ страданія раненыхъ. Въ 1139 г. на Латранскомъ соборѣ были преданы проклятію арбалеты, которые названы „ars illa mortifera et Deo odibilis“; введеніе огнестрѣльнаго оружія въ войскахъ было также первоначально принято съ негодованіемъ. Байяръ, „рыцарь безъ страха и упрека“, приказывалъ своимъ солдатамъ не давать пощады врагамъ, вооруженнымъ аркебузами. Папа Иннокентій III буллой воспретилъ употребленіе огнестрѣльнаго оружія въ войскахъ между христіанами; равнымъ образомъ долгое время считались вѣроломными врагами непріятели, вооруженные мушкетами, карабинами, ружьями со штыками. Французскій адмиралъ Конфланъ въ 1759 г. воспретилъ судамъ своей эскадры употреленіе цѣпныхъ ядеръ [28]). — Старинные писатели [29]), а за

---

[27]) *Sir H. Sumner. Maine* «Droit International»—«la guerre», p. 181—186.

[28]) *Calvo.* Op. cit. I, § 849.

[29]) *Vattel.* «Le droit des gens». Liv. 3, ch. 8. §§ 156; 157; *Grotius.* «De jure belli», lib. 3, cap. 4, §§ 16; 17. *Martens.* «Précis». § 263 note a; *Cocceji.* «De armis illicitis».

ними и всѣ новѣйшіе [30]) обыкновенно перечисляютъ всѣ недозволенные на войнѣ роды оружія, цѣпныя, каленыя ядра, брандскугели, ружейную картечь, пули, которымъ придана извѣстная форма, способная сдѣлать нанесенную ими рану болѣе тяжелою (balles machées, figurées, fondues avec des éclats de verre) и т. п., но въ настоящее время, при усовершенствованной техникѣ оружія, всѣ такія запрещенія являются устарѣвшими, и Рюстовъ [31]) совершенно вѣрно, если не вполнѣ прилично, совѣтуетъ писателямъ международнаго права раньше, чѣмъ говорить о воспрещеніи на войнѣ того или другого оружія, справиться у артиллерійскаго солдата, употребительно-ли еще и примѣнимо-ли къ современному образу веденія войны подобнаго рода оружіе.—Однако и среди современнаго оружія существуетъ родъ снарядовъ, который, если бы его безграничное примѣненіе на войнѣ было допущено, способенъ былъ-бы причинять комбатантамъ весьма тяжелыя и вполнѣ безполезныя страданія; мы говоримъ здѣсь о т. н. разрывныхъ снарядахъ. Эти разрывные снаряды, гранаты, бомбы, шрапнель, разрывныя пули, рѣзко дѣлятся по производимому ими дѣйствію на двѣ группы: первую, состоящую изъ всѣхъ снарядовъ различныхъ наименованій и крупнаго размѣра, способныхъ при разрывѣ убить или поранить большое число непріятельскихъ комбатантовъ; какъ-бы не были тяжелы причиняемыя такими снарядами страданія, они имѣютъ свой raison d'être и свое оправданіе въ своей цѣлесообразности: выбивая значительно большее число непріятельскихъ комбатантовъ изъ строя, нежели это можетъ сдѣлать простой литой и цѣльный снарядъ,—ядро, они служатъ непосредственной цѣли войны—возможно болѣе ослабить силу сопротивленія противника. Напротивъ того, снаряды второй группы, отличающієся отъ первыхъ своей незначительной величиной, разрываясь, не могутъ въ обыкновенныхъ

---

[30]) *Fiore. Op. cit.* III, § 1317. *Blüntschli.* Op. cit. § 558. *Lueder.* Hlzd. Hndbch. IV, s. 391. *Guelle.* «Précis» I, p. 94—95; *Pillet.* Op. cit., p. 144. *Мартенсъ.* Совр. Межд. Право. II, стр. и другіе.

[31]) *Rüstow* W. «Kriegspolitik und Kriegsgebrauch», Zürich 1876, s. 176.

условіяхъ выбить изъ строя болѣе одного комбатанта и, слѣдовательно производятъ въ смыслѣ достиженія цѣли войны то-же дѣйствіе, что и обыкновенныя литыя пули, между тѣмъ раны, наносимыя разрывными пулями, въ большинствѣ случаевъ смертельны и всегда крайне тяжелы и мучительны. Такимъ образомъ, разрывныя пули, являясь оружіемъ безцѣльно увеличивающимъ страданія личности, должны быть признаны оружіемъ запрещеннымъ; современная теорія и практика одинаково возстаютъ противъ ихъ употребленія на войнѣ, а съ 1866 г. подобное употребленіе разрывныхъ пуль прямо запрещено международнымъ закономъ, носящимъ названіе Петербургской деклараціи 1866 г. Честь инпціативы этого международнаго закона принадлежитъ покойному Государю Александру II и министру г. Милютину. Исходя изъ высоко гуманнаго побужденія, по возможности устранить на войнѣ всякое излишнее причиненіе страданій личности, русское правительство обратилось къ европейскимъ державамъ съ предложеніемъ вступить въ соглашеніе относительно употребленія на войнѣ разрывныхъ снарядовъ, безцѣльность и жестокость извѣстнаго вида которыхъ, именно разрывныхъ пуль, была уже доказана г. Милютинымъ [32]). Предложеніе русскаго правительства было принято всѣми государствами Европы и въ октябрѣ мѣсяцѣ 1866 г. они назначили своихъ представителей на международную конференцію въ С-Петербургѣ, которая немедленно и открыла свои засѣданія подъ предсѣдательствомъ Милютина. Въ третьемъ-же засѣданіи была подписана декларація, согласно которой договаривающіяся стороны обязались не употреблять въ теченіе войнъ, могущихъ между ними возникнуть, разрывныхъ снарядовъ, вѣсящихъ менѣе 400 граммъ. Декларація приглашаетъ также тѣ изъ государствъ, представителей которыхъ не было на конференціи, присоединиться къ уже подписавшимъ её державамъ. Въ теченіе засѣданій конференціи

---

[32]) См. *Мартенсъ*. «Восточная война и Брюссельская Конференція», стр. 104.

прусскій делегатъ, графъ фонъ-Швейницъ предложилъ воспользоваться случаемъ, чтобы вообще путемъ международнаго соглашенія формулировать и узаконить нѣкоторые обычаи войны, вошедшіе и установившіеся въ практикѣ, но это предложеніе, встрѣченное вообще представителями державъ сочувственно, вызвало горячій протестъ со стороны представителя Англіи, желавшаго держаться исключительно первоначальныхъ рамокъ занятій конференціи. — Такимъ образомъ, С.-Петербургская декларація 1866 г. установила международное обязательство не употреблять на войнѣ мелкихъ разрывныхъ снарядовъ, не могущихъ оказать какой-либо существенной услуги достиженію непосредственной цѣли войны и увеличивающихъ страданія раненныхъ комбатантовъ, а также безъ нужды увеличивающихъ процентъ смертельныхъ ранъ.—Со времени подписанія деклараціи, въ Европѣ было уже три войны—Франко-Прусская 1870—1871, Русско-Турецкая 1877—1878 и Сербо-Болгарская 1888 г.; относительно послѣдней мы ничего особеннаго сказать въ данномъ случаѣ не можемъ, такъ какъ намъ не приходилось встрѣчать въ печати какихъ-либо указаній относительно несоблюденія воюющими сторонами С-Петербургской деклараціи, первыя-же двѣ войны подали поводъ къ взаимнымъ обвиненіямъ обѣихъ воюющихъ сторонъ въ несоблюденіи постановленій этой деклараціи; обвиненія эти, впрочемъ, остались недоказанными и, принимая во вниманіе однородность современнаго вооруженія для цѣлой арміи, равно какъ и голословность возводимыхъ обвиненій [33]), намъ они кажутся вполнѣ неосновательными; если можетъ быть и были отдѣльные случаи употребленія разрывныхъ пуль, то во всякомъ случаѣ правительства государствъ, подписавшихъ деклараціи никогда не вооружали ими своихъ войскъ. — Въ тѣсной связи съ взрывчатыми снарядами стоитъ и употребленіе на войнѣ вообщѣ взрывчатыхъ составовъ, динамита, мелинита и т. п., а равно и примѣненіе къ морской войнѣ торпедо и миноносокъ. Послѣдній вопросъ собственно къ нашему очерку

[33]) О Франко-Прусской войнѣ—см. Rev. de Dr. Int. 1870, p. 665 и 1871, p. 297. О Русско-Турецкой—*Мартенсъ*. „Вост. Война", стр. 417.

не относится, такъ-какъ составляетъ часть права войны на морѣ, но мы можемъ здѣсь однако сказать, что, вообще говоря, какъ употребленіе всякихъ взрывчатыхъ составовъ и снарядовъ, такъ и примѣненіе къ военно-морскому дѣлу торпедо и миноносокъ, вполнѣ законныя средства борьбы съ непріятелемъ, законныя на томъ основаніи, что, служа скорѣйшему достиженію непосредственной цѣли войны, они цѣлесообразны и слѣдовательно допустимы. Всѣ государства въ послѣднее время занимаются подготовкой и изобрѣтеніемъ различныхъ взрывчатыхъ снарядовъ и вводятъ въ составъ своихъ флотовъ цѣлыя эскадры миноносокъ; протестъ противъ ихъ употребленія на войнѣ въ наше время имѣлъ-бы вѣроятно тотъ же успѣхъ, какъ булла Иннокентія III противъ огнестрѣльнаго оружія. Изъ всѣхъ современныхъ авторовъ, писавшихъ о правѣ войны, мы можемъ указать только на одного Фіоре, [34]) который желалъ-бы ограничить употребленіе на войнѣ минъ, но и тотъ не высказывается въ чемъ должны состоять такія ограниченія. Примѣненіе съ военными цѣлями яда безусловно осуждается всей теоріей, *) хотя такое осужденіе намъ кажется и справедливымъ, но уже вполнѣ устарѣвшимъ, такъ-какъ въ современной практикѣ мы нигдѣ не можемъ найти случаевъ примѣненія этого вѣроломнаго средства; то-же надо сказать и относительно зараженія непріятельскаго войска болѣзнями, съ намѣреніемъ произведеннаго одной изъ воюющихъ сторонъ, отравленія колодцевъ, воздуха, и часто встрѣчающагося у старинныхъ писателей обвиненія одной изъ воюющихъ сторонъ въ примѣненіи къ войнѣ сверхестественныхъ, дьявольскихъ чаръ [35]). Всѣ эти способы веденія войны, конечно, должны быть отвергнуты, какъ вѣроломные и несогласные ни съ достоинствомъ цивилизованныхъ народовъ, ни съ гуманностью. Воспрещеннымъ оружіемъ и фактически могущимъ имѣть мѣсто на войнѣ въ наше время является такимъ образомъ теперь ис-

---

[34]) *Fiore*. Op. cit. § 1320—„Nous considérons comme tel (moyen de nuire à l'ennemi incompatible avec l'honneur militaire) l'usage indu des mines".

*) См. также Брюсс. Декл., ст. 13 а.

[35]) См. *Pillet*. „Le droit de la guerre", p. 151—152.

ключительно только всякій разрывной снарядъ вѣсомъ менѣе 400 граммъ; но не трудно заранѣе выставить извѣстные признаки, по которымъ можно было-бы судить насколько всякое нововведеніе въ техникѣ вооруженія можетъ быть допущено правомъ войны какъ законное средство борьбы съ непріятелемъ; исходя изъ того основного принципа, что на войнѣ должно быть допущено всякое насиліе, способствующее непосредственному достиженію цѣли войны, и что, наоборотъ, всякое насиліе, неоправдываемое военною необходимостью, не вліяющее непосредственно на исходъ войны, должно быть отвергнуто какъ незаконное, мы можемъ сказать, что на войнѣ допустимо всякое оружіе, какъ-бы не были тяжелы наносимыя имъ раны, которое своимъ дѣйствіемъ можетъ чѣмъ-либо облегчить для пользующейся имъ воюющей стороны достиженіе непосредственной цѣли войны, т. е. приведеніе враждебной стороны въ состояніе несопротивленія; но при этомъ надо имѣть въ виду, что когда одинаковый результатъ можетъ быть достигнутъ двумя различнаго рода оружіями, изъ которыхъ одно причиняетъ меньшія страданія личности раненаго комбатанта, чѣмъ другое, то первое должно быть предпочтено второму, которое является уже недозволеннымъ, незаконнымъ. Всякое оружіе, безъ нужды увеличивающее страданія раненаго или дѣлающее всякую рану смертельной, должно быть запрещено на войнѣ, ибо, какъ справедливо говоритъ Кальво [36]): „война имѣетъ своей цѣлью не истребленіе солдатъ противника, но приведеніе ихъ въ состояніе несопротивленія (hors de combat)". Намъ кажется, что высказываемая нами мысль совершенно тожественна съ мыслью, руководившей составителями С.-Петербургской деклараціи [37]), и потому весьма жаль, что редакція ея не формулировала вообще принципа, что впредь, по измѣненіи технической стороны военнаго дѣла, ког-

[36]) *Calvo* Op. cit. § 849.

[37]) „Les parties contractantes ou accédantes se réservent de s'entendre ultérieurement, toutes les fois qu'une proposition précise serait formulée en vue des perfectionnements à venir que la science pourrait apporter dans l'armement des trouppes afin de maintenir les principes qu'elles ont posés et de concilier les nécessités de la guerre avec les lois de l'humanité".

да будутъ изобрѣтены какіе либо снаряды или какое-либо оружіе, безъ нужды увеличивающее страданія раненыхъ, или наносящее исключительно смертельныя раны, подобно тому какъ въ наше время это дѣлаютъ разрывныя пули, договаривающіяся стороны обязались-бы отказаться отъ примѣненія на войнѣ подобнаго рода оружія и снарядовъ. Намъ кажется, что подобнаго рода формулировка навсегда-бы установила понятіе о дозволенномъ и недозволенномъ на войнѣ оружіи и что рѣшать какой родъ снарядовъ или оружія въ дѣйствительности является источникомъ излишнихъ страданій, было-бы частнымъ вопросомъ теоріи и практики, который рѣшался-бы для каждаго новаго случая отдѣльно, но на основаніи вышеуказаннаго общаго правила. Чтобы закончить здѣсь вообще изученіе С.-Петербургской деклараціи, намъ остается указать на одну оговорку, помѣщенную въ ея текстѣ, со смысломъ которой мы никакъ не можемъ согласиться; С.-Петербургская декларація, говоря о воспрещеніи употребленія на войнѣ разрывныхъ снарядовъ вѣсомъ менѣе 400 граммъ, ставитъ однако условіемъ, что соблюденіе этого закона обязательно для договаривающихся сторонъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда война идетъ между двумя или болѣе державами, подписавшими декларацію; въ войнахъ какой-либо изъ подписавшихъ её державъ съ державою неподписавшей декларацію, а равно и въ томъ случаѣ, когда противникомъ является держава, подписавшая декларацію, но въ союзѣ съ другой, неподписавшей, соблюденіе деклараціи не обязательно [38]). Намъ, кажется, что разъ разрывныя пули признаны *оружіемъ, увеличивающимъ процентъ смертности и страданій между ранеными ими врагами и вмѣстѣ съ тѣмъ не приносящимъ никакихъ существенныхъ выгодъ въ смыслѣ скорѣйшаго или легчайшаго достиженія цѣли войны*, слѣдов. средствомъ веденія

---

[38]) Въ текстѣ подлинника: „Ce engagement n'est obligatoire que pour les parties contractantes ou accédantes, en cas de guerre entre deux ou plusieurs entre elles; il n'est pas applicable vis à vis des parties non contractantes ou qui n'auraient pas accédé.

Il cesserait également d'être obligatoire du moment où, dans une guerre entre parties contractantes ou accédantes, une partie non contractante ou qui n'aurait pas accédé, se joindrait à l'un des belligérants.

войны безцѣльно-жестокимъ, ихъ примѣненіе на войнѣ не можетъ быть оправдываемо ни какъ репрессалія противъ употребляющаго разрывныя пули врага, ни какъ военная необходимость; особенно страннымъ намъ кажется послѣдняя оговорка декларацій относительно ея необязательности противъ враговъ-союзниковъ, изъ которыхъ одинъ подписалъ декларацію и, слѣдов., обязался исполнять ея постановленія. Какъ военная репрессалія, такое средство слишкомъ жестоко и врядъ-ли даже можетъ имѣть какой либо существенный успѣхъ; государство, не подписавшее конвенціи и вооружившее свое войско разрывными пулями, врядъ ли найдетъ возможнымъ прибѣгнуть въ теченіе войны къ перевооруженію и предпочтетъ подвергать и и своихъ солдатъ ранамъ разрывныхъ снарядовъ. Брюссельская декларація въ ст. 13-е выставила на ряду съ разрывными пулями въ числѣ недозволенныхъ средствъ нанесенія вреда непріятелю всякое оружіе или снарядъ, способный причинять раненому врагу безполезныя страданія, и такимъ образомъ дополнила постановленія декларацій С.-Петербургской.

5) *Воспрещается употребленіе на войнѣ въ качествѣ комбатантовъ дикихъ и полуцивилизованныхъ народовъ, которымъ чужды современныя понятія гуманности и обязательности для военныхъ соблюденія извѣстныхъ обычаевъ и законовъ войны* [39]). Это постановленіе современнаго права войны не помѣщено ни въ статьяхъ Брюссельской декларацій, ни въ Manuel de l'Institut и, такимъ образомъ, какъ-бы признано излишнимъ составителями этихъ двухъ замѣчательныхъ попы-

---

[39]) См. *Blüntschli.* „Modernes Völkerrecht". § 559; *Fiore.* Trad. Antoine— V. III, § 1310; *Guelle.* „Précis". I, p. 99—101 и „Guerre continentale", p. 64; *Resch.* „Völkerrecht", § 155; *Rollin-Jaequemyns* въ R. de Dr. Int. 1870, p. 659 1871, p. 306; *Lueder* въ Holzendorff's Hndbch IV § 97.

Мартенсъ. „Современное Международное Право". II, § 110. 4), „Восточная война", стр. 406, 408.

Въ кодексѣ, составленномъ Дудлей-Фильдомъ, § 739, это постановленіе помѣщено.

См. также *Mohl.* „Ueber völkerrechtswidrige Kriegsmittel" въ его „Staatsrecht, Völkerrecht und Politik". Bd. I, s. 765 ff и *Opzoomer.* „Die Bonapartes und das Recht Deutschlands auch nach Sedan". Berlin. 1871, s. 91, 110.

токъ кодификаціи права войны; Гель считаетъ также, что это постановленіе, являясь будто-бы заимствованнымъ изъ практики американскихъ войнъ, для Европы не имѣетъ практическаго значенія, предполагая, такимъ образомъ, что въ Европѣ не можетъ представиться случай употребленія на войнѣ такихъ дикихъ племенъ; однако историческіе примѣры изъ весьма недавняго прошлаго убѣждаютъ насъ вполнѣ въ противномъ и заставляютъ насъ присоединиться къ высказанному Людеромъ сожалѣнію о пропускѣ этого постановленія Брюссельской декларацiей и Руководствомъ Института: уже во время войны 1813—1814 гг. раздавались голоса противъ употребленія союзниками полу-дикихъ башкирскихъ ордъ противъ войскъ Наполеона, но тогда эти протесты, шедшіе исключительно со стороны французовъ, были главнымъ образомъ вызваны чувствомъ патріотизма и вражды противъ побѣдителей, но не сознаніемъ вреда употребленія такихъ войскъ для установленнаго международнаго юридическаго порядка, ибо самый этотъ порядокъ былъ еще и мало выясненъ и постоянно нарушался регулярными войсками самихъ французовъ. Со времени Наполеоновскихъ войнъ взглядъ на взаимныя отношенія воюющихъ сторонъ сильно измѣнился, наука и практика пришли къ болѣе яснымъ и точнымъ выводамъ и, между прочимъ, къ тому, что во время войны насиліе должно быть ограничено и можетъ быть допущено только на столько, на сколько оно необходимо для достиженія цѣли войны; были выставлены различныя положенія, относящіяся къ допущенію или недопущенію на войнѣ тѣхъ или другихъ способовъ вредить непріятелю и признано существованіе извѣстнаго обязательнаго для всѣхъ цивилизованныхъ государствъ права войны [40]); соблюденіе-же нормъ этого права зависитъ прежде

---

[40]) Конечно, право войны существовало еще и до Наполеона, и въ его время, но было сравнительно мало развито; однако, касательно употребленія на войнѣ дикихъ народовъ еще въ 1777 г. лордъ Чатамъ протестовалъ въ Палатѣ Лордовъ противъ употребленія Англійскимъ правительствомъ въ американской войнѣ индѣйскихъ племенъ (Fiore. III. § 1310).

всего отъ личности комбатанта: чѣмъ болѣе онъ цивилизованъ и развитъ, тѣмъ больше гарантій для соблюденія имъ законовъ и обычаевъ войны. Отсюда понятно, что государство, вводящее въ составъ своихъ войскъ дикіе или мало-цивилизованные народы, незнакомые ни съ ученіемъ христіанской религіи, ни съ европейской культурой, уже тѣмъ самымъ угрожаетъ нарушеніемъ законовъ войны и можетъ вызвать со стороны непріятеля сильныя репрессаліи и такимъ образомъ вынудить и его нарушать эти законы и обычаи. Весьма было-бы желательно, чтобы европейскіе народы пришли къ общему соглашенію избѣгать употребленія на войнѣ такихъ войскъ. Въ теченіе войны за независимость Италіи французскіе тюркосы и зуавы вызвали своимъ поведеніемъ на поляхъ сраженій заслуженный протестъ безпристрастныхъ зрителей [41]); война 1870—1871 г. также подала поводъ къ постояннымъ упрекамъ со стороны германскихъ войскъ на поведеніе французскихъ солдатъ изъ африканскихъ колоній, въ особенности тюркосовъ, и упреки эти, какъ кажется, довольно основательны, такъ-какъ вызвали протестъ даже во французскихъ журналахъ, напр. въ „Journal des Débats“, но надо добавить, что и поведеніе германскихъ войскъ далеко не было безупречно, что можетъ быть доказано оффиціальными документами [42]). Еще болѣе справедливые упреки вызвало поведеніе нѣкоторой части турецкихъ войскъ въ прошлую русско-турецкую войну 1877—1878 гг., курдовъ, черкесовъ и въ особенности баши-бузуковъ; ихъ звѣрства въ свое время вызвали цѣлую бурю негодованія среди русской и западно-европейской печати.—Намъ кажется, что современное право войны необходимо должно ввести въ число своихъ постановленій запрещеніе употреблять на войнѣ подобныя дикія племена, такъ какъ допущеніе ихъ на театръ войны дѣлаетъ всѣ остальныя постановленія права войны, стремящіяся къ гуманизаціи войны, призрачными и неисполнимыми и вызываетъ тяжелыя репрессаліи.

---

[41]) См. *Lueder*. «Convention de Genève», p. 43.

[42]) *Guelle*. «Précis». I, p. 100 примѣчаніе.

6) *Осада и бомбардировка укрѣпленныхъ городовъ дозволяется, но подъ условіемъ всѣми мѣрами стараться ограничиваться обстрѣливаніемъ однихъ укрѣпленій, не нанося вреда мирному населенію, не направляя огонь на общественныя зданія, въ особенности обозначенныя флагомъ Краснаго Креста*; къ вопросу о бомбардировкахъ и обязанностяхъ осаждающихъ войскъ по отношенію къ мирному населенію мы вернемся во второй части этой книги, такъ-какъ вопросъ этотъ не относится къ вопросу о взаимныхъ правахъ и обязанностяхъ активныхъ комбатантовъ.

В. Средства вредить непріятелю, воспрещенныя какъ вѣроломныя.

Вообще говоря, примѣненіе хитрости къ военнымъ дѣйствіямъ считается вполнѣ законнымъ средствомъ вредить непріятелю и ослаблять силу его сопротивленія, но, исходя изъ того обще-признаннаго принципа, что война должна быть борьбой открытой и честной между воюющими государствами, и на основаніи еще древне-римскаго положенія, что fides etiam hosti servanda est, практика и теорія современнаго права войны единогласно осуждаютъ и запрещаютъ употребленіе вѣроломныхъ средствъ, хитростей, сопряженныхъ или съ нарушеніемъ даннаго врагу слова, или съ нарушеніемъ извѣстныхъ положительныхъ международныхъ обязательствъ. На основаніи этого общаго принципа запрещается активнымъ комбатантамъ пользоваться слѣдующими вѣроломными средствами вредить врагу.

1) *Воспрещается пользоваться прикрытіемъ отличительными знаками Краснаго Креста для чисто военныхъ цѣлей и вообще для всякихъ цѣлей, кромѣ тѣхъ, для которыхъ существуетъ самый институтъ Краснаго Креста и принятый международнымъ соглашеніемъ отличительный внѣшній знакъ*

этого института [43]). Слѣдовательно, запрещается выкидывать флагъ съ Краснымъ Крестомъ надъ зданіями, предназначенными для чисто военныхъ цѣлей, напр. пороховыми погребами, казармами, наблюдательными постами и т. п.; пользоваться лазаретами, госпиталями и другими зданіями, предназначенными для цѣлей, преслѣдуемыхъ институтомъ Краснаго Креста и обозначенныхъ его отличительнымъ флагомъ, какъ военными обсерваторіями, или прикрытіемъ для отрядовъ войскъ; прикрывать флагомъ Краснаго Креста военные транспорты съ оружіемъ, амуниціей, боевыми или съѣстными припасами; надѣвать во время отступленія повязку Краснаго Креста для избѣжанія преслѣдованія или плѣненія со стороны непріятеля; пользоваться этой повязкой для нападенія въ расплохъ на непріятеля [44]) и т. п. Согласно ст. 7 Женевской Конвенціи 1864 г. договаривающіяся державы, а равно и государства, присоединившіяся впослѣдстіи къ этому договору, обязываются установить одинъ общій международный внѣшній признакъ для отличія тѣхъ зданій и лицъ, которыя, согласно тексту конвенціи, онѣ согласились считать неприкосновенными во время войны. Слѣдовательно, знакъ этотъ, флагъ или повязка Краснаго Креста, есть внѣшнее выраженіе принятаго на себя этими государствами обязательства считать прикрытыя имъ вещи и лица неприкосновенными, а отсюда слѣдуетъ, что знакъ этотъ можетъ быть употребляемъ только для цѣлей, преслѣдуемыхъ конвенціей. Всякое употребленіе знака Краснаго Креста для иныхъ цѣлей есть нарушеніе конвенціи.

---

[43]) *Guelle*. «Précis». I, p. 104; «Guerre Continentale», p. 66; *Lueder* въ Holzend. Hndbch. IV. s. 458; *Fiore*, III. § 1337; *Pillet*, p. 156.; *Decl de Bruxelles*, art. 13. f.

[44]) Подобнаго рода нарушенія Женевской Конвенціи неоднократно встрѣчались во время Франко-Прусской войны 1870—1871 гг. Обѣ воюющія стороны горяче протестовали противъ подобныхъ нарушеній и это обстоятельство свидѣтельствуетъ о томъ, что и практика войны смотритъ на злоупотребленія знаками Краснаго Креста, какъ на дѣйствіе вѣроломное и недозволенное. См. *Pillet*, p. 157; *Guelle*. «Guerre Continentale», p. 123, note 1.

2) *Равнымъ образомъ, нарушеніемъ Женевской Конвенціи, а слѣдов. дѣйствіемъ вѣроломнымъ, является всякое насиліе со стороны комбатантовъ надъ лицами или вещами* (*зданіями*), *служащими дѣлу оказанія помощи раненымъ и прикрытыми знаками Краснаго Креста.* Однако, такая неприкосновенность лицъ и вещей, служащихъ цѣлямъ Краснаго Креста, есть только неприкосновенность относительная: для лицъ она существуетъ только по стольку, по скольку эти лица сами выполняютъ свою обязанность невмѣшательства въ военныя дѣйствія [45]), въ противномъ случаѣ они подпадаютъ подъ дѣйствіе общихъ законовъ войны и разсматриваются какъ незаконные комбатанты. Что касается зданій, госпиталей, амбулансовъ и т. п., то ихъ неприкосновенность прекращается если они служатъ для иныхъ цѣлей, кромѣ помѣщенія въ нихъ раненыхъ; неприкосновенны они только до тѣхъ поръ, пока въ нихъ находятся раненые [46]). Послѣдній пунктъ ст. 1-й Женевской конвенціи добавляетъ еще, что нейтральность этихъ зданій прекращается, если они охраняются военной силой. Муанье справедливо замѣчаетъ, что вмѣсто слова „охраняются" (gardés) надо поставить „заняты" (occupès), ибо, по смыслу Женевской конвенціи, помѣщеніе въ госпиталяхъ и амбулансахъ незначительнаго прикрытія, предназначеннаго для охраны этихъ зданій и находящихся въ нихъ раненыхъ, не составляетъ нарушенія конвенціи и не можетъ лишить эти зданія неприкосновенности, наоборотъ, занятіе ихъ войсками, т. е. обраще-

---

[45]) *Lueder.* «La Convention de Genève", p. 288; *Bluntschli.* Op. cit. § 586 in fine; Вюрцбургскій проектъ 1867 г. и Парижскій того-же года гласятъ art. 3-in fine) «sile personel sanitaire manquait aux devoirs que sa neutralité lui impose il serais soumis aux lois de la guerre».

[46]) Conv. de 1864, art. 1—. ... aussi longtemps qu'il sy trouvera des malades et des blessés.—Это добавленіе справедливо критикуется Ивановскимъ: «Женевская Конвенція 1864 г., стр. 134, такъ какъ во-первыхъ, уничтоженіе даже пустыхъ госпиталей противно духу Женевской Конвенціи, а во 2-хъ, какъ можетъ знать непріятель, стрѣляющій изъ-далека по госпиталю, пустъ онъ, или нѣтъ. Добавленіе это было вычеркнуто въ проектѣ Парижской Конференціи 1867 г.

ніе этихъ зданій въ прикрытіе для войскъ есть нарушеніе конвенціи и лишаетъ самыя зданія характера неприкосновенныхъ [47]).—Мысль эта прекрасно выражена въ ст. 40-ой русскаго проекта Брюссельской деклараціи: „нейтральность госпиталей и амбулансовъ прекращается, если непріятель пользуется ими для военныхъ цѣлей, но охраненіе этихъ мѣстъ военнымъ карауломъ не лишаетъ ихъ нейтральности, и только караулъ, въ случаѣ его захвата, считается военноплѣннымъ."— Наконецъ, согласно постановленію Женевской Конвенціи, движимость подвижныхъ санитарныхъ учрежденій (амбулансовъ) считается всегда неприкосновенной, движимость-же постоянныхъ госпиталей подлежитъ дѣйствію законовъ войны и можетъ быть захвачена побѣдителемъ [48]).—Неприкосновенность лицъ, зданій и имуществъ института Краснаго Креста выразится, согласно всему вышесказанному, въ слѣдующемъ: комбатанты должны воздерживаться отъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій противъ лицъ санитарнаго персонала, намѣренно не убивать этихъ лицъ, не ранить ихъ, не подвергать жестокому; или оскорбительному обращенію и не брать въ плѣнъ [49]); зданія, служащія для цѣлей Краснаго Креста и прикрытыя его флагомъ, не должны служить мишенью для выстрѣловъ, ихъ слѣдуетъ гарантировать отъ опустошеній, разореній и грабежа и, по возможности не направлять на нихъ атаки; послѣднее условіе, легко выполнимое относительно постоянныхъ госпиталей, часто можетъ быть нарушено относительно подвижныхъ перевязочныхъ пунктовъ, обыкновенно помѣщающихся на самомъ полѣ сраженія; такія нарушенія неприкосновенности подвижныхъ госпиталей и амбулансовъ, если только нарушенія эти являются необходимыми для чисто военныхъ цѣлей, наприм. для атаки частей непріятельскаго войска, расположен-

---

[47]) См. *Moynier*. «Etude», p. 143—144; *Lueder*. «Conv. de Genève». p. 313—314; *Ивановскій*. «Женевская Конвенція. стр. 138—140.

[48]) Convent. de 1864. Art. 4.—Lueder. «Conv. de Genève», p. 308—311.

[49]) Conv. de 1864. Art. 2; art. 3.—*Lueder*. «Conv. de Genève», p. 287—300.

ныхъ на одномъ мѣстѣ съ амбулансами, не составляютъ нарушенія права войны, ибо, какъ справедливо говоритъ Людеръ [50]). человѣколюбіе въ правѣ требовать только того, что можетъ быть введено въ практику войны, не препятствуя достиженію самой непосредственной цѣли войны.—Въ близкомъ соотношеніи съ постановленіями Женевской конвенціи 1864 г., хотя и не входя въ составъ этихъ постановленій, находится правило современнаго права войны, гарантирующее личность раненаго и убитаго комбатанта, оставшагося на полѣ сраженія, отъ всякаго грабежа и насилія; съ этимъ обычаемъ права войны мы познакомимся ниже, а здѣсь укажемъ только, что комбатанты или мирные жители, виновные въ дурномъ обращеніи съ ранеными, оставшимися на полѣ сраженія, или грабящіе убитыхъ (мародеры), подлежатъ наказанію [51]).—

3) *Воспрещается злоупотребленіе парламентерскимъ флагомъ и всякое насиліе надъ личностью парламентера* [52]). Военный обычай еще народовъ древности, сохранившій свою силу въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ и до настоящаго времени, допускаетъ, въ случаѣ оказавшейся для того необходимости. мирныя сношенія между воюющими сторонами при помощи особыхъ лицъ, парламентеровъ, и признаетъ за этими лицами право неприкосновенности. Внѣшнимъ знакомъ ихъ мирнаго характера является бѣлый флагъ, представляющій изъ себя какъ-бы удостовѣреніе, честное слово, даваемое одной воюющей стороной другой въ томъ, что данное лицо или лица желаютъ временно пріостановить военныя дѣйствія и начать по какому

---

[50]) *Lueder.* «Conv. de Genève» p. 249 250.

[51]) *Blüntschli.* «Das moderne Völkerrecht § 642; *Guelle*» «Précis». I. p. 183; Manuel de l'Institut, art. 19.; «Texte adopté à titre de voeux par la Conférence de Paris 1867», art. 8 (Moynier, «Etude». p. 120); «Code militaire français art. 249 «Est puni de la réclusion tout militaire qui dépouille un blessé—Le coupable est puni de mort si, pour dépouiller le blessé, il lui fait de nouvelles blessures".

[52]) «*Am. Instr*» art. 114; *Guelle.* «Précis». I, p. 225, 104 [*Declar de Bruxelles,* art. 43; 44; 45.; Blüntschli. § 681.; Manuel de l'Inst., art. 31(.

либо поводу мирныя сношенія. Слѣдовательно, комбатанты, показывающіе парламентерскій флагъ съ цѣлью заманить непріятеля въ засаду или болѣе вѣрнымъ способомъ нанести ему ударъ, являются нарушителями даннаго слова и дѣйствія ихъ подобнаго рода суть преступленія противъ обычаевъ права войны. Равнымъ образомъ нарушеніемъ этого права является и намѣренное убійство или пораненіе принятаго парламентера, или намѣренныя стрѣльба по немъ, если только онъ самъ чѣмъ-либо не нарушилъ своихъ международныхъ обязанностей [52]).

4) *Воспрещается нарушеніе заключенныхъ между воюющими сторонами положительныхъ обязательствъ: свободныхъ пропусковъ, даваемыхъ извѣстнымъ лицамъ или вещамъ* (*sauf conduit*, *licence*) *и перемирій* (*suspensions d'armes*, *armistices*), *общихъ* (*armistice*) *и мѣстныхъ* (*suspensions d'armes*) [53]).— Подобныя нарушенія являются прямыми нарушеніями даннаго слова и потому не могутъ быть допустимы.—Во все время продолженія перемирія комбатанты обѣихъ воюющихъ сторонъ обязаны не производить никакихъ военныхъ дѣйствій, нападеній, передвиженій войскъ, имѣющихъ цѣлью занять болѣе выгодную позицію, рекогносцировокъ и т. п.

5) *Воспрещается вообще всякое дѣйствіе, носящее характеръ вѣроломнаго.* Многія дѣйствія, не составляя нарушенія положительныхъ обязательствъ, принятыхъ на себя воюющими сторонами, являются тѣмъ не менѣе по существу своему вѣроломными; мы уже указали на злоупотребленіе парламентерскимъ флагомъ, хотя это дѣйствіе отчасти носитъ уже характеръ нарушенія обязательства, ибо практикой всѣхъ временъ и народовъ признано за бѣлымъ флагомъ значеніе даваемаго одной изъ воюющихъ сторонъ увѣренія другой въ томъ, что приближающіеся съ такимъ флагомъ комбатанты питаютъ одни мирныя намѣренія.—Подобный-же характеръ носитъ и злоупотребленіе непріятельскими знаменами и мун-

---

[53]) См. подробно о перемиріяхъ у *Guelle*' я «Précis». I, pp. 234—248.

дирами, когда одна изъ воюющихъ сторонъ желаетъ подъ ихъ прикрытіемъ обмануть непріятеля или завлечь его въ засаду [54]). Знамена и мундиры носятъ извѣстный международный характеръ, служа внѣшнимъ признакомъ принадлежности данныхъ комбатантовъ къ тому или другому государству; поэтому, если ношеніе ихъ и допущено какъ военная хитрость, въ моменты предшествующіе бою, то въ самой битвѣ ихъ употребленіе не имѣющими на то права комбатантами вноситъ совершенно излишнее замѣшательство, можетъ послужить поводомъ къ ненужному кровопролитію и потому не должно быть допущено. Правило это, имѣющее лишь весьма сомнительную практичность [55]) въ сухопутныхъ войнахъ, постоянно соблюдается въ морскихъ, гдѣ всякій корабль передъ началомъ боя обязанъ выкинуть свой настоящій національный флагъ и подтвердить его, какъ-бы честнымъ словомъ, пушечнымъ выстрѣломъ. Наоборотъ, употребленіе на войнѣ непріятельскихъ сигналовъ для введенія въ обманъ непріятеля допустимо, ибо сигналы не носятъ международнаго характера и значеніе ихъ предполагается неизвѣстнымъ непріятелю. Не можетъ быть допустима на войнѣ и такого рода хитрость, чтобы, сдѣлавши видъ, что желаютъ сдаться (напр. поднявъ ружья прикладами къ верху), данные комбатанты вдругъ снова открыли огонь по непріятелю. Въ этомъ случаѣ, явно выраженное желаніе сдаться равносильно обязательству, такъ какъ комбатанты, подымая къ верху оружіе, какъ-бы удостовѣряютъ это свое намѣреніе, а непріятель, довѣряя поданному ихъ знаку, прекращаетъ противъ нихъ воен-

---

[54]) *Guelle.* «Précis». I, p. 104; *Pillet.* p. 156. Противъ употребленія на войнѣ съ цѣлью обмана непріятельскихъ знаменъ и мундировъ высказываются: *Manuel de l'Institut*, art. 8 c и 8 d: «il est interdit d'attaquer l'ennemi en dissimulant les signes distinctifs de la force armée: d'user indûment du pavillon national, des insignes militaires ou de l'uniforme de l'ennemi», *Am. Instr*, art 64, 65, *Declar. de Bruxelles*, art 13 f. *Lueder*, Holz, Hndbch... IV, s. 458; *Bluntschli.* § 565; *Fiore.* III § 1339; *Lentner.* «Das Recht im Kriege» S. 85.; *Boguslawski.* «Der kleine Krieg». 1881. § 26, 27.

[55]) *Guelle.* «Précis». I, p. 105.

ныя дѣйствія.—Можно указать здѣсь на одну хитрость, часто практиковавшуюся въ послѣднюю франко-прусскую войну со стороны германской арміи и являющуюся вполнѣ законнымъ средствомъ вводить непріятеля въ заблужденіе: это распространеніе путемъ печати ложныхъ слуховъ и выпускъ подложныхъ французскихъ газетъ съ различными вымышленными извѣстіями съ театра военныхъ дѣйствій [56]).

Что касается факта шпіонства, то онъ допускается въ практикѣ войны, но лица, занимающіяся шпіонствомъ подлежатъ строгому наказанію, почти всегда смертной казни [57]). Такое строгое наказаніе шпіоновъ зависитъ не отъ незаконности ихъ дѣйствій, но отъ того вреда, который приноситъ шпіонъ арміи, противъ которой онъ дѣйствуетъ. Шпіономъ называется всякое лицё дѣйствующее тайно и подъ ложными предлогами, старающееся собрать какія-либо свѣдѣнія о положеніи или дѣйствіяхъ одной воюющей стороны для передачи ихъ другой, и притомъ собирающее эти свѣдѣнія именно въ той мѣстности, гдѣ находится армія, за которой оно шпіонитъ [58]). Людеръ [59]) предлагаетъ различать между собственно шпіонами, старающимися тайно и подъ ложными предлогами вывѣдать о расположеніи, численности, средствахъ обороны и т. п. непріятельской арміи, и лицами, дѣйствующими также подъ ложными предлогами и тайно на территоріи занятой непріятелемъ, но цѣль дѣйствій которыхъ перенести черезъ непріятельскія линіи незамѣтнымъ образомъ какія-либо депеши, или извѣщенія; первыхъ, т. е. шпіоновъ, онъ считаетъ заслуживающими смертной казни, за вторыми-же, по его мнѣнію, слѣдуетъ признать права законныхъ комбатантовъ, т. е. брать въ плѣнъ, если они принадлежатъ къ числу комбатантовъ, если-

[56]) *Guelle.* «Précis». I, p. 107.

[57]) *Manuel de l'Institut* art. 23.

[58]) *Decl. de Bruxelles*, art. 19 «Ne peut être consideré comme espion que l'individu qui, agissant clandestinement ou sous de faux prétextes, recueille ou cherche à recueillir des informations dans les localités occupées par l'ennemi, avec l'intention de les communiquer à la partie adverse.

[59]) *Lueder.* Holzendorff's Hnbch. IV, § 111 s., 462.—Того-же мнѣнія держится *Eichelmam* «Ueber die Kriegsgefangenschaft», s. 195, примѣч. 21).

же къ числу мирныхъ жителей, то тому-же обращенію, которому подвергаются вообще некомбатанты, принимающіе активное участіе въ войнѣ. Мнѣніе это, вѣрное съ точки зрѣнія юридическихъ принциповъ, на практикѣ является вполнѣ неисполнимымъ, такъ какъ трудно, пожалуй даже совершенно невозможно, доказать, занимался-ли такой тайный вѣстникъ шпіонствомъ, или нѣтъ.—Шпіонъ, какъ уже мы это сказали, наказывается смертной казнью, но наказаніе это, именно въ виду своей суровости, никогда не должно быть исполняемо суммарнымъ образомъ, а только послѣ предварительнаго суда надъ шпіономъ, доказавшаго фактъ шпіонства [60]). Въ этомъ отношеніи замѣчателенъ одинъ случай изъ войны 1870—1871 г.: нѣкто Арбине (Arbinet) былъ уличенъ французскими властями въ шпіонствѣ и немедленно разстрѣлянъ. Генералъ Кремеръ и г. де Серръ, виновные въ этомъ суммарномъ наказаніи были привлечены къ отвѣтственности и французскій военный судъ приговорилъ ихъ, не смотря на вполнѣ выяснившуюся виновность наказаннаго, къ мѣсячному заключенію въ тюрьмѣ [61]). Шпіонство наказуемо только въ томъ случаѣ, если виновный пойманъ съ поличнымъ въ тотъ моментъ когда онъ производилъ, или намѣревался производить развѣдки. Оконченное шпіонство, т. е. тотъ случай, когда шпіонъ благополучно успѣлъ выполнить свою миссію и возвратившись въ свой лагерь, попадаетъ благодаря какой-нибудь случайности въ руки непріятеля, который уже къ этому времени успѣлъ узнать о совершившемся фактѣ шпіонства, такой случай не наказуемъ [62]). Если такой шпіонъ принадлежитъ къ числу подданныхъ государства, въ пользу котораго онъ занимался

---

[60]) *Manuel de l'Institut*, art. 25. „Aucun individu accusé d'espionnage ne doit être puni avant que l'autorité judiciaire ait prononcé sur son sort"; *Declar. de Bruxelles*, art. 20. „L'espion pris sur le fait sera jugé et traité d'après les lois en vigueur dans l'armée qui l'a saisi."—*Guelle*. „Précis". I, p 126; *Lueder*. Hlzd. Hndb. IV, s. 462; *Fiore*. Op. cit. III, § 1375, p. 207; *Pillet*. «Le Droit de la Guerre», p. 214.

[61]) *Guelle*. „Guerre Continentale", p. 90.—примѣчаніе

[62]) *Declar. de Bruxelles*, art. 21; *Manuel de l'Inst.*, art. 26 „L'espion qui rejoint l'armée à laquelle il appartient et qui est capturé plus tard par l'ennemi est traité comme prisonnier de guerre et n'encourt aucune responsabi-

шпіонствомъ, то онъ подлежитъ военному плѣну (если онъ при этомъ комбатантъ), если-же онъ подданный захватившаго его государства и шпіонилъ противъ своего государства, то судится и наказуется какъ государственный измѣнникъ по дѣйствующимъ законамъ своей стороны. Во время засѣданій Брюссельской конференціи 1874 г. испанскій делегатъ, маршалъ Серверъ (Servert) предложилъ дѣлать различіе между шпіономъ, дѣйствующимъ изъ патріотизма и шпіономъ, дѣйствующимъ изъ корысти, и смягчить для шпіоновъ перваго рода употребительное въ этихъ случаяхъ наказаніе. Но это предложеніе было отвергнуто остальными членами конференціи [63]). Дѣйствительно, какъ уже мы сказали, фактъ шпіонства наказуется не вслѣдствіе его незаконности, а вслѣдствіе того огромнаго вреда, который онъ можетъ причинить той воюющей сторонѣ, за которой шпіонитъ; слѣдовательно, каковы-бы ни были мотивы шпіонства оно, какъ дѣйствіе, крайне вредное, всегда будетъ одинаково наказуемо воюющей стороной, захватившей шпіона [64]). Кромѣ того, на практикѣ невозможно установить, дѣйствовало-ли данное лицё изъ патріотизма, или изъ-за личной выгоды.—Все, чего мы можемъ пожелать, это чтобы ни одинъ шпіонъ не былъ наказываемъ безъ предварительнаго суда надъ нимъ и чтобы захватившая его сторона, по возможности, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это будетъ признано исполнимымъ, назначала шпіонамъ менѣе суровую мѣру наказанія, а не непремѣнно смертную казнь, какъ то требуется Американскими Инструкціями Либера [65]). Въ русско-турецкую войну въ кавказской арміи казнь шпіоновъ, по словамъ Мартенса [66]), признавалась излишней жестоко-

---

lité pour ses actes antérieurs". *Guelle.* „Précis". I, p. 127—128; *Lueder.* Hlz Hndbch. IV, s 463; *Bluntschli.* § 633; *Hall.* „Treatise on international law". 1884. § 188; *Fiore.* III. § 1375; *Pillet* p. 219; *Amer. Instr.* 104.

[63]) Actes de la Conférence. p. 42.

[64]) *Guelle.* „Précis". I, p. 125; *Lueder.* Hlzd. Hnbch. IV, s. 462 и примѣч. 9.

[65]) *Amer. Instr.* Art. 88.

[66]) *Мартенсъ.* «Восточная Война», стр. 465.

стью и по отношенію къ нимъ ограничивались лишеніемъ ихъ возможности продолжать свою вредную дѣятельность.—Мы уже указали, что шпіономъ считается лицё, старающееся на территоріи, занятой непріятелемъ, подъ ложными предлогами и тайнымъ образомъ собрать какія-либо свѣдѣнія относительно военныхъ силъ или цѣлей этого непріятеля. Изъ этого опредѣленія слѣдуетъ, что нельзя признать за шпіоновъ комбатантовъ, открыто собирающихъ свѣдѣнія о непріятелѣ; поэтому развѣдчики, отправляющіеся на рекогносцировку и носящіе мундиръ своей арміи, гонцы, открыто везущіе какія-либо порученія или депеши въ свою или враждебную армію и захваченные на территоріи, занятой непріятельскими войсками, за шпіоновъ считаемы быть не могутъ и, въ случаѣ захвата ихъ непріятелемъ, подлежатъ военному плѣну, т. е. признаются за законныхъ комбатантовъ [67]). Равнымъ образомъ, подлежатъ военному плѣну и воздухоплаватели, пытающіеся на воздушномъ шарѣ перелетѣть черезъ мѣста, занятыя непріятельской арміей, и попадающіе въ руки непріятеля [68]). Ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя признать за шпіоновъ, ибо въ дѣйствіяхъ ихъ не содержится присущихъ шпіонству отличительныхъ признаковъ таинственности и обмана. Если даже признать выставляемую Блюнчли [69]) теорію, теорію, кстати

[67]) *Decl. de Bruxelles*, art. 22. „Les militaires non déguisés qui ont pénétré dans la zone d'opération de l'armée ennemie, à l'effet de recueillir des informations, ne sont pas considérés comme espions.—De même, ne doivent pas être considérés comme espions, s'ils sont capturés par l'ennemi: les militaires (et aussi les non-militaires accomplissant ouvertement leur mission), chargés de transmettre des depêches destinées soit à leur propre armée, soit à l'armée ennemie. A cette catégorie appartiennent également, s'ils sont capturés, les individus envoyés en ballon pour transmettre les dépêches, et, en général, pour entretenir les communications entre les diverses parties d'une armée ou d'un territoire." — *Manuel de l'Inst.*, art. 24; *Guelle.* „Précis", I, p. 125; *Blüntschli.* § 630; *Pillet.* p. 213; *Lueder.* Hlzdrf. Hndbch. IV s. 461; *Fiore.* III. § 1353; *Rollin-Iaequemyns.* Revue. 1870, p. 675.

[68]) *Decl. de Brux.* Art. 22; *Manuel*, art 24; *Guelle.* „Precis. I, p. 134— За возможность въ извѣстныхъ случаяхъ признать воздухоплавателей за шпіоновъ—*Lueder.* Hlz. Hndbch. IV, s. 464.

[69]) *Blüntschli.* § 632a,

сказать, совершенно невѣрную и подвергшуюся заслуженной критикѣ [70]), что все пространство воздуха надъ мѣстностью, занятой войсками одной изъ воюющихъ сторонъ на разстояніи 3000—4000 футовъ отъ поверхности земли, составляетъ какъ-бы продолженіе занятой этой воюющей стороной территоріи, подлежитъ ея власти, то все-же отсутствіе таинственности и обмана въ дѣйствіяхъ воздухоплавателей не позволяетъ причислить ихъ къ шпіонамъ. Конечно однако, въ случаѣ захвата ихъ непріятелемъ, послѣдній въ правѣ отобрать находящіеся при нихъ депеши и документы, а самихъ ихъ подвергнуть военному плѣну, такъ какъ подобныя дѣйствія вполнѣ оправдываются военной необходимостью; въ этомъ смыслѣ правъ Блюнчли. Во время франко-прусской войны 1870—1871 г. кн. Бисмаркъ письмомъ отъ 19-го Ноября 1870, адресованнымъ на имя посланника С. А. Штатовъ, Вашбёрна, заявилъ, что онъ будетъ разсматривать впредь всѣхъ воздухоплавателей, попавшихъ въ руки германской арміи, какъ шпіоновъ и обращаться съ ними какъ съ таковыми [71]). Такой взглядъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть оправдываемъ, ни допускаемъ.

II. Права и обязанности активнаго комбатанта въ пассивномъ его состояніи.

Разсмотрѣвъ вопросъ о томъ, каково должно быть поведеніе активнаго комбатанта во время его борьбы съ активными-же комбатантами враждебной стороны и опредѣливъ какими средствами онъ въ правѣ располагать во время этой борьбы, мы перейдемъ къ разсмотрѣнію вопроса о правахъ и обязанностяхъ активнаго комбатанта въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ, благодаря случайностямъ войны, поставленъ въ состояніе несопротивленія и когда, такимъ образомъ, цѣль войны по отношенію къ нему непріятелемъ достигнута. Исходя изъ основнаго принципа современнаго права войны, что насиліе допу-

---

[70]) *Guelle.* „Precis", l. c. *Fiore*, l. c.

[71]) *Guelle.* „Prècis", I, p. 136; *Pillet.* p. 215.

стимо па войнѣ только по стольку, поскольку это насиліе оправдывается непосредственною цѣлью войны и ведетъ къ ея достиженію, мы а priori можемъ сказать, что личность комбатапта, приведеннаго въ состояніе несопротивленія, должна быть охраняема отъ дальнѣйшаго насилія. Такимъ образомъ, активный комбатантъ, будучи приведенный въ состояніе несопротивленія (въ пассивное состояніе), пріобрѣтаетъ извѣстныя новыя права, охраняющія его личность отъ насилія; но въ то-же самое время эти новыя права возлагаютъ на него и новыя обязанности. Въ свою очередь воюющая сторона, приведшая даннаго непріятельскаго комбатанта въ состояніе несопротивленія, должна соблюдать по отношенію къ нему извѣстныя обязанности, но въ то-же время въ правѣ соблюдать свои интересы и препятствовать всякой попыткѣ этого комбатанта выйти изъ своего пассивнаго состоянія и вновь превратиться въ активнаго врага. Наконецъ, можетъ случиться, что активный комбатантъ одной изъ воюющихъ сторонъ, приведенный въ пассивное состояніе, станетъ въ извѣстныя отношенія не къ другой воюющей сторонѣ, приведшей его въ это состояніе, но къ третьему, нейтральному государству; и въ этомъ случаѣ необходимо указать на права и обязанности комбатанта и этого нейтральнаго государства. Для того, чтобы яснѣе опредѣлить права и обязанности активнаго комбатанта, приведеннаго въ пассивное состояніе, необходимо прежде всего указать на тѣ случаи войны, благодаря которымъ этотъ комбатантъ можетъ быть приведенъ въ состояніе несопротивленія. Такихъ случаевъ, если не считать случая смерти комбатанта, можно насчитать три:

A) болѣзнь и пораненіе комбатанта, препятствующія дальнѣйшему его активному участію въ военныхъ дѣйствіяхъ;

B) взятіе его въ плѣнъ непріятелемъ (или добровольная его сдача въ плѣнъ);

C) интернированье его на территоріи нейтральнаго государства, куда онъ попалъ благодаря случайностямъ войны.

Кромѣ того, первый случай можетъ быть соединенъ съ однимъ изъ слѣдующихъ двухъ, т. е. раненый или больной комбатантъ можетъ попасть въ плѣнъ къ непріятелю или быть интернированнымъ на территоріи нейтральнаго государства.—Современное право войны оказываетъ извѣстную охрану даже личности мертваго комбатанта, въ томъ отношеніи, что старается уберечь его трупъ отъ поруганій, ограбленія и заботится о доставленіи оставшимся послѣ него роднымъ свѣдѣнія о его смерти. Поэтому можно добавить еще отдѣлъ Д): Обязанности активныхъ комбатантовъ по отношенію къ мертвымъ того и другого лагеря, трупы которыхъ попали въ ихъ власть.

Итакъ, мы должны разсмотрѣть слѣдующіе вопросы:

А) *Юридическое положеніе больныхъ и раненыхъ* *).

В) *Юридическое положеніе военноплѣнныхъ.*

С) *Юридическое положеніе активныхъ комбатантовъ, интернированныхъ на территоріи нейтральныхъ государствъ.*

Д) *Обязанности воюющихъ сторонъ по отношенію къ мертвымъ.*

А) Больные и раненые.

Что больной или раненый комбатантъ имѣетъ право на уходъ и леченіе со стороны своихъ соотечественниковъ или соратниковъ, ясно само собой и обязанность эта вытекаетъ какъ изъ чисто-нравственныхъ, человѣческихъ чувствъ, такъ изъ положительныхъ предписаній законодательствъ различныхъ государствъ—регламентирующихъ эту обязанность различными военно-медицинскими уставами и учрежденіями. Но современ-

---

*) Случай нахожденія раненаго комбатанта въ плѣну у непріятеля будетъ разсмотрѣнъ нами единовременно съ разсмотрѣніемъ вообще вопроса о раненыхъ. Случай-же нахожденія раненаго комбатанта на территоріи нейтральнаго государства—вмѣстѣ съ изученіемъ вопроса объ интернированныхъ на нейтральной территоріи комбатантахъ.

ное международное право идетъ еще далѣе въ этомъ отношеніи и предписываетъ воюющимъ сторонамъ оказывать необходимую медицинскую помощь не только своимъ, но и враждебнымъ комбатантамъ безъ различія національностей.—Еще въ XVII и XVIII столѣтіяхъ [72]) человѣчество приходитъ къ сознанію обязанности не только уважать личность раненаго и больного врага, но и оказывать ему въ его страданіяхъ возможную помощь.

Идея эта получила свою санкцію въ изданномъ въ 1864 г. международномъ законѣ, извѣстнымъ подъ именемъ Женевской конвенціи. Постановленія этой конвенціи касаются какъ участи самихъ больныхъ и раненыхъ, такъ и особаго положенія, которое занимаютъ лица, зданія и вещи, служащія дѣлу облегченія страданій больныхъ и раненыхъ комбатантовъ; въ настоящемъ нашемъ очеркѣ мы займемся только тѣми изъ этихъ постановленій, которыя непосредственно относятся къ вопросу о положеніи личности больного, или раненаго комбатанта, остальныя-же нами будутъ разсматриваться только въ общихъ чертахъ и постольку, поскольку это будетъ необходимо для выясненія этого вопроса. Переходя къ изложенію юридическаго положенія раненыхъ и больныхъ комбатантовъ, мы прежде всего замѣтимъ, что порядокъ принятый нами при изложеніи каждаго отдѣльнаго вопроса слѣдующій: сначала мы указываемъ на соотвѣтствующее постановленіе конвенціи 1864 г., а затѣмъ уже на высказанныя по поводу этого вопроса въ наукѣ мнѣнія и на возможныя улучшенія и дополненія въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ конвенціи.

Въ моментъ своего пораненія комбатантъ обыкновенно находится на полѣ сраженія; не всегда удается немедленно-же унести его въ болѣе безопасное мѣсто, напр. на перевязочный пунктъ, и оказать ему немедленную медицинскую помощь. Напротивъ того, весьма часто случается, что раненый остается довольно продолжительное время лежать на томъ мѣстѣ, гдѣ

---

[72]) См. Историческій очеркъ стр. 121.

онъ былъ раненъ вмѣстѣ съ убитыми и другими ранеными; какъ-бы ни была хорошо организована медицинская помощь, какъ-бы ни были многочисленны отряды восильщиковъ и санитаровъ, обязанныхъ слѣдить за возможной скорой уборкой раненыхъ, огромное количество послѣднихъ, падающихъ во время крупныхъ сраженій новѣйшаго времени, а также часто и самыя военныя операціи, препятствуютъ тому, чтобы поле сраженія было быстро эвакуировано отъ находящихся на немъ раненыхъ обѣихъ воюющихъ сторонъ. Послѣ битвы, такіе оставшіеся на полѣ сраженія раненые нерѣдко подвергаются новому насилію, новымъ ранамъ, убиваются, калѣчатся и грабятся не только солдатами враждебной арміи, но и разнаго рода темными личностями, слѣдующими за арміей подобно коршунамъ и носящимъ характерное названіе „гіенъ поля сраженія". Подобные факты безпрестанно встрѣчаются въ исторіи войнъ даже самаго новѣйшаго времени; во время австро-прусской войны 1866 г. такіе факты наблюдались очевидцемъ, барономъ Шенкомъ [73]), а докторъ Наундорфъ въ своемъ сочиненіи „Unter dem Rothen Kreuz" посвятилъ цѣлую главу тѣмъ гнусностямъ, которыя продѣлывались надъ ранеными этими „гіенами поля сраженія" въ войну 1866 г. [74]). Войны 1870—1871 и 1877—1878 гг. также изобилуютъ подобными случаями насилій и грабежа надъ ранеными, какъ со стороны всякаго сброда, слѣдующаго за арміями, такъ и со стороны комбатантовъ и мирныхъ жителей [75]). Предупредить и наказывать подобныя дѣйствія обязаны всѣ государства, не только изъ чувства состраданія къ раненымъ, но и въ видахъ собственной пользы, и поэтому новѣйшая теорія неоднократно [76]) высказывалась за необходимость международнаго согла-

---

[73]) Baron v. *Schenk.* «Erfahrungen aus dem Kriege von 1866». s. 99.

[74]) *Naundorff.* «Unter dem rothen Kreuz». 1867. cap. XX.

[75]) *Lueder.* «Conv. de Genève» p. 268 *Мартенс* «Восточная война стр. 380.

[76]) *Lueder.* «Conv. de Genève» p. 267—269; *Moynier.* «Etude», p. 272—278; *Ивановскій.* «Женевская конвенція» стр. 166—168; *Guelle.* «Précis» I p. 183 *Bluntschli* § 642.

шенія [77]), гарантирующаго, посредствомъ извѣстныхъ полицейскихъ мѣръ и посредствомъ наложенія на виновныхъ строгаго взысканія, личность раненаго комбатанта отъ возможныхъ на полѣ сраженія насилій и грабежа со стороны такихъ мародеровъ.—Женевская конвенція 1864 г., однако по этому поводу, не высказала никакого положительнаго предписанія, хотя изъ духа ея, какъ закона, имѣющаго своею цѣлью обезпечить раненаго комбатанта отъ всякаго дальнѣйшаго вреда его жизни и здоровью, слѣдуетъ, что такого рода охрана должна быть оказываема раненымъ обѣими воюющими сторонами. Попытки ввести въ текстъ Женевской конвенціи подобнаго рода постановленія были, однако, неоднократно дѣлаемы; такъ, въ Вюрцбургскомъ проектѣ 1867 г. [78]) мы находимъ: „побѣдившая армія обязана, насколько это ей дозволяютъ обстоятельства, устроить военный надзоръ за убитыми и ранеными, находящимися на полѣ сраженія, дабы уберечь ихъ отъ ограбленія и дурнаго обращенія". Тоже постановленіе было высказано въ той-же самой формѣ въ проектѣ Парижской международной конференціи 1867 г. [79]) и, наконецъ, оно было помѣщено и въ число вопросовъ, подвергшихся обсужденію Женевской конференціи 1868 г. [80]), но, къ несчастью, не было принято конференціей [81]) и помѣщено только въ протоколѣ. Такой пропускъ этого важнаго постановленія, какъ самой Женевской конвенціей, такъ и ея дополнительными статьями объ-

---

[77]) Нѣкоторыя государства уже ввели въ свои военные законы наказаніе за ограбленія, пораненіе, или убійство раненыхъ, оставшихся на полѣ сраженія—См. «Code militaire français». Art. 249 — (Guelle—«Précis» I p. 183 примѣчаніе), но кромѣ этихъ постановленій отдѣльныхъ государствъ необходимо еще и какое-либо международное соглашеніе.—См. *Lueder* op. cit. p.—268.

[78]) art. 8.

[79]) Art. 8. du Texte adopté à titre de voeux par la Conférence Internationale de Paris.

[80]) «Énoncé de quelques idées à examiner... soumis à la Conf. de Genève en 1868» 9°.

[81]) *Lueder* «Conv. de Genève» p. p. 169—174.

ясняется, по словамъ Муанье [82]) тѣмъ, что члены конференціи разсматривали этотъ вопросъ, какъ вопросъ относящійся къ публичному праву каждаго государства, а не къ праву международному, а такъ-же и тѣмъ, что члены конференціи не желали вводить въ конвенцію трудно-исполнимое постановленіе, трудно-исполнимое въ томъ смыслѣ, что еще не изыскано средствъ установить надежную военно-полевую полицію. Что касается первой причины устраненія изъ числа постановленій конвенціи постановленія объ обязательномъ полицейскомъ надзорѣ за полями сраженій, то причина эта ложна, ибо вопросъ о положеніи больныхъ и раненыхъ есть вопросъ общечеловѣческій, касающійся всѣхъ государствъ и потому разрѣшенъ онъ долженъ быть именно путемъ международнаго соглашенія. Что-же касается второй причины, невозможности установить надежную полицію, наблюдающую за полемъ сраженія, то, какъ намъ кажется, дѣйствительно, эта невозможность почти непреодолима, если держаться системы охраненія этихъ полей полиціей, составленной изъ войскъ воюющихъ-же сторонъ, ибо никогда нельзя ручаться, что дурно-понятый патріотизмъ, или желаніе мести, столь легко могущее явиться въ человѣкѣ при видѣ раненаго врага, можетъ быть убившаго не одного изъ его близкихъ, или товарищей, не заставитъ данное лице совершить какого-либо насилія надъ раненымъ непріятелемъ. Конечно, и этому можно помочь путемъ изданія строгихъ наказаній противъ такихъ возможныхъ преступленій и, главное, путемъ популяризаціи идей Женевской Конвенціи и развитія массъ; но настоящій къ этому путь, по нашему убѣжденію, лежитъ въ созданіи именно *международной полиціи, находящейся подъ контролемъ Центральнаго международнаго Общества Краснаго Креста* и составленной этимъ Обществомъ изъ вполнѣ надежныхъ лицъ. Этотъ подвижной полицейскій международный составъ, въ случаѣ войны между двумя государствами, дѣлился-бы на двѣ равныя части, изъ

[82]) *Moynier.* «Etude» p. 277.

которыхъ каждая присоединялась-бы въ моментъ объявленія войны къ арміи одной изъ воюющихъ сторонъ и дѣйствовала-бы подъ контролемъ военныхъ властей и особаго делегата отъ Общества. При такомъ устройствѣ, намъ кажется, можно было-бы считать эту полицію въ достаточной мѣрѣ надежной. Кромѣ того, необходимо прибавить еще постановленіе, высказанное Людеромъ [83]) и Вюрцбургскимъ проектомъ [84]), чтобы доступъ на поле сраженія во время, или немедленно послѣ битвы, мѣстнымъ жителямъ и, вообще лицамъ, непринадлежащимъ ни къ арміи, ни къ личному составу Общества Краснаго Креста, былъ бы разрѣшаемъ только командующимъ арміей, или, вообще, высшимъ военнымъ начальствомъ.

Во время самаго сраженія и особенно послѣ него, раненые по возможности быстро подбираются и относятся на перевязочные пункты, въ походные лазареты, или въ госпитали для оказанія имъ медицинской помощи. Женевская конвенція постановляетъ при этомъ *(статья 6)*: a) „*Раненые и больные воины будутъ принимаемы и пользуемы безъ различія, къ какой-бы націи они не принадлежали. b) Главнокомандующимъ войскъ будетъ предоставлено право немедленно сдавать на непріятельскіе аванпосты раненыхъ въ сраженіи военныхъ чиновъ, когда будетъ то дозволять обстоятельства и съ согласія обѣихъ сторонъ. c). Тѣ лица, которыя, по выздоровленіи будутъ признаны неспособными къ военной службѣ, будутъ отправляемы обратно въ отечество. d). Остальныя могутъ также быть отправляемы въ отечество, но съ обязательствомъ не браться за оружіе во все продолженіе войны. e). Эвакуаціи и лица ею распоряжающіяся будутъ находиться подъ защитой безусловнаго нейтралитета*". Постановленіе это [85]) содер-

---

[83]) *Lueder*. «Conv. de Genève» pp 334 и 337 art. 6 in fine.

[84]) «Propositions de la Conférence de Würzbourg». 1867 art. 5 in fine.

[85]) Раздѣленіе этой ст. 6 на пункты существуетъ въ самомъ текстѣ конвенціи и мы только поставили передъ каждымъ пунктомъ соотвѣтствующую букву алфавита.

жить въ себѣ нѣсколько различныхъ по своему характеру постановленій, относящихся къ юридическому положенію раненыхъ и больныхъ, и мы разсмотримъ эти постановленія въ отдѣльности въ томъ порядкѣ, какъ они изложены въ конвенціи: а) „*Раненые и больные будутъ принимаемы* (*seront recueillis*) *и пользуемы безъ различія, къ какой-бы націи они не принадлежали*". Это положеніе вытекаетъ само собой изъ самой идеи Женевской конвенціи и, согласно ему, всякій комбатантъ, къ какой-бы изъ воюющихъ сторонъ онъ не принадлежалъ, разъ онъ раненъ, или боленъ и, такимъ образомъ, приведенъ въ состояніе несопротивленія, имѣетъ право на оказаніе ему медицинской помощи той изъ воюющихъ сторонъ, которая въ данный моментъ въ состояніи это сдѣлать. Подъ словомъ „принимаемы" (seront recueillis) слѣдуетъ понимать не только то, что доступъ для раненыхъ и больныхъ безъ различія національностей долженъ быть открытъ въ госпиталѣ и амбулансы обѣихъ воюющихъ сторонъ, но еще и то, что воюющая сторона, оставшаяся послѣ сраженія побѣдительницей, обязана слѣдить за тѣмъ, чтобы раненые, какъ свои, такъ и непріятельскіе были своевременно убираемы съ поля сраженія и уносимы въ госпитали и при томъ, чтобы эта уборка шла по возможности безпристрастно и чтобы всѣ раненые безъ различія, свои они, или непріятельскіе, подбирались единовременно. Кромѣ того, Женевская конвенція въ 5 своей статьѣ [86]) старается обѣщаніемъ различныхъ льготъ привлечь и мѣстное населеніе къ участію въ оказаніи помощи раненымъ; однако, допущеніе этого мѣстнаго населенія на самое поле сраженія должно быть разрѣшаемо съ большой осмотри-

---

[86]) Conv. de 1864. art. 5. «Les habitants du pays qui porteront secours aux blessés, seront respectés et demeureront libres.—Les généraux des Puissances belligérantes auront pour mission de prévenir les habitants de l'appel fait à leur humanité, et de la neutralité qui en sera la conséquence.—Tout blessé recueilli et soigné dans une maison y servira de savegarde. L'habitant qui aura recueilli chez lui des blessés sera dispensé du logement des trouppes, ainsi que d'une partie des contributions de guerre qui seraient imposées». См. также «дополнит. статьи» Конференціи 1868 г. ст. 4-ая.

тельностью, дабы предупредить возможныя злоупотребленія. Статья эта оказалась весьма трудно-выполнимой на практикѣ и вызвала сильную критику [87]). — Что-же касается выраженія „пользуемы“ (soignés), то оно выражаетъ собою право каждаго больного и раненаго комбатанта на медицинскій уходъ, леченіе и содержаніе со стороны приявшей его арміи, будь-то армія своя или непріятельская, иными словами, каждая воюющая сторона обязана оказывать одинаковую медицинскую помощь и давать одинаковое содержаніе своимъ и непріятельскимъ раненымъ, попавшимъ въ руки этой воюющей стороны.— Подъ словами, одинаковый медицинскій уходъ, леченіе и содержаніе, слѣдуетъ подразумѣвать во 1-ыхъ, что всѣ раненые будутъ пользоваться одинаково услугами врача и что единственнымъ обстоятельствомъ рѣшающимъ болѣе, или менѣе внимательное отношеніе послѣдняго къ больному, должна быть бо́льшая, или меньшая серьёзность болѣзни или раны [88]); во 2-ыхъ,—всѣ раненые пользуются одинаковымъ помѣщеніемъ, имѣютъ равное право на уходъ сестеръ и братьевъ милосердія; пища ихъ должна быть одинакова и измѣняться только согласно требованіямъ болѣзни; въ 3-ихъ, всѣ раненые одинаково имѣютъ право на безпрепятственное полученіе отъ своихъ земляковъ, или родныхъ посылокъ съ деньгами, или вещами, предназначенными для облегченія ихъ участи, какъ-то: платьемъ, книгами и т. п. и имѣютъ право на отсылку и полученіе корреспонденціи съ родины подъ контролемъ военныхъ властей той изъ воюющихъ сторонъ, на попеченіи которой раненые эти находятся [89]). — Такое право контроля военныхъ властей

---

[87]) См. *Lueder* «Conv. de Genève» pp. 328 — 334; *Loeffler* «Das Preussische Militär—Sanitätswesen & seine Reform» Berl. 1868 s. 74; *Blüntschli* op. cit. § 590 примѣчаніе; *Moynier* «Convention pendant la guerre franco-allemande» p. 40 и слѣд.;

[88]) *Blüntschli* op. cit, s. 337.—«Der Arzt kennt kein Feind, sondern nur einen Kranken Menschen, den er zu heilen berufen ist».

[89]) *Lueder* «Conv. de Genève» p. 266 «Propositions de la Conférence de Würzbourg» 1867 Art. 4.

надъ ранеными и больными, находящимися на попеченіи одной изъ воюющихъ сторонъ, распространяется вообще на все поведеніе и на всѣ дѣйствія раненыхъ, ибо, если каждое государство обязано оказывать одинаковую помощь всѣмъ раненымъ, безъ различія національности, попавшимъ во власть этого государства, то, съ другой стороны, оно всегда въ правѣ защищать свои интересы отъ возможныхъ покушеній со стороны непріятельскихъ раненыхъ, находящихся на его попеченіи. Поэтому раненые непріятели, находящіеся во власти враждебной воюющей стороны считаются военноплѣнными [90]) и подлежатъ, въ этомъ отношеніи, извѣстному контролю плѣнившаго ихъ государства. — Раньше, чѣмъ говорить объ остальныхъ пунктахъ статьи 6, мы предпочитаемъ сказать нѣсколько словъ относительно статьи 1 Женевской Конвенціи, касающейся правъ больныхъ и раненыхъ во время ихъ нахожденія на излеченіи въ госпиталяхъ и амбулансахъ; дѣлаемъ мы это для того, чтобы представить развитіе правъ раненыхъ соотвѣтственно проходимымъ имъ стадіямъ: раненые на полѣ сраженія, раненые во время ихъ нахожденія въ госпиталѣ, или другомъ мѣстѣ, предназначенномъ для ихъ леченія, положеніе раненыхъ, находящихся на излеченіи у непріятеля по ихъ выздоровленіи. Хотя этотъ порядокъ и нарушаетъ порядокъ статей Женевской Конвенціи, но намъ онъ кажется болѣе цѣлесообразнымъ и дающимъ болѣе ясную картину правъ больныхъ и раненыхъ. Статья 1 Женевской Конвенціи гласитъ: „Амбулансы и военные госпитали [91]) будутъ призна-

[90]) Русскій пректъ Брюссельской деклараціи § 39; то-же въ Предложеніяхъ бельгійскаго, германскаго депутатовъ и субъ-коммисіи Брюсс. Конференціи.

[91]) Подъ госпиталями понимаются всѣ постоянныя санитарныя учрежденія, а подъ амбулансами — подвижныя, дѣйствующія на самомъ полѣ сраженія.—*Lueder*. «Conv. de Genève» p. 308; *Ивановскій*. «Женевская Конвенція» стр. 131; *Moynier* «Étude» p. 134; Статья 3 дополнительная Женев. Конфер. 1868 г.—«la dénomination d'ambulance s'applique aux hôpitaux de campagne et aux autres établissements temporaires qui suivent les troupes sur les champs de bataille pour y recevoir des malades et des blessés.

ваться нейтральными [92]) и какъ таковые почитаться неприкосновенными (respectés) и пользоваться покровительствомъ (protegés) воюющихъ сторонъ, пока въ нихъ будутъ находиться больные и раненые [93]).—Нейтральность прекращается, если эти амбулансы и госпитали охраняются военной силой".— Изъ этого постановленія слѣдуетъ, какъ это прекрасно доказываетъ Ивановскій [94]), что госпитали и амбулансы, какъ убѣжище для раненыхъ и больныхъ, должны считаться неприкосновенными (не нейтральными), т. е. противъ нихъ не должны быть дѣлаемы атаки и не должны быть намѣренно направляемы выстрѣлы; та воюющая сторона, которой принадлежатъ эти зданія, обязана охранять (protéger) находящихся въ нихъ раненыхъ отъ возможнаго внѣшняго насилія и въ то-же время имѣетъ право наблюдать за порядкомъ и дисциплиной среди этихъ раненыхъ, а потому имѣетъ право, не нарушая этимъ своихъ международныхъ обязанностей и не лишая самыя зданія и находящихся въ нихъ больныхъ права неприкосновенности, содержать при госпиталяхъ и амбулансахъ небольшіе отряды войскъ для охраны и поддержанія порядка. Хотя послѣдній пунктъ ст. 1 Женев. Конв. и выражаетъ какъ-бы обратную послѣднему постановленію мысль, но согласно, разъясненію Людера [95]), этотъ пунктъ относится не къ тому случаю, когда госпиталь охраняется небольшимъ отрядомъ (poste de police, piquet), но когда одна изъ воюющихъ сторонъ ставитъ въ этотъ госпиталь отрядъ войскъ съ спеціально военной цѣлью и такимъ образомъ измѣняетъ и самое

---

[92]) Выраженіе «нейтральными» признается многими авторами—*Ивановскій*», op. cit. стр. 134; *Moynier* «La Conv. de G. pendant la guerre franco-allem.» p. 30—неяснымъ и недающимъ вѣрнаго понятія о судьбѣ санитарныхъ учрежденій, ибо ихъ положеніе, хотя и сходное, но далеко не тожественное съ положеніемъ дѣйствительно вещей нейтральныхъ.

[93]) Это постановленіе («пока въ нихъ находятся раненые) такъ-же сильно критиковалось—*Ивановскій* l. c. *Lueder* op. cit. p. 312.

[94]) *Ивановскій*. op. cit. p. 136.

[95]) *Lueder*. op. cit. p. 313.

назначеніе госпиталя. Въ этомъ-же смыслѣ высказывается и русскій проектъ Брюссельской деклараціи: § 40: „La neutralité des hôpitaux et ambulances cesse si l'ennemi en use pour des buts de guerre; mais le fait qu'ils sont protégés par un piquet ou des sentinelles, ne les prive pas de la neutralité; le piquet ou les sentinelles s'ils sont capturés, sont seuls considérés comme prisonniers de guerre". — Такимъ образомъ раненый, или больной комбатантъ въ правѣ ожидать, что военныя дѣйствія не будутъ направляемы противъ занимаемаго имъ помѣщенія и что это помѣщеніе и самый покой, и безопасность раненаго будетъ охраняться отъ всякаго нарушенія той воюющей стороной, во власти которой находится госпиталь, или амбулансъ. Эта охрана и неприкосновенность госпиталя (protéction et respect) не прекращается и въ томъ случаѣ, если госпиталь переходитъ изъ подъ власти одной воюющей стороны подъ власть другой. — Въ связи съ вопросомъ объ охранѣ и неприкосновенности госпиталей и амбулансовъ стоитъ другой весьма важный вопросъ, до сихъ поръ еще не рѣшенный окончательно въ теоріи и не имѣющій своего удовлетворительнаго рѣшенія на практикѣ; это вопросъ о нейтрализаціи извѣстныхъ европейскихъ курортовъ и лечебницъ минеральныхъ водъ.—Въ теоріи этотъ вопросъ былъ неоднократно подымаемъ и нашелъ какъ своихъ защитниковъ [96]), такъ и противниковъ. Въ 1867 г. д-ръ Кишъ предлагалъ распространить привиллегію нейтралитета на всѣ курорты, наиболѣе близко лежащіе отъ театра войны; въ 1868 г. депутаты чешскаго ландтага обратились съ подобной-же просьбой къ вице-королю Чехіи; во время Берлинской военно-медицинской конференціи 1867 г. члены конференціи постановили въ видѣ desideratum; „La Conférence exprime le voeu que les hauts Gouvernements veuillent bien, en temps de guerre, accorder aux blessés et aux malades qui se trouvent dans les établissements d'eau thermale, les priviléges que possèdent les militaires bles-

[96]) *Moynier*. «Étude» p. 138.

sés et tombés malades en campagne, et à ces établissements les privilèges dont jouissent les hôpitaux d'une armée en campagne". Вопросъ этотъ разсматривался также и во время Женевскаго конгресса 1868 г. [97])—На практикѣ извѣстенъ только одинъ случай объявленія такихъ санитарныхъ станцій нейтральными, это договоръ 1759 г. между Маріей Терезіей и Фридрихомъ Вел., относительно нейтрализаціи на все время войны станцій минеральныхъ водъ въ Карльсбадѣ, Теплицѣ, Ландекѣ и Вармбруннѣ. — Людеръ и Ивановскій [98]) отвергають возможность подобной нейтрализаціи станцій минеральныхъ водъ, говоря, что подобная мѣра стѣснительна для военныхъ операцій и никогда на практикѣ не можетъ быть примѣнима; кромѣ того, они сомнѣваются даже въ ея пользѣ, ссылаясь на практику послѣднихъ войнъ (особенно войны 1870—1871). Намъ кажется, что оба эти возраженія неосновательны: что касается пользы, то нѣтъ сомнѣнія, что леченіе минеральными водами во многихъ случаяхъ не только можетъ содѣйствовать скорѣйшему излеченію раненыхъ, но и способно предотвратить развитіе многихъ хроническихъ и опасныхъ болѣзней. Первое возраженіе Людера болѣе основательно, но казалось-бы, что нейтрализація нѣкоторыхъ мѣстностей Европы, по самому своему географическому положенію недоступныхъ для военныхъ дѣйствій, такъ какъ они въ настоящее время ведутся, нисколько не могла-бы помѣшать дѣлу войны; конечно, такія мѣстности могутъ быть нейтрализованы только съ согласія того государства, на территоріи котораго онѣ расположены и должны быть поименно указаны въ международномъ актѣ, признающимъ ихъ нейтралитетъ во время войны. Военные обѣихъ воюющихъ сторонъ имѣли-бы право на безпрепятственное пользованье этими водами, но, разъ пріѣхавъ туда обязывались-бы, во все время своего леченія, а, если они принадлежатъ къ враждебному государству, а не къ тому, которое владѣетъ данными мине-

[97]) Protocole de la Conférence internationale de 1868, p. 47.

[98]) *Lueder* op. cit p. 306—307; *Ивановскій.* op. cit. p. 140.

ральными водами, и на все время войны, не принимать никакого активнаго участія въ войнѣ. Положеніе ихъ должно было-бы быть такимъ-же, какъ еслибы они были интернированы на территоріи нейтральнаго государства.

Итакъ, помѣщенія, въ которыхъ находятся больные и раненые, неприкосновенны; неприкосновененъ и весь служебный и медицинскій персоналъ, служащій дѣлу оказанія помощи больнымъ и раненымъ [99]). Это постановленіе необходимо для того, чтобы этотъ персоналъ могъ безпрепятственно исполнять свои обязанности и для того, чтобы нашлись люди, готовые оказывать помощь раненымъ. Что касается военно-санитарнаго матерьяла, то въ Женевской конвенціи проводится совершенно справедливая разница между матерьяломъ амбулансовъ и матерьяломъ госпиталей [100]). Первый, какъ служащій для немедленной и первой помощи раненымъ на самомъ полѣ сраженія, безусловно неприкосновененъ, ибо безъ него и самые амбулансы не могутъ продолжать свою дѣятельность. Напротивъ, матерьялъ постоянныхъ госпиталей можетъ подлежать захвату со стороны непріятеля, ибо и самые госпитали ему подлежатъ, какъ учрежденія, въ которыхъ захватившій можетъ самъ нуждаться для оказанія помощи своимъ и чужымъ раненымъ. Оккупантъ можетъ замѣщать больныхъ и раненыхъ, находящихся въ госпиталѣ своими, но при этомъ долженъ всегда руководствоваться только медицинскими соображеніями, т. е. удаляя легко-раненыхъ, помѣщать тяжело—раненыхъ [101]).

Послѣдній пунктъ статьи 6 (b) (Эвакуація и лица ей распоряжающіяся будутъ находиться подъ защитою безусловнаго нейтралитета) говоритъ, что больные и раненые, эвакуируемые, изъ занимаемыхъ ихъ лазаретовъ и направляющіеся въ свою армію, или слѣдующіе за ней (напр. послѣ сдачи города, или крѣпости, или во время бомбардировки ихъ) не подлежатъ захвату со стороны враждебной воюющей стороны,

---

[99]) Conv. de Genève art. 2; art. 3.

[100]) *Conv. de Genève* art. 4.

[101]) *Lueder* op. cit. p. 317.

т. е. пользуются безусловной неприкосновенностью и не могутъ быть лишаемы свободы. Совершенно справедливо замѣчаетъ Ивановскій [102]), что такое привиллегированное положеніе этихъ раненыхъ, сравнительно съ тѣми, которые остаются въ занимаемыхъ ими госпиталяхъ, перешедшихъ во власть непріятеля, есть логическое противорѣчіе. Почему, первые отпускаются въ свое отечество безусловно, тогда какъ вторые, согласно постановленію пункта d) той-же статьи, отпускаются по выздоровленіи лишь подъ условіемъ не принимать дальнѣйшаго активнаго участія въ военныхъ дѣйствіяхъ? Намъ кажется, что, конечно, разъ при сдачи крѣпости, или города побѣдитель обязуется въ числѣ условій капитуляціи дать свободный пропускъ раненымъ въ ихъ отечество, такое обѣщаніе, какъ вообще всякое обѣщаніе, должно быть исполнено, на основаніи принципа, что fides etiam hosti servanda est. Но могутъ быть случаи эвакуаціи раненыхъ, при которыхъ враждебная воюющая сторона никакого обязательства насчетъ ихъ не заключаетъ. Въ этомъ случаѣ она безспорно въ правѣ захватить транспортъ съ ранеными и взять ихъ въ плѣнъ, но конечно, не забывая тѣхъ своихъ обязанностей, которыя она должна выполнить по отношенію къ нимъ, какъ къ раненымъ.

Согласно пункту b) статьи 6 Конвенціи, главнокомандующіе войскъ имѣютъ право немедленно сдавать на непріятельскіе аванпосты раненыхъ въ сраженіи военныхъ чиновъ, конечно съ согласія военнаго начальства противной стороны и только въ томъ случаѣ, если эта передача не будетъ явнымъ образомъ клониться къ ущербу раненыхъ. Постановленіе это хотя и совершенно справедливое, является излишнимъ, ибо съ обоюднаго согласія обѣихъ воюющихъ сторонъ, не только могутъ быть выданы раненые, но даже и военноплѣнные и такое постановленіе въ законѣ, какъ это справедливо говорятъ Людеръ [103]) и Ивановскій [104]), ровно ничего не-

[102]) *Ивановскій.* op. cit. стр. 112.

[103]) *Lueder.* Op. cit., p. 274.

[104]) *Ивановскій.* Op. cit.. стр. 105.

опредѣляетъ.—По нашему мнѣнію, слѣдовало бы сказать такъ: немедленная передача раненыхъ одною воюющею стороною на аванпосты другой можетъ быть допущена только въ томъ случаѣ, если она явно не клонится къ ущербу передаваемыхъ раненыхъ, что можетъ случиться напр. если раненые передаются находящейся въ бѣгствѣ арміи; такая передача была-бы безчеловѣчна и противна духу Женевской конвенціи. [a]

Въ двухъ пунктахъ d) и с) статьи 6 содержатся нормы, регулирующія положеніе раненыхъ и больныхъ, уже выздоровѣвшихъ отъ своихъ ранъ и находящихся во власти непріятеля.—Такіе выздоровѣвшіе раненые могутъ оказаться по выздоровленіи неспособными къ дальнѣйшей военной службѣ, и въ этомъ случаѣ, согласно постановленію Конвенціи, они должны быть безпрепятственно отправляемы въ свое отечество. Мысль, которою руководились въ этомъ случаѣ составители Конвенціи, очевидно та, что комбатантъ, оказавшійся по выздоровленіи своемъ отъ раны физически неспособнымъ къ дальнѣйшему участію въ военныхъ дѣйствіяхъ, является уже болѣе не опаснымъ для захватившаго его государства и потому задержаніе его въ плѣну является вполнѣ ненужной и излишней жестокостью. Мысль эта въ принципѣ совершенно вѣрная, но при этомъ упускается изъ виду, что физическая невозможность участвовать въ войнѣ не исключаетъ возможности содѣйствовать данному лицу ея успѣху своими умственными способностями, военнымъ талантомъ и знаніемъ. Какой-нибудь Суворовъ, или Мольтке, будь они въ полной физической невозможности вредить непріятелю, какъ обыкновенно комбатанты, могутъ оказать громадныя услуги своему государству своими военными талантами и быть весьма опасными для враждебной воюющей стороны. Поэтому обязательство для захватившей раненыхъ непріятельскихъ комбатантовъ воюющей стороны отсылать этихъ комбатантовъ по ихъ выздоровленіи и въ случаѣ ихъ явной

---

a) Во время войны 1870—1871 г. этотъ пунктъ 6-й статьи совершенно не исполнялся обѣими воюющими сторонами.

физической неспособности участвовать дальнѣйшимъ образомъ въ войнѣ, въ ихъ отечество, не можетъ быть обязанностью безусловной. Въ этомъ смыслѣ высказываются Блюнчли [105]), Людеръ [106]), Ивановскій [107]) и другіе. Конференція 1868 г., въ своихъ дополнительныхъ статьяхъ, старалась точнѣе опредѣлить, кто, изъ выздоровѣвшихъ и неспособныхъ къ дальнѣйшему участію въ войнѣ комбатантовъ, долженъ быть отсылаемъ въ отечество захватившимъ ихъ непріятелемъ и постановила съ этою цѣлью (ст. 5), что: „за исключеніемъ офицеровъ, присутствіе которыхъ вліяетъ на исходъ войны, остальные раненые, хотя-бы и способные служить по выздоровленіи, должны быть отосланы на родину". Итакъ, статья 5 дополнительная исключаетъ офицеровъ, способныхъ вліять на исходъ войны, изъ числа выздоровѣвшихъ и неспособныхъ носить оружіе раненыхъ, которые должны быть отсылаемы на родину захватившимъ ихъ непріятелемъ. Эта оговорка ничего не опредѣляетъ, такъ-какъ неизвѣстно о какихъ офицерахъ здѣсь идетъ рѣчь, о высшемъ-ли военномъ начальствѣ, или вообще о выдающихся по своимъ способностямъ офицерахъ.—Гораздо проще, оставаясь при первоначальной редакціи статьи 6, предоставить добросовѣстности обѣихъ воюющихъ сторонъ судить о томъ, можетъ-ли данное лице, даже при физической неспособности, продолжать быть опаснымъ противникомъ, или нѣтъ и, судя по этому, отпускать это лице въ отечество, или не отпускать. Ни въ одномъ законѣ нельзя предвидѣть и точно опредѣлить и предусмотрѣть всѣ могущіе представиться случаи, и всякій законъ все-таки вынужденъ расчитывать на извѣстную добросовѣстность со стороны его исполнителей.—Положеніе выздоровѣвшихъ раненыхъ, способныхъ къ дальнѣйшей военной службѣ и находящихся во власти захватившаго ихъ непріятеля, опредѣляется пунктомъ d) статьи 6 такъ: „остальные

---

105) *Blüntschli.* «Das moderne Völkerrecht« § 591, p. 397 примѣч. 2.

106) *Lueder.* Op. cit. p. 276.

107) *Ивановскій.* Op. cit., p. 106—107.

ные могутъ также быть отправляемы въ отечество, но съ обязательствомъ не браться за оружіе во все продолженіе войны", а статья 5 дополнительная [108]), ставя на мѣсто слова „могутъ", слово „должны" обращаетъ это разрѣшеніе въ предписаніе закона. Первая редакція, предоставляя воюющимъ сторонамъ, по ихъ желанію, право отпускать въ отечество выздоровѣвшихъ раненыхъ подъ честнымъ словомъ не участвовать въ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ, является, какъ постановленіе чисто факультативное, совершенно излишнимъ въ законѣ [109]). Уже давно утвердившаяся практика войны допускаетъ отпускъ на свободу подъ честнымъ словомъ всѣхъ военноплѣнныхъ вообще. Но редакція 5 дополнительной статьи превращаетъ это подтвержденіе случающагося иногда на войнѣ факта въ положительное обязательство, совершенно не выполнимое на практикѣ. Во-первыхъ, ни одна изъ воюющихъ сторонъ не можетъ принять уже потому на себя такого обязательства, что признавъ свою обязанность отпускать на свободу подъ честнымъ словомъ выздоровѣвшихъ раненыхъ, она логически должна признать за собой такую-же обязанность и по отношенію всѣхъ военноплѣнныхъ вообще, ибо способность вполнѣ выздоровѣвшихъ непріятельскихъ воиновъ и обязанность ихъ служить совершенно тожественны съ способностью и обязанностью къ военной службѣ комбатантовъ вовсе не болѣвшихъ. Во-вторыхъ, противъ обязательности освобожденія выздоровѣвшихъ непріятельскихъ комбатантовъ подъ честнымъ словомъ захватившею ихъ воюющею стороною можно возразить, что освобожденные подъ честнымъ словомъ комбатанты, какъ это неоднократно наблюдалось въ теченіи войны 1870—1871 г. [110]),

---

108) Art. 5. Conf. de gen. 1868.

109) Такъ смотрятъ на это постановленіе и *Lueder.* Op. cit., p. 277 и *Ивановскій.* Op. cit., p. 109.

110) См. *Lueder.* Op. cit., 280.—Три французскихъ генерала нарушили данное ими при такихъ обстоятельствахъ слово; эти генералы: Дюпро, Барраль и Камбріель.; *Rollin-Jacquemyns* Revue 1871, p. 325; 9°.

очень часто нарушаютъ свое слово и даже приглашаются къ этому своимъ правительствомъ, и, такимъ образомъ, честное слово комбатанта, особенно изъ низшихъ слоевъ арміи не можетъ служить достаточной гарантіей въ томъ, что освободившая ихъ воюющая сторона можетъ считать ихъ для себя безвредными; между тѣмъ, она все-же обязана продолжать отпускать на свободу оставшихся въ ея власти выздоровѣвшихъ непріятелей. Кромѣ того, освобожденный отъ плѣна выздоровѣвшій комбатантъ можетъ, не принимая активнаго участія въ войнѣ, содѣйствовать косвеннымъ образомъ ея исходу, напр., обучая рекрутовъ, или просто замѣщая собой въ государствѣ другихъ лицъ, которыя въ свою очередь уже имѣютъ полное право участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ; такимъ образомъ можетъ пополняться контингентъ арміи этого государства въ ущербъ военнымъ интересамъ той воюющей стороны, которая освободила этихъ выздоровѣвшихъ комбатантовъ. Всякое-же государство, будучи обязаннымъ охранять и беречь жизнь и здоровье попавшихъ въ его руки раненыхъ, въ то-же время имѣетъ безспорное право принимать всѣ мѣры для защиты своихъ интересовъ, слѣдов. имѣетъ и право подвергать этихъ раненыхъ военному плѣну. На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, мы вполнѣ присоединяемся по отношенію къ положенію выздоровѣвшихъ комбатантовъ, находящихся во власти непріятеля, къ взгляду высказанному въ русскомъ проектѣ Брюссельской декларацій, въ § 43-емъ: „раненые, принадлежащіе къ непріятельской арміи, оказавшіеся, по своемъ выздоровленіи, неспособными къ принятію активнаго участія въ войнѣ, могутъ [мы предпочитаемъ въ этомъ мѣстѣ сказать „должны", съ оговоркой, относительно исключительнаго случая, когда раненый по своимъ военнымъ талантамъ можетъ, несмотря на физическую неспособность, продолжать быть опаснымъ врагомъ] быть отсылаемыми въ ихъ отечество. Раненые, не подходящіе подъ эти условія, могутъ быть подвергаемы военному плѣну".— Такъ-же по этому вопросу высказывается и большинство авто-

ровъ [111]). Итакъ, резюмируя все вышесказанное относительно юридическаго положенія больныхъ и раненыхъ комбатантовъ, мы можемъ установить слѣдующія нормы:

1) *Раненые и больные имѣютъ право на оказаніе имъ медицинской помощи и на охрану ихъ жизни и здоровья со стороны обѣихъ воюющихъ сторонъ.*

2) *Если эти раненые попали въ руки непріятеля, то они суть военноплѣнные* [112]), *какъ во время своей болѣзни, такъ и по выздоравленіи и подчиняются нормамъ права войны, регулирующимъ положеніе военноплѣнныхъ.*

3) *Раненые, находящіеся въ плѣну у непріятеля и оказавшіеся, послѣ своего выздоровленія неспособными къ дальнѣйшему активному участію въ военныхъ дѣйствіяхъ, должны быть освобождаемы отъ плѣна и отсылаемы въ отечество.*

Правило это допускаетъ исключеніе: тѣ изъ выздоровѣвшихъ раненыхъ, которые по своемъ выздоровленіи, хотя и окажутся физически неспособными къ военной службѣ, но которые по своимъ военнымъ талантамъ, знанію и опытности могутъ оказать непріятелю существенныя услуги въ дѣлѣ веденія войны, освобожденію отъ плѣна не подлежатъ и могутъ быть задерживаемы до окончанія войны.

Въ теченіи послѣдней войны 1877—1878 г. освобожденіе неспособныхъ къ военной службѣ раненыхъ отъ плѣна, насколько намъ извѣстно, не практиковалось. Во время войны 1870—1871 г. Германская армія отпустила послѣ сраженія при Седанѣ на свободу всѣхъ раненыхъ, признанныхъ неспособными къ военной службѣ въ теченіи minimum трехъ мѣсяцевъ; но въ дальнѣйшемъ періодѣ этой войны подобныя освобожденія раненыхъ болѣе не встрѣчаются.

---

[111]) *Lueder*, Op. cit., p. 285, *Ивановскій*, op. cit., p. 111; *Bluntschli*, op. cit. § 591 s. 338. 9_{a}.; IV. *Pillet.* Op. cit., p. 232; *Guelle.* «Précis» I, p. 163. *Eichelmann*, op. cit. s. 87.

[112]) Старинные картели XVIII вѣка, наоборотъ считаютъ вообще всѣхъ раненыхъ, не подлежащими военному плѣну. См. Франкфуртскій картель 1643, Брандебургскій 1759 и др.—*Eichelmann.* «Über die Kriegsgefangenschaft» s. 82.—Но нѣкоторые картели того-же времени и всѣ позднѣйшіе держатся обратнаго взгляда: картели: Фрейбергскій 1744;—*Eichelmann.* Op. cit., s. 83.

B. Юридическое положеніе военноплѣнныхъ [113]).

Непосредственной цѣлью всякой войны является для каждой изъ воюющихъ сторонъ уничтоженіе сопротивленія противной стороны; такъ какъ орудіями этой борьбы являются активные комбатанты, то необходимо признать за воюющими сторонами право всѣми средствами приводить враждебныхъ комбатантовъ въ состояніе несопротивленія. Одно изъ такихъ средствъ есть взятіе въ плѣнъ непріятельскаго комбатанта, т. е. лишеніе его личной свободы на все время продолженія войны и, такимъ образомъ, лишеніе его возможности принимать активное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Такимъ образомъ, воюющія стороны *имѣютъ право* брать въ плѣнъ непріятельскихъ комбатантовъ. Но право это есть вмѣстѣ съ тѣмъ и *обязанность*: разъ воюющая сторона имѣетъ возможность привести непріятельскаго комбатанта въ состояніе несопротивленія, не лишая его при этомъ жизни, она обязана это сдѣлать, т. е. обязана взять въ плѣнъ сдающагося, или обезоруженнаго непріятеля; обязанность эта является слѣдствіемъ основного принципа современнаго права войны, что на войнѣ насиліе допустимо только постольку, поскольку оно оправдывается непосредственной цѣлью войны и что человѣкъ, даже и на войнѣ, не долженъ быть безъ нужды лишаемъ своего высшаго блага,—жизни. Однако, какъ право это, такъ и обязанность воюющихъ сторонъ брать въ плѣнъ непріятельскихъ комбатантовъ не безусловны и подлежатъ извѣстнымъ ограниченіямъ: право,—въ томъ смыслѣ, что могутъ быть на войнѣ обстоятельства, при которыхъ непріятельскій активный комбатантъ не только не можетъ быть лишаемъ жизни, но и не можетъ быть захваченъ въ плѣнъ враждебной воюющей стороной и когда личность его признается безусловно неприкосно-

---

[113]) *Eichelmann.* «Ueber die Kriegsgefangenschaft» Dorpat 1878. *Kasparek* «Ueber die Kriegsgefangenschaft»—Grünhut's Zeitschrift für das Privat—und offentliche Recht der Gegenvart» Bd. IX. 1882. s. 680—733.

венной [114]); обязанность-же воюющихъ сторонъ брать въ плѣнъ несопротивляющагося, или не могущаго сопротивляться врага ограничена въ томъ смыслѣ, что могутъ быть случаи, когда захваченный непріятельскій комбатантъ военному плѣну не подлежитъ и не пользуется правами, связанными съ военнымъ плѣномъ. Всякій, взятый въ плѣнъ активный комбатантъ только по стольку можетъ быть ограниченъ въ своихъ правахъ, поскольку это ограниченіе необходимо для цѣли преслѣдуемой войной, т. е. захватившее его государство въ правѣ ограничить эти его права постольку, поскольку это ограниченіе является необходимымъ для безопасности этого государства; поэтому военный плѣнъ, ограничивая свободу военноплѣннаго, не касается остальныхъ его личныхъ правъ, а такъ-же и правъ имущественныхъ; кромѣ того, особенное положеніе военноплѣнныхъ, лишенныхъ свободы и интернированныхъ въ чужомъ государствѣ, дѣлаетъ ихъ, вообще говоря, неспособными къ продолженію тѣхъ занятій, которыми они добывали себѣ у себя на родинѣ средства къ жизни, а потому военноплѣнные имѣютъ право на извѣстное содержаніе со стороны взявшаго ихъ въ плѣнъ государства. Въ свою очередь, государство это въ правѣ принимать всѣ мѣры къ тому, чтобы военноплѣнные не вредили его интересамъ и, въ частности, къ предупрежденію возможнаго побѣга, или возстанія этихъ военноплѣнныхъ и превращенія ихъ вторично въ активныхъ комбатантовъ, участвующихъ въ военныхъ дѣйствіяхъ. Отсюда, право государства подвергать находящихся въ его власти военноплѣнныхъ бóльшему, или меньшему ограниченію свободы, извѣстной дисциплинѣ и примѣнять къ нимъ различнаго рода репрессивныя мѣры въ случаѣ ихъ неповиновенія. Права военноплѣнныхъ по отношенію къ плѣнившей ихъ воюющей сторонѣ, а такъ-же и всѣ права этой воюющей стороны по отношенію

[114]) Наприм., когда комбатантъ выступаетъ въ качествѣ парламентера. Эти случаи признанія за активными комбатантами права полной личной неприкосновенности будутъ разсмотрѣны нами ниже, въ III-емъ отдѣлѣ настоящей главы.

къ военноплѣннымъ основаны на слѣдующихъ двухъ общепризнанныхъ положеніяхъ: 1) *военноплѣнные не суть преступники, но законные, обезоруженные враги; военный плѣнъ не есть мѣра карательная, но мѣра, принимаемая плѣнившимъ государствомъ въ видахъ собственной безопасности и какъ средство достиженія непосредственной цѣли войны.* „Kriegsgefangene sind keine Strafgefangene, sondern nur Sicherheitsgefangene" [115]); 2) *военноплѣнные находятся во власти захватившего ихъ государства, но не частныхъ лицъ, или отрядовъ, которыми они были взяты, или которымъ сдались въ плѣнъ* [116]). Первое изъ этихъ положеній вытекаетъ изъ принципа равноправности государствъ, какъ самостоятельныхъ членовъ международнаго общества государствъ: если государства равноправны, то равноправность эта должна распространяться и на ихъ военные органы,—комбатантовъ; слѣдовательно, непріятельскій комбатантъ имѣетъ такое-же право вредить намъ, какое нашъ комбатантъ непріятелю, а потому будучи взяты въ плѣнъ эти комбатанты не могутъ являться отвѣтственными за причиненный ими другой воюющей сторонѣ вредъ, если только въ своихъ дѣйствіяхъ они соблюдали обычаи и законы права войны. Второе положеніе есть слѣдствіе принципа, что война ведется только между государствами и при помощи государственныхъ военныхъ органовъ. На основаніи

---

[115]) *Brux. Decl.* § 23. «Les prisonniers de guerre sont des ennemis légaux et désarmés.... *Русскій проектъ* Брюсс. Декл. ст. 25: «Les prisonniers de guerre ne sont pas des criminels, mais des ennemis légaux». *Eichelmann.* op. cit.—s. 43; *Lueder.* Hlzd. Hndbch. IV § 107. «Kriegsgefangene sind keine Strafgefangene, sondern nur Sicherheitsgefangene». *Bluntschli.* «Modernes Völkerrecht» § 601; *Neumann.* «Grundriss des heutigen europaeischen Völkerrechts» § 46-a, *Мартенсъ.* «Современное международное право» II стр. 482 § 113; *Americ Instruc.* 49. *Manuel de l'Inst.* вступительное примѣч. къ III-ему отдѣлу. Такъ-же *Kasparek.* Op. cit.

[116]) *Decl. de Brux.* Art. 23.... «Ils sont au pouvoir du Gouvernement ennemi, mais non des individus ou des corps qui les ont capturés»; *Manuel.* art. 61; *Bluntschli.* op. cit. § 603; *Calvo.* II § 1847; *Fiore.* III § 1356, *Lueder.* Hlz Hndbch. l. cit.

этихъ двухъ положеній, должны быть обсуждаемы всѣ нормы права войны, регулирующія юридическое положеніе военноплѣнныхъ.

Военный плѣнъ начинается съ момента фактическаго перехода комбатанта одной воюющей стороны во власть другой, будь этотъ переходъ слѣдствіемъ захвата военноплѣннаго силой, или слѣдствіемъ его добровольнаго подчиненія—сдачи въ плѣнъ, напр. послѣ капитуляціи и вслѣдствіе просьбы о пощадѣ [117]).

Военному плѣну подлежатъ всѣ активные комбатанты безъ исключенія [118]) въ томъ смыслѣ, что всѣ они могутъ быть взяты въ плѣнъ непріятелемъ, но изъ этого не слѣдуетъ, что всѣ они имѣютъ право пользоваться правами военноплѣнныхъ. Воюющія стороны обязаны брать въ плѣнъ только законныхъ комбатантовъ, т. е. лицъ удовлетворяющихъ условіямъ, при которыхъ участіе ихъ въ военныхъ дѣйствіяхъ признается правомъ войны законнымъ [119]), и лицъ, не нарушившихъ законы и обычаи войны. Изъ этого слѣдуетъ, что воюющія стороны не обязаны разсматривать какъ военноплѣнныхъ всѣхъ лицъ незаконно участвующихъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, лицъ нарушившихъ постановленія Женевской конвенціи, шпіоновъ, мародеровъ, комбатантовъ, отказывающихъ въ пощадѣ сдающимся въ плѣнъ непріятелямъ и т. п. Однако не слѣдуетъ думать, что всѣ эти лица могутъ быть прямо убиваемы и, что воюющія стороны въ правѣ совершенно отказывать имъ въ пощадѣ; если они сдаются, то побѣдитель обязанъ принять ихъ, но имѣетъ право судить и наказать какъ преступниковъ, даже смертною казнью. Мы уже указывали на такую необхо-

---

117) *Eichelmann*. Op. cit., p. 108; *Lueder*. Op. cit., § 432.

118) *Eichelmann*. Op. cit., § 44; *Lueder*. Op., cit. § 106; *Bluntschli*. § 594; Русскій проектъ Брюсс. Декл. § 23; *Amer. Instuct.* art. 49; *Manuel*. art. 21; *Guelle*. «Précis» 1 p. 193. Военному плѣну подлежатъ и нѣкоторые пассивные комбатанты, а въ извѣстныхъ случаяхъ и некомбатанты, но положеніе этихъ лицъ къ настоящему очерку не относится.

119) См. объ этихъ условіяхъ главу III-ью этой книги.

димость предварительнаго суда надъ лицами, нарушившими законы и обычаи войны, когда говорили о шпіонахъ [120]). Правда въ извѣстныхъ случаяхъ военныя репрессаліи допускаются современной практикой войны, но большинство современныхъ, авторовъ признаютъ ихъ несправедливыми и нецѣлесообразными [121]), и весьма было-бы желательно, чтобы практика совершенно отказалась отъ этого средства наказанія и предупрежденія повтореній совершившагося нарушенія права войны и выставила какъ общее правило, что никто не можетъ быть наказанъ безъ суда. Учрежденіе международнаго третейскаго трибунала въ этомъ случаѣ, казалось-бы намъ, наиболѣе справедливымъ рѣшеніемъ вопроса и является, по нашему мнѣнію, настоятельной необходимостью [122]), такъ какъ предоставленіе самимъ воюющимъ сторонамъ рѣшать вопросъ о мѣрѣ прилагаемаго къ виновнымъ наказанія, или просто, безъ суда, дѣйствовать репрессаліями, ведетъ только къ бо́льшему ожесточенію воюющихъ сторонъ и къ бо́льшему еще нарушенію законовъ и обычаевъ войны. Репрессаліи, это открытая дверь для безграничнаго примѣненія насилія на войнѣ; онѣ до извѣстной степени сводятъ къ нулю всѣ законы и обычаи войны. Русскій проектъ Брюссельской деклараціи сдѣлалъ попытку поставить репрессаліямъ нѣкоторыя границы; на основаніи его постановленій репрессаліи допускаются: а) только въ крайнихъ случаяхъ, при явныхъ нарушеніяхъ обычаевъ войны и должны примѣняться, насколько возможно человѣколюбиво; 2) онѣ должны быть соразмѣрны правонарушенію, и 3) только по распоряженію главнокомандующаго можно ими пользоваться. Но это предложеніе русскаго проекта конференціей было от-

---

120) См. стр. 283.

121) *Guelle* «Précis» I p. 141; *Мартенсъ* Op. cit., II стр. 503; *Bluntschli.* § 567 примѣч. «Würdiger ist es. von demselben (Recht auf Repressalien) möglichst weniger Gebrauch zu machen».

122) Такъ-же *Moynier.* «Note sur la création d'une institution judiciaire internationale etc.» см. «Bulletin international». 1872. *Lueder.* «La Convention de Genève» p. 359 высказывается противъ.

вергнуто. Намъ кажется, что даже эти, конечно недостаточныя ограниченія, были-бы желательнѣе современнаго, совершенно ничѣмъ не ограниченнаго права воюющихъ пользоваться на войнѣ репрессаліями.

Съ момента наступленія для даннаго лица военнаго плѣна, входятъ въ силу и всѣ нормы права войны, регулирующія это особое его состояніе и которыя мы можемъ раздѣлить на двѣ категоріи: 1) права военноплѣннаго по отношенію къ плѣнившему его государству и 2) права воюющихъ сторонъ, по отношенію къ находящимся въ ихъ власти непріятельскимъ военноплѣннымъ.

1) Права военноплѣнныхъ по отношенію къ плѣнившей ихъ воюющей сторонѣ.

Военноплѣнные имѣютъ безспорное право на сохраненіе жизни и здоровья, а, въ случаѣ болѣзни, или раны на оказаніе имъ плѣнившей ихъ воюющей стороной медицинской помощи [123]); слѣдовательно, они не только не могутъ быть намѣренно убиваемы взявшимъ ихъ въ плѣнъ непріятелемъ [124]), но имѣютъ право и на извѣстное содержаніе со стороны плѣнившаго, необходимое для удовлетворенія ихъ жизненныхъ потребностей. Брюссельская декларація, въ ст. 27 не только выставляетъ подобное требованіе содержанія военноплѣнныхъ плѣнившимъ ихъ государствомъ, но и старается опредѣлить самый размѣръ этого содержанія: „Le Gouvernement au pouvoir duquel se trouvent les prisonniers de guerre se charge de leur entretien. Les conditions de l'entretien peuvent être établies par une entente mutuele entre les parties belligérantes.—A défaut de cette entente et comme principe général, les prisonniers de guerre seront traités, pour la nour-

---

[123]) См. отдѣлъ II A этой главы—о раненыхъ и больныхъ.

[124]) Исключая случая крайней необходимости—см. отдѣлъ I A этой главы—о средствахъ вредить непріятелю, запрещенныхъ какъ черезмѣрно жестокихъ—стр. 261.

riture et l'habillement, sur le même pied que les trouppes du Gouvernement qui les aura capturés". Необходимость такого требованія отъ воюющихъ сторонъ содержать взятыхъ ими въ плѣнъ непріятельскихъ комбатантовъ признавалась практикой войны еще въ XVII столѣтіи [125]); въ большинствѣ картелей XVIII в. мы находимъ постановленіе, что военноплѣнные должны быть содержимы захватившимъ ихъ въ плѣнъ государствомъ согласно человѣческому достоинству и занимаемому ими въ рядахъ ихъ отечественной арміи рангу; положеніе военноплѣнныхъ въ этомъ отношеніи, по словамъ Эйхельмана, было образцовымъ у Сѣверо-Американцевъ во время ихъ борьбы съ Англіей за независимость, равнымъ образомъ заслуживаетъ полной похвалы содержаніе плѣнныхъ Сѣверо-Американскими Соед. Штатами во время войны ихъ съ Южными Штатами; напротивъ, послѣдніе обращались съ военноплѣнными Сѣверянами крайне жестоко, содержали ихъ во вредныхъ для ихъ здоровья помѣщеніяхъ, даже прямо въ тюрьмахъ, заставляли терпѣть недостатокъ въ пищѣ и одеждѣ, и даже, не дозволяли имъ пользоваться присланными на ихъ имя Сѣверными Штатами посылками съ съѣстными припасами и платьемъ [126]). Изданныя русскимъ правительствомъ въ 1829 и 1854 г. положенія о военноплѣнныхъ отличаются весьма гуманными воззрѣніями и прекрасно обставляютъ вопросъ о содержаніи плѣнныхъ непріятелей, но, къ сожалѣнію, оба эти постановленія говорятъ только о содержаніи военноплѣнныхъ во время ихъ нахожденія при главной квартирѣ и въ пути къ предназначенному для нихъ мѣсту содержанія во внутреннихъ губерніяхъ Имперіи, но не опредѣляютъ каково должно быть ихъ положеніе и содержаніе въ этомъ окончательномъ мѣстопребываніи. Во время нахожденія при главной квартирѣ плѣнные, согласно положенію 1829 г., пользуются довольствомъ на-

---

[125]) *Eichelmann.* Op. cit., s. 122. прим. 15.

[126]) *Eichelmann.* Op. cit., s. 125. *Moynier.* «Étude» p. 346—363.

наравнѣ съ соотвѣтствующими чинами русской арміи и, кромѣ того, имъ выдается наличными деньгами ежедневно, смотря по чину, отъ 1½ до 24 коп. сереб. (24 коп., Генералы и Паши). Во время пути съ театра войны во внутреннія губерніи довольствіе натурой прекращалось и замѣнялось денежной ежедневной выдачей въ слѣдующемъ размѣрѣ: Паши—1 руб., оберъ-офицеры—50 коп., нижніе чины—15 коп. Положеніе 1854 г. нѣсколько измѣнило эти цифры, частью увеличивъ, или уменьшивъ ихъ, частью, распредѣливъ ихъ болѣе подробно по чинамъ и занимаемымъ плѣнными въ ихъ арміи должностямъ (инженеры и т. п.)[127]). Французское правительство издало во время войны 1859 г. также постановленіе, опредѣляющее размѣръ содержанія плѣнныхъ слѣдующимъ образомъ: бригадный генералъ получаетъ въ годъ 3000 франковъ, дивизіонный—4000, штабъ-офицеры—2400 фр., оберъ-офицеры—1200, нижніе чины—довольствіе натурой наравнѣ съ чинами французской арміи и ежедневно 7 сантимовъ. Такое-же содержаніе выдавалось французскимъ правительствомъ нѣмецкимъ военноплѣннымъ въ теченіи войны 1870—1871 г. Въ Германіи во время этой войны все содержаніе французскимъ плѣннымъ выдавалось только натурой. Наконецъ, изданное 2 іюля 1877 г. русскимъ правительствомъ „Временное положеніе о военноплѣнныхъ восточной войны 1877 года“ сравниваетъ содержаніе военноплѣнныхъ во все продолженіе военнаго плѣна съ содержаніемъ соотвѣтствующихъ военныхъ чиновъ русской арміи. Въ теоріи, обыкновенно авторы не опредѣляютъ какого размѣра должно быть содержаніе военноплѣнныхъ, говоря только въ общимъ выраженіяхъ, что оно должно быть достаточнымъ для удовлетворенія жизненныхъ потребностей, а что обращеніе съ военноплѣннымъ должно быть человѣколюбивое и согласное съ достоинствомъ плѣнника[128]).

---

[127]) *Fichelmann* op. cit. s. 127.

[128]) *Klüber.* «Le droit des gens moderne de l'Europe» § 249; *Bluntschli* Op. cit. § 605; *Lueder.* Hlzd. Hndbch IV. s. 435; подробнѣе; *Guelle.* «Précis» I p. 200.

Въ понятіи о содержаніи (entretien—Verpflegung) военноплѣнныхъ входятъ понятія о доставленіи имъ пищи, одежды и помѣщенія для жилья. Что касается пищи, то мы видѣли, какъ этотъ вопросъ рѣшается практикой и можемъ только добавить, что лучшимъ рѣшеніемъ его, по нашему мнѣнію, является рѣшеніе данное ст. 27 Брюссельской конференціи и проведенное на практикѣ „Временнымъ положеніемъ" 1877 г., т. е., что при отсутствіи положительнаго соглашенія между воюющими сторонами, содержаніе военноплѣнныхъ относительно пищи должно быть одинаковое съ содержаніемъ своихъ собственныхъ солдатъ соотвѣтствующаго чина. То-же слѣдуетъ сказать и относительно одежды военноплѣнныхъ; русскія положенія 1829 г. и 1854 г. говорятъ, что недостающія части одежды у военноплѣнныхъ должны быть замѣнены новыми и кромѣ того каждому плѣнному должны быть выданы (положеніе 1854 г.) пара сапогъ, двѣ рубашки и полушубокъ. Положеніе 1877 г. опредѣляетъ, что каждый военноплѣнный долженъ получить полный комплектъ лѣтняго и зимняго платья, и перечисляетъ вещи, входящія въ этотъ комплектъ. Что касается помѣщенія военноплѣнныхъ, то, хотя въ Брюссельской деклараціи объ немъ ничего не сказано, но на основаніи 3 пункта статьи 23: „ils doivent être traités avec humanité" можно сказать, что помѣщенія эти должны быть здоровыя, а на основаніи того принципа, что военноплѣнные не суть преступники, помѣщеніями этими не могутъ быть тюрьмы, служащія для заключенія преступниковъ; вообще, заключеніе военноплѣнныхъ въ замкнутомъ помѣщеніи допустимо только, какъ необходимая мѣра безопасности [129]). Воюющія стороны обязаны давать содержаніе военноплѣннымъ только по стольку, по скольку это необходимо для сохраненія ихъ жизни и здоровья, но оно не обязано давать имъ лишни-

---

[129]) *Decl. de Bruc.* Art, 24.....ils ne peuvent être enfermés que par mesure de sureté indispensable» *Guelle.* «Precis» I. p. 200; *Lichelmann*, op. cit p. p. 151 *Manuel.* art. 66 in fine

го, и потому нельзя признать обязательнымъ для плѣнившаго государства содержаніе плѣнныхъ, согласнаго съ занимаемымъ ими въ арміи чиномъ, или ихъ общественнымъ положеніемъ. Равнымъ образомъ, военноплѣнные, не состоя на службѣ плѣнившаго ихъ государства, не имѣютъ права на выдачу имъ извѣстнаго жалованья, кромѣ тѣхъ денегъ, которыми это государство въ правѣ замѣнить имъ содержаніе натурой. Но нельзя не признать, что воюющія стороны обязаны заботиться не только о физическомъ, но и о нравственно-духовномъ благосостояніи военноплѣнныхъ, особенно-же о безпрепятственомъ удовлетвореніи ими своихъ религіозныхъ потребностей; русскія положенія о военноплѣнныхъ 1829, 1854, 1877 гг. и французское 1859 г. гарантируютъ военноплѣннымъ свободное отправленіе ихъ религіозныхъ обязанностей.—Обязанность плѣнившаго государства не только не мѣшать военноплѣннымъ выполнять требованія ихъ религіи, но и всѣми возможными мѣрами стараться доставить имъ возможность удовлетворять этимъ требованіямъ, и потому воюющія стороны въ правѣ, въ случаѣ необходимости, задерживать при военноплѣнныхъ лицъ духовнаго званія, сопровождающихъ ту армію, къ которой плѣнные принадлежатъ [130]). Точно такъ-же, воюющія стороны обязаны по возможности доставлять военноплѣннымъ извѣстную умственную пищу, напр. газеты, книги. Это послѣднее требованіе, выставленное впервые Эхельманомъ [131]), особенно имѣетъ важное значеніе въ настоящее время, когда общая воинская повинность соединяетъ въ рядахъ армій всѣ элементы общества.

Права на свободный трудъ военноплѣнные такъ-же, вообще говоря, не лишаются, но право это можетъ быть ограничено государствомъ, насколько это ограниченіе необходимо

---

130) *Eichelmann*, op. cit. p. 135.—«Врем. положеніе» 1877 г. ст. 57: «Плѣнные ни подъ какимъ видомъ не стѣсняются въ исполненіи своихъ обрядовъ богослуженія, если только это не противно сохраненію порядка и благоустройства».

131) *Eichelmann*. Op. cit. p. 136.

какъ обезпеченіе плѣнившаго государства отъ возможнаго побѣга военноплѣннаго. Поэтому, военноплѣнные могутъ наниматься на частныя работы только съ разрѣшенія военнаго начальства, подъ контролемъ котораго они состоятъ [132]) и притомъ, соблюдая тѣ правила, которыя будутъ изданы этимъ военнымъ начальствомъ по этому поводу и мѣстные законы плѣнившаго ихъ государства. Французскія правила о военноплѣнныхъ (см. предъидущую сноску) разрѣшаютъ свободный трудъ плѣннымъ внутри занимаемыхъ ими депо подъ условіемъ соблюденія ими порядка и военной дисциплины; внѣ депо, военноплѣнные отпускаются на работы только подъ клятвеннымъ обѣщаніемъ не уходить далѣе $2^1/_2$ километровъ отъ депо; отпущенные на этомъ условіи на вольнонаемныя работы военноплѣнные освобождаются отъ обязанности являться на ежедневную перекличку въ депо, и военное начальство довольствуется въ отношеніи надзора за ними только удостовѣреніемъ о хорошемъ ихъ поведеніи, выданомъ мэромъ той мѣстности, гдѣ они работаютъ. Эти постановленія французскаго регламента весьма цѣлесообразны, но вводить въ право войны вообще какіе-либо общеобязательныя условія, при которыхъ можетъ быть допущенъ свободный трудъ военноплѣнныхъ, является совершенно излишнимъ, такъ-какъ каждое государство въ правѣ ограничивать, какъ оно это найдетъ необходимымъ для своей безопасности, это право военноплѣнныхъ, если только свободный трудъ связанъ съ относительной свободой военноплѣннаго [133]); въ закрытыхъ-же помѣщеніяхъ, въ депо, гдѣ

[132]) *Decl. de Brux.* art. 25. 2. Ils pourront également, en se conformant aux dispositions réglementaires à fixer par l'autorité militaire, prendre part aux travaux de l'industrie privée».—*Eichelmann.* s. 137; «Réglement du 6 mai 1859 sur la direction, la police et l'emploi des prisonniers de guerre» art. 26 *Guelle.* «Précis» 1 p. 202; *Blüntschli*, op. cit; § 606—*Manuel.* art. 72—Также см. русскія положенія 1829 г. и 1854 г.

[133]) *Eichelmann.* Op. cit. s. 146, говоритъ, что запрещеніе военноплѣннымъ уходить изъ депо на вольнонаемныя работы должно быть мотивировано и что военноплѣнные должны имѣть право аппеляціи на это запрещеніе, но намъ кажется, что такое требованіе несовмѣстимо съ безусловнымъ правомъ каждаго государства ограничивать свободу военноплѣнныхъ въ видахъ собственныхъ интересовъ и безопасности.

содержатся плѣнные, конечно, этотъ трудъ вполнѣ допустимъ, если только онъ не нарушаетъ собой общаго порядка и дисциплины. Хотя во „Временномъ положеніи" 1877 г. и ничего не сказано объ отпускѣ военноплѣнныхъ на вольнонаемныя работы, но авторъ настоящей книги былъ очевидцемъ, что отпускъ этотъ у насъ практиковался (въ Рязанской губ.). Всѣ заработанныя вольнымъ трудомъ военноплѣнныхъ деньги идутъ на улучшеніе ихъ содержанія, или могутъ быть выданы имъ на руки въ моментъ ихъ освобожденія изъ плѣна. Однако государство, въ плѣну котораго плѣнные находятся, имѣетъ право удержать изъ этихъ денегъ расходы на ихъ содержаніе [134]).

Военноплѣннымъ принадлежитъ такъ-же весьма важное право на судебную защиту и покровительство законовъ того государства, во власти котораго они находятся. Право это вытекаетъ само собою изъ того положенія, что военноплѣнные не суть преступники и что военный плѣнъ есть только способъ поставить непріятельскаго комбатанта въ состояніе несопротивленія. Какъ вообще всякій иностранецъ, плѣнникъ пользуется, согласно современному международному праву, защитой мѣстныхъ законовъ. Какъ ни очевидно это право военноплѣнныхъ, оно, однако, настолько важно, что не должно было-бы быть пропущено въ такомъ проектѣ кодификаціи законовъ и обычаевъ войны, какъ Брюссельская декларація, а между тѣмъ, ни она, ни всѣ авторы, писавшіе о правѣ войны, не упоминаютъ объ этомъ правѣ и о немъ говоритъ только одинъ Эйхельманнъ [135]). Изъ правительственныхъ постановленій, касающихся положенія военноплѣнныхъ, о правѣ ихъ на судебную защиту и покровительство законовъ говорятъ только

---

[134]) *Brux. Decl.* art. 25. 3. «Leur salaire servira à améliorer leur position ou leur sera compté au moment de leur libération. Dans ce cas les frais d'entretien pourront être défalqués de ce salaire»—*Manuel de l'Inst.* Art. 72; *Lueder* Hlzd. Hndbch IV s. 435; *Guelle* «Précis» I p. 202; *Bluntschli.* op. cit. § 608.

[135]) *Eichelmann.* Op. cit. s. 146—158.

три: Декретъ Національнаго конвента 1792 г. [136]) и оба русскія положенія 1829 и 1854 г. На практикѣ это право военноплѣнныхъ общепризнано, что можно заключить изъ слѣдующаго, наприм. факта: въ теченіи войны 1870—1871 г. было нѣсколько случаевъ совершенія преступленій французскими подданными надъ личностью германскихъ военноплѣнныхъ, оставшихся ненаказанными Французскими властями. Кн. Бисмаркъ жаловался на это французскому правительству, какъ на нарушеніе права, и французское правительство признало его жалобу справедливой [137]). Равнымъ образомъ, слѣдовало-бы признать, что военноплѣнные, какъ и вообще всѣ подданные враждебной державы, находящіеся на территоріи даннаго государства должны быть поставлены подъ охрану консуловъ дружественныхъ державъ; разъ современнымъ правомъ войны признано [138]), что остающіеся на территоріи одной изъ воюющихъ сторонъ подданные другой должны быть поставлены подъ защиту консуловъ одной изъ дружественныхъ державъ, то то-же самое должно быть признано и относительно военноплѣнныхъ, конечно на столько, на сколько это вмѣшательство консуловъ не идетъ въ разрѣзъ съ правами воюющихъ сторонъ по отношенію къ военноплѣннымъ. Покровительство консуловъ должно выразиться лишь въ заступничествѣ предъ правительствомъ плѣнившаго государства за военноплѣнныхъ, въ случаѣ, если такое заступничество необходимо для сохраненія принадлежащихъ военноплѣннымъ правъ.

Далѣе, военноплѣнные имѣютъ право, насколько это совмѣстимо съ правомъ плѣнившаго государства, заботиться о своихъ интересахъ и безопасности, на внѣшнія сношенія съ заграницей и съ своей родиной, т. е., имъ разрѣшается получать и отправлять корреспонденцію въ свое отечество, но подъ

---

[136]) *Décret de la Convention Nationale* 1792; «Les crimes et délits commis sur la personne d'un prisonnier seront punis comme s'ils étaient commis sur la personne d'un citoyen français».

[137]) *Eichelmann.* Op. cit. s. 148.

[138]) *Мартенсъ.* «Современное Международное право II стр. 471.

надзоромъ военныхъ властей плѣнившаго государства, дабы эта корресподенція не служила средствомъ передачи противной воюющей сторонѣ какихъ либо свѣденій, касающихся военныхъ дѣйствій, или силъ плѣнившей стороны и не могла повліять невыгоднымъ образомъ на ея военные интересы, или, дабы эта корресподенція не могла облегчить военноплѣннымъ побѣгъ и освобожденіе изъ плѣна. Французскій регламентъ 1859 г. и Проектъ Парижскаго Общества облегченія участи военноплѣнныхъ требуютъ безденежную отсылку и пріемъ корресподенціи военноплѣнныхъ. Этимъ правомъ, и также безвозмездно, пользовались военноплѣнные обѣихъ воюющихъ сторонъ во время войны 1870—1871 г. и турецкіе плѣнные въ Россіи во время войны 1877—1878 г. Точно также военноплѣнные имѣютъ право на безпрепятственное полученіе изъ своего отечества различныхъ денежныхъ и вещныхъ посылокъ, предназначенныхъ для удовлетворенія различныхъ физическихъ и умственныхъ потребностей плѣнныхъ. Для оказанія такого рода помощи военноплѣннымъ со времени войны 1870—1871 г. существуютъ особыя общества, наприм. „Société pour l'amélioration du sort des prisonniers de guerre", основанное въ 1872 и замѣчательное тѣмъ, что имъ былъ составленъ въ началѣ 1874 г., т. е. ранѣе Брюссельской конференціи, проектъ международнаго устава о военноплѣнныхъ [139]). Наконецъ, что касается имущественныхъ правъ военноплѣнныхъ, то современная теорія [140]) и практика права войны единогласно признаютъ частную собственность военноплѣнныхъ, за исключеніемъ оружія, неприкосновенной и не подлежащей праву добычя (Beuterecht) ни со стороны лицъ, которыми данный комбатантъ былъ взятъ въ плѣнъ, ни со стороны госу-

---

[139]) «Projet pouvant servir de base à un Réglement international relatif aux prisonniers de guerre»—сообщенъ державамъ въ мартѣ 1874 г.

[140]) *Bluntschli.* Op. cit. § 657; § 659; *Lueder* Hlz. Hndbch IV § 114 s. 483; § 107 s. 435; *Guelle.* «Précis» I p. 199; *Pillet.* «Le droit de la Guerre» p. 203; *Мартенсъ.* op. cit. II стр. 483; *Eichelmann.* Op. cit. s. 109; 114; *Declar. de Brux.* Art. 23. 5.; *Manuel de l'Inst.* Art. 64.

дарства, во власти котораго онъ находится.—Брюссельская декларація говоритъ: (art. 23—5). „Tout ce qui leur (aux prisonniers) appartient personellement, les armes exceptées, reste leur proprieté".

Война есть борьба между государствами изъ-за преслѣдуемыхъ ими государственныхъ интересовъ, комбатантъ участвуетъ въ этой борьбѣ только какъ защитникъ интересовъ своего государства, поэтому частная его собственность, какъ принадлежащая человѣческой личности, а не комбатанту, какъ не имѣющая ничего общаго съ непосредственной цѣлью войны должна быть неприкосновенна [141]).—Это однако вѣрно настолько

---

[141]) Въ XVIII столѣтіи уже входитъ въ повсемѣстный и постоянный обычай правило, что имущество сдавшагося въ плѣнъ на основаніи капитуляціи гарнизона крѣпости, или города считается неприкосновеннымъ, за исключеніемъ оружія и боевыхъ припасовъ; офицерамъ часто разрѣшается сохранять оружіе и лошадей—см. напр. капитуляціи: 1703 г. крѣпости Ротенбергъ; 1704 г.—Ландау; 1706 г.—Антверпена, 1799 г.—Анконы.—Этотъ обычай сохранился и во всѣхъ капитуляціяхъ заключенныхъ съ французскими войсками во время Наполеоновскихъ войнъ. Но частная собственность остальныхъ военноплѣнныхъ составляла по общему правилу законную добычу побѣдителя, а такъ-же постоянно допускался грабежъ взятыхъ приступомъ городовъ и крѣпостей. Частная собственность военноплѣнныхъ, несдавшихся на капитуляцію считалась законной добычей солдатъ даже такими полководцами, какъ Велингтонъ, Наполеонъ I и Суворовъ. Конвенціи и картели того времени также допускаютъ грабежъ военноплѣнныхъ, правда въ извѣстной только степени и въ случаѣ, если плѣнные не сдались на капитуляцію; такъ, весьма часто въ картеляхъ XVII и XVIII вѣковъ выставляется требованіе, чтобы у плѣнныхъ не было отнимаемо надѣтое на нихъ платье, слѣдовательно косвеннымъ образомъ разрѣшается побѣдителю смотрѣть на остальное имущество военноплѣнныхъ, какъ на законную добычу. Картели: 1741 г. между Австріей и Пруссіей и 1759 г. между Россіей и Пруссіей дозволяютъ побѣдителю «слегка ограбить» (Bischen plündern) побѣжденнаго.—Теорія также долгое время смотритъ на частную собственность военноплѣннаго, какъ на законную добычу плѣнившаго его лица: *Schmalz.* «Das Europäische Völkerrcht" 1817, s. 332—335., *Wheaton* «Elements of international Law» 1836. Part. IV, cl. II, § 5; *Schmelzing.* «Systematischer Grundriss des praktischen europ. Völkerrecht». 1818—1820. Vol. III, s. 150; *Saalfeld.* «Handbuch des positiven Völkerrechts». 1833, § 137; *Klüber.* «Le droit des gens moderne de l'Europe» 1819, § 248; *Mohl.* «Encyklopaedie der Staatswissenschaften». 1872, s. 492—держатся еще этого взгляда на частную собственность

насколько эта частная собственность предназначена вообще для удовлетворенія потребностей человѣка, а не спеціально для военныхъ цѣлей. Поэтому, оружіе, даже если оно составляетъ частную собственность комбатанта, какъ собственность, спеціально предназначенная для веденія войны, какъ одно изъ средствъ, которыми пользуются комбатанты для достиженія преслѣдуемой ихъ государствомъ непосредственной цѣли войны, не можетъ быть признано неприкосновеннымъ и можетъ быть присвоено непріятелемъ, или уничтожено; мы никакъ не можемъ въ этомъ случаѣ согласиться съ Эйхельманомъ [142]), старающимся доказать, что и оружіе, если оно составляетъ частную собственность военноплѣннаго, должно быть признано не подлежащимъ захвату и можетъ быть только временно отобрано у военноплѣнныхъ на время ихъ плѣна; съ окончаніемъ послѣдняго оно должно имъ быть возвращено. По нашему мнѣнію, оружіе, кому-бы оно не принадлежало, государству, или частному лицу, есть по преимуществу вещь, предназначенная для военныхъ цѣлей и потому не можетъ быть признана на войнѣ, даже относительно, неприкосновенной. Правда, современная практика войны допускаетъ иногда оставленіе военноплѣннымъ офицерамъ ихъ оружія [143]), но это дѣлается не изъ сознанія обязанности уважать такого рода собственность (тѣмъ болѣе, что она не всегда бываетъ частной), но изъ военной вѣжливости, ибо оставленіе побѣдителемъ оружія побѣжден-

---

военноплѣнныхъ. Но уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія практика войны начинаетъ смотрѣть на этотъ вопросъ иначе и мы находимъ въ русскихъ «Положеніяхъ» 1829 и 1854 г. постановленія, гласящія, что «собственность каждаго изъ плѣнныхъ, за исключеніемъ оружія, остается неприкосновенной». То-же постановленіе повторено и во «Временномъ Положеніи» 1877.—«Инструкціи» Либера то-же признаютъ неприкосновенность частной собственности военноплѣнныхъ, а редакція 5-го пункта 23 статьи Брюссельской декларація была одобрена всѣми членами конференціи, въ томъ числѣ и военными,—Лееромъ, Фойхтъ-Ретцемъ, Ламбермономъ и другими.

[142]) *Eichelmann*. Op. cit., s. 118—121.

[143]) Оружіе было оставлено плѣннымъ офицерамъ при взятіи Карса въ 1855 и 1877 г.), Седана, Метца и Парижа (1870—1871).

ному есть знакъ уваженія, оказываемаго выказанному комбатантомъ мужеству.—Однако, плѣнившее государство, признавая неприкосновенность частной собственности военноплѣнныхъ, имѣетъ право временно отобрать у нихъ тѣ вещи, или то ихъ частное имущество, пользованіе которымъ военноплѣнными во время ихъ пребыванія въ плѣну почему-либо можетъ быть признано опаснымъ для военныхъ интересовъ плѣнившаго государства, наприм. можетъ содѣйствовать побѣгу плѣнныхъ. Такое имущество, хотя и не подлежащее захвату со стороны плѣнившаго государства, можетъ быть отобрано у военноплѣнныхъ при взятіи ихъ въ плѣнъ, но только подъ условіемъ возрата его имъ при окончаніи войны и плѣна.—Особенное значеніе имѣетъ это правило относительно денежныхъ средствъ, которыя могутъ быть найдены у военноплѣнныхъ; средства эти, особенно если они представляютъ изъ себя крупныя суммы, могутъ легко быть обращены военноплѣнными на цѣли, противныя военнымъ интересамъ плѣнившаго государства, наприм. на облеченіе возможности побѣга военноплѣннаго, на организацію шпіонства, или передачу противной воющей сторонѣ различныхъ свѣденій, касающихся намѣреній, военныхъ силъ и дѣйствій плѣнившаго государства и т. п.; эти денежныя суммы, конечно, не могутъ быть оставлены въ безконтрольномъ владѣніи плѣнныхъ и плѣнившая воюющая сторона имѣетъ права отобрать ихъ у ихъ владѣльцевъ въ видахъ своей собственной безопасности. Но мѣра эта должна всегда имѣть характеръ мѣры временной и предупредительной, а никакъ не можетъ считаться способомъ пріобрѣтенія, или возмѣщенія расходовъ, сдѣланныхъ плѣнившимъ на обязательное содержаніе военноплѣннаго;—конечно, если военноплѣнный самъ пожелаетъ получить бóльшій комфортъ, чѣмъ тотъ, который ему дается плѣнившимъ его государствомъ, то послѣднее въ правѣ требовать, чтобы военноплѣнный платилъ за этотъ комфортъ изъ своихъ средствъ, ибо плѣнившее государство обязано давать плѣннымъ только то содержаніе, которое необходимо для сохраненія ихъ жизни и здоровья.—Поэтому, мы никакъ не мо-

жемъ признать справедливымъ постановленіе „Американскихъ Инструкцій" [144]), дозволяющее конфискацію крупныхъ денежныхъ суммъ, найденныхъ у военноплѣнныхъ.

Пунктъ 3 статьи 23 Брюссельской деклараціи, гласящій, что военноплѣнные „doivent être traités avec humanité", служитъ достаточнымъ указаніемъ того, что плѣнники не должны быть подвергаемы никакимъ униженіямъ, обидамъ и оскорбленіямъ. Подробностей этихъ разсматривать не стоитъ, ибо онѣ сами собой понятны, если только достаточно понятъ и выясненъ принципъ, что военноплѣнные не суть преступники и даже не враги, въ общечеловѣческомъ смыслѣ этого слова, но лишь орудія борьбы государствъ, которыя лишены однимъ изъ этихъ воюющихъ государствъ возможности продолжать участвовать въ этой борьбѣ и что лишеніе ихъ свободы допустимо только какъ средство для лишенія ихъ этой возможности и какъ мѣра самообороны государства.

2) Права плѣнившаго государства по отношенію къ военноплѣннымъ.

Воюющія стороны обязаны щадить жизнь непріятельскаго комбатанта, приведеннаго въ состояніе несопротивленія, но онѣ въ то-же самое время имѣютъ безспорное право принимать всѣ мѣры къ тому, чтобы такіе непріятельскіе комбатанты не могли выйти изъ своего пассивнаго состоянія и не явились-бы вновь активными орудіями сопротивленія враждебнаго государства. Поэтому, разъ комбатантъ одной изъ воюющихъ сторонъ приведенъ въ состояніе несопротивленія и попалъ во власть другой воюющей стороны, послѣдняя въ правѣ подвергнуть его на все время продолженія военныхъ дѣйствій, военному плѣну, т. е.

---

[144]) Amer. Instruct. art. 72.....«Nevertheless, if large sums are found upon the persons of prisoners, or in their possession, they shall be taken from them, and the surplus, after providing for their own support, appropriated for the use of the army, under the direction of the commander, unless otherwise ordered by the goverament»......

лишить свободы. Во время всего продолженія военнаго плѣна плѣнившее государство имѣетъ извѣстную власть надъ военноплѣнными, оно можетъ подвергать ихъ болѣе, или менѣе полному лишенію индивидуальной свободы, препятствовать возможному со стороны плѣнныхъ побѣгу, подчинять ихъ извѣстной дисциплинѣ, карать за ея нарушенія, препятствовать тому, чтобы военноплѣнные своими дѣйствіями чѣмъ-либо угрожали безопасности и порядку страны, въ которой они находятся и т. п. Однимъ словомъ, власть плѣнившаго государства надъ военноплѣнными допускается по стольку, по скольку это необходимо для безопасности этого государства и для достиженія преслѣдуемой имъ непосредственной цѣли войны. Поэтому, *плѣнившее государство имѣетъ право интернировать попавшихъ въ его власть военноплѣнныхъ въ какой-либо опредѣленной мѣстности, городѣ, крѣпости, или лагерѣ съ обязательствомъ для военноплѣнныхъ не отлучаться изъ этой мѣстности далѣе опредѣленныхъ границъ. „Но“, говоритъ* Брюссельская декларація: *„военноплѣнные могутъ быть заключаемы (enfermés) только, когда эта мѣра является необходимой для безопасности государства“* [145]).—Хотя Брюссельская декларація и даетъ, такимъ образомъ, полный просторъ произволу плѣнившаго государства, смотря по тому, найдетъ ли оно это необходимымъ для своей безопасности, или нѣтъ, подвергать военноплѣнныхъ только интернированью, подъ обязательствомъ не удаляться за опредѣленный предѣлъ, или заключенію въ замкнутомъ помѣщеніи, но мы позволимъ себѣ провести здѣсь извѣстную границу, опредѣляющую когда именно плѣнившее государство въ правѣ подвергнуть военноплѣннаго заключенію.

---

[145]) *Decl. de Brux. art. 24:* «Les prisonniers de guerre peuvent être assujettis à l'internement dans une ville, forteresse, camp ou localité quelconque, avec l'obligation de ne pas s'éloigner au delà de certaines limites déterminées; mais ils ne peuvent être enfermés que par mesure de sûreté indispensable».— См. *Guelle.* «Précis». I, p. 200; 205; *Eichelmann.* Op. cit., s. 151—161. *Lueder.* Hlzd. Hndbch. IV. § 107, s. 434; *Bluntschli.* Op. cit., § 604; *Lieber* «*Amer. Instr.*» art. 75; *Pillet.* «Le Droit de la guerre», p. 203.

Если военноплѣнный добровольно изъявляетъ намѣреніе не стараться уйти изъ плѣна, если онъ даетъ письменное обязательство не отлучаться за границы того района, въ которомъ онъ интернированъ, границы, заранѣе ему указанныя военнымъ начальствомъ плѣнившаго его государства, то это послѣднее обязано предоставить военноплѣнному право относительной личной свободы въ границахъ этого района и военноплѣнный не можетъ быть произвольно подвергнутъ заключенію. Конечно, плѣнившее государство, въ случаѣ крайней необходимости, когда даже относительная свобода военноплѣнныхъ будетъ признана опасной или для безопасности самого государства, или для безопасности самихъ военноплѣнныхъ (напр. въ случаѣ враждебнаго возбужденія умовъ мѣстнаго населенія противъ плѣнныхъ), въ правѣ совершенно недопустить или прекратить относительно—свободное интернированье плѣнныхъ въ опредѣленномъ районѣ и замѣнить его ихъ заключеніемъ въ замкнутомъ помѣщеніи. Но, вообще говоря, изъ принципа обязанности воюющихъ сторонъ гуманнаго обращенія съ военноплѣнными, слѣдуетъ, что государства должны, если только это возможно, дозволять военноплѣннымъ пользоваться полной свободой въ извѣстныхъ опредѣленныхъ территоріальныхъ границахъ и подъ условіемъ обязательства для плѣнныхъ не переступать этихъ границъ. Военноплѣнный, давшій такое обязательство, долженъ его выполнить, ибо это обязательство равносильно честному слову; если, несмотря на это, онъ пытался бѣжать изъ плѣна, то, конечно, плѣнившее государство въ правѣ подвергнутъ его заключенію и даже подвергнуть его отвѣтственности, согласно дѣйствующимъ въ этомъ государствѣ военнымъ законамъ.—Очень хорошо было обставлено такое относительное и условное освобожденіе военноплѣнныхъ во Франціи во время войнъ 1859 г. и 1870—1871 гг.; военноплѣнные отпускались изъ депо, въ которомъ содержались подъ клятвеннымъ обѣщаніемъ не удаляться далѣе $2^1/_2$ километровъ отъ избраннаго ими мѣста жительства; наблюденіе за ними поручалось мѣстнымъ мэрамъ, которые обязаны были пред-

ставлять военному начальству депо свидѣтельства о поведенiи плѣнныхъ. Въ случаѣ побѣга отпущеннаго такимъ образомъ военноплѣннаго отвѣчалъ, какъ онъ самъ, если былъ пойманъ, такъ и вся мѣстность, гдѣ онъ жилъ въ томъ смыслѣ, что туда военноплѣнные уже болѣе не отпускались [146]). Конечно, согласiе военноплѣннаго въ принятiе имъ на себя обязательства не отлучаться дальше извѣстныхъ предѣловъ отъ назначеннаго ему мѣста жительства не должно быть вынуждено, или взято отъ него обманнымъ образомъ, ибо такое согласiе не является ни дѣйствительнымъ, ни достаточно гарантирующимъ выполненiе принятаго обязательства и ведетъ только къ взаимному недоразумѣнiю, влекущему за собой ничѣмъ не оправдываемую суровость въ наказанiи плѣнныхъ, попавшихся во время побѣга, или вторично взятыхъ въ плѣнъ тою-же воюющею стороною. Мы упомянули объ этомъ въ виду одного факта, случившагося въ теченiи войны 1870—1871 г. Германскiя военныя власти требовали отъ плѣнныхъ французскихъ офицеровъ, чтобы они, по прибытiи на мѣсто, предназначенное для ихъ жительства во время плѣна объявляли письменно свой чинъ, имя и фамилiю; въ заголовкѣ всѣхъ этихъ подписей по-нѣмецки, т. е. на языкѣ непонятномъ для большинства плѣнныхъ, писалось, что нижеподписавшiйся обязуется не удаляться за опредѣленныя границы предназначенной для ихъ жительства мѣстности. Послѣ этой формальности военноплѣнные считались давшими слово не стараться убѣжать изъ плѣна, и имъ предоставлялась въ границахъ даннаго района правда относительная, но все-же большая свобода. Если такiе плѣнные пытались бѣжать, то они подвергались сильному дисциплинарному наказанiю и даже для нихъ была въ употребленiи коллективная отвѣтственность всѣхъ, живущихъ съ ними въ одной мѣстности военноплѣнныхъ [147]).—Такое поведенiе германскихъ властей не

---

[146]) *Eichelmann.* Op. cit., s. 137 и «Reglement du 6 mai 1859 sur la direction, la police et l'emploi des prisonniers de guerre» art. 26.

[147]) «*Guelle.* «Guerre Continentale» p. 150—151.

можетъ быть ни въ какомъ случаѣ быть признано раціональнымъ и достойнымъ одобренія.

Военноплѣнные, отказавшіеся дать письменное обязательство не пытаться удаляться далѣе извѣстнаго района мѣстности и не пытаться бѣжать, могутъ быть подвергнуты заключенію въ крѣпости, или, даже, въ тюрьмѣ, лишь бы эта тюрьма была здоровой и не служила для помѣщенія также и и преступниковъ.—Раньше чѣмъ продолжать дальнѣйшее изложеніе, мы сдѣлаемъ небольшое отступленіе, чтобы указать на высказанное Эйхельманомъ мнѣніе [148]), что при разсмотрѣніи вопроса о томъ, когда военноплѣнные могутъ быть подвергаемы заключенію и когда они могутъ быть условно оставляемы на свободѣ въ границахъ извѣстнаго района территоріи плѣнившаго государства, надо обратить вниманіе на тотъ вопросъ, какимъ путемъ попали военноплѣнные во власть непріятеля. Эйхельманъ говоритъ: если военноплѣнный былъ захваченъ силой, то государство плѣнившее его должно его спросить, согласенъ-ли онъ дать обѣщаніе не удаляться далѣе извѣстныхъ границъ назначенной ему для жительства мѣстности и не пытаться бѣжать изъ плѣна. При утвердительномъ отвѣтѣ, плѣнившее государство обязано предоставить военноплѣнному свободу въ означенномъ районѣ, въ противномъ случаѣ, можетъ подвергнуть военноплѣннаго заключенію. Если же военноплѣнный добровольно сдался непріятелю, напр, на основаніи капитуляціи, то онъ eo ipso считается уже давшимъ обязательство не пытаться бѣжать и потому плѣнившее государство обязано лишь указать ему тотъ районъ, въ которомъ онъ можетъ пользоваться свободой и границы котораго онъ переступать не долженъ.—Намъ кажется, что такой взглядъ врядъ-ли можетъ быть признанъ справедливымъ: добровольно сдающійся комбатантъ своей сдачей въ плѣнъ констатируетъ только тотъ фактъ, что въ данный моментъ и при данныхъ обстоятельствахъ онъ продолжать борьбы не можетъ и, чтобы

[148]) *Eichelmann.* Op. cit. s. 151—153.

избѣжать необходимости безъ нужды жертвовать своею жизнью, онъ передаетъ себя во власть непріятеля; но сдача въ плѣнъ никакъ еще не налагаетъ на сдавшагося обязанности не пытаться избавиться отъ плѣна и вновь выступить активнымъ врагомъ взявшаго его въ плѣнъ государства.—Если допустить, что добровольная сдача въ плѣнъ есть eo ipso принятіе сдающимся на себя обязательства не пытаться бѣжать изъ плѣна, то отчего-же не пойти дальше и не сказать, что всякій добровольно сдающійся въ плѣнъ комбатантъ eo ipso отказывается отъ всякаго участія въ военныхъ дѣйствіяхъ на все время продолженія данной войны; въ этомъ случаѣ пришлось-бы отпускать всѣхъ добровольно сдающихся въ плѣнъ въ ихъ отечество и смотрѣть на нихъ, какъ на военноплѣнныхъ отпущенныхъ на свободу въ ихъ отечество подъ условіемъ не принимать дальнѣйшаго участія въ войнѣ. Намъ кажется, что принятіе на себя военноплѣннымъ обязательства не пытаться бѣжать изъ плѣна вещь на столько серьезная, что необходимо формальное письменное удостовѣреніе, лично, вполнѣ сознательно, и добровольно подписанное каждымъ военноплѣннымъ, что онъ на себя это обязательство принимаетъ. Кромѣ того, нельзя сказать, чтобы воюющія стороны всегда были-бы обязаны согласиться на принятіе такого обязательства даннаго военноплѣннымъ; для плѣнныхъ офицеровъ европейскихъ армій это еще можетъ быть допущено, но что касается нижнихъ чиновъ, то мы сомнѣваемся, чтобы они всегда были настолько развиты, чтобы понять всю серьезность даннаго ими обязательства.

Форма обязательства должна быть по нашему мнѣнію непремѣнно письменная; этого требуютъ такъ-же Гелль и Дудлей Фильдъ [149]).—Что касается до отвѣтственности, которой подвергается военноплѣнный нарушившій данное имъ обязательство не стараться убѣжать изъ плѣна и не переступать извѣстныхъ территоріальныхъ границъ мѣстности, въ которой

---

[149]) *Guelle.* «Précis» I p. 205; *Dudley Field* «Projet d'un Code international» Paris 1881. p. art. 820.

онъ интернированъ, то по этому поводу мы не находимъ въ Брюссельской деклараціи никакихъ прямыхъ постановленій, ибо ст. 33 относится къ военноплѣннымъ отпущеннымъ изъ плѣна въ отечество подъ честнымъ словомъ не принимать дальнѣйшаго участія въ военныхъ дѣйствіяхъ и нарушившихъ это слово.—Однако, статья 28 деклараціи, говорящая, что военнооплѣнный, пытавшійся бѣжать и пойманный подвергается или дисциплинарному взысканію, или болѣе строгому надзору [150]), должна быть понята, по нашему мнѣнію, именно въ томъ смыслѣ, что плѣнникъ, необязавшійся не пытаться бѣжать подлежитъ при неудавшемся побѣгѣ только усиленному надзору, военноплѣнный-же нарушившій данное имъ обязательство не бѣжать и пойманный подлежитъ дисциплинарному взысканію. Дѣйствительно, первый своимъ побѣгомъ не совершаетъ никакого проступка или правонарушенія и потому наказанію подлежать не можетъ; учрежденіе за нимъ болѣе строгаго надзора есть мѣра, принимаемая только для обезпеченія безопасности плѣнившаго государства отъ вторичной его попытки къ побѣгу, а не мѣра карательная.—Напротивъ того, военноплѣнный, давшій обязательство не удаляться изъ извѣстнаго указаннаго ему района и пользующійся на основаніи этого обязательства относительной свободой, въ случаѣ сдѣланной имъ попытки къ побѣгу, злоупотребляетъ оказаннымъ ему плѣнившимъ государствомъ довѣріемъ и нарушаетъ данное свое обязательство, а слѣдовательно, какъ правонарушитель подлежитъ извѣстному наказанію.—Размѣръ этого наказанія опредѣляется военнымъ начальствомъ плѣнившаго государства, согласно военнымъ законамъ этого государства, установленнымъ имъ для военноплѣнныхъ правиламъ и обстоятельствамъ, сопровождавшимъ побѣгъ; въ извѣстныхъ случаяхъ, напр., когда попытка къ побѣгу сопровождалась убійствомъ часоваго, наказаніемъ этимъ

---

[150]) Art. 28. . . . . «Repris (le prisonnier en fuite) il est passible des peines disciplinaires ou soumis à une surveillance plus sévère».

можетъ быть смертная казнь [151]). — Французскій регламентъ 1859 г. опредѣляетъ наказаніе за побѣгъ, связанный съ нарушеніемъ принятаго на себя бѣжавшимъ обязательства, какъ двухъ-мѣсячное тюремное заключеніе.—Наконецъ, такъ какъ нарушеніе даннаго военноплѣннымъ слова не бѣжать изъ плѣна есть такое-же правонарушеніе, какъ и нарушеніе даннаго отпущеннымъ въ отечество военноплѣннымъ слова не принимать активнаго участія въ войнѣ, то, по аналогіи съ постановленіемъ ст. 33 Брюссельской деклараціи, предвидѣвшей это послѣднее нарушеніе слова [152]), можно сказать, что военноплѣнный, бѣжавшій изъ плѣна, вопреки данному имъ обязательству не пытаться бѣжать, если онъ вновь будетъ взятъ въ плѣнъ тою-же воюющей стороною, долженъ быть подвергнутъ извѣстному наказанію и можетъ быть даже лишенъ правъ законнаго комбатанта и, въ частности, правъ военноплѣннаго.

Плѣнившее государство имѣетъ право въ интересахъ собственной безопасности подчинять военноплѣнныхъ извѣстной дисциплинѣ и военнымъ законамъ страны.—Брюссельская декларація [ст. 28.,] говоритъ: „Les prisonniers de guerre sont soumis aux lois et réglements en vigueur dans l'armée au pouvoir de laquelle ils se trouvent". Такое подчиненіе военноплѣнныхъ военнымъ законамъ плѣнившаго ихъ государства и изданнымъ имъ дисциплинарнымъ правиламъ необходимо, какъ гарантія повиновенія власти плѣнившаго государства.—Однако, военная власть государства надъ находящимися у него въ плѣну непріятельскими комбатантами допустима только на столько, на сколько это является необходимымъ для безопасности государства, на сколько данное лице является военнымъ органомъ враждебнаго государства; въ тѣхъ-же случаяхъ, когда военноплѣнный дѣйствуетъ не какъ таковой, а какъ вообще человѣческая

[151]) *Lueder*. «Hlzd. Hndbch IV s. 434.

[152]) Decl. de Brux. art 33: «Tout prisonnier de guerre, libéré sur parole et repris portant les armes contre le Gouvernement envers lequel il s'était engagé d'honneur, peut être privé des droits de prisonnier de guerre et traduit devant les tribunaux».

личность, плѣнившее государство не можетъ имѣть надъ нимъ больше власти, какъ та, которую она имѣетъ вообще надъ находящимися на его территоріи иностранцами.

Поэтому, не смотря на авторитетъ Брюссельской декларацiи, признающей вообще подсудность военноплѣнныхъ по всѣмъ совершеннымъ ими правонарушеніямъ военнымъ законамъ и судамъ плѣнившаго ихъ государства [153]), и, несмотря на то, что новѣйшая практика войны [154]) также признала эту подсудность, мы, не колеблясь, присоединяемся къ мнѣнію Эйхельмана [155]), полагающаго, что военноплѣнный подсуденъ военнымъ законамъ только тогда, когда совершенное имъ преступленіе нарушаетъ законы и постановленія плѣнившаго государства, изданныя имъ для урегулированья положенія плѣнныхъ, какъ таковыхъ, т. е. когда преступленіе совершено военноплѣннымъ въ качествѣ таковаго. Тѣ-же преступленія, которыя нарушаютъ общіе уголовные и гражданскіе законы государства и совершены преступникомъ не какъ военноплѣннымъ, но какъ человѣческой личностью должны быть судимы судомъ гражданскимъ и по гражданскимъ законамъ, какъ если-бы они были совершены иностранцемъ, находящимся на территоріи даннаго государства. Военный судъ и военные законы всегда гораздо строже гражданскихъ и потому, наказывая военноплѣннаго за совершенное имъ общее преступленіе, не связанное съ преступленіемъ противъ законовъ о военноплѣнныхъ, строже чѣмъ обыкновеннаго иностраннаго подданнаго, совершившаго то-же преступленіе, государство наказываетъ не только самое преступленіе,

---

[153]) Это видно какъ изъ приведеннаго мѣста ст. 28, такъ особенно изъ сдѣланнаго на Конференціи предложенія германскаго уполномоченнаго Фойгтъ-Ретца: «Le prisonniers de guerre sont assujettis selon leur rang militaire aux lois du Code militaire ou aux règlements disciplinaires du Gouvernement au pouvoir duquel ils se touvent».

[154]) Въ Германіи и Франціи въ 1870—1871 г. военноплѣнные были подсудны по всѣмъ преступленіямъ военнымъ судамъ. То-же имѣло мѣсто и въ Россіи въ теченіи войны 1877—1878 г. Напротивъ того, русскія положенія о военноплѣнныхъ 1829 и 1854 г. признаютъ ихъ подсудными гражданскимъ трибуналамъ.

[155]) *Eichelmann*. op. cit. s. 162—163.

но и самый фактъ нахожденія даннаго лица въ плѣну, а послѣднее является нарушеніемъ принципа, что военноплѣнный, самъ по себѣ взятый, не есть преступникъ (Kriegsgefangene sind keine Strafgefangene sondern Sicherheitsgafangene). Поэтому мы выставимъ какъ общее правило, слѣдующія положенія:

a) *Военноплѣнный можетъ быть подчиненъ плѣнившимъ его государствомъ извѣстнымъ военнымъ законамъ и постановленіямъ, имѣющимъ своею цѣлью гарантировать плѣнившее государство отъ всякаго дѣйствія со стороны плѣнныхъ, могущихъ повредить военнымъ интересамъ и спокойствію этого государства.*

b) *Военноплѣнный, нарушившій законы и постановленія касающіяся военнаго плѣна и изданныя на этотъ случай правительствомъ плѣнившаго государства предписанія, судится военнымъ судомъ и по военнымъ законамъ государства.*

Такъ, попытка къ возстанію военноплѣнныхъ, бѣгство ихъ изъ плѣна, или попытка побѣга, сопряженные съ нарушеніемъ даннаго обязательства, шпіонство, собираніе и передача противной воюющей сторонѣ военноплѣнными свѣдѣній о военныхъ силахъ, операціяхъ или намѣреніяхъ плѣнившаго государства, неповиновеніе плѣнныхъ военнымъ властямъ, подъ надзоръ которыхъ они поставлены и т. п. подлежатъ компетенціи военнаго суда и судятся по военнымъ законамъ плѣнившаго государства.

c) *Если военноплѣнный совершаетъ преступленіе общее (напр. убійство) соединенное съ нарушеніемъ законовъ и постановленій о военномъ плѣнѣ, то такое сложное преступленіе судится такъ-же по военнымъ законамъ и военнымъ судомъ*, ибо въ данномъ случаѣ преступникъ дѣйствовалъ не только какъ личность, но и какъ военноплѣнный.

d) *За общія преступленія, совершенныя военноплѣннымъ и не связанныя съ нарушеніемъ законовъ и постановленій о дисциплинѣ плѣнныхъ, онъ судится гражданскими судами и по гражданскимъ законамъ, какъ иностранецъ, нарушившій законы государства, въ которомъ онъ находится.*

Размѣръ и свойство дисциплинарнаго наказанія военноплѣнныхъ должны быть предоставлены на благоусмотрѣніе каждаго государства и опредѣляются дѣйствующими въ немъ военными законами. Конечно, не могутъ быть примѣняемы къ плѣннымъ тѣ изъ этихъ наказаній, которыя касаются служебнаго состоянія военноплѣнныхъ, напр. лишеніе чина, или знаковъ отличія. Въ проектѣ Парижскаго Общества улучшенія быта раненыхъ (ст. 24) находится еще одно ограниченіе, касающееся непримѣненія къ военноплѣннымъ тѣлесныхъ наказаній. Это весьма разумное требованіе уже вошло, какъ обязательная норма въ англійское положеніе о военноплѣнныхъ, но, къ сожалѣнію, въ общее употребленіе оно еще не вошло и не составляетъ общепризнаннаго положенія международнаго права войны [156]).—Наконецъ, лице, совершившее еще до начала войны какое-либо преступленіе на территоріи иностраннаго государства и не подвергшееся еще за это преступленіе наказанію, въ случаѣ, если это лице вновь попадаетъ на территорію этого государства въ качествѣ военноплѣннаго, можетъ быть судимо и наказано согласно гражданскимъ законамъ этой страны [157]). Это понятно само собою, ибо военный плѣнъ, будучи только мѣрой безопасности, принимаемой воюющими сторонами во время войны противъ попавшихъ въ ихъ власть непріятельскихъ комбатантовъ, не создаетъ какого-либо привиллегированнаго въ сравненіи съ прочими иностранцами положенія военноплѣнному. Послѣдній въ данномъ случаѣ разсматривается какъ иностранецъ, нарушившій законы государства, въ которомъ онъ находился.

Плѣнившее государство имѣетъ право употреблять военноплѣнныхъ на производство извѣстныхъ общественныхъ работъ [158]). Право это вытекаетъ изъ обязанности воюющихъ сто-

---

156) *Eichelmann.* Op. cit., s. 165.

157) *Eichelmann.* Op. cit., s. 180.

158) *Declar. de Bruxelles*, art. 25; *Manuel de l'Inst.* art, 71; *Lueder.* Hlzd. Hndbch. IV, § 107, s. 434; *Bluntschli.* Op. cit., § 608. *Guelle.* «Précis». I, p. 201.

Нѣкоторые писатели: *Fiore.* Op. cit. III, § 1358 и *Calvo.* § 1858 держатся однако противнаго мнѣнія.

ронъ давать военноплѣннымъ извѣстное содержаніе, необходимое для сохраненія ихъ жизни и здоровья; давая плѣннымъ это содержаніе плѣнившее государство въ правѣ требовать возмѣщенія произведенныхъ имъ расходовъ, и потому въ правѣ употреблять военноплѣнныхъ на извѣстныя общественныя работы, какъ видъ возмѣщенія сдѣланныхъ затратъ. Однако право это не безусловно: исходя изъ того принципа, что военноплѣнные суть военные органы одного изъ воюющихъ государствъ, попавшіе во власть другого, враждебнаго государства, и подчиненные этой власти только на столько, на сколько это является необходимымъ въ видахъ военныхъ интересовъ плѣнившаго государства, слѣдуетъ признать, что право на работу военноплѣнныхъ принадлежитъ воюющимъ сторонамъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда плѣнившее государство должно содержать ихъ; поэтому, военноплѣнный не можетъ быть принуждаемъ къ работѣ, если то государство, на службѣ котораго онъ состоитъ само высылаетъ ему необходимыя для жизни средства, или если военноплѣнный отказывается принимать содержаніе отъ плѣнившаго его государства и живетъ на лично ему принадлежащія средства.—Однимъ словомъ плѣнившее государство должно смотрѣть на работу военноплѣнныхъ не какъ на способъ пріобрѣтенія, но лишь какъ на способъ возмѣщенія расходовъ, произведенныхъ имъ на содержаніе этихъ плѣнныхъ [159]).

---

[159]) На практикѣ, воюющія стороны прибѣгаютъ къ употребленію военноплѣнныхъ на общественныя работы лишь въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ, далеко не покрывающихъ заработкомъ военноплѣнныхъ производимыхъ плѣнившимъ государствомъ расходовъ на ихъ содержаніе. Такъ, въ принципѣ, всѣ военноплѣнные безъ различія занимаемаго имъ въ ихъ арміи ранга, или ихъ общественнаго положенія могутъ быть употреблены безразлично на общественныя работы лишь бы эти работы не были оскорбительными для ихъ служебнаго, или общественнаго положенія—humiliants pour leur grade militaire,—говоритъ Брюссельская декларація. На практикѣ, офицеры никогда не употребляются ни на какія работы.—Русскія положенія о военноплѣнныхъ 1829 и 1854 г. дѣлаютъ еще различія между непріятельскими комбатантами, сдавшимися добровольно въ плѣнъ, дезертирами и взятыми въ плѣнъ безъ оружія съ одной стороны и плѣнными взятыми съ оружіемъ въ рукахъ. На обществен-

На этомъ-же основаніи, весь заработокъ военноплѣнныхъ долженъ въ принципѣ принадлежать имъ, и плѣнившее государство можетъ дѣлать изъ него въ свою пользу только тѣ вычеты, которые идутъ на покрытіе сдѣланныхъ имъ расходовъ по содержанію плѣнныхъ, остатокъ-же долженъ служить или для улучшенія быта плѣнныхъ, для доставленія имъ бóльшаго комфорта, или-же долженъ по окончаніи плѣна быть выданнымъ имъ на руки.—Брюссельская декларація говоритъ (art. 25). „Les prisonniers de guerre peuvent être employés à certains travaux publics....... Leur salaire servira à améliorer leur position ou leur sera compté au moment de leur libération. Dans ce cas, les frais d'entretien pourront être defalqués de ce salaire". Изъ этого постановленія не видно, можетъ-ли быть заработокъ одного комбатанта быть употребленнымъ на улучшеніе положенія другихъ, или-же онъ долженъ идти на доставленіе бóльшаго комфорта только именно лицу его заработавшему. Вопросъ этотъ однако легко можетъ быть рѣшенъ и именно въ послѣднемъ смыслѣ, на основаніи 5 пункта 23 ст. Брюссельской деклараціи, признающаго неприкосновенность частной собственности военноплѣнныхъ.—Изъ послѣдней строчки 25 ст. Брюсс. Декл.: „Leur salaire".. etc. можно вывести еще и то заключеніе, что плѣнившее государство имѣя право возмѣщать свои расходы на содержаніе военноплѣнныхъ, изъ ихъ заработка, не имѣетъ права дѣлать съ этою цѣлью вычетовъ изъ остальнаго имущества плѣнныхъ, какъ находившагося на нихъ въ моментъ плѣна, такъ и изъ присланнаго имъ изъ ихъ отечества; конечно военноплѣнные могутъ сами уплачи-

---

ныя работы могутъ быть употребляемы только послѣдніе и то не офицеры, а нижніе чины. При этомъ, имъ, согласно положенію 1829 г, заработной платы вовсе не полагается, а по положенію 1854 г.—дается плата по 8 коп. въ день.

Amer. Instr. Либера—art. 76 допускаютъ право плѣнившаго государства пользоваться для своей выгоды работою военноплѣнныхъ: «they (prisoners) may be required to work for the benefit of the captor's governement, according their rank and condition».

вать изъ этого имущества за свое содержаніе и въ этомъ случаѣ быть освобождаемы отъ обязательныхъ работъ.—Затѣмъ право плѣнившаго государства на употребленіе военноплѣнныхъ для производства общественныхъ работъ ограничено еще и характеромъ этихъ работъ. Ст. 25 Брюссельской декларація гласитъ: „Les prissonniers de guerre peuvent être employés à certains travaux publics qui n'aient pas un rapport direct avec les opérations sur le théatre de la guerre et qui ne soient pas exténuants ou humiliants pour leur grade militaire s'ils appartiennent à l'armée, ou pour leur position officielle ou sociale, s'ils n'en font point partie".

Итакъ военноплѣнные не могутъ быть употребляемы на работы, имѣющія какую-либо связь съ военными дѣйствіями [100]), такъ-какъ военноплѣнные не перестаютъ быть подданными своего государства, обязанными не вредить его интересамъ. Принужденіе ихъ силой или подъ угрозой наказанія такъ, или иначе участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ ихъ отечества есть вѣроломное дѣйствіе, осуждаемое обычаями и законами войны.—Статья 26 Брюссельской декларація прямо говоритъ: „Les prisonniers de guerre ne peuvent être astreints d'aucune manière à des opérations de guerre".—Кромѣ того, такое принужденіе военноплѣнныхъ тѣмъ, или другимъ способомъ участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ ихъ отечества, или противъ союзнаго ему государства, есть нарушеніе правъ военноплѣнныхъ, ибо эти послѣдніе подчинены плѣнившему ихъ государству только по стольку, по скольку это подчиненіе является необходимостью плѣнившаго государства обезпечить себя отъ враждебныхъ дѣйствій со стороны плѣнныхъ непріятельскихъ комбатантовъ, но не болѣе; такое-же принужденіе ихъ измѣнять своему долгу есть насиліе надъ личностью комбатанта, не оправдываемое цѣлями военнаго плѣна. Подъ участіемъ военноплѣнныхъ въ военныхъ дѣйствіяхъ не только слѣдуетъ понимать непосредственное ихъ

---

[100]) *Eichelmann.* Op. cit., s. 176; *Lueder.* Op. cit., s. 434; *Bluntschli.* Op. cit., § 608; *Americ.* Instr. 76, 80; *Guelle.* «Précis». I, p. 201; *Manuel.* art. 71.

участіе въ войнѣ, но и употребленіе ихъ на изготовленіе различныхъ предметовъ, предназначенныхъ для военныхъ цѣлей и на возведеніе спеціально военныхъ сооруженій и зданій; крѣпостей, казармъ, окоповъ, а такъ-же желѣзныхъ дорогъ, если послѣднія предназначены для военныхъ цѣлей. Вообще, военноплѣнные не должны быть употребляемы на изготовленіе всѣхъ тѣхъ предметовъ, которые считаются военной контробандой. Изготовленіе этихъ вещей не только не должно быть требуемо отъ военноплѣнныхъ въ качествѣ общественной работы, но и не можетъ быть предметомъ ихъ частной работы; Брюссельская декларація, говоря только о „travaux publics", упустила частную работу изъ виду.—Кромѣ того, Брюссельская декларація, поставивъ передъ „opérations sur le théâtre de la guerre" слова „rapport direct", дозволила косвенное принужденіе участія военноплѣнныхъ въ работахъ, относящихся до войны; во время хода самой Конференціи было выяснено [161]), что такое косвенное участіе дѣйствительно считалось членами конференціи дозволеннымъ. Мы съ этимъ мнѣніемъ никакъ согласиться не можемъ и считаемъ, что всякое участіе военноплѣнныхъ въ работахъ, имѣющихъ какое-либо отношеніе къ войнѣ и военнымъ дѣйствіямъ вообще, а не только данной войны, должно быть исключено изъ числа тѣхъ работъ, къ исполненію которыхъ плѣнившее государство можетъ принудить плѣнныхъ, или изъ числа работъ добровольно принимаемыхъ на себя плѣнными по вольному найму [162]). Дѣйстви-

---

[161]) Испанскій делегатъ спросилъ по этому поводу, могутъ-ли военноплѣнные быть принуждаемы къ производству крѣпостныхъ работъ въ мѣстностяхъ отдаленныхъ отъ театра войны и если эти крѣпости не предназначены для военныхъ цѣлей настоящей войны. Президентъ, ссылаясь на слово direct русскаго проекта, отвѣчалъ утвердительно. Между тѣмъ, производство такихъ работъ освобождаетъ рабочія руки занятыя ими, притомъ рабочія руки, почти всегда принадлежащія къ арміи, и дозволяетъ плѣнившему государству употреблять ихъ для комплектованія своей дѣйствующей арміи въ ущербъ государству, къ чьей арміи принадлежатъ плѣнные.

[162]) Такъ же смотрятъ на этотъ вопросъ: *Eichelmann*, s. 176; *Guelle*, Précis". I, p. 201; *Geffcken* въ примѣч. къ Гефтеру; *Dahn* „Das Kriegesrecht" Würzburg 1870 s. Contra: *Calvo*. § 1858; *Blüntschli*. § 608 и *Lueder*. Op. cit. s. 438 Anm. 14.

тельно, всякая работа, относящаяся до войны вообще, можетъ имѣть косвенное, или прямое вліяніе на исходъ данной войны и потому, въ настоящемъ случаѣ, не должна быть дозволена. Затѣмъ, работы, которыя плѣнившее государство имѣетъ право возлагать на военноплѣнныхъ, должны быть согласны съ ихъ военнымъ, или соціальнымъ положеніемъ, ибо въ противномъ случаѣ будетъ нарушена обязанность плѣнившаго государства уважать честь и достоинство военноплѣнныхъ. На этомъ-же основаніи всѣ военноплѣнные вообще не могутъ быть употребляемы на работы несогласныя съ человѣческимъ достоинствомъ. Работы не должны быть изнурительными, или вредными для здоровья, ибо государство, во власти котораго военноплѣнные находятся обязано щадить ихъ жизнь и здоровье.—Воюющія стороны, употребляя военноплѣнныхъ на общественныя работы, обязаны давать имъ соотвѣтствующую плату, или деньгами, или содержаніемъ; безплатное принужденіе военноплѣнныхъ къ работѣ есть кража, произведенная надъ правомъ собственности военноплѣнныхъ [163]),—Тѣ принудительныя работы, которыя совершаются военноплѣнными внутри помѣщенія, гдѣ они содержатся, и предназначенныя для содержанія въ порядкѣ и чистотѣ этого помѣщенія, конечно не подлежатъ оплатѣ, какъ предназначенныя для содержанія самихъ военноплѣнныхъ.

Плѣнившее государство, будучи въ правѣ требовать отъ военноплѣнныхъ полнаго воздержанія отъ какого-либо участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, вреднаго для его интересовъ, въ тоже время обязано не принуждать ихъ къ какимъ-либо враждебнымъ дѣйствіямъ противъ ихъ отечества, напр. къ сообщенію свѣдѣній объ ихъ арміи, военныхъ дѣйствіяхъ ихъ правительства и т. п. [164])

Наконецъ, плѣнившее государство имѣетъ право лишать

---

[163]) *Eichelmann*, s. 172.

[164]) *Decl. de Brux.*, art. 26; *Manuel*, art. 70; *Lueder*. Op. cit., s 434.

военноплѣнныхъ въ извѣстныхъ, крайнихъ случаяхъ жизни; это можетъ случиться во-первыхъ въ томъ случаѣ, когда собственная безопасность плѣнившаго настоятельно этого требуетъ [165]) и во-вторыхъ, когда военноплѣнный бѣжитъ изъ плѣна и остановить его не представляется другой возможности, какъ лишивъ его жизни. Брюссельская декларація (ст. 28.₃) говоритъ: „Contre un prisonnier de guerre en fuite il est permis, après sommation, de faire usage des armes".—Такое право плѣнившаго государства употреблять оружіе противъ бѣгущаго военноплѣннаго объясняется тѣмъ, что въ моментъ своего побѣга плѣнный перестаетъ быть имъ и вновь превращается въ активнаго непріятеля, а какъ таковой, можетъ быть, согласно законамъ войны, лишаемъ жизни.—Самый фактъ побѣга есть уже непріязненное военное дѣйствіе противъ той воюющей стороны, во власти которой находился плѣнникъ, ибо цѣль побѣга плѣннаго комбатанта,—выйти изъ своего вынужденнаго пассивнаго состоянія. Будучи пойманъ, бѣгущій плѣнникъ, если только онъ не нарушилъ даннаго имъ обязательства не бѣжать, наказанію не подлежитъ и вновь пользуется всѣми правами военноплѣннаго, ибо онъ не преступникъ, а законный непріятельскій комбатантъ вторично приведенный въ состояніе несопротивленія.

Разсмотрѣвъ юридическое положеніе военноплѣнныхъ, мы перейдемъ къ *вопросу объ окончаніи военнаго плѣна.* Военный плѣнъ можетъ окончиться или вслѣдствіе наступленія такихъ условій, которыя фактически его уничтожаютъ, или вслѣдствіе условнаго, или безусловнаго, обоюднаго, или односторонняго отпуска воюющими сторонами на свободу, находящихся въ ихъ власти плѣнныхъ, или, наконецъ, окончаніе плѣна является какъ необходимое слѣдствіе окончанія самой войны.

1) Условія, фактически прекращающія военный плѣнъ:

а) *Побѣгъ военноплѣннаго.*—(évasion) [166]). Военноплѣнный

---

[165]) Этотъ случай былъ нами разсмотренъ въ отдѣлѣ „о недозволенныхъ средствахъ вредить непріятелю" см. стр. 361.

[166]) *Decl. de Brux.*, art. 28. 3.; *Manuel.* art. 68; *Lueder. Hlzd. Hndbch.* IV, § 108, § 107, s. 434; *Fiore.* III, §, 1357; *Guelle.* „Précis". I, p. 202—203.

не есть преступникъ и плѣнъ не есть налагаемое на него наказаніе, а лишь способъ приведенія непріятельскаго активнаго комбатанта въ состояніе несопротивленія, поэтому бѣжавшій плѣнный, если только онъ не нарушаетъ даннаго имъ обязательства не бѣжать, своимъ побѣгомъ только противодѣйствуетъ насилію непріятельской воюющей стороны, насилію, совершаемому надъ его личностью согласно законамъ войны для достиженія этой воюющей стороною непосредственной цѣли войны; слѣдов. бѣжавшій плѣнникъ самъ такъ-же своимъ побѣгомъ совершаетъ извѣстное военное дѣйствіе съ цѣлью отраженія непріятельскаго насилія, т. е. совершаетъ дѣяніе вполнѣ дозволенное правомъ войны. Бѣжавшій такимъ образомъ плѣнный, въ случаѣ его вторичнаго захвата тѣмъ же непріятелемъ, наказанію подлежать не долженъ. Если даже онъ добровольно сдался непріятелю, то эта сдача не можетъ, какъ мы это видѣли выше [167]), ео ipso считаться принятымъ на себя комбатантомъ обязательствомъ не пытаться бѣжать и только формально и добровольно имъ данное подобное обязательство, лишаетъ плѣннаго права пытаться освободиться отъ плѣна путемъ бѣгства.—Итакъ побѣгъ, или попытка къ побѣгу плѣннаго не есть преступленіе и не можетъ быть наказуемо, но при неудавшемся побѣгѣ, или при вторичномъ плѣненіи того же лица, плѣнившее государство имѣетъ безспорное право подвергнуть его въ видахъ своей собственной безопасности болѣе строгому надзору, или заключенію. Противъ бѣгущаго плѣнника можетъ быть пущено въ ходъ оружіе, равнымъ образомъ, это безспорно допустимо противъ возставшихъ плѣнныхъ, пытающихся силой освободиться; въ обоихъ этихъ случаяхъ, употребляя противъ плѣнныхъ оружіе, плѣнившее государство находится въ состояніи самообороны. Но, наказаніе смертною казнью и, вообще, какое-либо наказаніе военноплѣнныхъ за составленный ими съ цѣлью побѣга заговоръ, намъ кажется, совершенно несогласнымъ съ истиннымъ понятіемъ о

---

[167]) См. стр. 329.

военномъ плѣнѣ и не допустимымъ ни въ теоріи [168]), ни на практикѣ.

b) *Освобожденіе военноплѣннаго силой комбатантами той воюющей стороны, къ арміи которой принадлежать плѣнные, или арміи союзной.* Въ этомъ случаѣ, конечно, прекращаются всѣ обязательства данныя плѣннымъ не бѣжать и они считаются съ момента ихъ освобожденія вполнѣ свободными. Конечно, плѣнившая воюющая сторона въ правѣ пускать въ ходъ оружіе противъ плѣнныхъ, если послѣдніе сами въ этомъ случаѣ чѣмъ либо содѣйствуютъ своему освобожденію. Однако, намъ кажется, что военноплѣнный давшій слово не бѣжать, обязанъ въ подобномъ случаѣ сохранять полную нейтральность во время боя между нападающими и прикрытіемъ транспорта плѣнныхъ, а въ случаѣ его содѣйствія нападающимъ, если нападеніе будетъ отбито и плѣнные не освобождены, онъ можетъ быть наказанъ плѣнившей его стороной, какъ нарушитель даннаго имъ слова.

c) *Освобожденіе военноплѣнныхъ, находящихся въ плѣну непріятельскаго отряда, интернированнаго на нейтральной территоріи* есть только относительное; именно, плѣнные, хотя и освобождаются отъ плѣна, но подвергаются такъ-же интернированью и слѣдов. полной свободы не получаютъ [169]).

d) *Переходъ военноплѣнныхъ въ подданство плѣнившаго государства* само собою прекращаетъ плѣнъ; конечно, этотъ переходъ можетъ имѣть мѣсто только съ согласія плѣнившаго государства [170]). Нигдѣ въ литературѣ намъ не случалось встрѣчаться съ рѣшеніемъ вопроса, прекращается ли военный

---

[168]) Противнаго мнѣнія держится Русскій проектъ Брюсс. Декл. § 32 „Tout complot de prisonniers de guerre en vue d'une fuite générale, ou bien contre les autorités établies au lieu de leur internement, est puni d'après les lois militaires". Послѣдній указанный статьей случай, содержа въ себѣ преступленіе противъ законовъ государства, а не противъ права войны конечно долженъ быть наказуемъ.—См. также *Guelle*, „Précis". I, p. 203; *Bluntschli* § 610.

[169]) См. ниже стр. 359.

[170]) *Lueder*. Hlzd. Hndbch. IV, § 108, s. 443.

плѣнъ съ переходомъ плѣннаго въ подданство третьяго государства. Намъ кажется, что въ виду того, что нейтральное государство не обязано удерживать своихъ подданныхъ, отдѣльныхъ частныхъ лицъ отъ поступленія въ ряды той или другой воюющей арміи, вопросъ этотъ долженъ быть рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ.

e) *Военный плѣнъ*, само собою разумѣется, *прекращается со смертью плѣннаго*; въ этомъ случаѣ, вопросъ объ оставшемся послѣ умершаго наслѣдствѣ рѣшается согласно правиламъ международнаго частнаго права.

2) *Отпущеніе на свободу воюющими сторонами военноплѣнныхъ* можетъ быть: или одностороннее, или обоюдное. *a*) Одностороннее освобожденіе военноплѣнныхъ можетъ быть сдѣлано одной изъ воюющихъ сторонъ, или безусловно, хотя этотъ случай на практикѣ и не встрѣчается, или-же условно, при чемъ условіемъ ставится обязательство отпущеннаго на свободу военноплѣннаго не принимать дальнѣйшаго участія въ военныхъ дѣйствіяхъ ведущейся войны:—*освобожденіе военноплѣннаго подъ честнымъ словомъ* (liberté sur parole) [171]).—Плѣнившее государство можетъ, если оно найдетъ это возможнымъ отпустить часть, или даже всѣхъ находящихся въ его власти военноплѣнныхъ на полную свободу въ ихъ отечество подъ условіемъ, чтобы они дали честное слово не участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ ведущейся войны. Военноплѣнные, въ свою очередь, могутъ согласиться на такое условное освобожденіе изъ плѣна, или отказаться отъ него. Какъ совершенно добровольное соглашеніе между плѣнив-

---

[171]) *Decl. de Bruxelles* art. 31: «Les prisonniers de guerre peuvent être liberés sur parole, si les lois de leur pays les y autorisent, et, en pareil cas, ils sont obligés, sous la garantie de leur honneur personnel de remplir scrupuleusement, tant vis-a-vis de leur propre Gouvernement, que vis-a-vis de celui qui les a faits prisonniers, les engagements qu'ils auraient contractés.—Dans le même cas leur propre Gouvernement ne doit ni exiger ni accepter d'eux aucun service contraire à la parole donnée».—*Manuel*. art. 76; *Lueder*. Hlz. Hndb. IV s. 443. *Guelle* «Précis» I, p. 207—213; *Bluntschli*. §§ 617—628; *Calvo*. § 1861; *Fiore*. III § 1359; *Am. Instr*. art. 119—134; *Pillet*. p 207—211.

шимъ и плѣннымъ, освобожденіе подъ честнымъ словомъ военноплѣнныхъ не можетъ быть требуемо ни той, ни другой изъ обязующихся сторонъ [172]). Плѣнившее государство не можетъ требовать отъ военноплѣнныхъ принятія ими такого условнаго освобожденія, ибо такое требованіе можетъ нарушить подданическія обязанности военноплѣннаго, который по дѣйствующимъ законамъ своего отечества можетъ быть не въ правѣ дать обязательство не принимать, въ случаѣ своего освобожденія, дальнѣйшаго участія въ войнѣ; военноплѣнный-же не можетъ требовать отъ плѣнившаго его государства такого освобожденія подъ честнымъ словомъ потому, что онъ не въ правѣ ограничивать право этого государства на лишеніе взятыхъ имъ непріятельскихъ комбатантовъ свободы.— Кромѣ того, военноплѣнный только тогда въ правѣ принять освобожденіе подъ честнымъ словомъ, когда это ему разрѣшается законами его отечества, въ противномъ случаѣ онъ непремѣнно будетъ поставленъ въ необходимость нарушить одну изъ этихъ своихъ обязанностей: или обязанность подчиненія отечественнымъ законамъ, или обязанность выполнить данное непріятелю слово. — Военноплѣнный, освобожденный подъ честнымъ словомъ и нарушившій это свое обязательство не принимать активнаго участія въ военныхъ дѣйствіяхъ ведущейся войны, въ случаѣ вторичнаго его взятія въ плѣнъ тѣмъ-же непріятелемъ можетъ быть лишенъ правъ законнаго комбатанта, судимъ и подвергнутъ наказанію, даже смертной казни [173]).—Отпущеніе военноплѣннаго на свободу на честное слово не можетъ быть произведено во время самаго боя [174]),

---

[172]) *Decl. de Brux. art* 32: «Un prisonnier de guerre ne peut pas être contraint d'accepter sa liberté sur parole; de même que le Gouvernement ennemi n'est pas obligé d'accéder à la demande du prisonnier réclamant sa mise en liberté sur parole».—*Manuel* art. 77.

[173]) *Decl de Brux.* art. 33: «Tout prisonnier de guerre, liberé sur parole et repris portant les armes contre le Gouvernement envers lequel il s'etait engagé d'honneur, peut être privé des droits de prisonnier de guerre et traduit devans les tribunaux».—*Manuel.* art. 78.

[174]) *Guelle.* «Précis» I, p. 207; *Fiore.* III, § 1361. *Bluntschli.* § 622; *Americ. Instr.* § 128.—Противнаго мнѣнія Людеръ—Hlz. Hndbch IV s. 443.

такъ-какъ весьма понятно, что въ этомъ случаѣ отпущенный плѣнный можетъ быть поставленъ въ необходимость продолжать активно участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ, наприм. требованіями военной дисциплины, являющимися въ строю и во время боя самыми важными обязанностями комбатанта.— Освобожденіемъ подъ честнымъ словомъ могутъ пользоваться, въ принципѣ, всѣ военные безъ различія чина, но на практикѣ такое освобожденіе примѣняется обыкновенно только къ офицерамъ [175]).—При изученіи вопроса объ освобожденіи плѣнныхъ подъ честнымъ словомъ не принимать дальнѣйшаго активнаго участія въ военныхъ дѣйствіяхъ ведущейся войны представляются два трудно разрѣшимыхъ и спорныхъ вопроса: какія именно дѣйствія должны быть подразумѣваемы подъ неучастіемъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, и, каково должно быть поведеніе государства по отношенію къ его подданнымъ, освобожденнымъ подъ честнымъ словомъ захватившимъ ихъ враждебнымъ государствомъ? Что касается перваго вопроса, то можно сказать, что безусловно воспрещенными военными дѣйствіями для освобожденнаго отъ плѣна подъ честнымъ словомъ комбатанта, должны быть признаны всѣ военныя дѣйствія прямо направленныя противъ военныхъ силъ освободившаго его государства, т. е.: активная военная служба; относительно-же косвеннаго участія отпущеннаго на свободу подъ честнымъ словомъ комбатанта въ военныхъ дѣйствіяхъ ведущейся войны какъ-то: обученіе имъ новобранцевъ, заготовленіе военныхъ матерьяловъ, участія въ работахъ по постройкѣ крѣпостей, несеніемъ имъ военной службы въ отдаленныхъ отъ театра войны гарнизонахъ и т. п., мнѣнія авторовъ рас-

---

175) *Guelle*. op. cit. p. 208; *Lueder*. Hlz. Hndbch IV, s. 443 Anm. 9).—Но *Bluntschli* § 621 и *Amer Instr*. § 126; 127 позволяютъ обязываться честнымъ словомъ нижнимъ чинамъ только съ разрѣшенія офицера.—Это положеніе не можетъ быть признано справедливымъ, ибо въ глазахъ плѣнившаго всѣ плѣнные должны быть равноправны. Извѣстное различіе въ обращеніи съ плѣнными, смотря по ихъ чину, можетъ имѣть мѣсто, но только, какъ видъ военной вѣжливости, но не какъ слѣдствіе ихъ различной правоспособности.

ходятся: Людеръ [176]) допускаетъ такое косвенное участіе освобожденныхъ на честномъ словѣ плѣнныхъ въ веденіи данной войны, если только противное не оговорено въ принятомъ на себя освобожденнымъ отъ плѣна комбатантомъ обязательствѣ. По его мнѣнію, при рѣшеніи вопроса о дозволенныхъ и недозволенныхъ для освобожденнаго на слово дѣйствіяхъ, слѣдуетъ держаться буквы даннаго имъ обязательства, и потому это обязательство должно подробно указывать тѣ дѣйствія, отъ исполненія которыхъ освобожденный комбатантъ долженъ воздерживаться. Это послѣднее требованіе выставляетъ и руководство Института [177]). Того-же мнѣнія держатся: Блюнчли [178]), Нейманнъ [179]), Кальво [180]), Фіоре [181]), Гель [182]), Решъ [183]), Галлъ [184]) и Американскія Инструкціи [185]). Но тотъ-же Людеръ, въ другомъ своемъ сочиненіи [186]) защищаетъ какъ разъ противуположное мнѣніе и, говоря объ отпускѣ на честное слово выздоровѣвшихъ и находящихся въ плѣну раненыхъ, требуетъ, чтобы при освобожденіи ихъ, вмѣсто условія не подымать оружія противъ освободившаго, слѣдовало-бы поставить: „не подымать оружія и не принимать какого-либо прямого или косвеннаго участія въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ отпустившей ихъ воюющей стороны въ теченіи данной войны". Лентнеръ [187]) такъ-же держится того мнѣнія, что данное от-

---

176) *Lueder*. Hlz Hndbch IV, s. 444.

177) *Manuel*. art. 76. 2.—.... les obligations «doivent être clairement spécifiées».

178) *Blüntschli*. op. cit. § 624.

179) *Neumann*. «Grundriss des heutigen Europäischen Völkerrechts» 1885, s. 116.

180) *Calvo*. op. cit. § 1861.

181) *Fiore*. op. cit. III, § 1361.

182) *Guelle*. «Précis» I, p. 207.

183) *Resch*. «Das moderne Kriegsrecht», § 162.

184) *Hall*. «Treatise on international Law», 1884. p. 374.

185) *Amer. Instr.* art. 130.

186) *Lueder*. «La Convention de Genève», p. 279.

187) *Lentner*. «Das Recht im Kriege» 1880, s. 100: «Ist das Ehrenwort gegeben, so verpflichtet es unbedingt und bezieht sich nicht nur auf die Kombattanten—Eigenschaft, oder auf den aktiwen Felddienst, sondern überhaupt auf

пущеннымъ на свободу военноплѣннымъ слово не принимать участія въ военныхъ дѣйствіяхъ данной войны должно быть понимаемо какъ воздержаніе этихъ отпущенныхъ военноплѣнныхъ отъ всякаго рода дѣйствій, прямо, или косвенно могущихъ вліять на исходъ войны. Этотъ взглядъ раздѣляютъ еще: Данъ [188]), Рюстовъ [189]) и Пилле [190]). Мы такъ-же присоединяемся къ этому послѣднему мнѣнію, ибо, по нашему убѣжденію, въ данномъ случаѣ слѣдуетъ обращать вниманіе не на букву даннаго освобожденнымъ отъ плѣна комбатантомъ обязательства, а на внутренній его смыслъ: государство отпускающее на свободу военноплѣннаго подъ честнымъ словомъ дѣлаетъ этимъ уступку гуманности и дѣлаетъ её только въ томъ предположеніи, что отпущенный военноплѣнный не воспользуется ей во вредъ интересамъ этого государства. На нашъ взглядъ, военноплѣнный, принявшій свободу подъ честнымъ словомъ, дѣлается свободнымъ только физически, нравственно-же онъ продолжаетъ оставаться въ плѣну и какъ онъ самъ, такъ и государство, въ подданствѣ котораго онъ состоитъ, обязаны слѣдить за тѣмъ, чтобы его поведеніе, по отношенію къ освободившей его воюющей сторонѣ, было именно такимъ, какимъ оно было-бы, если-бы онъ продолжалъ фактически находиться въ плѣну у непріятеля. Всякое reservatio mentalis противно духу договора между плѣнившимъ и плѣннымъ, и несогласно съ добросовѣстностью, которая всегда должна быть строго соблюдаема во всѣхъ договорахъ, особенно-же между воюющими сторонами, гдѣ эта добросовѣстность является главнымъ и необходимымъ условіемъ возможности существованія самихъ договоровъ.—Не надо забывать, что на войнѣ не только прямое нарушеніе принятыхъ на себя воюющими сторонами обязательствъ, но даже самая незначительная недобро-

---

jede militärische Dienstleistung, sei es in ordentlicher oder ausserordentlicher Verwendung».

[188]) *Dahn*—Jahrbuch für die Deutsche Armee—1872.

[189]) *Rüstow* «Kriegspolitik und Kriegsgebrauch», s. 191.

[190]) *Pillet* op. cit. p. 211.

совѣстность въ ихъ исполненіи можетъ повлечь репрессаліи, т. е. крайне тяжело отразиться на положеніи нарушителя.— Что касается второго спорнаго вопроса: каково должно быть поведеніе государства по отношенію къ его подданнымъ, освобожденнымъ непріятелемъ отъ военнаго плѣна подъ честнымъ словомъ, то тутъ слѣдуетъ различать два случая: *α*) когда честное слово дано плѣннымъ съ согласія его отечественнаго правительства, т. е. когда изданные этимъ правительствомъ законы разрѣшаютъ вообще всѣмъ его подданнымъ, въ случаѣ ихъ плѣненія враждебнымъ государствомъ, принять отъ послѣдняго свободу подъ честнымъ словомъ, или когда это разрѣшеніе дано лично данному плѣнному его правительствомъ, и *β*) когда военноплѣнный, согласно своимъ отечественнымъ законамъ, не имѣетъ права обязываться подобнымъ честнымъ словомъ.—Въ первомъ случаѣ рѣшеніе этого вопроса очень легко: такъ-какъ отечество военноплѣннаго разрѣшаетъ ему обязываться честнымъ словомъ, т. е. разрѣшаетъ ему такое обязательство, которое прямо касается подданническихъ обязанностей обязующагося комбатанта, то оно принимаетъ и на себя обязанность не только не принуждать его къ нарушенію даннаго слова, но даже и не принимать услугъ такого обязавшагося словомъ подданнаго, услугъ, которыя такъ или иначе являлись-бы нарушеніемъ даннаго слова. Въ самомъ дѣлѣ, что значитъ разрѣшеніе отечественнаго правительства военноплѣнному принять предложенную ему плѣнившимъ его непріятелемъ свободу подъ честнымъ словомъ не участвовать болѣе въ военныхъ дѣйствіяхъ ведущейся войны?—Государство, въ виду облегченія положенія личности своего плѣннаго подданнаго освобождаетъ его на время данной войны отъ обязанности нести военную службу и даетъ ему благодаря этому возможность условно освободиться отъ плѣна и вернуться къ своей семьѣ и въ свое отечество; слѣдовательно, оно косвеннымъ образомъ уполномочиваетъ своего плѣннаго подданнаго дать плѣнившему государству обѣщаніе, какъ отъ имени этого подданнаго, такъ и отъ имени самого государ-

ства, что данный плѣнный, будучи отпущенъ на свободу, не будетъ участвовать въ данной войнѣ. Отсюда прямой выводъ, что государство, разрѣшившее своему плѣнному подданому принять отъ плѣнившей его воюющей стороны освобожденіе подъ честнымъ словомъ, обязано не только не принуждать этого подданнаго къ нарушенію даннаго имъ честнаго слова, но и обязано не принимать отъ него никакихъ услугъ, которыя могли-бы явиться нарушеніемъ этого слова [191]).—Во второмъ случаѣ, т. е. когда законы государства, къ которому принадлежитъ плѣнный, не разрѣшаютъ ему [192]), или прямо воспрещаютъ принятіе освобожденія подъ честнымъ словомъ, вопросъ о томъ, каково должно быть поведеніе государства по отношенію къ своему подданному, принявшему отъ плѣнившаго его непріятеля освобожденіе на честномъ словѣ вопреки своимъ отечественнымъ законамъ, вопросъ этотъ въ литературѣ рѣшается различно: Гель [193]), Людеръ [194]), Фіоре [195]) считаютъ, что въ этомъ случаѣ освободившійся на слово плѣнный вопреки, или безъ разрѣшенія на то своего правительства, можетъ быть наказанъ въ своемъ государствѣ, какъ нарушитель законовъ этого государства, но само государство тѣмъ не менѣе обязано не заставлять его нарушать даннаго непріятелю слова и ни требовать, ни принимать отъ такого незаконно освободившагося на честное слово плѣнника какихъ-либо услугъ, имѣющихъ соотношеніе съ военными дѣйствіями данной войны.—Другіе писатели: Пилле [196]), Кальво [197]), Геф-

---

[191]) *Lueder.* Hlz. Hndbch. IV. s. 444. anm. 16. *Guelle.* «Précis» I. p. 208.

[192]) Мы полагаемъ, что умолчаніе законовъ даннаго государства о разрѣшеніи его плѣннымъ подданнымъ принимать свободу подъ честнымъ словомъ должно быть равносильно прямому запрещенію, ибо всякій подданный обязанъ нести военную службу въ интересахъ своего государства и только формальное и прямо высказанное правительствомъ этого государства разрѣшеніе можетъ освободить подданныхъ отъ этой обязанности.

[193]) *Guelle.* «Précis» I. p. 202.

[194]) *Lueder.* Hlzd. Hndbch. IV. § 108 s. 445.

[195]) *Fiore.* op. cit. III. § 1359.

[196]) *Pillet.* op. cit. 209.

[197]) *Calvo.* op. cit. 1861.

кенъ [198]), считаютъ, что государство въ этомъ случаѣ можетъ наказать виновнаго, но не обязано признать данное имъ вопреки законамъ обязательство плѣнившему государству обязательнымъ и для себя, и можетъ заставить такого, незаконно отъ плѣна освободившагося подданнаго, принимать участіе въ войнѣ. Конечно, то государство, которое освободило на словѣ отъ плѣна даннаго комбатанта въ правѣ, въ случаѣ его вторичнаго плѣненія въ рядахъ непріятельской арміи, наказать его, какъ нарушителя даннаго слова и лишить правъ законнаго комбатанта, хотя-бы онъ былъ вынужденъ къ нарушенію даннаго слова своимъ правительствомъ.—Мы присоединяемся къ послѣднему мнѣнію: государство всегда имѣетъ право требовать отъ своихъ подданныхъ исполненія ими ихъ государственныхъ обязанностей и, между прочимъ, обязанности нести военную службу; то обстоятельство, что данный поданный государства обязался подъ честнымъ словомъ не брать оружія противъ другого враждебнаго ему государства, если это обязательство, принято имъ безъ прямого на то разрѣшенія его отечественнаго правительства, не можетъ вліять на права государства по отношенію къ нему, какъ къ его подданному. Съ другой стороны, обязательство принятое частнымъ лицемъ, подданнымъ одного государства, хотя-бы и въ качествѣ его военнаго органа, но безъ его формальнаго согласія, по отношенію къ другому государству, является только личнымъ обязательствомъ этого подданнаго къ этому второму государству, но не обязательствомъ перваго государства, въ подданствѣ котораго состоитъ обязующійся, по отношенію къ второму.—Отсюда, государство недозволяющее своимъ подданнымъ, попавшимъ въ плѣнъ къ другому, враждебному государству, принимать отъ послѣдняго освобожденія подъ честнымъ словомъ, имѣетъ право не только пользоваться услугами этого подданнаго, какъ военнаго органа, но даже можетъ его къ этому принудить. Съ своей стороны, отпустивши подъ чест-

---

198) *Geffken*. note sur *Heffter*. op. cit. p. 296.

нымъ словомъ такого плѣнника, государство имѣетъ право, въ случаѣ нарушенія имъ своего слова, даже если это нарушеніе и было вынужденнымъ правительствомъ нарушителя, смотрѣть на него, какъ на преступника и лишить правъ законнаго комбатанта.—Плѣнный, принявшій отъ плѣнившаго его государства освобожденіе на честномъ словѣ вопреки законамъ своего отечества, или безъ формальнаго на то согласія, и, по своей-ли волѣ, или вслѣдствіе принужденія со стороны своего правительства, нарушившій это слово, совершаетъ два различныхъ преступленія противъ двухъ различныхъ лицъ: противъ своего отечества—принявъ на себя обязательство или прямо противузаконное, или противорѣчащее его подданническимъ обязанностямъ, и противъ отпустившей его на свободу воюющей стороны, нарушивъ данное ей слово, подъ условіемъ соблюденія котораго онъ былъ отпущенъ на свободу. Ясно, что такой преступникъ долженъ быть наказанъ обоими государствами, противъ которыхъ онъ совершилъ данныя правонарушенія.—Единственнымъ исходомъ, могущимъ въ данномъ случаѣ избавить его отъ наказанія, если преступленіе совершенно имъ не намѣренно, а по незнанію и при убѣжденіи съ его стороны, что онъ bona fide имѣлъ право принять освобожденіе подъ честнымъ словомъ, есть добровольная его вторичная отдача себя въ плѣнъ къ отпустившей его воюющей сторонѣ[199]).—Въ теченіи войны 1870—1871 г. отпускъ военноплѣнныхъ на свободу подъ честнымъ словомъ практиковался нѣмцами по отношенію къ плѣннымъ французскимъ офицерамъ и, къ сожалѣнію, при всей гуманности идеи, руководившей этимъ условнымъ освобожденіемъ плѣнныхъ, оказался ведущимъ къ многочисленнымъ злоупотребленіямъ и весьма прискорбнымъ недоразумѣніямъ; замѣченъ былъ также одинъ важный практическій недостатокъ этого обычая, именно вынужденное разлученіе участи солдатъ отъ участи ихъ офицеровъ;

---

[199]) См. *Bluntschli.* § 626 *Calvo.* § 1861. *Amer. Instr.* art. 131. If the government does not approve of the parole: the paroled officer must return into captivity, and should the enemy refuse to receive him, he is free of his parole».

нижніе чины на практикѣ рѣдко отпускаются изъ плѣна на честное слово, ибо плѣнившее ихъ государство совершенно справедливо во многихъ случаяхъ полагаетъ, что уровень развитія массы простыхъ солдатъ слишкомъ не высокъ, чтобы они могли вполнѣ сознавать значеніе даваемаго имъ обязательства. Поэтому Гель [200]) совѣтуетъ совершенно отказаться отъ этого способа освобожденія военноплѣнныхъ.—Нѣкоторыя государства, какъ напр. Австрія[201]), запрещаютъ закономъ своимъ подданнымъ принимать освобожденіе изъ плѣна подъ честнымъ словомъ.—Обоюдное освобожденіе отъ плѣна военноплѣнныхъ имѣетъ мѣсто при *размѣнѣ военноплѣнныхъ* обѣими воюющими сторонами.—Размѣнъ военноплѣнныхъ вполнѣ зависитъ отъ доброй воли и согласія воюющихъ сторонъ [202]) и основанъ на спеціально для каждаго отдѣльнаго случая составляемомъ между обѣими воюющими сторонами договорѣ, называемомъ картелемъ о размѣнѣ плѣнныхъ (cartel d'échange); производится онъ во время самаго веденія войны. Размѣнъ производится всегда человѣкъ на человѣка и притомъ, соблюдая равенство чиновъ размѣневаемыхъ, т. е. напр. полковникъ размѣнивается на полковника-же, и соблюдая порядокъ старшинства не службы, а нахожденія въ плѣну. Поэтому военноплѣнные, попадая въ плѣнъ обязаны честью заявить о своемъ истинномъ чинѣ занимаемомъ ими въ арміи [203]).—Въ настоящее время этотъ способъ освобожденія военноплѣнныхъ неупотребителенъ: по крайней мѣрѣ, ни во время войны 1870—1871 г., ни во время войны 1877—1878 онъ не практиковался.

Обоюдное освобожденіе военноплѣнныхъ обоими воюющи-

---

[200]) *Guelle.* «Précis I p. 212—213.

[201]) K. K. Oesterreichische Dienst-Reglement I § 6 Punkt 41, 42—см. *Lentner.* «Das Recht im Kriege» p. 101.

[202]) *Decl. de Brux.* art. 30: «L'échange de prisonniers de guerre est réglé par une entente mutuelle entre les parties belligérantes».

[203]) *Decl. de Brux.* art. 29. Chaque prisonnier de guerre est tenu de déclarer, s'il est interrogé à ce sujet, ses veritables nom set grade et, dans le cas où il enfreindrait cette régle, il s'exposerait à une restriction des avantages accordés aux prisonniers de guerre de sa catégorie».

ми сторонами имѣетъ мѣсто такъ-же при окончаніи войны и какъ непремѣнное слѣдствіе этого окончанія.—Съ окончаніемъ войны само-собою прекращаютъ свое дѣйствіе и всѣ законы и обычаи права войны; равнымъ образомъ прекращаются и всѣ особыя отношенія порождаемыя войной. Военный плѣнъ, какъ мѣра существующая исключительно для военныхъ цѣлей воюющихъ сторонъ, долженъ такъ-же прекратиться и военноплѣнные превращаются въ иностранныхъ подданныхъ, находящихся на территоріи иностраннаго государства. Отсюда слѣдуетъ заключить, что съ окончаніемъ войны всѣ военноплѣнные, находящіеся во власти той или другой воюющей стороны, не только вновь вступаютъ въ полное и безпрепятственное пользованіе правомъ личной неприкосновенности, но и что, кромѣ того, съ нихъ должны быть сложены всѣ дисциплинарныя наказанія и взысканія, наложенныя на нихъ плѣнившей стороной, и должно быть прекращено всякое судебное разбирательство совершенныхъ военноплѣнными, въ качествѣ таковыхъ, преступленій, даже если эти преступленія связаны съ преступленіями общими, но только такими, которыя совершены не противъ человѣческой личности непріятельскаго подданнаго и не противъ плѣнившаго государства, какъ вообще иностраннаго государства, но противъ непріятельскаго комбатанта и противъ непріятельской воюющей стороны (напр. убійство при побѣгѣ часового, бунтъ и нарушеніе спокойствія и безопасности плѣнившаго государства съ цѣлью побѣга, или съ цѣлью содѣйствовать исходу войны и т. п.). Преступленія общія, не связанныя какимъ-либо прямымъ образомъ съ войной, наприм. убійство изъ мести, или съ цѣлью грабежа, кража, поддѣлка монеты и т. п. могутъ быть судимы и наказуемы и послѣ окончанія войны, если они совершены военноплѣнными во время ихъ плѣна, ибо въ этомъ случаѣ наказуется не военноплѣнный, но иностранецъ, совершившій извѣстное правонарушеніе на территоріи даннаго государства. Поэтому, плѣнившее государство въ правѣ, даже послѣ заключенія мирнаго договора, за-

держать у себя подобныхъ военноплѣнныхъ, совершившихъ общее преступленіе до окончанія надъ ними слѣдствія и суда и до отбытія ими своего наказанія [204]).—Правда, въ мирныхъ договорахъ иногда встрѣчаются противуположныя постановленія, предписывающія договаривающимся сторонамъ отпустить на свободу изъ плѣна всѣхъ находящихся въ ихъ власти военноплѣнныхъ, не смотря на то, совершили-ли они какое-либо общее преступленіе или нѣтъ, но такая амнистія преступныхъ военноплѣнныхъ обыкновенно въ договоры новѣйшаго времени совершенно справедливо не включается, ибо преслѣдованіе преступленій общихъ въ интересахъ всѣхъ государствъ, и тотъ фактъ, что два государства находились временно во враждебныхъ отношеніяхъ, не долженъ вліять на существующее международное обязательство выдачи преступниковъ, или наказанія ихъ государствомъ, на территоріи и противъ котораго было совершено данное общее преступленіе. — Еще въ XVII столѣтіи практика войны постоянно допускала такое безусловное освобожденіе при заключеніи мира всѣхъ военноплѣнныхъ, безъ различія совершенныхъ ими преступленій, но, съ середины этого столѣтія и въ теченіи нынѣшняго, практика начинаетъ придерживаться выставленныхъ нами началъ [205]). По общему установившемуся на практикѣ обычаю, содержаніе военноплѣнныхъ съ момента ихъ юридическаго освобожденія изъ плѣна, до момента ихъ фактическаго доставленія до границъ ихъ отечества, а равно и на-

---

[204]) *Eichelmann* op. cit. s. 194. *Kirchenheim* Holz. Hndbch IV. S. § 175. s. 807—808—«(Beendigung des Krieges»—31 Stück)—*Blüntschli* § 713; 711 и особенно § 712 примѣч.

[205]) *Eichelmann* op. cit. s. 193.—Во время войны 1870—1871 г. съ нѣмецкой стороны было высказано требованіе, чтобы по заключеніи мира, тѣ изъ французскихъ военноплѣнныхъ, которые не отбыли еще назначенныхъ имъ нѣмецкими властями дисциплинарныхъ наказаній, могли-бы быть освобождены отъ плѣна только по ихъ отбытіи. Требованіе это, однако, вызвало протестъ французскаго правительства и единогласно признано авторами незаконнымъ. Только одинъ Кирхенгеймъ, въ Holz. Hndbch IV. S. старается оправдать его изъ практическихъ видовъ, но и тотъ признаетъ его въ принципѣ несправедливымъ.

блюденіе за ними для порядка въ этотъ промежутокъ времени беретъ на себя плѣнившая ихъ сторона.

C. Юридическое положеніе активныхъ комбатантовъ, интернированныхъ на территоріи нейтральнаго государства.

Кромѣ случаевъ раны, болѣзни и военнаго плѣна, можетъ представиться на войнѣ еще одинъ случай, вызывающій собой переходъ комбатантовъ изъ активнаго состоянія въ состояніе несопротивленія: это тотъ случай, когда часть комбатантовъ одной изъ воюющихъ сторонъ, благодаря случайностямъ войны, попадаетъ на территорію нейтральнаго государства.—Изъ самаго понятія о нейтралитетѣ слѣдуетъ, что: 1) нейтральное государство обязано не допускать на своей территоріи никакихъ враждебныхъ дѣйствій; 2) что оно является убѣжищемъ, охраняющимъ отъ военныхъ дѣйствій всѣхъ лицъ и вещи на ней находящіяся; и 3) что оно обязано не оказывать какого-либо содѣйствія одной изъ воюющихъ сторонъ въ ея военныхъ операціяхъ въ ущербъ другой [206]).—Поэтому, если какой-либо отрядъ войскъ одной изъ воюющихъ сторонъ, преслѣдуемый непріятелемъ, укроется на территоріи нейтральнаго государства, то это послѣднее обязано, съ одной стороны, не дозволить преслѣдователю перейти черезъ границу и продолжать свои военныя дѣйствія противъ отступающаго врага [207]), съ другой-же стороны, принявъ на свою территорію и подъ свою защиту преслѣдуемый отрядъ, нейтральное государство eo ipso обязуется передъ преслѣдователемъ не дозволить преслѣдуемому присоединиться къ своей арміи и вновь принять уча-

---

[206]) *Blüntschli* «Das moderne Völkerrecht» § 742—«Neutral heissen die Staten, welche weder Kriegspartei sind, noch zu Gunsten oder zum Nachtheil einer Kriegspartei an der Kriegsführung Theil nehmen»;—§ 756; § 769; § 777 *Мартенсъ* «Совр. межд. право» II стр. 542—543; *Geffken* «Die Neutralität» im Holz. Hndbch. IV. § 141; § 142.

[207]) *Blüntschli* op. cit. § 774 § 765; *Мартенсъ* l. c., *Geffken* op. cit. s. 662—это т. н. «право убѣжища»—Asylrecht—нейтральныхъ государствъ.

стіе въ войнѣ.—Поэтому, такое нейтральное государство въ правѣ и обязано разоружить укрывшійся на его территоріи отрядъ и интернировать на своей территоріи составляющихъ этотъ отрядъ комбатантовъ до окончанія войны [208]).—Это право и обязанность нейтральнаго государства вытекаетъ изъ его обязанности ни чѣмъ не оказывать какого-либо содѣйствія той, или другой воюющей сторонѣ въ ея военныхъ операціяхъ; дѣйствительно, допустивъ, что нейтральное государство укроетъ на своей территоріи отъ преслѣдованія непріятеля отрядъ войскъ одной изъ воюющихъ сторонъ и затѣмъ дозволитъ этому отряду присоединиться къ своей арміи, мы должны признать, что оно окажетъ существенную услугу военнымъ дѣйствіямъ этой воюющей стороны: преслѣдователь, можетъ быть, только благодаря вмѣшательству нейтральнаго государства не захватилъ въ плѣнъ, или не уничтожилъ весь преслѣдуемый отрядъ, а теперь, благодаря этому-же вмѣшательству онъ долженъ вновь подвергаться нападенію этого самаго отряда.—Итакъ, нейтральное государство, на территорію котораго попадаетъ, благодаря случайностямъ войны, часть войскъ одного изъ воюющихъ государствъ, обязано задержать этотъ отрядъ и подвергнуть его интернированію. Интернированные комбатанты, немедленно по ихъ вступленіи на территорію нейтральнаго государства, должны быть обезоружены и ихъ оружіе и военные запасы переданы въ руки правительства интернирующаго ихъ нейтральнаго государства, которое, однако, не имѣетъ права присвоить его себѣ, или передать другой воюющей сторонѣ, но обязано, по заключеніи мира между воюющими сторонами, вернуть въ цѣлости тому государству, къ чьей арміи принадлежатъ интернированные [209]).—

---

[208]) *Blüntschli.* op. cit. § 776; *Geffken.* op. cit. Holz Hndbch. IV § 142; *Guelle.* «Précis» I p. 271; *Rollin-Jacquemyns.* Revue 1871 pp. 352—362.

[209]) *Convention conclue entre la Suisse et le général francais, Clinchant.;* 1 Février 1871. art. 1° 2°: L'armeé française demandant à passer sur le territoire de la Suisse, déposera les armes, equipements et munitions en y pénétrant.—Ces armes, etc... seront restitués à la France après la paix... *Guelle.* «Précis» II annexe L.; *Blüntschli.* § 776.

Эта послѣдняя обязанность вытекаетъ изъ того, что нейтральное государство, какъ не участвующее въ войнѣ, не можетъ пользоваться военной добычей; разоруженіе интернированныхъ не есть дѣйствіе военное, но лишь предупредительная мѣра противъ возможнаго нарушенія правъ нейтральнаго государства интернированными комбатантами.—Цѣль интернированія, дать нейтральному государству возможность фактически выполнить всѣ свои обязанности нейтралитета; интернировавшее государство обязано строго слѣдить за тѣмъ, чтобы интернированные комбатанты не покинули мѣста своего интернированія и не присоединились-бы къ своей арміи; поэтому интернировавшее государство пользуется по отношенію къ интернированнымъ извѣстной властью, извѣстными правами, аналогичными съ правами и властью плѣнившаго государства надъ военноплѣнными. Хотя основанія правъ плѣнившаго государства и интернировавшаго совершенно различны [210]), но какъ тѣ, такъ и другія преслѣдуютъ одну ближайшую цѣль, препятствовать находящимся во власти и на территоріи даннаго государства иностраннымъ комбатантамъ принимать дальнѣйшее участіе въ веденіи военныхъ дѣйствій.—Сравнивая постановленія Брюссельской деклараціи, касающіяся юридическаго положенія интернированныхъ военноплѣнныхъ съ соотвѣтствующими постановленіями той-же деклараціи относительно юридическаго положенія военноплѣнныхъ, мы находимъ между ними большую аналогію: ст. 53 Брюсс. деклараціи такъ опредѣляетъ юридическое положеніе интернированныхъ на нейтральной территоріи комбатантовъ: „L'état neutre qui reçoit sur son territoire des troupes appartenant aux armées belligérantes, les internera autant que possible loin du théâtre de la guerre.—Il pourra les garder dans des camps et même les enfermer dans des forteresse ou dans des lieux apprропriés

---

[210]) *Bluntschli.* § 770 и § 771 говоритъ, что интернированье комбатантовъ воюющихъ сторонъ на территоріи нейтральнаго государства не есть мѣра военная, но мѣра политически-полицейская.

à cet effet.—Il décidera si les officiers peuvent être laissés libres en prenant l'engagement sur parole de ne pas quitter le territoire neutre sans autorisation". Ст 54: „A defaut de convention spéciale, l'état neutre fournira aux internés les vivres, les habillements et le secours commandés par l'humanité.—Bonification sera faite à la paix des frais occasionnées par l'internement". Слѣдовательно, интернированные на нейтральной территоріи комбатанты имѣютъ право на извѣстное содержаніе со стороны интернировавшаго ихъ государства, необходимое для сохраненія ихъ жизни и здоровья; интернировавшее государство имѣетъ право болѣе, или менѣе, смотря по необходимости, стѣснять ихъ личную свободу.—Равнымъ образомъ, изъ самыхъ мотивовъ интернированія можно заключить, что интернированные могутъ быть подчинены интернировавшимъ извѣстной дисциплинѣ и могутъ, въ случаѣ ея нарушенія, быть подвергнуты дисциплинарнымъ взысканіямъ.—Что интернировавшее государство имѣетъ право припуждать военноплѣнныхъ къ выполненію ими извѣстныхъ общественныхъ работъ и что часть заработка интернированныхъ можетъ быть зачисляема въ счетъ расходовъ на ихъ содержаніе, слѣдуетъ само собой изъ обязанности интернировавшего государства давать извѣстное содержаніе интернированнымъ; точно такъ-же и интернированные съ своей стороны, имѣютъ право на свободный трудъ, насколько онъ совмѣстимъ съ органиченіемъ ихъ личной свободы. Интернированные могутъ пользоваться, съ согласія интернировавшаго ихъ государства, полной свободой на территоріи этого государства, при условіи, что они обязуются честнымъ словомъ не пытаться бѣжать за его предѣлы. Что касается вопроса о томъ, имѣетъ-ли право интернировавшее государство отпускать интернированныхъ въ ихъ отечество подъ честнымъ словомъ, что они не будутъ принимать никакого участія въ военныхъ дѣйствіяхъ ведущейся войны, то этотъ вопросъ, насколько намъ извѣстно еще ни разу не подымался ни въ литературѣ, ни на практикѣ. Намъ казалось-бы, что онъ долженъ быть рѣшенъ отрицательно, такъ

какъ интернировавшее нейтральное государство, отпуская интернированныхъ на свободу на честное слово въ ихъ отечество, безъ согласія на то другой воюющей стороны, присвоеваетъ себѣ принадлежащее этой послѣдней право судить о совмѣстимости такого условнаго освобожденія интернированныхъ съ ея военными интересами. На практикѣ, подобныхъ случаевъ отпуска интернировавшимъ государства интернированныхъ подъ честнымъ словомъ въ ихъ отечество не встрѣчалось.— Относительно подсудности интернированныхъ такъже, до сихъ поръ, вопросъ, еще не былъ поднятъ въ литературѣ; намъ кажется, что подсудность эта должна быть такая-же, какъ и выставленная нами подсудность военноплѣнныхъ, т. е.: за преступленія чисто общія—гражданская, а за преступленія дисциплинарныя, даже если они связаны съ общимъ преступленіемъ—подсудность военнымъ законамъ интернировавшей страны.—Такъ-какъ комбатанты, вступая на территорію нейтральнаго государства, перестаютъ быть военными органами и превращаются въ иностранцевъ, то всѣ взятые этими комбатантами въ плѣнъ комбатанты противной воюющей стороны, освобождаются отъ военнаго плѣна, но такъ же подвергаются интернированью на тѣхъ - же основаніяхъ, на какихъ интернируются плѣнившие ихъ. — Согласно статьѣ 56 [211]). Брюссельской деклараціи, Женевская конвенція прилагается къ больнымъ и раненнымъ, интернированнымъ на территоріи нейтральнаго государства; — постановленіе это само собой вытекаетъ изъ духа Женевской конвенціи и особаго поясненія не требуетъ. — Первый случай примѣненія интернированья комбатантовъ воюющихъ сторонъ на территорію нейтральнаго государства en-grand, имѣлъ мѣсто во время войны 1870—1871 г., когда вся армія Бурбаки укрылась на Швейцарской территоріи и подверглась интернированью; равнымъ образомъ и послѣ битвы при Седанѣ, масса французскихъ военныхъ

---

[211]) Art. 56: «La Convention de Genève s'applique aux malades et blessés internés sur territoire neutre».

укрылась въ Бельгію и здѣсь была интернирована.—Подробное изложеніе этихъ двухъ примѣровъ интернированья комбатантовъ въ нейтральномъ государствѣ можно найти у Геля [212]).

Д) Обязанности воюющихъ сторонъ по отношенію къ мертвымъ комбатантамъ.

Обязанности воюющихъ сторонъ по отношенію къ мертвымъ комбатантамъ могутъ быть раздѣлены на обязанности, вытекающія изъ санитарныхъ соображеній—согласное требованьямъ гигіены погребеніе мертвыхъ,—и на обязанности ихъ по отношенію къ личности умершаго, оставшейся послѣ него семьѣ и имуществу. Что касается обязанности перваго рода, то слѣдуетъ сказать, что забота о здоровьѣ оставшихся въ живыхъ комбатантахъ и мѣстнаго мирнаго населенія налагаютъ на воюющія стороны обязанность, по мѣрѣ возможности, быстро убирать съ поля сраженія тѣла убитыхъ, погребать ихъ достаточно глубоко и дезинфецировать мѣсто сраженія [213]).—Послѣ сраженій при Вейсенбургѣ, Вёртѣ и Метцѣ, германскія военныя власти распорядились залить все поле сраженія известью, полить керосиномъ и зажечь; примѣръ этотъ вполнѣ заслуживаетъ подражанія. — Что касается обязанностей воюющихъ сторонъ по отношенію къ самой личности умершаго комбатанта, безъ различія къ которой изъ воюющихъ сторонъ онъ принадлежалъ, то, во-первыхъ, уваженіе къ личности павшаго на полѣ брани, и, во-вторыхъ, нравственно-религіозное чувство, обязываютъ воюющія стороны совершить приличнымъ образомъ и согласно обрядамъ христіанской религіи погребеніе убитаго и наблюдать за тѣмъ, чтобы его тѣло не подвергалось поруганію, какъ это часто имѣло мѣсто въ войну

---

[212]) *Guelle.* «Précis». II pp. 277—287.

[213]) *Lueder.* «La Convention de Genève» p. 273; 270—Conférence intern. de Paris 1867 art. 8.

1877—1878 со стороны Турокъ. Затѣмъ, война, будучи извѣстнымъ отношеніемъ государства къ государству, не должна вліять на частно-правовыя отношенія подданныхъ этихъ государствъ, а потому, гуманность и право требуютъ, чтобы воюющія стороны заботились о доставленіи семьямъ убитыхъ извѣстій объ ихъ смерти и охраняли оставшуюся послѣ умершаго частную собственность, какъ принадлежащую его наслѣдникамъ. Для достиженія второй цѣли необходимо устройство воюющими сторонами надежнаго полицейскаго надзора за полями сраженій, надзора, о которомъ мы уже имѣли случай говорить; для первой-же цѣли необходимо, прежде всего, чтобы воюющія стороны были въ состояніи констатировать личность убитаго. Лучшимъ способомъ для этого служатъ во-первыхъ ношеніе всѣми комбатантами на груди дощечки (plaque d'identité) съ указаніемъ имени, отчества, фамиліи, мѣста постояннаго жительства или мѣсто родины и номера полка [214]); во вторыхъ, осмотръ военнымъ начальствомъ воюющихъ сторонъ поля сраженія, собраніе имъ дощечекъ съ именами убитыхъ, составленіе по этимъ дощечкамъ списка убитыхъ той и другой національности и сообщеніе этихъ списковъ отечеству убитыхъ [215]).—Благодаря такимъ мѣрамъ уменьшится огромное количество безъ вѣсти пропавшихъ, явленіе постоянное во время войны и весьма прискорбное въ отношеніи вносимыхъ имъ въ частно-правовыя отношенія затрудненій и путаницы, а такъ-же и въ отношеніи печальнаго и тяжелаго положенія семьи безъ вѣсти пропавшаго. Въ числѣ положеній, выставленныхъ Парижской международной конференціей 1867 г., а такъ-же и во время преній на Женевскомъ конгрессѣ 1868 и на Брюссельской конференціи 1874 [216]), мы находимъ высказанныя подобнаго рода требованія: статья 8 проекта Парижской конференціи 1867 г.

---

[214]) См. объ этихъ plaques d'identité у *Guelle*'я «Precis» I Annexe B.

[215]) См. *Guelle*. «Precis» I. p. 183—186 *Lueder*. «Convention de Genéve» p. 270—272.

[216]) Actes de la Conférence de Bruxelles p. 19.

гласитъ: „L'armée victorieuse a le devoir de surveiller autant que les circonstances le permettent, les soldats tombés sur le champ de bataille, pour les préserver du pillage et des mauvais traitemens, et d'enterrer les morts, en se conformant strictement aux prescriptions sanitaires.—Les puissances contractantes prendront soin qu'en temps de guerre chaque militaire soit muni d'un signe uniforme et obligatoire propre à établir son identité. Ce signe indiquera son nom, son lieu de naissance, ainsi que le corps d'armée, le régiment et la compagnie auxquels il appartient. En cas de décès, ce document devra être retiré avant l'inhumation et remis à l'autorité civile ou militaire du lieu de naissance du décédé".

III. Случаи, когда на войнѣ за активными комбатантами признается обѣими воюющими сторонами право личной неприкосновенности.

Мы уже указывали выше [217]), что главной отличительной чертой комбатанта отъ не комбатанта является то обстоятельство, что всякій активный комбатантъ, пока онъ не приведенъ въ пассивное состояніе, лишенъ по отношенію къ непріятелю права личной неприкосновенности, т. е. онъ можетъ безнаказанно и на законномъ основаніи быть раненъ, убитъ, или взятъ въ плѣнъ. Однако, могутъ быть случаи на войнѣ, когда, или всѣ активные комбатанты обѣихъ воюющихъ сторонъ, или часть ихъ, или, наконецъ, отдѣльныя личности, принадлежащія къ числу военныхъ одной изъ воюющихъ армій, могутъ на время быть признаны обѣими воюющими сторонами неприкосновенными. Это бываетъ, или при временныхъ перемиріяхъ заключающихся между воюющими сторонами, или когда отдѣльныя лица одной изъ воюющихъ сторонъ выступаютъ съ согласія обѣихъ ихъ въ качествѣ посредниковъ для веденія между

---

[217]) См. I глава стр. 177.

этими воюющими сторонами какихъ-либо переговоровъ, или для сообщенія какого-либо извѣстія, узнать которое выгодно для обѣихъ воюющихъ армій.—Хотя въ принципѣ война и нарушаетъ всѣ мирныя сношенія между воюющими сторонами, но иногда необходимо въ ихъ общихъ интересахъ и даже въ интересахъ самой цѣли войны, чтобы эти мирныя сношенія временно возобновились; такъ, это бываетъ необходимо для веденія переговоровъ между желающей сдаться въ плѣнъ арміей, или гарнизономъ крѣпости и враждебной арміей, для взаимной выдачи раненныхъ и убитыхъ, для сообщенія какого-либо важнаго политическаго событія, могущаго повліять на скорѣйшее возстановленіе мира и т. п.—Для такого рода переговоровъ употребляются обыкновенно посредники, взятые изъ числа комбатантовъ той-же арміи и называющіеся *парламентерами*. Парламентеръ, конечно, можетъ дѣйствовать только съ взаимнаго согласія обѣихъ сторонъ, а такъ-какъ это согласіе всегда зависитъ отъ доброй воли соглашающихся воюющихъ сторонъ, то нельзя вообще сказать, чтобы воюющая сторона была обязана принять посылаемаго ей другой стороной парламентера, и всегда можетъ отказаться принять его. Такъ по крайней мѣрѣ, смотритъ Брюссельская декларація [218]) и всѣ авторы [219]), писавшіе о правѣ войны.—Однако, мы съ этимъ мнѣніемъ не вполнѣ согласны: общепризнанно, какъ теоріей, такъ и практикой, что воюющія стороны не имѣютъ права отказывать въ пощадѣ сдающемуся врагу [220]), если только

---

[218]) *Decl. de Brux.* 44. 1. «Le chef auquel un parlementaire est expédié n'est pas obligé de le recevoir en toutes circonstances et dans toutes conditions».—Nb.—Это «en toutes circonstances» наводитъ на мысль, что и Брюссельская декларація признаетъ извѣстныя обстоятельства и условія, при которыхъ пріемъ парламентера обязателенъ.

[219]) См. наприм. *Bluntschli.* op. cit. § 682; *Lueder.* «Hlzd. Hndbch. IV. § 104 s. 422; *Guelle.* «Précis» I. p. 229—230; *Hall.* «International Law.» § 190; *Amer. Instr.* art. III. *Mannuel.* art. 29, *Мартенсъ.* «Совр. Межд. Право» II стр. 523 *Fiore.* op. cit. III. § 1378. *Lentner.* «Das Recht im Kriege» s. 135.

[220]) См. выше стр. 258.

этотъ врагъ признается за законнаго комбатанта [221]); поэтому, если парламентеръ посылается одной изъ воюющихъ сторонъ къ другой во время сраженія съ просьбой прекратить бой и принять посылающихъ его комбатантовъ въ плѣнъ, то другая воюющая сторона обязана его принять; для этого, однако, необходимо еще одно условіе, именно, чтобы посылающая парламентера воюющая сторона сама тотчасъ-же прекратила-бы враждебныя дѣйствія и этимъ дала-бы понять непріятелю, что она долѣе не можетъ сопротивляться и желаетъ сдаться ему въ плѣнъ. Если послѣ такой манифестаціи мирныхъ своихъ намѣреній эта воюющая сторона вновь перейдетъ къ враждебному поведенію, то другая воюющая сторона въ правѣ разсматривать такое дѣйствіе, какъ злоупотребленіе парламентерскимъ флагомъ и наказать это правонарушеніе какъ на личности парламентера, такъ и на всѣхъ комбатантахъ воюющей стороны, совершившей это правонарушеніе и можетъ отказать имъ въ правахъ законныхъ комбатантовъ. Если такая воюющая сторона вторично въ томъ-же сраженіи пошлетъ другого парламентера, то въ этотъ разъ онъ, конечно, можетъ быть не принятъ.—Замѣтимъ здѣсь кстати, что въ виду того, что посылка парламентеровъ очень часто бываетъ необходимой во время самаго боя для прекращенія его и для объявленія непріятелю, что посылающая парламентера армія, или отрядъ сдаются, нельзя согласиться съ Гелемъ, который утверждаетъ, что принятіе парламентера во время боя можетъ быть допущено только въ видѣ рѣдкаго исключенія [222]); такое мнѣніе, какъ намъ кажется, противорѣчитъ правилу, что сдающемуся не можетъ быть отказано въ пощадѣ. Такъ-какъ парламентеръ дѣйствуетъ всегда съ согласія обѣихъ воюющихъ сторонъ и такъ-какъ, если даже онъ и принадлежитъ къ числу комбатантовъ одной

---

[221]) Мы лично, даже и въ этомъ случаѣ, считаемъ, что отказа въ пощадѣ быть не можетъ, ибо всякій нелегальный комбатантъ, или комбатантъ, нарушившій свои обязанности права войны можетъ быть наказанъ не иначе какъ по суду.

[222]) См. *Guelle.* »Précis« I. p. 229.

изъ воюющихъ сторонъ, дѣйствуетъ не враждебно, а дружелюбно и обыкновенно, въ интересахъ обѣихъ воюющихъ сторонъ, то личность его должна быть неприкосновенна [223]). Неприкосновенность эта необходима, кромѣ того, и для того, чтобы было возможно самое исполненіе парламентеромъ возложеннаго на него порученія. Поэтому парламентеръ не можетъ быть взятъ въ плѣнъ и не можетъ быть намѣренно ни убитъ, ни раненъ. На основаніи этой необходимости неприкосновенности парламентера и права его на неприкосновенность, обѣ воюющія стороны, если только та изъ нихъ къ которой онъ посланъ, согласна его принять, обязаны при появленіи парламентера прекратить стрѣльбу.—Съ цѣлью дать возможность непріятелю отличить посланное лице, какъ парламентера, отъ остальныхъ комбатантовъ, принятъ слѣдующій обычай: парламентеръ ѣдетъ, или идетъ съ бѣлымъ флагомъ (парламентерскимъ) въ рукѣ; рядомъ съ нимъ горнистъ, или барабаньщикъ, чтобы звукомъ трубы привлечь вниманіе противника; если парламентеръ верхомъ, то онъ долженъ ѣхать шагомъ, дабы непріятель могъ его хорошенько разглядѣть. Если согласіе на принятіе парламентера дано, то онъ вводится въ непріятельскія линіи, или лагерь съ завязанными глазами; трубачъ и, если въ томъ есть надобность, переводчикъ, единственныя лица, которыя могутъ его сопровождать, но такъ-же съ завязанными глазами. Повязка снимается только тогда, когда парламентеръ приведенъ къ тому военному начальству, которому онъ долженъ передать возложенное на него порученіе. По исполненіи этого порученія, парламентеръ съ тѣми-же предосторожностями выводится за непріятельскія линіи и долженъ немедленно удалиться и, непремѣнно, шагомъ. Съ

---

[223]) *Decl. de Brux.* art. 43: Est considéré comme parlementaire, l'individu autorisé par l'un des belligérants à entrer en pourparlers avec l'autre et se presentant avec le drapeau blanc, accompagné d'un trompette (clairon ou tambour) ou aussi d'un porte-drapeau. Il aura droit à l'inviolabilité ainsi que le trompette et le porte drapeau qui l'accompagnent».—*Blüntschli.* § 681: *Lueder.* Hlzd Hndbch. IV 422, *Manuel.* s. 27, 28 *Guelle.* «Précis» I p. 225.

момента принятія парламентера одной изъ воюющихъ сторонъ объ стороны обязаны воздерживаться отъ враждебныхъ дѣйствій и это до того момента, пока парламентеръ не вернется къ пославшей его воюющей сторонѣ. Парламентеръ пользуется въ непріятельскомъ лагерѣ и внѣ его, пока онъ не достигнетъ своей арміи, правомъ полной личной неприкосновенности, но это только въ томъ случаѣ, если онъ самъ выполняетъ свои обязанности; въ противномъ-же случаѣ, если онъ явно нарушаетъ ихъ, принявшая парламентера воюющая сторона имѣетъ право обратиться съ нимъ какъ съ врагомъ и при томъ вѣроломнымъ, наприм. какъ съ шпіономъ, и парламентеръ теряетъ свое право неприкосновенности, такъ-какъ онъ изъ мирнаго посланнаго превращается въ активнаго врага и кромѣ того нарушаетъ святость парламентерскаго флага, этого своего рода честнаго слова, даваемаго воюющей стороной его пославшей въ томъ, что онъ приходитъ лишь съ мирнымъ намѣреніемъ. Если принявшая парламентера воюющая сторона въ видахъ собственной безопасности, именно когда парламентеръ, не нарушая вполнѣ и явно своихъ обязанностей злоупотребитъ ими для какихъ-либо важныхъ наблюденій, найдетъ необходимымъ временно задержать его, она можетъ это сдѣлать [224]), но не причиняя ему дальнѣйшаго вреда. Парламентеръ обязанъ исполнить возложенное на него порученіе, не нарушая ни на минуту своего миролюбиваго характера, особенно не стараясь шпіонить и не служа посредникомъ для измѣны, или заговора. Воюющая сторона имѣетъ право объявить, что она не будетъ принимать парламентеровъ въ те-

---

[224]) *Decl. de Brux.* art. 44. 2. «Il lui est loisible de prendre toutes les mesures nécessaires pour empêcher le parlementaire de profiter de son séjour dans le rayon des positions de l'ennemi au préjudice de ce dernier, et si le parlementaire s'est rendu coupable de cet abus de confiance, il a le droit de le retenir temporairement».—Art. 45 «Le parlementaire perd ses droits d'inviolabilité, s'il est prouvé d'une manière positive et irrécusable qu'il a profité de sa position privilégiée pour provoquer ou commettre un acte de trahison».—См. цитированные мѣста различныхъ авторовъ въ началѣ отдѣла.

ченіи извѣстнаго времени [225]); это есть своего рода репресалія и хотя она и допускается теоріей и практикой, но мы думаемъ, что было-бы справедливѣе и гуманнѣе её не примѣнять, ибо во многихъ случаяхъ такого рода отказъ въ принятіи парламентеровъ равносиленъ отказу въ пощадѣ сдающемуся врагу.

Обычай признавать неприкосновенность парламентеровъ былъ признаваемъ еще въ глубокой древности, тѣмъ не менѣе нарушенія его встрѣчаются довольно часто даже въ наше время. Во время франко-прусской [226]) и турецкой войны [227]) было нѣсколько подобныхъ случаевъ, хотя нельзя сказать, чтобы всѣ они были намѣренные, иногда они случались благодаря тому, что парламентеръ не былъ во время замѣченъ, или самъ чѣмъ-либо вызывалъ это нарушеніе, наприм., удаляясь вскачь отъ непріятельской линіи.

Что касается перемирій, то они заключаются воюющими сторонами для различныхъ цѣлей, главнымъ-же образомъ для размѣна плѣнныхъ, или раненныхъ, для уборки убитыхъ и раненныхъ съ поля сраженія и т. п. Перемирія могутъ быть мѣстныя, заключенныя между двумя данными отрядами воюющихъ сторонъ, или общія между всѣми войсками ихъ. Въ первомъ случаѣ, на все время перемирія, всѣ комбатанты обоихъ отрядовъ, а во второмъ, и обѣихъ армій пользуются правомъ личной неприкосновенности.—Наконецъ, воюющія стороны могутъ, смотря по необходимости, признать за извѣстнымъ лицемъ, принадлежащимъ къ непріятельской арміи право безпрепятственнаго проѣзда черезъ свои линіи и временное

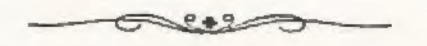
---

[225]) *Decl de Brux.* art. 44. 3 «Il peut également déclarer d'avance qu'il ne recevra pas de parlementaires, pendant un temps déterminé. Les parlementaires qui viendront à se présenter après une pareille notification, du côté de la partie qui l'aurait reçue, perdraient le droit à l'inviolabilité.

[226]) Guelle. «Précis» I p. 225—226; 228 примѣч.

[227]) Мартенсъ. «Восточная Война» стр. 470.

право личной неприкосновенности, и выдать имъ для этого особые личные и временные виды. Это т. н. свободные пропуски (sauf-conduit).

Цѣна 2 руб.

2007231399

